

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

В САНТИМЕТРЕ ОТ СМЕРТИ

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

В САНТИМЕТРЕ ОТ СМЕРТИ

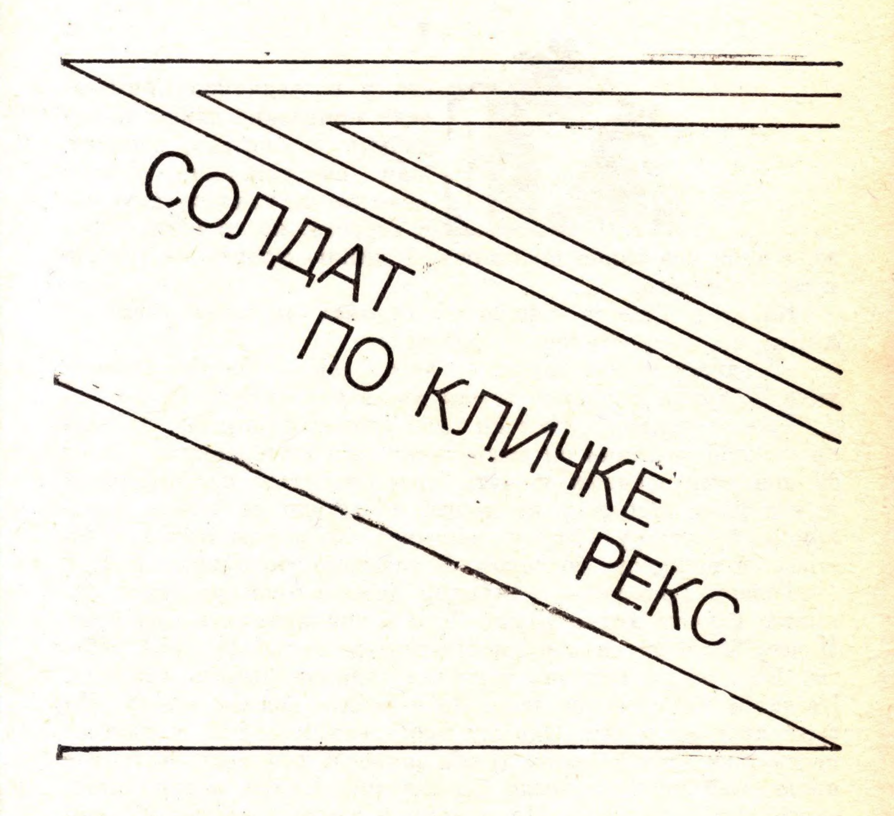
Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1994

ББК 84Р7
С64

С $\frac{4702010201-003}{068(02)-94}$ 121—92

ISBN 5—203—00987—2

*

РОМАН

I

Есть у разведчиков примета: если приказано любой ценой добыть «языка», значит, жди наступления. А если «языка» не удалось взять ни с первого, ни со второго раза, а тебя все равно посылают за линию фронта — тут уж и гадать нечего.

Капитан Громов нервно поглядывал на часы и прикидывал, сколько осталось до рассвета.

«В запасе минут сорок, — думал он. — На той стороне тихо. Ширина ничейной земли восемьсот метров. Успеют...»

Громов закурил. Как ни слаб огонек папиросы, но после каждой затяжки он высвечивал резко очерченные скулы со впалыми щеками и чуть приплюснутый нос. Капитан курил одну папиросу за другой и методично тюкал кулаком по брустверу. Старая привычка. До войны Виктор Громов был неплохим боксером. В разведке это пригодилось.

Теперь Громов — командир дивизионной разведки. За линию фронта ходит редко. Зато в подчинении целая рота. И всех надо обучить премудростям разведывательной работы. Еще вчера капитан получил задание добыть «языка». Не такое уж сложное дело. Да и ребята ходили тертые. Но вернулись ни с чем. Одному прострелили плечо. У другого не хватает двух пальцев. И оба заявили, что, если бы не тот проклятый пес, все было бы хорошо. Немца взяли чисто, связали и поволокли. На ничейной земле догоняет их здоровенная собака, хватает за руку — и пальцев как не было. Удалось, правда, шибануть ее прикладом. Пока собака приходила в себя, отползли за бугорок. К тому же немцы врубили прожектор — и давай чесать из пулемета. Как ни старались прикрыть «языка», его убило.

Сегодня пошли четверо. На всякий случай набрали махорки, чтобы припорошить следы. Время шло. В бруствере образовалась довольно глубокая ямка, а Громов все так же

методично всаживал в нее кулак. И вдруг грохнул взрыв!

Тут же темноту ночи распороли автоматные очереди. Над полем повисли ракеты.

Громов высунулся и сразу все понял. Немецкие пулеметы били по вершине небольшого холма. А чтобы вернуться домой, ребятам надо обязательно перевалить через этот бугор. Другого пути нет. Значит, их обнаружили, отрезали огнем отходы и, само собой, попытаются взять в плен.

— Где саперы? — крикнул Громов в глубину траншеи.

— Здесь, товарищ капитан! — выросли из темноты двое.

— Картина ясная? — Он кивнул в сторону холма. — Надо сделать проход в минном поле правее высотки и вывести ребят.

Минут через двадцать саперы вернулись. За ними ползли двое разведчиков. На плащ-палатке тащили третьего.

— Что с ним? — спросил Громов.

— Ранен,— бросил старшина.— В живот Седых. А Сидоренко, скорее всего, убит.

— Та-а-ак! — крякнул с досады Громов. — Опять осечка.

— Никак нет, осечки не было, — обиделся старшина.— Ефрейтор Мирошников, доложите, как было дело. Я командовал группой прикрытия, так что всего не видел, — пояснил он Громову.

Худощавый остролицый ефрейтор сидел на земле и пытался снять сапог. Яловая кожа разбухла, стала скользкой, местами была порвана. Как ни старался ефрейтор, но сапог снять не мог. Он остервенело срывал сапог, а тот сидел как влитой.

— Братцы, — взмолился он, — рваните кто-нибудь! — Ему бросились помогать. — Вот так. Посильней! Тише ты, медведь таежный, ногу оторвешь. Уф-ф-ф! Так и есть, прокусил, сволочь. Насквозь прокусил! Глядите, нога как у тигра в пасти побывала — живого места нет.

— Ефрейтор Мирошников, — строго сказал капитан.— Что вы там мелете? Какие еще тигры? Доложите, почему не взяли «языка»!

— Почему не взяли?! «Языка» мы взяли. Офицера. Вели его по воде, ползли по болоту. Высыпали всю махорку. А у минного поля опять догнала собака. Черт ее знает, откуда взялась эта зверюга! Мне прокусила ногу, Сидоренко — руку. Ножом не достать — верткая, как ужака, а стрелять нельзя. Когда подоспели немцы, пес залег. Ладно,

саперы выручили, а то бы нам не уйти. Когда отходили, опять наткнулись на эту собаку. С ней — двое фрицев. В тыл зашли, сволочи. Так что мы сами чуть не стали «языками». Немцев мы перебили и совсем было ушли, да проклятущий пес вцепился в Сидоренко. Тот ненароком привстал и попал под пулеметную очередь. Нас опять накрыли. Пришлось бросить офицера и удирать. Правда, мы его так связали, что никуда не денется. К тому же сунули в воронку: сам он оттуда ни за что не выберется. А с собакой я рассчитался — полдиска всадил!

— Ясно! — бросил Громов. — Обстановочка — ни к черту. Санинструктора ко мне!

— Я здесь! — вынырнула из глубины траншеи девушка в кокетливо надетой пилотке.

Громов заметил и пилотку, и у-образный шрам над переносицей, и выщипанные, тонко подведенные брови. Недовольно поморщившись, приказал:

— Младший сержант Орешникова, пойдете с саперами. Если Сидоренко жив, окажете помощь на месте, если нет — волоките сюда. Но Сидоренко найти! Живым или мертвым! — жестко закончил он. — Выполняйте! А мы — за офицером, — обернулся он к Мирошникову. — Показывай дорогу.

Кряхтя и чертыхаясь, Мирошников с трудом натянул сапог и молча перелез через бруствер.

Офицера нашли быстро. Разведчики потащили его, а саперы — Сидоренко. Капитан полз последним. Вдруг он услышал глухое рычание. Замер. Прислушался. Тишина. Снова пополз — и снова рычание. Неожиданно взлетела ракета, но еще раньше Громов заметил воронку и скатился вниз. В тот же миг на рукаве клацнули зубы.

Не так уж долго висела ракета, но Громов успел разглядеть того самого пса. Большой. Черный. Весь в крови. Передние лапы перебиты. Из воронки ему не выбраться. Там бы и сдох. Но рядом оказался враг, и собака нашла силы вцепиться в него мертвой хваткой.

Рукояткой пистолета Громов разжал зубы. Приставил дуло к окровавленной морде. Подумал. Достал ремешок, крепко связал пасть, накинул на грудь петлю, выбрался из воронки и потащил собаку за собой. Поначалу она пыталась вырваться, но полоса крови становилась все у́же, а рывки слабее.

«Уходят последние силы, — подумал Громов. — Жалко. Тоже ведь «язык», хоть и бессловесный. И как это мы не догадались натаскать хоть какую-нибудь дворняжку?! Хо-

рошая собака в нашем деле дорого стоит. Такую собаку воспитывают годами. Стоп! А что, если этого фашиста передрессировать? Вот было бы дело! Только сдохнешь ты, проклятая псина. Как пить дать, сдохнешь».

Собака временами приходила в себя, слабо поскуливала, но, почуяв чужого, рычала и как могла сопротивлялась. Когда Громов останавливался и поводок ослабевал, собака поворачивалась мордой на запад и пыталась ползти к своим.

— Дрессировочка! — восхищался капитан.

Когда Громов свалился в траншею и втащил здоровенного пса, все так и ахнули.

— Это еще зачем?

— Что, тот самый?

— Ну и зверюга!

— Сколько, зараза, наших погубил! Пристрелить его немедленно!

— Там уж стрелять-то некуда — и так весь в дырках.

— Я найду!

— Отставить! — отрубил Громов. — Ефрейтор Мирошников, ваша работа?

— Так точно.

— Полдиска? А он дышит. И даже за рукав цапнул! Тащите в мой блиндаж, там разберемся.

Освободился Громов часа через три. По дороге из штаба заглянул в медсанбат, рассказал о своем пленнике, и вместе с хирургом они отправились в блиндаж.

— Ты смотри! — удивился Громов. — Живого места нет, а дышит. С такой собакой стоит повозиться.

— Зачем? На кой черт собака-инвалид?

— Хотя бы для потомства. Ты смотри, какой рост, какая грудь! А ноги! На таких поджарых ногах можно пробежать километров тридцать. Пес еще молодой: шерсть гладкая, шелковистая, да и зубы белые. Ему года три — не больше.

— Не болтай чепуху! — взорвался врач. — На этих поджарых ногах он догонял наших ребят, а белыми клыками одних калечил, других убивал. По-дружески прошу, пристрели — и делу конец! Да с такими ранами он не жилец, как врач говорю.

— В принципе ты, конечно, прав, — вздохнул Громов. — Но ведь... Был у меня до войны друг — соперник на ринге. Он служил в милиции проводником сыскной собаки. Коечему я у него научился. Ты не представляешь, что́ может сделать хорошо дрессированная собака! Взять хотя бы эту.

Ведь какие ребята ходили за «языком», а пес их обнаруживал. Поставишь собаку на ноги, попробую передрессировать. Не удастся — можно и пристрелить.

— Ну и темный же ты мужик! — не успокаивался врач. — Ты хоть представляешь, что такое рефлексы первого и второго порядка? Думаешь, в благодарность за тушенку пес начнет ловить фрицев? Черта с два! Первое, что он сделает, — перегрызет тебе глотку.

— Это уж моя забота. Главное — поставь на ноги.

— Ну, смотри, Виктор, я тебя предупредил. Возьми-ка бинт и свяжи пасть, а то в агонии может так хватануть...

После осмотра врач заявил, что собаке осталось жить с полчаса, но если Громов настаивает, он может вправить суставы и наложить гипс. Можно также промыть все восемь ран, к счастью, они сквозные, и сделать пару стрептоцидных уколов.

— Пошли кого-нибудь за Машей, — попросил он. — Пусть принесет мою сумку. Да и без ассистента не обойтись.

Когда Маше сказали, что доктор Васильев велел взять его сумку и на всех парах нестись в блиндаж капитана Громова, она так и осела. «Неужели что-то с Виктором? Неужели он промолчал о ранении и теперь исходит кровью?.. С него станется, он такой: молчит и зыркает своими синими глазищами. Господи, а как они голубеют, когда...» У Маши сладко заныло под сердцем. Эх, война-злодейка! Кому горе и разлука, а ей — любовь.

Любовь... Маша даже улыбнулась, вспомнив, как они познакомились, причем, сами того не ведая, второй раз. Позже, гораздо позже это выяснилось, но тогда... Нет, этот день не забыть до самой березки. В Сталинграде добивали Паулюса. Немцы сопротивлялись отчаянно. Гвардейскому полку, в котором воевала Маша, предстояло преодолеть сорок километров. Так вот гвардейцы шли их три недели! Скольких раненых спасла тогда Маша!

Но у какого-то полуразрушенного здания задело и ее — осколочное ранение в живот и в голову. От потери крови, пронизывающего ветра и мороза Маша превратилась в ледышку, к тому же была без сознания. Очнулась, когда кто-то пытался снять с нее валенки — они примерзли к ногам. Открыла глаза — все видится розовато-красным. Натопленный подвал. За стеной — шум боя. Незнакомый старший лейтенант осторожно стаскивает с нее валенки.

— Разрежьте, — чуть слышно шепнула Маша.

— Ожила! — обрадовался офицер. — Молодец! Умница! Ноги целы, ты не волнуйся, просто валенки жалко.

— А глаза?! Что с глазами?!

— А что глаза? В порядке глаза! — преувеличенно бодро сказал он. — Это кожа. Понимаешь, тебя по лбу царапнуло. Ничего особенного, просто лоскут кожи отсекло: он-то и мешает смотреть. Не трогай! Я сам! Малость оттает, кожа размякнет — и я посажу ее на место. А про живот не думай, рана пустяковая. До свадьбы заживет.

— Нет, старлей, не заживет, — слабо улыбнулась Маша.

— Как это не заживет?! Обязательно заживет! Разведка все знает — и про прошлое, и про будущее! — хохотнул спаситель, сверкнув синими глазами.

— Была уже... свадьба, — вздохнула Маша. — И слава богу, что была. А то бы кто меня взял, такую... уродину. Ни бровей, поди, ни лба не осталось. Нос-то хоть есть? — пыталась шутить, дрожа от страха, Маша.

Офицер наклонился к самому лицу, осторожно снял кроваво-ледяную корку, приподнял лоскут кожи и посадил его на старое место. Потом умело наложил повязку. Но Маша уже ничего не чувствовала — она снова потеряла сознание. Последнее, о чем она подумала, — знакомые глаза. Где-то она их видела. Вот только где? Да разве всех упомнишь? Сколько раненых прошло через ее руки, сколько видела глаз — умоляющих, сухих, злых, плачущих, подернутых пеленой смерти. Но цвет? Нет, на цвет она не обращала внимания. «Не ври, Машка, — сказала она самой себе,— раз запомнила — значит, обратила...» В госпитале она попыталась узнать, что за старший лейтенант вытащил ее из-под обстрела и оказал первую помощь, но этого никто не знал.

И вот теперь ее спаситель истекает кровью в блиндаже, а она, как девчонка, вспоминает подробности первого свидания. Маша схватила сумку и выскочила наружу. Бежала что было сил, но когда распахнула дверь, от возмущения и радости потеряла дар речи. Громов и Васильев потягивали из кружек чай и, от души смеясь, рассказывали анекдоты.

— С ума посходили, — выдавила она. — Мальчишки...

Маша хотела сесть на топчан и тут же по-девчоночьи отчаянно завизжала.

На тюфяке лежал здоровенный окровавленный пес. Было видно, что он беспомощен и вообще не жилец, но даже сейчас собака внушала страх. Кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» младший сержант Мария

Орешникова отскочила в противоположный угол и опустилась прямо на пол.

— В-вы что?! Т-ты что?! — дрожащим голосом сказала она. — Откуда здесь эта тварь?! — зашлась в скандальном крике Маша. — Неужели это та самая гадина, которая калечила наших ребят?! Сколько парней пропало! И каких парней! Разведчики же! Один пятерых стоит! Я заметила, я заметила, как бережно ты тащил этого ублюдка! — сузила она глаза на Виктора. — Я — убитого Сидоренко, а ты — фашистскую падаль, из-за которой он погиб. Ну и что теперь?

Виктор давно привык к резким переменам в настроении Маши. Правда, он не понимал, в чем причина, но старался объяснить тем, что на войне и мужики-то частенько теряют самообладание, а женщине куда труднее. К тому же Маша не телефонистка и не госпитальная медсестра, которые и немцев-то живых не видели. Маша все время на передовой, все время под огнем. Как ни берегут солдаты девчонок-санинструкторов, а достается им по первое число: вытаскивать здоровенных мужиков из-под обстрела, перевязывать их, утешать, отстреливаться от немцев — это, конечно, не делает характер мягче.

Как мог, Виктор успокаивал Машу, частенько обращал ее гнев в шутку. Потом она, как правило, винилась, становилась еще более ласковой и нежной, как бы стараясь загладить свои выходки. Но раньше все их размолвки происходили без свидетелей. На людях же Маша была предупредительной и сдержанной. А тут вдруг прорвало, да еще при ее начальнике и друге Виктора — хирурге Васильеве! Прямо-таки семейная сцена.

Доктор Васильев, как, впрочем, и почти вся дивизия, хорошо знал об отношениях Маши и Виктора, втайне завидовал им и втайне не одобрял. Почему — знал он один, но до поры до времени молчал.

— Ну вот что, младший сержант Орешникова! — строго сказал капитан Васильев, решив, что пора выручать друга. — Истерику кончайте — и за дело! Эта собака — ищейка, и ищейка классная. Поэтому она представляет интерес для разведки. Какой именно, не нашего ума дело. Наше дело как пленному немцу, так и пленной собаке оказать медицинскую помощь. Так что готовьте шприц, бинты, стрептоцид, камфару и все остальное. Будем оперировать!

— Оперирова-ать?! — вскочила Маша. — И я должна ассистировать?!

— Да! — жестко сказал доктор. — Спирт! Быстро мыть руки — и за дело. Посторонних попрошу удалиться, — обернулся он к Виктору.

Громов выскочил из блиндажа. Деланно спокойным шагом он ходил туда-сюда по ходу сообщения, так же деланно спокойно курил и костерил себя на все лады. «На кой черт связался с этой собакой?! Жил себе, как все, воевал не хуже других. Друзья есть, даже любимая девушка — не такой уж частый подарок судьбы на фронте — и то была. Стоп, почему была? Есть! Никуда не делась Маша: жива-здорова и возится с моей собакой. С моей? Интересно, с чего это я взял, что она моя? Никакая она не моя! Немецкая овчарка есть немецкая овчарка, и не только по породе, но и по принадлежности. Маша права, эта псина загубила немало наших ребят, а я, как последний дурак, приволок зверя в свой блиндаж. Да еще уложил на топчан! Понятно, почему Маша так разозлилась: уложить фашистского пса на тюфяк, который она сама набивала сухой травой. Тут любой раскипятится... Нет, придется собаку пустить в расход, не ссориться же в самом деле из-за нее с Машей да и со всей ротой. Решено!» Резким ударом каблука Виктор вдавил окурок в землю и скатился в блиндаж. С чего начать, Виктор уже придумал и поэтому, распахнув дверь, чуть ли не рявкнул:

— Кончайте эту богадельню! Меньшой брат только тогда брат, когда он — наш брат! А фашист — всегда фашист, даже если он слон или собака!

Васильев и Маша непонимающе переглянулись. Маша деловито собирала инструменты, хирург, довольный хорошо сделанной работой, блаженно щурился, потирая онемевшую шею: доктор был высок, а блиндаж низковат. Перебинтованная собака лежала спокойно и мирно посапывала.

— Ты что, под обстрел попал? Или от начальства взбучку получил? Да-а, а работенку твой Мирошников задал нам хорошую. Но мы, лучшие на всем фронте специалисты по четвероногим, с задачей справились блестяще! От лица службы объявляю благодарность младшему сержанту Орешниковой: она работала так самоотверженно и с таким знанием дела, что ни разу вместо зажима не подала скальпель, — балагурил доктор.

— Да ну вас, — улыбалась Маша, — вечно вы подначиваете. Я и сама знаю, что операционная сестра из меня неважная. Мое дело — бинтовать да вытаскивать из-под огня.

— Не скромничайте, Мария Владиславовна. Ведь вы же бывшая студентка мединститута, да еще одного из лучших на Урале.

— Свердловский мединститут действительно один из лучших, и не только на Урале, но и во всей России, — ревниво заметила Маша. — Но я-то училась на стоматологическом, и всего два года. Хотя зуб вырвать могу, даже глазной. И почти без боли. Нет, я серьезно, — обиженно продолжала Маша, отвечая на ироничную улыбку доктора. — Профессор не раз говорил, что у меня легкая рука.

Виктор сидел на чурбаке и ничего не понимал. Васильев и Маша болтали о всякой ерунде, будто ничего не произошло, будто полчаса назад здесь не было самого настоящего скандала. И что удивительно, они будто не замечали Виктора. Громов ничего не понимал, хотя сам, возвращаясь с «той стороны», вел себя так же. Его и ребят, с которыми он ходил в разведку, связывали какие-то невидимые узы, какое-то особое братство. Получая документы и награды, которые обязательно сдавали перед выходом на «ту сторону», ребята незлобиво подшучивали друг над другом, предлагали сложить все ордена и медали в одну шапку и разделить поровну, так, как только что делили поровну смертельный риск.

Наконец Васильев обратился к Виктору:

— Ну что, отпустило? Или дать успокоительного?

Громов виновато улыбнулся.

— Знаешь, Виктор, вообще-то я даже рад, что ты предоставил мне такую редкостную возможность: операция была интересной. А ты знаешь, сколько я вообще сделал операций? Никто не знает. До сорок первого — пять аппендицитов и две грыжи. А за два года войны — триста семьдесят восемь людям и одну собаке! Слушай, а не податься ли мне в ветеринары? Выходим твоего пса — с медицинской точки зрения случай исключительный, я сразу стану ветеринарным светилом, и назначат меня главным врачом зоопарка. А, черт! — вдруг вскочил он. — Маша, шприц!

Собака лежала бездыханной. Потускнела шерсть. Сухим стал нос. Изо рта шла пена.

— Конец? — мрачно спросил Громов.

— Да погоди ты, не каркай! Держи его. Ты держи, Маша не справится. Крепче! Вот дьявольщина, где же у него сердце? Нет, так неудобно. Переверни на бок. Хорошо. Есть, нащупал!

Короткий взмах. Сверкнула длинная игла и, хрумкнув, вошла в тело.

— Порядок. Теперь массаж... Так... так... хорошо. Полегче, а то ребра сломаешь. Маша, помогайте.

Минут через пять доктор приказал:

— Маша, бегом в медсанбат! Принесите грелки. Неплохо бы и горчичники, но пациент весь... шерстяной. Как их приклеишь?

Когда взмокший врач разогнулся, а собака мерно задышала, Виктор обнял его за плечи.

— Да-а, триста семьдесят восемь операций — это, конечно, не кот наплакал.

— Ничего особенного. Адреналин в сердце, прямой массаж, грелки — проходили на пятом курсе. Экзамен сдал на тройку. Но, как говорится, теория без практики. Хирургами становятся не в институтах, а на войне. Все, что мог, я уже сделал, — закончил он. — Теперь — уход и еще раз уход. Сиделку прислать не могу, у Маши своих дел невпроворот, так что сам берись за гуж. Чем черт не шутит, пока бог спит, авось и выживет! Только обещай: я буду первым человеком, которому этот зверь подаст лапу.

— Обещаю, — улыбнулся Громов.

Доктор вышел из блиндажа. Потом вернулся и строго сказал:

— И чтобы до завтра ни капли воды. Ни единой! Если что, вызывай.

II

— Ну что ж, надо браться за гуж, — вздохнул Громов. — Для начала... Для начала ты должен привыкнуть к моему голосу — значит, буду думать вслух.

Виктор начал говорить про уход, про собачью живучесть. Одновременно делал загородку в углу блиндажа. Потом принес охапку соломы, бросил на нее старую шинель, взял собаку на руки и осторожно перенес на лежанку.

— Привыкай и к моему запаху, — сказал он. — В этой шинели я так попотел, что нюхать тебе не перенюхать.

Виктор присел, потрогал горячий, сухой нос, потрепал крутую холку. Встал. Закурил.

— Ну, хорошо, сейчас затишье. А что делать, когда начнутся бои? Наступать ведь будем. Да-а, не дело я, видно, затеял.

Громов опять присел на корточки. Пес лежал совсем не по-собачьи: на спине, запрокинув голову и прижав к бокам лапы.

— Договоримся так: встанешь на ноги до наступления — не брошу. Не встанешь — пристрелю.

— Врешь ты все, — устало вздохнула Маша. — Ты же мухи обидеть не можешь, не то что пристрелить собаку.

Виктор прямо-таки остолбенел. Он уже битый час возится с собакой, разговаривает с ней, а Машу, свою дорогую Машеньку, не заметил.

— Ты давно здесь? — виновато спросил он.

— Давно. Принесла грелку, смотрю — тебе не до меня. Села в уголок — и сижу. Дурной ты у меня, Витенька. — Маша поднялась и обняла Виктора. — Такой большой, такой сильный и такой... слабый.

— Как это слабый?! — попытался возразить Виктор, но Маша обнимала его крепче и крепче, сбивая и путая мысли.

— Да так, Витенька, слабый, — шептала Маша. — На ласку ты слабый, на доброе слово, на нежность женскую. Я же чую, сердцем бабьим чую: погладь тебя, приголубь — ты и размяк. Видно, мало ласки перепало в детстве. Мать, что ли, строгая? А подрос — девушек, поди, стеснялся. Все парней по скулам лупил боксом своим, а надо было хоть разок из-за девчонки подраться — и она бы за тобой на край света пошла. Да что там пошла, полетела бы, как я. Обожгла бы крылышки, а полетела.

— Неужели все это видно? — недоверчиво спросил Виктор.

— Что видно?

— Ну... то, что ты говорила. Что я девушек стеснялся и все такое...

— Не-е, — повернулась к нему Маша и привстала на колени. — Ничего не видно, кроме того, что ты... — Маша сделала паузу, — что ты — мужчина. С большой буквы мужчина.

— Как это — с большой буквы?

— Ну, значит, сильный, умный, честный, благородный, в меру красивый... Ну-ну, не хмурься, перебор в красоте, как правило, во вред всему остальному. Но самое главное, ты надежный! Из тебя муж хороший получится. И отец.

— Ты думаешь?

— Я знаю, — как-то сразу погрустнела Маша. — Я бы с радостью вышла за тебя замуж.

— Так в чем же дело? — привстал и Виктор. — Я же предлагал. Не раз предлагал.

— Помню, Витенька. Помню и ценю. Но... я не могу. Не время сейчас. Какая свадьба на войне? И что за семья

без детей? Погоди, помолчи. Я знаю, что ты скажешь: уезжай, мол, в тыл, рожай и расти сыновей.

— И дочек, — улыбнулся Виктор. — Я согласен и на дочек.

— Ну, уеду, ну, рожу. А ты по-прежнему будешь чуть ли не каждую ночь ползать за «языком», пока... Я-то знаю, разведчиков всегда бросают в самое пекло, и потери среди них самые большие. Ох, Витенька, сколько я вашего брата вынесла на закорках! А сколько их не донесла... Мало ли сирот сейчас растет, родившихся до войны, так зачем же еще и фронтового образца?

— Странно ты рассуждаешь. Вроде бы все правильно, и в то же время, извини, конечно, не по-людски. Что же, по-твоему, если война, то вся жизнь должна остановиться? — Виктор достал папиросу, нервно закурил. — Если так, то почему на прошлой неделе два батальона затаив дыхание слушали скрипача? Почему минометчик Козин уже три альбома извел на рисунки? А знаешь, что он рисует? Не поверишь — пейзажи.

Вдруг в блиндаже послышались какое-то бульканье, хрип, скулеж и стон. Это собака вдохнула табачный дым — и сразу же забилась, задергалась, начала задыхаться. На бинтах показалась кровь.

— Вот черт! Ну надо же... Ну извини, не знал, — виновато говорил Виктор, торопливо втаптывая папиросу в землю. — Больше не буду. Не веришь? Совсем брошу, ей-богу, давно собирался, а теперь вот возьму — и брошу! Я же до войны в рот не брал.

Маша даже не шелохнулась. Укрылась до самого подбородка шинелью, а потом вообще отвернулась к стене: глаза бы, мол, не видели.

Виктор присел на краешек топчана.

— Не злись. Чего ты, в самом деле? Живая же тварь. Жалко.

— А-а! — взвилась Маша. — Сказала бы я тебе, капитан, на солдатском языке, да уши пожалею! Ладно, забавляйся, черт с тобой. Тем более что результат уже есть — бросил курить. А ведь сколько я тебя просила, помнишь, а? У-у, злодей! — неожиданно ласково закончила Маша и поцеловала Виктора.

Громов тут же расцвел и доверчиво попросил:

— Марусь, дай женский совет...

— Это еще что такое? Что за новости?! — Маша шутливо потрепала его за ухо.

— Да я о нем, о волкодаве этом. Кличку бы его узнать.

— А что, разве при нем не оказалось удостоверения личности? — съязвила Маша. — Проще простого: называй подряд все собачьи имена, пока не отзовется.

— Прекрасная мысль! Хотя черт его знает, какие клички дают фрицы. Знаешь что, давай окрестим его заново.

— Давай. Назови его Гансом, — опять съязвила Маша. Она сама не понимала, что с ней, но вся эта затея была ей не по душе. «Впрочем, пусть побалуется, — думала она. — Я-то знаю, что пес не жилец. Через день-другой сдохнет, и все кончится само собой... Вот только блиндаж надо будет как следует проветрить, — озабоченно подумала Маша, — а то псиной так и разит».

— Нет, Гансом нельзя, — не заметил иронии Виктор.— Это же человеческое имя. Надо придумать что-нибудь собачье, известное у нас. Скажем, Трезор. Нет, не то. Бобик или Шарик — нет, не для такого зверя. Кличка должна быть короткой и звучной, как... выстрел. Том? Нет. Барс? Ближе, но не то. Рекс? Погоди-погоди. Рекс — это звучит. Р-рекс! Точно, Р-рекс! Решено, быть тебе, собака, Рексом! Давай, Рекс, лапу, будем знакомиться.

— А я буду звать его Гансом, — мрачно заметила Маша.

Громов легонько потрепал лапу. У Рекса дрогнули губы, пасть медленно раскрылась и слабо щелкнули зубы.

— Да-а, брат, трудно нам будет, — вздохнул Виктор.— Изведем друг друга, измотаем. Характерец у тебя — не дай бог. Однолюб, видно. Бобыль. Силой тебя не сломать. Ласки не понимаешь. Значит, надо влезть в твою шкуру. Попробую, Рекс, обязательно попробую понять, чего хотел бы на твоем месте. Сейчас, наверное, душу готов заложить за глоток воды?

— Нельзя! — строго сказала Маша. — Ни в коем случае! Послеоперационный период, понимать надо! Лучше достань молока. Молоко для собаки — лучшее лекарство. Но только с завтрашнего дня.

Утром было не до молока. Пленный сообщил настолько важные сведения, что они могли повлиять на планы командования. В таких случаях разведчиков посылают за контрольным «языком». На этот раз группу возглавил Громов. Когда он проверил готовность разведчиков, дал час на отдых и отправился в свой блиндаж, ему встретился доктор Васильев.

— Ну как мой пациент?

— Какой еще пациент?

— Вот те раз! Заставил сделать, можно сказать, уникальную операцию, а теперь...

— Елки-палки! — хлопнул себя по лбу Громов. — Совсем забыл! Пошли быстрее. Хотя нет, ты иди, а я заскочу на кухню: каши захвачу, супу какого-нибудь. А ты с пустыми руками? Эх, медицина! Давай-ка перебежками за снадобьями — и ко мне!

Назад Громов бежал с двумя полными котелками. Скатился в блиндаж. Перевел дух и подошел к загородке, у которой уже стоял врач.

— Ну как он? — спросил Виктор.

— Смотри сам.

Рекс лежал на боку, вцепившись в жерди загородки. Гипс на лапах надкусан. Бинты сорваны. На кровоточащих ранах — тучи мух.

— Ну и фрукт! — покачал головой доктор. — Знаешь, Виктор, я, пожалуй, уйду. Случай клинически ясный: больной поправляться не хочет. Ну и пес с ним, с этим псом! Вынеси его на воздух, и пусть околевает. А можно и укольчик...

Громов стоял в стороне и методично тюкал кулаком по стенке блиндажа. До собаки ли сейчас! До опытов ли с рефлексами! Через час он будет на «той стороне», и, как знать, не окажется ли он сам в таком же положении, что и Рекс?

— Знаешь что, — сказал он врачу, — чтобы совесть была чиста, давай все сделаем по-человечески. Я сегодня ухожу. К утру должен вернуться. Если... задержусь, решай сам, какой ему делать укол.

Доктор внимательно посмотрел на Виктора. Вздохнул. Стиснул его плечо. Раскрыл сумку и сказал:

— Свяжи на время ему морду.

Громов сжал пасть и обмотал ее широким бинтом. Рекс зло поскуливал, щурил побелевшие глаза, но на большее сил у него не хватало.

Доктор промыл раны, засыпал их стрептоцидом, обмазал края карболкой и припорошил серой.

— На серу мухи не сядут, — пояснил он. — Как только края подсохнут, начнешь делать свинцовые примочки. Научись, кстати, пользоваться шприцем. Пусть, как говорят медики, целебная боль исходит от тебя.

Виктор взял шприц, неловко ткнул в бедро. Рекс дернулся — и игла сломалась. Доктор молча заменил иглу, наполнил шприц и протянул Виктору. Снова взмах. Взвизг! Но укол удался.

— Теперь неплохо бы ему поесть, — заметил доктор.
— А пить можно?
— Можно.
Виктор поставил за загородку котелки с водой и кашей, откинулся на топчан и закурил. Но тут же спохватился и погасил окурок.
— Ты чего? — удивился доктор.
— Дыма не любит, — виновато улыбнулся Громов. — А зовут его, между прочим, Рексом.
— Сам придумал?
— А что, плохо?
— Сойдет. Утром заходи: выдам шприц и лекарства.
Громов кивнул и протянул руку:
— Спасибо, Коля. Пока...
— До завтра, — дрогнувшим голосом сказал доктор и быстро вышел.
Странным было это лето — лето сорок третьего года. Не было солдата и командира, который бы не чувствовал, что вот-вот грянет большое наступление. А готовились к обороне: рыли траншеи, укрепляли блиндажи, копали противотанковые рвы, ставили мины. Перестрелки, правда, случались, но это были бои местного значения.
Зато у разведчиков работы — хоть отбавляй. Иногда на ничейной земле сталкивались наши и немецкие группы. Тогда завязывался бой. Даже не бой, а страшная драка, когда старались не шуметь и не стрелять, а бились молча — прикладами, ножами, саперными лопатками и зажатыми в кулак гранатами.
Как раз в такую драку ввязалась группа Громова. Четверо разведчиков, постепенно отступая, отвлекали немцев, а Громов и Седых схоронились в воронке. Переждали. Выбрались наружу и скользнули под проволочное заграждение.
У первого же блиндажа пришлось залечь: совсем близко маячил часовой, за ним — другой, третий. Как ни коротка летняя ночь, а своего все же дождались. Какой-то офицер вышел проветриться. Тут-то и встретил его Громов правой в челюсть.
Пленный оказался танкистом. Долго отмалчивался, а потом заявил, что дни русских сочтены, так как фюрер прислал такие танки, которые не взять ни одной пушке. «Тигры» быстро сомнут русскую оборону и снова выйдут к Волге. Пришлось выяснять, что же это за «тигры», какая у них броня, какое вооружение, какая проходимость.
К вечеру допрос закончился, и Громов отправился в свой блиндаж. Он повалился на топчан и совсем уж было

заснул, как вдруг услышал слабое поскуливание. Встал, заглянул за загородку. Шинель — в самом углу, скомкана и местами покусана. Рекс разворошил солому и лежал на голой земле. Гипс цел. Бинты на месте. Крови не видно. Но котелки с водой и кашей не тронуты.

— Да пропади ты пропадом, проклятая псина! — выругался Громов и мгновенно уснул.

Снился старый, хорошо знакомый сон. Во время артобстрела Громов попал в дымящуюся воронку. Он хорошо знает, что скоро в эту воронку попадет снаряд. Надо быстрее выбираться. Но кто-то крепко держит его за руку. В конце концов он вырывается и выскакивает из воронки. Так было каждую ночь. Но сейчас руку держали так цепко, что у Громова зашевелились волосы: ведь он уже слышал вой того самого снаряда, который летел в его воронку.

Громов рванулся из последних сил. Раздался какой-то треск — и он проснулся. Сел. Вытер со лба холодный пот. Огляделся. Блиндаж, топчан, коптилка... А где же рукав рубашки? Между жердями загородки торчит голова Рекса. Глаза налиты желтым огнем, а в зубах — рукав рубашки.

— Да-а, кажется, одной ногой я был на том свете, — мрачно усмехнулся он. — Дотянись пес до горла — был бы мне капут.

Виктора даже передернуло от этой мысли.

— Так же ты, зараза, платишь за добро! — разозлился Громов. — Полудохлый, шевельнуться не можешь, а на врага бросаешься. Конечно, врага. Враг я тебе был, врагом и останусь. А потому...

Громов достал пистолет. Перезарядил. Снял с предохранителя.

Рекс услышал щелчок. Зарычал. Попытался встать, но вывихнутые лапы сразу же подломились. Тогда он поднял оскаленную морду и так свирепо залаял, что Громов опустил пистолет.

— Хочешь умереть в бою? Черта с два! Я тебя выволоку наружу и пришибу дубиной, как паршивого бешеного пса.

Рекс замолчал и не мигая уставился Громову в глаза. Тот поставил пистолет на предохранитель. И снова Рекс зашелся в лае.

— Эге, да у тебя на этот звук рефлекс! — удивился Виктор.

Сколько он ни щелкал предохранителем, каждый раз собака от ярости чуть не вылезала из собственной шкуры.

— Хорошо, Рекс! Молодец! Казнь временно отменяет-

ся, — улыбнулся Виктор. — Сейчас ты доказал, что сил и талантов в тебе — чертова прорва. Так что я не ошибся. Значит, терпение и еще раз терпение.

Громов решительно перелез через загородку. Взбил солому. Расстелил шинель. Перекатил на нее Рекса. Связал пасть. Сделал укол, поменял повязки. Потом выбрался из закутка, проверил прочность жердей, на всякий случай отодвинул топчан, лег и спокойно заснул.

III

Утром Громова вызвал начальник штаба и приказал доставить пленного офицера в штаб армии.

Вернулся Виктор через три дня. Накануне прошел дождь, и полуторка еле тащилась. В конце концов Виктор не выдержал, выскочил из кабины и пошел через рощу.

Громов хорошо знал, что где-то в глубине схоронились танки, что по закраинам стоят пушки, но выглядела роща совсем по-довоенному. Кокетливо кучерявились березки, победно возвышались корабельные сосны, а насупленные ели толпились мрачноватыми группами. В воздухе висел тополиный пух, звенели дрозды, а привыкший к пороховой гари нос ловил терпкий настой хвои, багульника и грибов. Никогда еще Виктор не видел таких грибных мест. Воинственно топорщились подберезовики, дружно распирали распаренную землю коренастые опята, а над всем грибным царством по-хозяйски раскинулись ядреные боровики.

Виктор спешил, но нельзя же пройти мимо велюровой шляпы боровика! А чем плоха эта кремовая панамка? А розоватые лысинки опят? Когда руки были полны, Виктор расстегнул ремень, снял портупею и начал собирать грибы по-бабьи — в подол гимнастерки. Теперь он не спешил. Искал только боровики и аккуратно их срезал, чтобы, не дай бог, не повредить грибницу.

Кто знает, может быть, на всей Курской дуге не было в тот день более счастливого человека. В небе яркое солнце, воздух полон птичьих голосов, под ногами россыпь грибов. Идет по роще молодой парень, и глаза ищут не пулеметное гнездо, а семью боровиков. Но почему-то идет он не в полный рост, а пригнувшись, почему-то минует открытые места и движется перебежками от дерева к дереву. Да и нож держит весьма своеобразно: лезвие прижато к рукаву и в гриб вонзается резким, едва уловимым взмахом.

Значит, в самой глубине сердца сидит заноза осторожно-

сти, тревоги и того иссушающего напряжения, которое не пройдет до последнего победного залпа.

Ввалившись в блиндаж, Виктор высыпал на лежак грибы, схватил чайник и долго пил. Потом скосил глаза. Между жердями торчала голова Рекса. Язык повис до земли. Дышит хрипло. Глаза гноятся. На ранах — тучи мух. Но уши стоят торчком, и мелко-мелко вздрагивают губы.

Виктор подошел ближе. Оба котелка не тронуты. Громов присел на корточки, чтобы погладить холку, но тут же резко отдернул руку — зубы щелкнули у самых пальцев.

— Дурак ты, Рекс! Набитый дурак! И псих ненормальный. Допустим, нет аппетита, но пить-то надо. Без воды ведь ни туды и ни сюды. Понимаю, пахнет моими руками. Но нутро-то горит! Должно же оно взять свое. Человек, конечно, может запретить себе. Но ты же все-таки скотина. Да-да, не скалься, самая настоящая скотина! Умная, способная, но скотина. Ты лучше напрягись и прикинь своими собачьими мозгами: если я враг, то чего ради с тобой вожусь? Значит, хочу подружиться. И заставить на себя работать. Но это уже не твоего ума дело, — спохватился Виктор. — Так что буду тебя лечить и потихоньку давить на психику.

Громов надел стеганые брюки, ватник и перелез через загородку. Рекс молча вцепился в брюки.

Виктор сжал пасть и замотал бинтом. Промыл раны, края смазал карболкой и присыпал серой. Чтобы промыть глаза, пришлось прижать голову к полу. Виктор приготовился к отчаянной борьбе, но Рекс не сопротивлялся.

— Ага, голубчик, дошло, — обрадовался он. — Посмотрим, как подействует «целебная боль».

Игла вонзилась в бедро. Рекс дернулся, но тут же притих.

— А теперь — обедать! Схожу-ка я за супчиком, авось похлебаешь.

Виктор принес котелки со свежей водой и супом, поставил за загородку и убежал в штаб. Когда вернулся, увидел, что котелки по-прежнему не тронуты. Но Рекс растянулся, положив голову на лапы, блаженно щурился и облизывался.

— Интересно! — недоумевал Виктор. — Кого же ты сожрал? Может, мышонка задавил?

Он опять натянул стеганые брюки и перелез через загородку. Осмотрел все — пол, стены, жерди. Никаких следов охоты. Виктор буквально ощупал весь закуток, но не нашел ни норки, ни щели. А Рекс косил глазами и нахально облизывался.

Тут уже в Громове заговорила профессиональная гор-

дость: чтобы разведчик не нашел следов пищи на четырех квадратных метрах — этому не бывать! Переворошил солому, встряхнул шинель. Никаких улик! А Рекс продолжал облизываться.

Виктор уже было сдался, но в последний момент решил перетащить Рекса на шинель. Дал вцепиться в штанину, зажал пасть, взял его на руки и... захохотал. Под Рексом лежали грибы! Штук пять ядреных боровиков он уже съел — валялись одни только ножки. Тут же несколько надкусанных опят и подберезовиков, но они, видно, не пришлись по вкусу

— Рекс, дружище, да ты, оказывается, вегетарианец! — смеялся Виктор. — Вот удивил! Ну, ладно, ладно, не хмурься, вегетарианцы тоже люди... то есть эти, как их... собаки. А грибную похлебку не хочешь? Витаминов там — прорва. И попьешь заодно.

Громов наполнил котелок грибами и помчался на кухню.

Духовитый, наваристый суп нес осторожно, боясь пролить. Сунулся было в блиндаж, но вспомнил, что собаки горячее не едят, и поставил котелок на сквознячок. Ждал. Дул. Прохаживался. Захотелось курить. Похлопал по карманам — пусто. Решил спуститься в блиндаж. Шагнул за дверь — и прилип к стенке.

Над закутком Рекса была пробита вытяжная труба. После дождя на крыше блиндажа образовалась лужица, теперь вода просачивалась и капала прямо в закуток. Рекс это заметил, улегся под трубой и начал ловить капли. Срывались они редко и не всегда с одного места. Одна шлепнет в глаз, другая — в нос. Рекс передвигался и терпеливо ждал.

Давным-давно остыл суп, затекли ноги, но Виктор не отрывался от стены. Потом чертыхнулся про себя и выскользнул за дверь.

В два прыжка он был на крыше. Быстро вычерпал лужу, углубил ямку, обложил ее стенки лоскутами толя и вылил суп в образовавшуюся воронку.

— Так-то, Рекс, — ухмылялся Виктор, представляя, как шлепают в его пересохшую глотку странноватого вкуса капли. — Не зря все-таки человек — царь природы! Надул я тебя, братец, по первое число. Подожди, я еще через эту трубу начну кидать свиную тушенку и сыпать гречневую кашу. Ну и головастый я мужик! Повезло тебе, Рекс, на хозяина!

С этого дня капитан Громов стал завсегдатаем кухни. То принесет грибов, то раздобудет мяса и собственноручно сварит похлебку.

Свирепый, недоверчивый Рекс уже знал: в семь утра и шесть вечера из трубы начнет капать. Минут за десять до этого в нем срабатывал будильник, Рекс начинал беспокоиться, но если в блиндаже находился Виктор, под трубу не полз.

Однажды Виктор вылил в воронку суп, спустился в блиндаж и уселся на топчан. Рекс уже успел поймать несколько капель, но, увидев Громова, перевернулся на брюхо и отполз в сторону. В каком-нибудь десятке сантиметров от носа лилась струйка духовитой жидкости, но Рекс косил налитыми кровью глазами и не шелохнулся.

Пришлось выйти и вылить в воронку еще полкотелка похлебки. Через пару дней Виктор начал спускать по трубе молоко, компот и даже клюквенный кисель. Но когда бросил кусок мяса, Рекс фыркнул, ощерился, выбросил его за жерди и... напустил на этом месте лужу.

— Понятно, — вздохнул Громов. — Мясо пахнет моими руками. Но я тебя и здесь надую.

На другой день он поджарил кусок мяса, подцепил его вилкой, насадил на прут, чтобы обдуло ветерком, и сбросил в трубу.

Часы показывали шесть, и Рекс уже лежал на своем обычном месте. Он чувствовал, как сверху просачивается запах ненавистного ему человека, но знал — скоро этот запах исчезнет и можно будет вволю попить. И вдруг на морду свалился кусок мяса! Рекс отпрянул. Взъерошил загривок. Принюхался. Ноздри втянули такой аромат, что в желудке заныло, заскребло, а рот наполнился слюной. Рекс облизнулся и потянулся к мясу. Нет, человеком не пахнет. Но когда Рекс почувствовал забытый вкус на языке, по ноздрям опять ударил тот же самый ненавистный запах. Рекс взвыл, выплюнул мясо и с остервенением вытолкнул за жерди.

Когда Виктор спустился в блиндаж, Рекс так его облаял, что он сразу все понял: собака злилась не столько на него, сколько на себя — чуть-чуть не дала себя обмануть. А не загляни Виктор в трубу, не шибануло бы Рекса по ноздрям и съел бы он это мясо за милую душу.

Виктор перелез через загородку, дал Рексу вцепиться в штанину, связал пасть и принялся за раны. Они уже затянулись и больше не гноились. Виктор сделал примочки, поменял бинты. А когда достал шприц и вонзил в бедро, Рекс даже не дернулся. Но с лапами дело обстояло скверно: все так же раздуты суставы, так же дряблы мышцы.

— Ничего, Рекс, ничего... Недели две у нас есть. Ты пойми главное: встанешь на ноги — будешь жить.

Громов присел на корточки и говорил, легонько поглаживая лоб и загривок собаки. Рекс напрягся, затаил дыхание, прижал уши. Вот она, рука врага, совсем рядом. Да и до горла можно достать. Но пасть связана. Ничего, Рекс терпелив, он подождет. А потом перегрызет эту глотку и — к хозяину. Ах, хозяин, хозяин! Разве так он гладил? Разве так дышал? Разве так говорил?! А его запах! От этих воспоминаний Рекс даже зажмурился и блаженно потянулся.

Виктор глазам не поверил. Неужели Рекс привык к его руке? Неужели признал в нем хозяина? К счастью, он не поддался порыву и не развязал пасть. Но Виктору так хотелось сделать что-нибудь хорошее, что он всадил Рексу еще один укол. А потом принес свежего ароматного сена и припорошил его нарванной по дороге травкой.

Рекс приподнял голову и заинтересованно следил за работой человека. Но когда Виктор бросил на новую постель свою пропахшую потом шинель, надежды Рекса рухнули и он отвернулся. Но тут же спохватился и пополз под трубу. Виктор взглянул на часы.

— Даже в этом ты немец! — воскликнул он. — Подумаешь, опоздал-то всего на пятнадцать минут.

Последние слова он говорил уже на ступеньках. Потом вспомнил, что забыл развязать пасть, и вернулся. Узелок бинта так затянулся, что распутать его ногтями никак не удавалось. Тогда Виктор нагнулся и вцепился в узел зубами. Рекс обмер. Никогда враг не был так близко, никогда так сильно им не пахло. В общем-то не такой уж скверный запах, но какова наглость! От беспомощности и бессилия у Рекса заныли скулы и зарябило в глазах.

Когда Виктор почувствовал, что щека его стала влажной от пота, когда разогнулся и увидел, как из глаз Рекса скатывается слеза, он совсем растрогался: схватил забинтованную морду и чмокнул прямо в нос. Тут уж Рексу стало по-настоящему дурно.

А Виктор вскочил, трахнулся головой о трубу, шлепнулся на пол и, кряхтя, на четвереньках полез из закутка. С дороги он еще раз вернулся. Достал нож и прямо под трубой выкопал ямку. Хотел было вставить в нее миску, но вовремя спохватился: к его миске Рекс не притронется. Утрамбовал дно и края ямки, благо почва была глинистой, развязал Рексу пасть и полез на крышу. Похлебка давно остыла, и он выплеснул ее в трубу.

Рекс улегся на спину и приготовился ловить привычные

редкие капли, но в пасть хлынул целый поток. Когда он откашлялся, из трубы уже ничего не капало, но зато вкусно пахло совсем рядом. Рекс повернулся к ямке, наполненной супом, и впервые за все время плена с удовольствием и, главное, по-собачьи налакался вкусной похлебки.

Когда Виктор через какое-то время спустился в блиндаж, «миска» была пуста, впалое брюхо Рекса натянулось, как барабан, а изо рта торчала травинка. Виктор остолбенел. Здоровенный злющий пес лежал на брюхе и, как какая-нибудь козочка, щипал траву.

Виктор кинулся к телефону.

— Десятый! — попросил он. — Коля, привет! Жив-здоров? Я тоже. А твой пациент спятил. Как это какой пациент! Рекс, конечно! Да нет, не кусается. Хуже. Лежит тихонько и жует травку. Травку, говорю! Трав-ку! Обыкновенный, понимаешь, пырей! Я не ору. Я... Ну, молчу, молчу. Так. Так. Не понял. Все едят? Зачем? А-а, выходит, эта трава лекарственная. Ладно, нарву на неделю. Ну, раз надо свежую, буду ходить каждый день.

IV

Так у капитана Громова появилась новая забота. Мало того что приходилось собирать грибы и варить похлебку. Теперь он ходил с карманами, набитыми пыреем. Поначалу над ним посмеивались: ну что в самом деле за блажь — возиться с полудохлой собакой. К тому же немецкой. Начальник штаба, так тот прямо заявил, что не одобряет затеи капитана и советует, но советует как старший по званию, пристрелить фашистского ублюдка.

Командир в идею передрессировки не верил, но никаких советов не давал. Он считал увлечение Громова своего рода разрядкой. За войну люди так отвыкли от живности, что при первой возможности пригревали бездомных собак и кошек, подкармливали птиц. А как оттаивают люди рядом с каким-нибудь котенком! Уж на что суровы артиллеристы, и те таскают в снарядном ящике трех лобастых щенков.

Об этих щенках Громову рассказал ефрейтор Мирошников. Рассказал, как всегда, вроде бы злясь, а на самом деле посмеиваясь над собой и над всеми. К тому же во время разговора он все время шнырял по собеседнику глазами, как бы ощупывая его от макушки до пяток. Первое время Громова коробила эта странная манера ефрейтора, но потом он понял, в чем дело: Мирошников был косоглаз, и когда он смотрел прямо, это было заметно, а когда глаза бегали туда-

сюда, создавалось впечатление нагловатого хитрованства. Саньку это устраивало: здоровых мужиков это сбивало с толку, а задиристых слабаков тут же ставило на место.

А на самом деле Санька Мирошников был смелым и отчаянным парнем, к тому же ловким и сметливым. Виктор не раз в этом убеждался и был очень привязан к парню.

Познакомились они случайно в штыковом бою. Осенью сорок первого молоденький лейтенант Громов прибыл в знаменитую первую гвардейскую дивизию Руссиянова. Прибыл вскоре после прогремевших на всю страну боев у Ельни. Виктор страшно досадовал, что не довелось участвовать в большом сражении. К тому же ветераны рассказывали о неимоверно яростной штыковой атаке. Немецкие автоматчики не выдержали и побежали, хотя ведь пуля длиннее штыка.

Виктор слушал бойцов и только покусывал губы. Эх, не довелось! Уж в чем, в чем, а в штыковом бою он толк знает: в училище один выходил против троих. Как командир, он понимал, что настала эра автоматического оружия, что штыком врага не достать, но он видел, что автоматов в дивизии мало, а в его взводе вообще ни одного, значит, штык еще пригодится, а раз так, он терпеливо учил своих бойцов приемам рукопашного боя.

И не зря. Немцы приняли встречный штыковой бой. Раньше не принимали, а тут, видно, решили показать, на что способны. Схлестнулись батальон на батальон. Немцы были здоровенные, все как на подбор. Они шли в расстегнутых френчах, с закатанными рукавами. На груди — кресты, полученные за победы в других странах. Виктор обратил внимание на немецкие винтовки с плоскими штыками и на добротные сапоги с короткими голенищами. А его бойцы — голодные, усталые, в выгоревших гимнастерках, на ногах— обмотки и разбитые ботинки

Что творилось на том ржаном поле! Крики, стоны, мат, команды, вопли, хруст костей, лязг железа... Один здоровенный немец на глазах Громова заколол троих наших ребят, причем бросал их штыком через себя. Виктор так разъярился, что не помня себя кинулся на немца. К счастью, его оттеснили. Виктор перевел дух и чуточку успокоился. Громов хорошо знал, что в таком состоянии он не боец. Когда под ложечку подкатывал холодок, Виктор наливался слепой яростью и бросался на противника, как бык на красную тряпку. Так бывало на ринге, когда он пропускал хороший удар. А соперник в это время уклонялся от его таранных

ударов и хладнокровно добавлял сбоку — в результате тренер вынужден был выбрасывать полотенце.

Между тем немец крошил все вокруг себя прикладом. Неожиданно рядом с Виктором вырос невысокий верткий боец. Лицо в крови, гимнастерка разодрана, обмотки волочатся по земле. А шальные глаза так и бегают по сторонам.

— Что делает, сволочь! Что делает! Лейтенант, возьмем его, а?

— Возьмем! Сможешь отвлечь на себя? Хотя бы на миг?

Боец кивнул и прыгнул навстречу немцу. Тот не сразу заметил малявку, а когда увидел, решил расколоть, как орех. Взмах прикладом — боец увернулся. Еще взмах — опять мимо.

Немец завелся. Он колол, рубил, хрипел, орал, а солдат плясал перед ним, будто дразня и издеваясь. Немец заревел от злости и решил раздавить наглеца. И тут перед ним вырос лейтенант. Тем лучше, решил немец и сделал резкий выпад. Лейтенант спокойно отбил прикладом его штык и по самую мушку всадил в него свой. Тогда-то Виктор и узнал, что значит выражение «мертвая хватка»: немец так крепко схватил за ствол его винтовку, что Виктор не мог ее выдернуть.

А бой продолжался. Хорошо, неподалеку крутился тот солдатик и прикрывал лейтенанта. Наконец Виктор сообразил, что делать: он оставил свою винтовку, поднял брошенную немцем и кинулся в самую гущу боя.

Когда немцы побежали, бросая оружие и даже каски, Громов почувствовал сильный удар в бедро и грохнулся наземь. Очнулся — вроде бы живой, а встать не может. Оказалось, большущий осколок попал прямо в пистолет. Пистолет в лепешку, а нога цела. В медсанбат все же отвезли. Здесь он по-настоящему познакомился с невысоким юрким бойцом. Без гимнастерки он казался совсем щуплым пареньком, к тому же его правая рука была намертво прибинтована к телу.

— Кто-то все-таки звезданул прикладом, — болезненно морщась, сказал он. — Я хоть и увернулся, но плечо вывихнули. А-а, ерунда, разве это ранение, даже крови нет!

— Как хоть тебя зовут, однорукий герой? — невольно заулыбался Виктор, глядя на неунывающего солдата.

— Рядовой Мирошников. Александр Евсеич, — изображая степенного мужика, но явно дурачась, ответил парнишка. — Правда, по имени-отчеству меня никогда не называли. Санька я. Сибирский оголец, родом из гуранов.

— Из каких еще гуранов?

— Из забайкальских! Вообще-то гуран — это горный козел. Но за упрямство, настырность и живучесть гуранами называют коренных забайкальцев.

— Оттуда и призывался?

— Не-е, — сразу поскучнел Санька. — И вообще я не призывался, я — доброволец Если честно, я белобилетник.

— Так здорово дерешься — и белобилетник?

— Драться я умею, это верно. А вот стрелять...

Тогда-то Громов и понял, почему Санька все время шныряет глазами: он старался скрыть косоглазие.

— Ничего, Мирошников, — успокоил Виктор. Парень ему нравился все больше. — Слушай, давай ко мне во взвод, а? Ты из какой роты?

— Из третьей.

— Так наша же рота! Я командую первым взводом. Лейтенант Громов. Выберемся отсюда, поговорю с твоим командиром. Согласен?

— А что, где ни воевать, лишь бы воевать!

Но судьба распорядилась по-другому. В суматохе отступления Громов и Санька потеряли друг друга. В свою дивизию Виктор уже не попал. Он сражался под Харьковом и Ростовом, бился в Донских степях, пока не оказался в Сталинграде. Даже не в Сталинграде, а за Сталинградом: их дивизию отвели за Волгу для переформирования. В это время старший лейтенант Громов командовал разведвзводом. Потери были огромные, а пополнение — зеленые юнцы. Правда, Громов договорился с командиром полка, что в свой взвод будет брать только обстрелянных ребят. Но где их взять, обстрелянных, если от полка осталось чуть больше роты?!

Не успели отмыться и отоспаться, как новый приказ: ночью переправиться через Волгу и выбить немцев с Мамаева кургана. Переправились и с ходу бросились в бой. Ночной атаки немцы не выдержали и отступили. Но утром пошли в контратаку. Полк потерял половину личного состава, но устоял. Громов получил приказ принять пулеметную роту и закрепиться около водонапорных баков. Отличное укрытие, обрадовался Виктор, но и отличный ориентир для самолетов.

Он оказался прав: таких бомбежек не видел за весь год войны. Земля встала дыбом. Сверху самолеты, из укрытий бьют орудия и минометы. Пыль до небес, дым, копоть, смрад. Лезут танки, в полный рост идут полупьяные немцы. Их косят, а они идут, их косят, а они идут. По трупам своих солдат лезут на курган. Бывало так, что батальон на-

ступал в шесть шеренг. Последнюю, взбиравшуюся по трупам пяти предыдущих, останавливали гранатами.

Схлынула эта лавина, показалась следующая. Остатки роты поднялись в контратаку. Схлестнулись не на жизнь, а на смерть. У всех одно желание — остановить немцев, не пропустить, не дать напиться из Волги. Столкнули с кургана и эту лавину. Сесть бы, передохнуть. А сесть негде — кругом одни трупы.

И все же Виктор присел. Закурил. Голова гудит, в ушах — будто вата. Но даже через эту вату он уловил отдаленный гул. Все ясно — на подходе немецкие самолеты. Но они еще далеко.

Гул нарастал. Пора в укрытие. Виктор поднялся и совсем рядом увидел солдата, который... Виктор уже ничему не удивлялся, но тут оторопел. Аккуратно складывая в кольца, солдат сматывал с сапог... кишки. Свои? Чужие? «Если свои, он бы не смог сидеть, к тому же так спокойно», — подумал Виктор и закричал:

— Ты что, рехнулся?! На подходе «юнкерсы». В укрытие! Быстро!

— Не могу, — тихо ответил солдат.

— Запутался, что ли? Возьми нож и перережь! Убьют же, дура чертова!

— Эх, командир-командир, — так же тихо продолжал солдат. — Видно, никогда не болели у тебя кишочки-то. Не знаешь, значит, как это больно, когда живот прихватит. А ты: перережь!

Гул все нарастал. Солдат поднял глаза и так суматошно замельтешил ими из стороны в сторону, что Виктор, забыв все на свете, бросился к нему.

— Мирошников! Ты?! Жив, чертяка! Куда ты подевался?

— А-а, лейтенант. Виноват, старший лейтенант. Вот и свиделись, — как-то отрешенно и без всякой радости сказал он. — Я-то жив. Да вот, — показал на ноги Мирошников.

Виктор схватил его под мышки, выдернул из кровавого месива и потащил к бакам. Он понимал, что Санька сейчас в состоянии той самой заторможенности, которая бывает после сильных потрясений. Он заставил Саньку выпить спирта, сунул ему сухарь, но Мирошников лишь слабо улыбнулся и тут же заснул под вой бомб и разрывы снарядов.

«Все, Санька, больше мы не расстанемся», — с необъяснимой нежностью думал Громов.

Но судьба опять распорядилась по-своему. Во время

контратаки Виктор напоролся на автоматную очередь. Левую руку как отсекло. Бой продолжался, и нашли его не сразу — Громов лежал в воронке и истекал кровью. Стало ясно, что его надо немедленно переправлять на левый берег.

На палубе катера было так тесно, что с трудом нашли место. Только отчалили, начался артобстрел, да такой сильный, что, казалось, перед крохотным суденышком вздыбилась вся Волга. Почти на самой середине катер перевернулся. Сознание Виктор потерял еще в воронке, но в воде пришел в себя. Хорошо, что был в шинели: она надулась пузырем и не пускала ко дну. Виктор понимал, что шинель — ненадежный спасательный круг: все кончится, как только сукно промокнет. И вдруг почувствовал: кто-то тянет его за шиворот.

— Держись, миленький, держись, — услышал он женский голос.

Уже не имея ни сил, ни желания бороться с водой, Виктор открыл глаза и увидел девушку с санитарной сумкой, которая изо всех сил тащила его багром. Как его вытащили на баржу, как дошли до берега, как положили на операционный стол, Виктор уже не помнил.

Очнулся в аккуратно прибранной избе. Пахло карболкой, йодом и чистыми простынями. Очень хотелось пить. Виктор безо всяких усилий разжал губы и попросил воды. Странно, но своего голоса он не услышал. «Видно, ослаб, — подумал, — потому и шепчу». Но рядом стояла молоденькая медсестра и протягивала фарфоровый чайник с наполовину отбитым носиком. Девушка что-то говорила, во всяком случае, ее губы шевелились, но он ничего не слышал.

Здоровой рукой Виктор помахал около уха. Девушка улыбнулась, достала из кармана халата тетрадку и что-то написала. «Не кричите так громко, — прочитал Виктор. — Вы контужены, поэтому не слышите. Но это пройдет».

— Что с рукой? — спросил Виктор.

«Все в порядке. Кости целы. Просто вы потеряли много крови. Но теперь быстро поправитесь, потому что половина вашей крови — женская. А женщины живучи».

— Как это — женская? — удивился Виктор, к тому же он, видимо, сказал это так громко, что девушка закрыла уши ладошками.

«У вас четвертая группа. У нас ее не было, а другую нельзя. Оказалось, что четвертая группа у той сестры, которая вытащила вас из воды. Так что теперь в ваших жилах и ее кровь».

— Вот и породнились, — улыбнулся Виктор. — Будет у меня кровная сестричка. А как ее зовут, не знаете?

«Очень даже знаю. Машей зовут. Орешниковой Машей... Красивая, между прочим, девушка».

— Моя сестра не может быть некрасивой! Как бы ее повидать, а?

«Для этого надо поправиться и вернуться в строй. Маша на том берегу. Она ведь санинструктор, с передовой не уходит».

— Понял, — кивнул Виктор. — Я буду спешить.

Но как он ни спешил, в строй удалось вернуться лишь в конце января, когда добивали голодных и обмороженных вояк Паулюса. Однажды у самого элеватора он вытащил из-под огня девушку-санинструктора. Зацепило серьезно — и в живот и в голову, поэтому Громов поспешил отправить ее в госпиталь. Позже Виктор не раз корил себя за то, что не догадался спросить, как ее зовут: насколько быстрее нашел бы тогда свою кровную сестру.

И все же он ее нашел. Нашел ранней весной, когда Маша вернулась из госпиталя. Младший сержант Орешникова по-прежнему служила в их дивизии, по-прежнему была санинструктором, а капитан Громов командовал разведротой. Виктор обнял девушку и долго благодарил за то, что вытащила из студеной Волги и не пожалела своей крови. Девушка отшучивалась, что-то говорила, а Виктор чувствовал, как дрожью наливаются его руки и обнимает он ее уже совсем не по-братски.

Не сразу, далеко не сразу перестали они сторониться друг друга, неловко молчать при встречах, пока не поняли: стыдиться им нечего, любовь настолько редкий подарок судьбы, что даже на войне отвергать ее нельзя. Но что же делать дальше? Выручил Мирошников. Воровато шныряя глазами, он сказал:

— Это, конечно, не мое дело, но могу дать дельный совет: напишите письмо. Ответит — значит, «очко», нет — колоду в печку.

Печка не понадобилась...

Надо ли говорить, как благодарен был Виктор Мирошникову. Правда, на людях они «держали марку» и разговаривали как командир с подчиненным, но наедине — совсем по-другому.

Вот и сейчас, брезгливо глядя в сторону загородки с Рексом, Санька сказал, что артиллеристы где-то подобрали блохастую сучонку с тремя щенятами. Позавчера в нее уго-

дил шальной осколок, поэтому щенята теперь сироты — ни отца, ни матери.

— Ну и что? — не сразу понял Виктор. — Жаль, конечно, но Рекс-то тут при чем?

— Слушай, капитан, ты хоть что-нибудь в собачьем деле кумекаешь?

— Да откуда... — махнул рукой Виктор.

— А я, можно сказать, спец. По другой части, но спец.

— Как это — по другой части?

— Неважно. Говорю, спец, значит, спец! Тушенкой твоего зверя не задобрить, это факт. Прикончить бы его, и вся недолга. Не будет он нам служить, не будет! Жаль, я тогда не весь диск разрядил: не думал, что псина окажется такой живучей. С передрессировкой ничего не выйдет, зря стараешься. Но я тебя знаю, командир,— взялся за гуж, будешь тянуть. Потому и решил пособить. Скажи артиллеристам, что даже дивизионная разведка не найдет щенкам матери, зато может предложить отчима.

— Как это? Зачем?

— Надо этих щенят пустить к Рексу.

— Ты что, Санька?! Такому папаше нельзя доверить и волкодава. А эти крохи ему на один зуб.

— Насчет волкодава ты прав: сцепятся насмерть. А вот щенки — другое дело. Даже самый свирепый пес никогда не тронет щенка. Но если это взрослая собака, хоть и маленькая, но взрослая — болонка какая-нибудь или шпиц, тут действительно работы на один зуб. А щенок...

— Ну и что из этого?

— А то, что Рекса надо сбить с толку. Он же добра в жизни не видел: я-то знаю, как лупят собак, когда дрессируют. А тут — не только хорошее отношение, но и доверие. Короче, надо его обдурить!

— Ну что ж, давай попробуем.

Когда Громов пришел к артиллеристам и начал говорить об отчиме и прочей ерунде, артиллеристы недоверчиво хмурились и вообще не хотели говорить на эту тему. Но отказать начальнику разведки было неудобно. Покряхтев и повздыхав, пожилой артиллерист взял ящик со щенками и двинулся за капитаном.

Увидев Рекса, старшина поставил ящик подальше от загородки и сказал:

— Боязно. Не разорвал бы ребятишек-то...

— А мы подстрахуемся, — сразу нашелся Громов и достал пистолет.

Рекс с самого начала почувствовал что-то неладное. Его

ноздри заныли от тревожно-знакомого и совсем забытого запаха. Рекс заскулил, заерзал по подстилке. Что это? Что это за запах, от которого заходится сердце? И почему влажнеют глаза? И что происходит с хвостом? Ни разу не вильнул он хвостом за все время заточения: то упрямо вытягивал поленом, то яростно хлестал по бокам, а тут вдруг хвост заходил из стороны в сторону, завилял, заюлил, заколотил по полу.

Да и уши, привыкшие к стрельбе и резким командам, жадно ловили какое-то сопение и теплую возню. Рекс совсем растерялся. Куда только девалась его ярость?

Все это хорошо видел Громов.

И когда он понял, что Рекс окончательно размагнитился, выпустил щенят. Правда, он не без злорадства каждому повязал на шею свой платок: даже щенки должны пахнуть новым хозяином.

Чего угодно ждал Рекс, но только не этого! Ни одна собака не решалась приблизиться к нему: даже во время учебы Рекса сторонились — все собаки знали его угрюмый нрав, ярость и силу. А тут совсем рядом три махоньких щенка! Они собаки — это ясно. А раз так, надо их рвать! Но до чего же они беспомощны, до чего забавны. И как приятно пахнут!

Не помнил Рекс свою мать, не помнил братьев и сестер, но где-то в глубине его собачьего сердца, где-то в самых дальних клеточках затюканного дрессировкой мозга жила щемящая тоска по теплым материнским соскам. Иногда он поскуливал во сне, улыбался и вскидывался всем телом: Рексу снилась уютная конура и бесконечные игры с братьями и сестрами. Ведь не всегда же он гонялся за людьми, не всегда крался по следу и сидел в засаде. Было и у него беззаботное щенячье детство и простые щенячьи радости.

Все это разом промелькнуло в голове Рекса, он еще сильнее заколотил хвостом и потянулся к щенкам. Обнюхал одного, другого, третьего... Ах, как хорошо!

А глупые лобастые крепыши возились в соломе, тявкали, гонялись друг за другом, кувыркались, ползали по Рексу. Иногда наступали на рану. Рекс напрягался, стискивал зубы, но, чтобы не испугать несмышленышей, даже не вздрагивал.

Тем временем Виктор взял большую миску, налил в нее похлебки и поставил в закуток. В первый момент Рекс окаменел. Снова резанул старый, ненавистный запах. Больше того, он понял, что беспокоило его и в щенках: на шее

болтались тряпки, разящие человеком. А впрочем, главное сейчас не это, главное — рядом живые, теплые комочки!

Но комочки проголодались. Они дружно ринулись к миске и так смачно начали хлебать, что Рекс не выдержал и подполз ближе. Хорошо знакомый запах грибной похлебки и надоевший запах человека. Настолько надоевший, что Рекс решил уже не обращать на него внимания.

А щенята лакали взахлеб. Рекс потянулся к миске. Хлебнул раз. Другой. А потом рядом с тремя крохотными мордашками в суп ткнулась здоровенная морда Рекса, и так споро заработали четыре собачьих языка, что через минуту на соломе стояла досуха вылизанная миска.

— Ну что, капитан, поняли, что значит ребенок? — ухмылялся Мирошников.

— Еще бы! Этого я никак не ожидал. Результат потрясающий!

— Да-а, дети, они, конечно... Однако, товарищ капитан, мне пора. Щенят-то надо бы того... достать, — поднялся старшина.

— Доставайте.

— Не-е, я не малец-оголец. Меня он так хватанет, что сразу загремлю в госпиталь.

— Да ладно! — вскочил вдруг Санька. — Нашли кого бояться. Я таких волкодавов сачком ловил, и не полудохлых, а на всех четырех!

Рекс лежал в дальнем углу и совсем уж было задремал. Правда, одним глазом нет-нет да и косил на щенят, которые растянулись там, где ели. И вдруг он увидел, как маленький противный солдатик тянется через загородку и вот-вот схватит щенка! Какая-то невероятная сила подбросила Рекса в воздух, он вскинулся и так злобно гавкнул, что Санька поспешно отдернул руку. Рекс боялся испугать щенят и гавкнул всего один раз, но и этого было достаточно. Стало ясно, что сейчас с ним лучше не связываться.

Громов решительно вывел старшину и Саньку из блиндажа. Если бы он знал, как много этим сделал! Если бы обернулся и увидел глаза Рекса! Первый раз Рекс смотрел в спину этого человека без ненависти, не примеряясь к шее. Первый раз в его желтоватых глазах затеплилась благодарность. Но Громов не обернулся. Он спешил к артиллеристам, чтобы любой ценой отстоять щенят.

А щенки повалились вразброс и задремали, но быстро замерзли. Тогда они сбились в кучку, прижались к теплому боку Рекса и, блаженно посапывая, заснули. Была ли собака счастливее Рекса? Он проваливался в дрему, млел,

замирал от счастья, но так и не заснул — Рекс сделал чисто собачий вывод: крохи нуждаются в его защите.

Часа через два вернулся Громов. Щенят он отвоевал. Временно, конечно, но отвоевал. За три дня, на которые согласились артиллеристы, можно попытаться побороть в Рексе и недоверчивость, и злобу.

Когда Виктор спустился в блиндаж, Рекс не спал. В общем-то в присутствии этого человека он никогда не спал. Вот и сейчас, услышав знакомые шаги, Рекс привычно напрягся. Но зубы почему-то не заныли, не заколотилось бешено сердце. И уж совсем неожиданно для себя Рекс широко зевнул и мгновенно уснул.

Сладко спали щенята. Привычно пахло человеком. Привычно, но не тревожно. Уж если Рекс доверил ему малышей, значит, вражде конец.

Атмосфера в блиндаже стала совсем другой — напряженность исчезла. Теперь главное не увлечься, не спешить. Один непродуманный шаг — и тонюсенькая ниточка доверия лопнет.

Вечером Виктор смело вошел к Рексу и поставил миску супа. Щенята бросились к похлебке, но Рекс уже вошел в роль воспитателя. Он деловито хватал их за шиворот и рассаживал вокруг миски. Щенята нетерпеливо поскуливали. Рекс строго рычал, вразумляя невоспитанных малышей. Потом подполз к миске, понюхал, попробовал на вкус и только после этого подпустил к ней щенят.

Теперь уже не было бестолковой возни, никто не лез в миску с ногами, не пытался напустить в нее лужу: Рекс строго следил за порядком и одергивал озорников.

Бедные дворняжки, разве они знали, что такое собачья родословная, что такое чистая кровь, не позволяющая вести себя непристойно даже щенку! Но учитель был строг и, главное, с такой огромной пастью, что малыши покорно ему подчинялись. Продолжалось это, правда, недолго. Один все же ухитрился влезть в миску. Рекс потянулся, чтобы его вытащить, но не достал. Можно было подползти, но тогда бы он оттеснил двух других. Рекс осторожно уперся в землю одной ногой... другой. Напрягся и... встал на все четыре лапы. Его пошатывало, ноги мелко дрожали, но не подламывались. Рекс осторожно переступил. Нет, стоять трудно. Тогда он сел на задние лапы, твердо опираясь на передние. Ничего, держат.

Теперь Рекс легко достал шалуна, слегка встряхнул и усадил на место. Щенок виновато свесил уши и принялся вылизывать дно миски.

— Ну вот, — обрадовался Виктор. — С ногами полный порядок. Теперь, Рекс, все зависит от тебя: надо больше ходить. Но где? Не в этом же загоне. Что ж, видно, пришла пора выбираться наружу. Но не сегодня. Денек потолкайся в блиндаже, а завтра — на волю.

Утром Рекс довольно легко встал на ноги, но ходил неуверенно.

Виктор позвонил доктору Васильеву:

— Коля, по-моему, можно снимать гипс. Рекс уже ходит.

— Сейчас буду.

— Захвати Машу. Из меня ассистент неважный.

— Сейчас буду, — повторил доктор, будто и не слышал упоминания о Маше.

Николай не заставил себя ждать.

— Ну что ж, могу тебя поздравить, — серьезно сказал после осмотра Рекса доктор. — То, что ты сделал, уже победа. Собака стала на ноги, в глазах нет злобы, и, кажется, вот-вот признает в тебе хозяина.

— Нет, Коля, до победы еще далеко. Вы́ходить собаку — полдела. Впереди самое трудное — заставить ее работать. Ума не приложу, как к этому подступиться. Прочитал все книжки, инструкции... Но ведь у меня никогда не было даже щенка, не то что такого зверя.

— Ничего-ничего, главное, действуй по науке. И... будь это в мирное время, я бы посоветовал тебе застраховаться от увечий. Но ведь тебя чуть не каждую ночь гоняют за «языком», а мне прислали уйму перевязочного материала, так что скоро — наступление. А гипс снимать можно, ты прав.

На всякий случай Виктор надел ватник, стеганые брюки и вошел к Рексу. Тот спокойно сидел в углу и смотрел на хозяина. Виктор по привычке сунул ему полу ватника, но Рекс мотнул головой и даже не зарычал. Дело усложнялось: надо связать пасть, а как это сделать, если он ни во что не вцепится?

Виктор втянул кисть в рукав и поднес к пасти Рекса. Тот наклонил голову, фукнул и отвернулся.

— Не знаю, что делать, — растерялся Виктор. — Не хочет грызть — и баста! А брать голой рукой боязно.

— Сделай из бинта петлю, накинь на морду и затяни.

С третьей попытки Виктор затянул петлю, и только после этого в закуток вошел врач. Он присел на корточки, достал ножницы и начал вспарывать гипсовую повязку.

От первого же прикосновения чужой руки Рекс сжал-

ся. А потом так рванулся к доктору, что тот бросил ножницы и пулей вылетел за ограду, при этом наступил на щенка, тот отчаянно завизжал, а Рекс зашелся таким яростным хрипом, что Виктору пришлось собрать всех малышей и посадить у его морды.

Когда Рекс успокоился, Виктор сам взялся за ножницы.

— Я же просил привести Машу. Где она? Я уже три дня ее не видел.

— Где-где... Откуда я знаю, где она? — проворчал доктор. — И вообще, в своих делах разбирайтесь сами.

— Каких делах?! Ладно, об этом — потом. Что же все-таки делать?

— Раскрой ножницы пошире и перережь ему глотку!— мрачно бросил доктор. — Ну и пациенты пошли! Ты им жизнь спасаешь, а они тебя норовят схватить за горло. Дурень я последний, что связался с тобой! Ну что ты расселся, укротитель тигров, болонок и кроликов? — пришел в себя доктор и заговорил в своей обычной манере. — Надрежь повязку! Аккуратней. Да не так, лапу повредишь! — Он ринулся в закуток. — Фу, черт, и куда меня несет! — вовремя остановился доктор. — Не спеши, это гипс! Вот так. Молодец! Теперь разверни. Сильней, сильней. Отдирай, не бойся! Попробуй сустав. Сгибай, сгибай. Порядок. Сустав как новенький. Теперь берись за другую лапу, только не спеши.

Виктор от напряжения взмок. Разрезать гипсовую повязку — дело нелегкое. К тому же он боялся повредить лапу. Но Рекс ни разу не дернулся и даже не взвизгнул.

Когда Громов снял бинт с морды Рекса, тот даже не шелохнулся. Он почувствовал такую удивительную легкость, что заливисто и как-то по-щенячьи тявкнул!

Виктор обомлел — сидит себе на соломе и снизу вверх смотрит на широко раскрытую пасть Рекса. Никогда Виктор не был так беззащитен. Но глаза Рекса не желтели от ярости.

Виктор протянул собаке руку. Рекс подался навстречу. Виктор сжался и закрыл глаза. Но в ладонь ткнулся холодный собачий нос. Виктор открыл глаза и увидел такую дружелюбную, такую веселую морду, что забыл об осторожности и ласково потрепал вздрагивающие уши Рекса. Тот чихнул, тявкнул и лизнул хозяина в ухо.

«Как все просто, — подумал Виктор. — Я его погладил, он меня лизнул — и все дела».

Виктор встал и решительно сломал загородку.

— Все, Коля, теперь никаких барьеров!

Ошарашенный доктор поднялся с топчана.

— Знаешь, Виктор, если у меня будут дети, я расскажу им не об операциях во время артналетов, а вот об этой сцене. Будут внуки — расскажу и им.

Доктор хлопнул Виктора по плечу. В этот же миг Рекс бросился на доктора. Прыжка, правда, не получилось. Он грохнулся на брюхо и так злобно залаял, что друзья мгновенно поджали ноги. Побледневший доктор вжался в стену, а Виктор, его лучший друг Виктор Громов, вместо того чтобы пристрелить пса или на худой конец выдрать, стал трепать его по загривку и приговаривать:

— Хорошо, Рекс! Хорошо! Молодец! — Потом пояснил: — Ты его извини. Он тебя неправильно понял: думал, что на меня нападают. В таких случаях хорошая собака бросается без предупреждения. А ведь Рекс — хорошая собака?

— Хорошая, хорошая, — пробормотал доктор. — Очень хорошая... Будь здоров, Витя, — уже с порога сказал он. — Заходи. Можно и с собачкой. Только предупреди: я попрошу саперов заминировать подходы к своему блиндажу.

V

— Хорошо, Рекс, хорошо! — приговаривал довольный Виктор.

Если поначалу он сомневался в перерождении Рекса, то нападение на доктора «прозвучало» так убедительно, что Виктор окончательно уверовал в свою победу.

Вдруг Рекс глухо зарычал и обнажил клык — на пороге стоял тот самый человек, которого он не смог достать.

— Ты что? — обернулся Виктор. — Что-нибудь случилось?

— Да нет, — вяло сказал доктор. — Выпить захотелось, а одному скучно.

— Ну, для такого дела компанию найти нетрудно, — улыбнулся Виктор, доставая фляжку.

— У меня своя, — остановил его Николай, ставя на стол стеклянную посудину. — Медицинский. Чистый, неразбавленный.

Плеснули в кружки, залпом выпили, закусили.

— А что, «второй фронт» довольно свежий, — сказал Виктор, выковыривая из банки с английскими буквами розоватые ломти тушенки.

— Сойдет, — как-то безразлично бросил доктор.

— Ты чего такой мрачный? — поинтересовался Виктор. — Эх, Машу бы сюда! Как запоет свои уральские, дрожь по сердцу. Слушай, я же просил привести ее. Где она?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Васильев. — И вообще... Налей еще.

Выпили по второй.

— Вот что, Витя, — осмелел доктор, — я давно хочу тебя спросить...

— Валяй. Разведка ведь все знает, но... молчок, — хмельновато усмехнулся он.

— Ни хрена ты не знаешь! В тумане живешь! В двух метрах от себя ни шиша не видишь! — взорвался вдруг Николай.

— О чем это ты?

— О Маше!

Виктор встрепенулся:

— А что Маша? Что?

— Это, конечно, не мое дело. Я знаю: ты ей жизнью обязан, любишь ее, жениться хочешь, а она...

— А она не хочет.

— Хочет. Да не может.

— Стоп! Что значит не может?

— Ты с ней говорил когда-нибудь о семье, родителях, о ком-нибудь еще?..

— На что ты намекаешь? — побледнел Виктор.

— Понимаешь, Витя, письма всем нам, медработникам, приходят в медсанбат. Каждую неделю Маша получает письмо из Свердловска. Раза три я брал ее письма, потом передавал. Они всегда в добротных синих конвертах, с обратным адресом, фамилией и инициалами.

— Ну и что?

— А то, что письма из Свердловска подписаны Орешниковым О. Л. Однажды было написано полностью: Орешников Олег Леонидович.

— Может, брат? Или дядя? Или племянник? — растерянно выдавил Виктор.

— От брата или дяди письма не рвут. Причем не читая.

— Т-ты это видел?

— И не раз!

— Та-ак... Значит, что же? Значит, она...

— Замужем. Потому и за тебя не может выйти. Понял? Мается она, на части разрывается. И тебя любит, и дома... возможно, не только муж, но и ребенок. А меня, честно говоря, другое удивляет: как в ваше время может быть та-

кое — жена на фронте, а муж в тылу? Даже если он какой-нибудь специалист с броней, все равно это ненормально: все женщины ждут весточки с фронта, а она — из тыла. Черт-те что!

«Какой же я дурак! — думал Виктор. — Как же не догадался сразу? Ведь все проще простого. Теперь понятно, откуда ее неуравновешенность, истеричность и даже бесшабашная храбрость: она же с жизнью играет, смерти ищет».

— Но где она? Где она сейчас? — вскочил взволнованный Виктор.

— В тылу, — успокоил его доктор. — Уехала за пополнением. Между прочим, тоже верный признак того, что скоро наступление.

— Это хорошо. Это даже здорово. Ладно, Коля, чему быть, того не миновать. Вернется, поговорю с ней. А ты молчи. Ни звука, понял? С бухты-барахты такие дела не решают. Мало ли что там, в далеком тылу.

— Все понял, — поднялся доктор. — Извини, влез не в свое дело. Ну а Рекса я завтра проведаю обязательно.

Стукнула дверь, Васильев ушел, а Виктор еще долго стоял в углу и крепко сжатым кулаком все бил и бил по земляной стене. Когда кулак стал умещаться в ямке Виктор принял окончательное решение, встряхнулся, открыл дверь и сказал:

— Ну что, Рекс, пошли гулять.

Рекс непонимающе смотрел на полоску света и не двигался.

— Пошли, пошли! — позвал Виктор, направляясь к выходу.

Рекс чувствовал: от него чего-то хотят. Он пытался понять слова хозяина, но они были незнакомы и ничего, кроме беспокойства, не вызывали. Рекс встал, сделал шаг. Лег. Гавкнул. Нет, не то. Он сам чувствовал, что делает совсем не то.

Наконец Виктор сообразил, что надо делать: он сгреб щенят и вынес из блиндажа. Потом вернулся за Рексом. Тот сидел, сжавшись в комок. Виктор легонько потрепал ему уши и подтолкнул к выходу. И тут Рекс все понял! Припадая на больные лапы, он пошел к двери. У порога вдруг замер. Обернулся. И поковылял назад. Подошел к хозяину и потерся о его ногу.

Теперь уже Виктор не понимал, чего от него хотят. Он гладил загривок, трепал уши, но все это было не то. Рекс

сел, с трудом оторвал от пола лапу и легонько поцарапал сапог хозяина.

— Приглашаешь? Ну, пошли. Пошли вместе.

Виктор двинулся к двери, но Рекс сидел. Проклиная свою бестолковость, Виктор крутился по блиндажу. Наверху шумно возились щенята. Дрожал от ожидания Рекс. А Виктор никак не мог понять собаку. И вдруг его осенило!

— Рекс, дружище, ведь ты никогда не гулял без ошейника! Да и поводок снимали редко. Собаки вроде тебя без ошейника только работают.

Виктор снял брючный ремень и сделал ошейник. Вместо поводка привязал кусок телефонного провода.

— Рядом! — сказал он и хлопнул себя по бедру.

Рекс послушно встал и двинулся за хозяином. На пороге зажмурился и на мгновение замер: глаза резанул солнечный свет, а на ноздри обрушился такой шквал запахов, что Рекс заскулил. От свежего воздуха кружилась голова, а лапы покалывали мелкие камешки.

Не раз Рекс пытался остановиться, но хозяин легонько дергал поводок, и приходилось идти дальше. Наконец выбрались на большую поляну. Виктор снял поводок, сказал: «Гуляй!» — и выпустил щенят, которых прихватил в подол гимнастерки. Малыши сразу же начали бегать, кувыркаться, лезть к Рексу. А тот поглядывал на щенят и не решался двинуться с места. Но когда какой-то шалун схватил его за хвост и, мотая головенкой, изо всех сил потянул назад, Рекс шагнул. Озорник тормозил всеми лапками, сердито урчал и волочился следом. Тогда Рекс взмахнул хвостом, и щенок визжащим шаром отлетел в сторону.

Рекс подошел к малышу, лизнул и слегка встряхнул за шиворот. Озорник присмирел. Но тут же в Рекса на полном ходу врезались другие. И такая пошла веселая возня, что на поляну потянулись люди. Заливисто тявкали щенята, басовито порыкивал Рекс, довольно посмеивались солдаты.

Громов тоже посмеивался и ревниво прислушивался к разговорам. Щенята нравились всем. Каждый норовил схватить пушистый комочек и подержать в руках. Но если рядом оказывался Рекс, руки убирали за спину: было в Рексе что-то от угрюмого, свирепого зверя.

А «свирепый» зверь трусил по поляне и принюхивался к людям. Он понимал, что это друзья хозяина, а раз так, то и его друзья. Но друзья друзьями, а хозяина нельзя ни

на минуту терять из виду. От людей ведь можно ждать чего угодно. А сейчас под его опекой и щенята, и хозяин, так что нужен глаз да глаз.

Кто-то предлагал Рексу хлеб и сало, кто-то протягивал сахар, но он не обращал внимания: еду можно брать только из рук хозяина. И если на эти подачки кидались щенята, Рекс строго их одергивал. Но когда Рекса подозвал Виктор и предложил сахар, он осторожно взял кусочек и смачно разгрыз, после чего подпустил своих воспитанников. Те чинно уселись около него, получили по маленькому кусочку и так уморительно захрустели, что лужайка взорвалась от смеха.

Потом собаки снова затеяли возню. А Громов наконец решил рассмотреть Рекса, так сказать, со стороны — придирчиво и без всяких скидок. От могучей ищейки остался только костяк: большая голова, широкая грудь, длинные ноги. В задних еще чувствуется сила, а передние — кожа да кости. Шерсть под гипсом сопрела, суставы вздулись, а синеватая кожа натянута прямо на мослы. На спине и на боках шерсть свалялась, местами вылезла и из блестяще-черной превратилась в тускло-серую. Словом, дохлятина дохлятиной.

Но стоило увидеть глаза — и впечатление менялось. В них не было и намека на слабость, болезнь или ярость. Глаза Рекса то голубели, то отливали синевой, то угольно чернели. А сколько в них любопытства, доброжелательности и озорства! Да, в глаза Рекса стоило вглядеться! В них сияли благодарность и любовь, готовность к самопожертвованию и храбрость. Увидел Виктор и главное — ту безграничную преданность, которая присуща, быть может, только собакам.

В это время на краю поляны появился старшина-артиллерист.

«Ну что ж, — с сожалением подумал Громов, — пусть забирает. Щенки свое дело сделали».

Старшина никак не мог найти Громова. Тогда Виктор встал и поднял руку. В это время Рекс гнался за щенком. И вдруг он увидел знакомый жест. Рекс затормозил сразу всеми лапами, аккуратно подобрал хвост и сел. Он сидел, если так можно выразиться, по стойке «смирно» — не сутулясь, не растопыривая лап, высоко вскинув голову. Вокруг носились щенки, задирались, тыкались в него мордашками, но Рекс не обращал на них никакого внимания и вопрошающе смотрел на хозяина.

Все так и ахнули. Руку Громов вскинул перед собой

и чуть вверх — очень похоже на фашистское приветствие. Солдаты знали, что собака у капитана немецкая, выучку прошла крепкую, и потому решили, что немецкие собаки во время приветствия тоже принимают стойку «смирно».

Естественно, поведение Рекса вызвало неодобрительный гул. А Громов прямо-таки расцвел. Не одну ночь ломал он голову, как начать дрессировку Рекса, как обучить командам. А все оказалось проще простого. Ведь каждая команда подкрепляется жестом. И вот выяснилось, что немецкая школа дрессировки основана на тех же самых жестах, что и наша. Тот взмах, который все приняли за фашистское приветствие, не что иное, как команда «Сидеть».

Громов вспомнил: еще в блиндаже Рекс мгновенно среагировал на похлопывание по бедру, а это означает «Рядом». Виктор хорошо понимал, что Рекс еще не окреп, впечатлений сегодня много и злоупотреблять дрессировкой нельзя, но уж очень хотелось еще раз проверить свое предположение. Виктор поднял руку к плечу и помахал кистью слева направо. Рекс тут же гавкнул. Виктор повторил. Рекс — тоже.

«Ура-а! — мысленно кричал Громов. — Ведь это реакция на команду «Голос»! Значит, я прав. Значит, я был с самого начала прав: и когда тащил его из воронки, и когда лечил, и когда... Молодчина, Рекс! Умница! Да и я, кажется, не дурак!» — улыбнулся он и, взмахнув рукой снизу вверх, сказал: «Гуляй».

Рекс встряхнулся и побежал за тем щенком, который особенно досаждал, пока он сидел, не имея права шелохнуться.

VI

По ходу сообщения несли лейтенанта с погонами артиллериста.

— Что с ним? — спросил Громов.

— Убит, — мрачно бросил санитар.

— Опять снайпер?

— Снайпер. Лупит, зараза, прямо в лоб. За три дня четверых наблюдателей — как не было.

Виктор взял бинокль и осторожно выглянул из траншеи. Изрытое воронками поле. Чахлые кустики. Метрах в трехстах — развалины кирпичного дома. Снайпер там, это ясно. Наши стрелки достать его не могут. Артиллеристы превратили дом в кучу щебня, но снайпер не пострадал.

«Что же делать? — размышлял Громов. — Послать разведчиков? Перебьет, как зайцев».

— Мирошников! — позвал он. — Неужели так и будем его терпеть? Ведь высунуться не дает!

— А что тут сделаешь?! Сидит за кирпичами и высматривает. Все поле как на ладони. Не подпустит даже на бросок гранаты. Хотя, если бегать быстрее пули, можно его достать.

— Как это?

— Я высчитал: по движущейся цели чаще, чем раз в четыре секунды, стрелять невозможно. Пока перезарядит, пока поймает на мушку да сделает упреждение, можно пробежать метров десять и схорониться. Потом высунуть пустую каску, дождаться выстрела — и вперед! Главное, добраться до развалин, а там меткость ему не поможет.

— Так-то оно так. Только дом на высотке. А на поле ни одной глубокой воронки. Сверху-то ему все видно. Да и будь воронка глубокой, вылезать из нее — дело долгое. Так что четыре секунды превращаются в две. Нет, прятаться надо за буграми, а их как раз и нет. Да и бегуна такого не найти.

— А Рекс?

— Рекс?!

— Конечно. Хватит дармовой хлеб есть! Пусть отрабатывает свой паек. Зря, что ли, с ним возились?!

— А что, можно попробовать. Только как собаке объяснить, что́ от нее требуется? Без тебя здесь не обойтись. Пошли.

На лесной поляне разыскали старый сарай. Санька надел пару ватников, а поверх натянул немецкую шинель. Даже винтовку взял немецкую.

— Значит, так, — объяснял Громов. — Ты стреляешь и бежишь в сарай. Я спускаю Рекса, он тебя догоняет и...

— Знаю я это «и»! Наденьте ему намордник, иначе придется меня тащить в медсанбат.

— Хорошо, надену. Но ты все-таки дай себя потрепать. И сопротивляйся, но не в полную силу. Рексу важно почувствовать вкус победы и уверенность в своих силах.

— Какую еще уверенность?!—возмутился ефрейтор.— Здоров, как телок. Его надо на слона пускать, а не на человека!

— Да я не об этом, — улыбнулся Громов. — Сам знаешь, что такое первый бой после госпиталя: кланяешься каждой пуле.

— Понял. Психология. А про намордник не забудьте!

Когда Санька стрельнул в воздух и побежал к сараю, Громов отстегнул поводок и скомандовал: «Фас!» Рекс на секунду замер, видимо соображая, что делать, и бросился не за ефрейтором, а к сараю. Он хорошо знал, что в тесноте бороться труднее, и встретил Саньку у входа. Рекс молча оскалился, молча кинулся в ноги. Санька прикрылся винтовкой. Рекс резко затормозил и в следующее мгновение взлетел на грудь. Санька грохнулся на спину и с ужасом почувствовал холодный собачий нос на горле.

«Хорошо, что намордник делал я сам, — успел подумать он. — Сыромятные ремни ему не порвать».

Когда подбежал Громов, Рекс спокойно сидел рядом с ефрейтором, не давая ему шелохнуться. Он даже ухитрился выбить винтовку и оттолкнул ее подальше: Рекс хорошо знал, что безоружный человек ему не страшен.

— Хорошо, Рекс! Хорошо! — похвалил Громов.

Санька кое-как сел, ошалело посмотрел на Рекса и сказал:

— Нет, товарищ капитан, эти игры не для меня. В каких только ни был передрягах — не трусил. А тут... Как почувствовал на горле его нос, душа ускакала в пятки.

— Ну, это ты зря. Намордник-то надежный... А ты заметил, как он тебя перехитрил?

— Ничего я не заметил, — кряхтя поднялся Санька.— Башка гудит, будто прикладом съездили. А где винтовка? Вот дьявол! Нет, товарищ капитан, дело тут не в рефлексах. Ведь не учили же его оттаскивать оружие подальше от человека? Не учили. Как же он допер, что человек с винтовкой для него опаснее?

— Пес его знает, — пожал плечами Громов. — Давай все повторим. Только теперь будешь сидеть в сарае. Стреляй в Рекса по всем правилам, только холостыми.

— Есть! — буркнул Мирошников.

Не один день Громов тренировал Рекса, пока тот не понял, что́ от него требуется. Он научился вскакивать сразу после выстрела и стрелой мчаться к бугорку или пенечку. Научился замирать и терпеливо выжидать момент для следующего броска. Научился бегать, петляя, так, что его невозможно было поймать на мушку.

На рассвете Громов привел Рекса в окопчик, где сидело сторожевое охранение.

— Ну как? — спросил он. — Снайпер на месте?

— Сейчас проверим, — ответил молодой боец и, надев каску на штык, высунул из окопа.

Звука выстрела не слышали. Зато все слышали, как пуля дзинькнула по каске.

— Ну что ж, начнем, — вздохнул Громов и снял с Рекса ошейник.

Он погладил его мощную шею, потрепал рваное ухо и сказал:

— Понимаешь, Рекс, житья нет из-за этого снайпера. Мы его выкурить не можем. На тебя последняя надежда. Исхитрись как-нибудь, достань этого гада. Каску! — обернулся он к бойцу.

Тот высунул каску, дзинькнула пуля, и Громов, подтолкнув Рекса, скомандовал: «Вперед!»

В два прыжка Рекс долетел до небольшой канавки и замер. В оптический прицел хорошо виден был лоб и рваное ухо собаки, но снайпер так удивился этой мишени, что не сразу нажал на спусковой крючок. А Рекс, будто чувствуя опасность, отполз на более глубокое место. Он терпеливо ждал выстрела, но его все не было. Видимо, фашисту надоело стрелять по пустым каскам, и он ждал более серьезной мишени.

Громов решил «помочь» снайперу и сверкнул из-за бруствера стеклами бинокля. Тут же хлестнул выстрел. А Рекс уже несся к воронке. Следующий выстрел сбил ветку с куста на краю воронки, но Рекс успел скатиться на дно. Отдышался и осторожно выглянул наружу. Впереди — пень. Чуть правее — большой камень. А еще правее — ложбинка.

Рекс напрягся, выскочил из воронки и бросился влево. У самого хвоста щелкнула пуля. Тогда он рванулся вправо и шлепнулся в лужу у самого камня. Пуля отбила кусочек валуна, а Рекс уже мчался к ложбинке. Прыжок! Еще прыжок! Бросок влево, вправо. Просвистело над ухом. Еще прыжок — и он кубарем полетел в ложбину.

Теперь надо отдохнуть и осмотреться. Пока Рекс приходил в себя, снайпер стрелял по кромке ложбины, не давая собаке поднять голову. Но Рекс и не собирался ее поднимать. Он прижал уши, опустил хвост и пополз по ложбине, огибая поле справа.

Снайпер заметно нервничал. Он стрелял и стрелял по тому месту, где Рекс лежал минут десять назад. Не меньше нервничал и Громов: он тоже не видел Рекса. Наконец снайпер успокоился.

А Рекс все полз и полз. Ложбина увела так далеко от развалин, что он уже не чувствовал запаха сидящего там человека. Это никуда не годится. Рекс осторожно высунул

наружу нос и с удивлением обнаружил, что запах человека идет не слева, а сзади. Выглянул из-за бугорка и увидел, что он обогнул развалины с тыла. Где ползком, а где перебежками Рекс помчался к дому. Запах все острее и острее! Вот уже шерсть на загривке встала дыбом, вот уже хвост вытянулся поленом — значит, враг совсем рядом.

Рекс скользнул в щель и увидел серо-зеленый воротник, тощую шею и дряблую щеку, прижавшуюся к прикладу. Сунулся было в дырку, но не пролезла даже голова. Пришлось отступить. Рекс долго ходил вокруг развалин, замирая, когда осыпались камешки, пока не выбрался на остов обгоревшей крыши.

Снайпер отсюда как на ладони. Рекс подобрался, поудобнее уперся в балку, и... она рухнула. Снайпер вскочил, увидел падающее бревно и большую черную собаку, летящую вверх тормашками. Он успел вскинуть винтовку и совсем не по-снайперски дернул крючок. Раздался выстрел, грохот, стон, визг!

...Весь день капитан Громов не находил себе места. Он слышал последний выстрел снайпера и грохот обвала. Кинулся было к развалинам, но прорваться не удалось — таким сильным оказался заградительный огонь фашистов.

А вечером ему на грудь кинулась огромная взлохмаченная тень с какой-то тряпкой в зубах.

— Рекс! Рексик! Целехонек?! Пережидал обстрел? Молодец! Умница! А что это за тряпка?

Рекс чихнул и выплюнул серо-зеленый воротник унтер-офицера.

VII

В диверсионной группе было семь человек и собака. Уже двое суток отсиживались они в полуразрушенном погребе на окраине хутора. Совсем рядом урчали танки, сновали автомобили, бегали солдаты. Рубануть бы из автоматов, забросать гранатами! Но задание есть задание: обнаружить и уничтожить склад горюче-смазочных материалов.

Теперь-то понятно, почему его не смогли найти летчики: все цистерны в густо заросшем овраге. Днем — полная тишина, зато по ночам степь гудит от моторов.

Подобраться к складу невозможно — несколько рядов колючей проволоки, пулеметные гнезда, да и мин наверняка понатыкано. Громов решил уничтожение склада предоставить ночным бомбардировщикам, а цель обозначить

ракетами. Рации с собой не было, поэтому капитан еще вчера отправил с донесением двоих разведчиков. Бомбежку назначили на сегодняшнюю ночь; самолеты должны появиться в час тридцать — обычно в это время скапливается много танков, самоходок и автомашин.

Ровно в час разведчики выбрались из погреба. Хоть осталось их всего пятеро, склад решили взять в кольцо, чтобы ни одна бомба не упала мимо.

Громов остался у погреба. Как командир он понимал, что риск в этой операции очень велик. Одной ракетой не обойдешься, надо стрелять, пока летчики не засекут цель. Но ведь и немцы не будут сидеть сложа руки. И все же другого выхода не было.

— Вот так-то, Рекс, — потрепал он вздремнувшую собаку. — Жаль, что не умеешь стрелять. Бил бы ты из автомата, а я — из ракетницы.

Рекс с присвистом зевнул.

— Понимаю, нагоняю тоску своими разговорами, — усмехнулся Громов. — Послушай-ка лучше, не летят ли наши.

Рекс навострил уши и снова зевнул.

— Все верно, в запасе еще десять минут, — взглянул на часы Громов.

Он разложил ракеты, гранаты, дозарядил автоматные диски. Вдруг Рекс вскочил и уставился в небо!

— Что, летят? — насторожился Громов.

Но сколько он ни прислушивался — с неба никаких звуков. И все же капитан был уверен, что самолеты близко: раз собака насторожилась, значит, в привычный хор танковых и автомобильных моторов влился новый голос, а если Рекс смотрит на небо, да еще на восток, яснее ясного, что́ это за голос.

Вскоре и Громов услышал далекий гул. Он все приближался и приближался... Но самолеты явно шли стороной.

«Может, не те, которых вызвали мы? — подумал капитан. — Но сейчас час тридцать. Таких совпадений не бывает. Они, определенно они!» — решил Громов и поднял ракетницу.

Он стрельнул вверх и в сторону склада. Тут же к складу полетели и другие ракеты. Грянули автоматные очереди. Застучали пулеметы. Но ракеты летели и летели, перекрещиваясь над оврагом. Самолеты подвесили на парашютах светящие авиабомбы. Стало светло как днем. Запоздало забухали зенитки. А самолеты один за другим сваливались в пике и сбрасывали бомбы. Горели танки,

разлетались на куски машины. Наконец прямое попадание в цистерну — и из оврага взметнулся столб пламени! Потом второй, третий!

— Порядок! — обрадовался Громов и стиснул Рекса.— Вот это работа! Ай да летчики! Ай да молодцы! Да и мы ничего себе, да?! Теперь — ходу, в лес.

Из хутора выбрались благополучно, но за огородами напоролись на пулемет. Капитан успел швырнуть гранату, пулемет захлебнулся, и они проскочили в лес. Теперь главное — собрать группу. Когда Громов прибежал к ручью, у которого назначили сбор, все разведчики были на месте.

— Все целы? Раненых нет? Очень хорошо. Уходить надо бегом. На выходе из леса нас наверняка встретят. Поэтому пойдем не кратчайшим путем, а в обход. Попробуем перебраться через линию фронта на участке соседней дивизии. Все. Вперед!

Первым бежал Рекс. Его не надо было ни подгонять, ни сдерживать. Он сразу взял нужный темп, приноравливаясь к шагу разведчиков. Не забывал он и о главном: раз бежит впереди, должен первым обнаруживать опасность и уводить от нее людей. Не раз Рекс менял направление, не раз обходил засады, и все же их настигли. Мотоциклисты перехватили разведчиков в поле и открыли такой огонь, что пришлось залечь и принять бой.

Почему-то немцы не стремились отрезать их от мелколесья, за которым начиналась ничейная земля. В другое время Громов, наверное, догадался бы, что это неспроста, но сейчас, после двухчасового кросса и в горячке боя, не задумываясь повел группу под защиту тоненьких березок. И вдруг грянул взрыв! Взлетел столб пламени, и один из разведчиков замертво рухнул наземь. Капитан все понял: их загнали на минное поле.

— Залечь! — скомандовал он. — Окопаться! С места не трогаться!

Как только раздался взрыв, немцы прекратили стрельбу. А вскоре закричали в мегафон:

— Рус, сдавайся! Вы на минном поле!

Седых стеганул из автомата. В мегафон раздался хохот.

— Через полчаса рассвет. Не сдадитесь, будем гнать по минам. Все взлетите на воздух!

«Неужели конец? — напряженно думал Громов. — Живыми нас не взять: отбиваться можно до последнего патрона, а потом отступать по минному полю. Погибнем, но «языками» не станем».

Громов сидел в неглубокой канаве и методично тюкал

кулаком в стену. Почему-то это помогало думать. В стене уже образовалась довольно глубокая ямка, но он так ничего и не придумал.

Подполз Рекс и сунул в ладони холодный нос.

— Рекс, дружище! И как я о тебе забыл?! — чуть не крикнул капитан. — Ты же все можешь! Рексик, вспомни, мы же с тобой проходили! Помнишь бруски вроде мыла? И запах такой, химический.

Рекс помнил. Рекс все помнил. Когда хозяин показал желтоватый брусок тола, Рекс его обнюхал и запомнил этот запах на всю жизнь. Потом, правда, вышла оплошка. Хозяин разбросал бруски по земле и велел так пройти между ними, чтобы ни одного не задеть, а Рекс быстро собрал их в кучу и, довольный собой, завилял хвостом. Хозяина даже в пот бросило. Он чуть не замахнулся на Рекса, но сдержался и долго объяснял, что надо не приносить эти вонючие бруски, а обходить, и как можно дальше.

Но Рекс ничего не понимал. Выручил Санька.

— Товарищ капитан, у вас найдется батарейка от фонарика?

— Найдется. А что?

— Вы знаете, как собак приучают не брать пищу у чужого?

— Как? Наказывают, наверное.

— Это не наш метод, — язвительно усмехнулся Санька. — Это негуманно. Все гораздо проще и изощреннее. Чужой человек на глазах у собаки разбрасывает куски хлеба, мяса, колбасы, и к каждому куску от батарейки подведены проводочки. Собака еще дурная, к тому же голодная, поэтому хватает первый попавшийся кусок. В этот момент хозяин кричит: «Нельзя!», а другой человек замыкает контакты. Удар несильный, но ощутимый — кусок вываливается из пасти. Собака хватает другой — опять удар. И так — раз сто! А вот когда всю еду разложит хозяин, разряда не будет. Так даже самая глупая дворняжка поймет, что брать еду от чужого — это больно, а от хозяина — приятно.

— Все понял! Мы подведем проводочки к толовым шашкам!

Как же Рексу досталось из-за этих треклятых брусков! Главное — он усвоил, что хватать эти бруски нельзя, их надо обходить. Когда хозяин закапывал бруски в землю и заставлял бегать между прутиками, обозначающими места, где лежат бруски, Рекс делал это играючи, тем более что запах легко проходил сквозь землю.

Наконец Громов убедился, что рефлекс у Рекса надежный. Он отпустил собаку погулять по поляне и присел рядом с Мирошниковым.

— Санек, а откуда ты все это знаешь?

— О чем вы? — Санька сделал вид, что не понял командира.

— О собачьих премудростях. И про сачок ты как-то говорил. Что за сачок?

— Да ну, — отмахнулся Санька. — И вспоминать неохота.

— Я тебя понимаю. У каждого, наверное, есть нечто такое, о чем и вспоминать неохота. И все же лучше набраться духу — пусть будет больно и тошно, зато раз и навсегда освободишься от этой тяжести. Поверь, Саня, я тебе как другу говорю. — Он похлопал парня по плечу.

— Длинная это история, — вздохнул Санька. — Длинная и горькая.

— Ничего, пока сидим в обороне, время у нас есть. Пойдем вперед, будет не до разговоров.

— А-а, была не была! — махнул рукой Санька и достал кисет. Прыгающими пальцами скрутил самокрутку и протянул кисет Громову.

Тот чуточку помедлил, но тоже скрутил толстенную цигарку. Прикурили от кресала. Повозиться пришлось изрядно, но трут дымил исправно.

— Я это кресало ни на что не променяю, — совсем не с того начал Санька. — В январе, когда в Сталинграде немцы сдавались пачками, случайно подслушал разговор. Даже не разговор, а как это... ну, когда говорит один человек?

— Монолог?

— Во-во, монолог! Тянется по степи колонна — тыщи две обовшивевших немцев. Сопровождает их пожилой солдат с трехлинейкой. Холодина, ветер свищет, мы в полушубках и то дуба даем, а немцы в куцых шинелишках. Устали, продрогли до костей, присесть хотят, а дядька не дает. Не от вредности не дает. Он просто понимает, что если немцы сядут, то уже не встанут — закоченеют все как один. Мы шли навстречу. Посмотрел наш командир на покорителей Европы, выругался и велел старшине раскочегарить полевую кухню. Мы так и опешили! И не столько от его приказа, сколько от манеры ругаться: он даже ругался на «вы»! Типичный очкарик, наверное из бывших доцентов. Погиб нелепо — срезал полузамерзший снайпер. Мы знали, что он у нас временно, а привязались к нему

крепко. Почему? Да потому, что была в нем какая-то мягкость, доброта и... не знаю даже, как сказать... Например, он никогда не приказывал, а просил. Но просил так, что отказать было просто невозможно. Да-а... Так вот, объявили привал и нам и пленным. Расположились, можно сказать, рядом. Солдат с трехлинейкой достал кисет, кресало и начал чиркать. А огонь не занимается — и все тут. Он чиркает, а огня нет. Подскочил к нему какой-то немец, залопотал по-своему и протянул зажигалку. Солдат спокойно отвел его руку. Немец лопочет, видно, объясняет, что это, мол, презент, потом вжиг по колесику — и огонь занялся. Но вдруг налетел ветер — и огонь погас. Солдат усмехнулся и с улыбкой сказал: «Немчура ты, немчура, и куда только ты, башка дырявая, забрался?! С этой зажигалочкой в Европах воевать, а не у нас. И вообще, разве это огонь? Ветерок чуть дунул — и огня как не бывало. А мой трут горит! Так и мы, люди русские. Разозлить нас трудно, но уж если разозлимся, загоримся — никакой силой не задуть. Будем мы гореть и жечь вас, пока не спалим Берлин вместе с Гитлером вашим».

Вот такой был монолог. Я подумал, что этот дядька или поп переодетый, или писатель — уж больно здорово душу русскую знает, ведь в самую точку попал с кресалом этим. Как только смог, я раздобыл себе такое же. Очень даже надежный инструмент!

Виктор с интересом выслушал рассказ, но вопросов не задавал. Он понимал, что это присказка, а сказка еще впереди. Подбежал Рекс, потерся о хозяина. Санька хотел было погладить собаку, но Рекс увернулся и помчался по поляне.

— Кто такие гураны, я уже говорил: коренные забайкальцы. Жили мы крепко. Не богато, но в достатке. У нас была лошадь, две коровы и восемь овец. А семья десять душ: отец, мать, старый дед и семеро ребятишек. Так нет же, раскулачили! Батя всю гражданскую прошел, колчаковцев лупил, японцев, а в колхоз не хотел. Уперся — и все. Да что там, гуран есть гуран. Я, говорит, никого не эксплуатирую, семьей работаем. Ну, ему и врезали: приехали на рассвете четверо верховых, разрешили взять только то, что уместится на телеге, ребятишек хоть в подол, и — на станцию. Там загнали в теплушку — и вперед. Широка страна моя родная... Всех ссылали на север, а нас на юг. Очухались под Иркутском. Леспромхоз там ставили, вот мы и взялись за топоры да пилы. Два года всей семьей тайгу валили. Вскоре разъяснение вышло: оши-

бочка, мол, произошла, никакой вы, гражданин Мирошников, не кулак, можете возвращаться в родные края.

Но батя обиделся, крепко обиделся. Старшие братья, правда, уехали — кто куда, а мы, малышня, уже бегали в школу, да и житуха вроде наладилась — с голоду не помирали. Все шло путем, пока батю бревном не придавило. Из больницы пришел своим ходом, но с костылем — левая нога еле сгибалась. На лесопилке работать не мог, а жить надо. Кто-то помог перебраться в город. Как раз в это время в областном центре построили Дом специалистов — для врачей, инженеров, артистов. Батя устроился туда дворником. Квартиру дали, правда, в полуподвале, но дали. Нам она казалась раем: тепло, сухо, даже горячая вода из крана текла, и уж совсем диво дивное — в сортир не надо бегать на улицу.

До третьего класса я был мальчишкой тихим и послушным, а потом — будто бес вселился. Злой стал, как волчонок, хилый, но драчливый и, главное, мстительный. Теперь-то я понимаю, отчего злился: сынки с верхних этажей со мной знаться не хотели. Разоденутся в полосатые футболки со шнурками, натянут белые туфли и гоняют на велосипедах с никелированными крыльями. А я — в задрипанных портках и в синей сатиновой косоворотке с красными горохами величиной с блюдце. Драться стал с сынками. А они здоровые, в разных кружках занимаются — попадало мне по первое число.

Однажды я им отомстил: проколол шины на всех велосипедах. И что же они, гадюки, со мной сделали! Ладно бы фонарей наставили — это дело привычное, но они унижаться не стали: связали мне руки, да не веревкой, а рукавами собственного пальто, приколотили к воротам. За шиворот приколотили двумя большущими гвоздями. А чтобы не дергался, посадили рядом дога величиной с телка и заставили сторожить. Шевельнуться, зараза, не давал. К счастью, прошмыгнула какая-то лохматая сучонка, и этот телок припустился за ней. А я подергался, подергался, воротник лопнул, и я шлепнулся на землю.

— И ты простил?! — взревел Виктор. — Простил такую обиду, такое унижение?!

— Ничего я им не простил, — ощерился Санька. — Эти фрайера ведь только стаей сильны, а поодиночке слабаки, по крайней мере духом. Я знал кое-кого из уркаганов, так что мы подлавливали белотуфельников и метелили без всякой жалости. Но почему-то я больше всего возненавидел того дога, а вместе с ним и всех собак. Да, забыл ска-

зать, что у бати был дружок — выпивали вместе, все звали его Федотычем. Так вот, Федотыч работал на живодерне. Зря морщишься, капитан! Без мыла-то не обойтись, да и унты летчикам нужны. А чтоб ты знал, лучшие унты — из собачьего меха, мыло же вообще варят только из собак. Я думаю, с мылом сейчас потому так хреново, что в тылу собак не осталось.

Короче говоря, Федотыч не раз предлагал подкалымить вместе с ним: дескать, его собаки за версту чуют и удирают, а к мальчишке — со всем доверием. Подумал я, подумал и согласился. Во-первых, хотел отправить на живодерню дога, а во-вторых, мечтал прибарахлиться — в седьмой класс ходил, а одевался в обноски от старших братьев. Не знаю, был ли у Федотыча какой-то план, но если был, то мы его перевыполнили: вскоре в нашем районе не осталось ни одной бездомной дворняжки. Собак с номерами на ошейниках, то есть зарегистрированных в клубах, трогать не разрешалось, но мы брали и этих — ошейники срывали и выбрасывали подальше.

Но я мечтал о доге. Однажды он мне попался — видно, сбежал от хозяина за какой-нибудь сучонкой. А до этого я не раз высматривал его на собачьей площадке, где этих псов учат всяким премудростям: там-то я и узнал кое-что о дрессировке. К этому времени все собаки не только в Федотыче, но и во мне чуяли кровного врага. На расстоянии они исходили от злости, а подойти и цапнуть боялись. Честно говоря, я думал, что трусоваты только дворняжки, а дрессированные овчарки или боксеры не испугаются. Черта с два, удирали и они!

Короче говоря, я подловил того пятнистого дога. Убегать он не собирался. Я с сачком шел на него, а он хоть бы хны. Дело прошлое, но гавкни он как следует, я бы бросился наутек — уж больно здоровенный был пес. Но он только мелко сучил лапами и скалился. И вот когда до него оставалось метра три и отступать было поздно, я вскинул сачок! Видел бы ты, с каким визгом помчался через канавы и лужи этот холеный пес. Поймать его я так и не смог, зато нагнал на него такого страха, что, завидя меня, он мелко дрожал и жался к хозяину.

— Да-а, хлебнул ты немало, — с трудом разжимая побелевшие кулаки, сказал Громов. — И все же... противно. Какие ни на есть, а живые — собаки или кошки, все равно. Я понимаю, барана или курицу — это на еду. Но на мыло...

— Брось, капитан! Как сказал поэт, все работы хороши...

— Так-то оно так. Слушай, а откуда об этом знает Рекс?

— О чем?

— Ну, о твоем собачьем прошлом?

— Сам не понимаю, — развел руками Мирошников. — Иногда я думаю: неужели это навсегда, неужели все собаки мечтают вцепиться в мою глотку? Ну, наши — куда ни шло. А этот, фашист недобитый, он-то чего ярится? Ему что за дело? Я же ему ничего плохого не делал, не обижал, пакостей не строил... Не может же он знать, что именно я всадил в него полдиска!

— И все-таки твою вину перед собачьим родом чует.

— Хрен с ним, пусть чует! Не обо мне речь. Я хотел тебя предупредить: на собаку надеяться нельзя, в критический момент за ее поведение ручаться невозможно, тем более если эта собака овчарка. Она ведь от волка пошла. А волк есть волк, сколько его ни корми, хоть тушенкой, хоть грибной похлебкой, он все равно в лес смотрит. О храбрости этих шавок и говорить нечего: вспомните того дога — он, между прочим, символ верности и бесстрашия, и то несчастного пацана с сачком испугался. А тут — война!

— Не знаю, может, ты и прав, — вздохнул Громов. — Но почему-то в Рекса я верю, тем более что его храбрость под сомнение ставить нельзя. Ладно, Санек, что было, то прошло, — поднялся Виктор. — Хорошо, что ты мне обо всем рассказал. И что зла ни на кого не держишь, тоже хорошо. А что касается Рекса... давай-ка повторим урок с минами. Рекс, ко мне!

...И вот теперь от Рекса зависело все. Громов понимал, насколько рискованное дело затеял. Но сидеть сложа руки и ждать рассвета — тоже не годится. Когда он все объяснил разведчикам, двое решительно воспротивились. «Лучше погибнуть в бою, предварительно уложив кучу фрицев, чем подорваться на минах!» — сказали они. Громова так и подмывало согласиться, ведь они вручали свои жизни собаке.

— Пойдете последними! — приказал им капитан. — Если обнаружат, будете прикрывать. Вперед! — скомандовал он и подтолкнул Рекса в сторону минного поля.

Рекс шел спокойно, уверенно, ни разу не остановился. И хотя он не знал поговорки, что сапер ошибается только один раз, был очень внимателен и осмотрителен. Потом раз-

ведчики рассказывали, что, хотя по ним никто не стрелял, не подкарауливал в засадах, им никогда не было так страшно, как во время перехода по минному полю.

А на рассвете, в тот самый момент, когда фашисты в последний раз предложили сдаться, четверо разведчиков и собака вышли к своим.

VIII

То, что Рекс терпеть не может ефрейтора Мирошникова, знали все, правда, истинная причина этого была известна только Громову. Он, само собой, помалкивал и, кроме того, не особенно верил в то, что Рекс догадывается о Санькином прошлом. Не верил он и тому, будто Рекс спит и видит, как бы отомстить собачьему душегубу. Но факт, как говорится, был налицо, да и Рекс своей неприязни не скрывал.

Все это вызывало у Громова досаду, тем более что он любил и ценил Саньку. Ефрейтор отлично стрелял, быстро бегал, бесшумно ползал, а об исполнительности, бесстрашии, чувстве товарищества и говорить нечего. Вся рота считала Мирошникова прирожденным разведчиком: маленький, юркий, стремительный, он мог вдруг замереть и целый день лежать без движения в пятидесяти метрах от немецких траншей, наблюдая за передним краем.

Но была у ефрейтора слабость, над которой все добродушно посмеивались: Мирошников слыл записным пижоном. Сапоги носил только хромовые, гимнастерки — суконные. А чего стоила новенькая офицерская шинель! Вот только хорошей пилотки у ефрейтора не было. А мечтал он о синей с голубым кантом пилотке летчиков. Наконец Мирошникову повезло: один летчик согласился обменять свою пилотку на немецкий пистолет вальтер. Грабеж, конечно, неслыханный, но ефрейтор молча отстегнул кобуру и отдал летчику.

Целый день щеголял Мирошников в синей пилотке. Побывал в медсанбате, заглянул к связисткам. А вечером его вызвал Громов и приказал: взять двоих разведчиков, выйти на ничейную землю и установить наблюдение за немецким дежурным пулеметом; если удастся, попытаться взять «языка».

— Есть! — козырнул Мирошников и покосился на Рекса.

Тот сидел в углу блиндажа и напряженно следил за ефрейтором. Рекс знал, что он свой и никакого вреда хозяину не причинит, но почему-то каждый раз, когда видел

этого маленького человека, в нем все сжималось и сам собой взъерошивался загривок.

Вот и сейчас, когда Мирошников выходил из блиндажа, Рекс перехватил его быстрый взгляд. Само собой рыкнуло горло, дрогнули губы и обнажился клык. Мирошникова даже передернуло.

— Веселая собачка! — сказал он капитану. — С улыбочкой провожает.

— Это только тебя, — ответил Громов. — Приглянулся ты ему. Обычно после такой «улыбки» он бросается на горло, а тебя не трогает. Чует что-то. Слушай, Мирошников, а может, все дело в пилотке? — хохотнул Громов. — Может, ты ее не выменял, а стянул?

— За что обижаете, товарищ капитан? Махнулся честь по чести. Вальтер, сами понимаете, пилотки стоит.

— Верно, стоит. Ты, кстати, переоденься.

— Само собой. Не в хромовых же сапогах ползти за «языком».

Как только набежали тучи, трое разведчиков скользнули за бруствер и растворились в темноте. Прошел час... второй... третий... Все так же методично взлетали ракеты, время от времени постукивал пулемет. Вдруг загремели гранаты, суматошно затрещали автоматы.

Вскоре в траншею ввалились трое. Двое наших, третий — немец с кляпом во рту.

— Где Мирошников? — спросил Громов.

— Прикрывает. Этого взяли без шума: он от пулемета до ветру отошел. А тут, как назло, ракета. Второй номер заметил и открыл огонь. Ефрейтор велел тащить немца, а сам принял бой.

Пленному развязали руки, вытащили кляп.

— Перестарались, ребята, — вздохнул Седых. — Мертвый немец-то.

— Как это мертвый?! Мы его легонько прикладом по кумполу.

— Я же говорю, перестарались, — снова вздохнул Седых. — Не учли, что он без каски, вот и проломили башку.

Потерять «языка» — для разведчика позор. Обычно с ним обращаются бережно, в перестрелке прикрывают, когда попадают на минное поле, первым всегда ползет разведчик. А тут — все было в норме, и нá тебе! — не уберегли. Парни совсем расстроились, досадливо крякали, прятали глаза. Да и Мирошников что-то задерживался.

— Придется искать, — вздохнул Громов. — Видно, его зацепило. Отлеживается где-нибудь. Пойдут четверо, —

приказал он. — Ищите в воронках и овражках. Если жив, на открытом месте не останется.

Два часа ползали по ничейной земле разведчики и вернулись ни с чем. Громов снова послал их на поиски. До рассвета оставалось совсем немного.

— Черт, потеряем парня! — нервничал капитан. — Забился куда-то. Может, сознание потерял. Придется рискнуть. Седых! — позвал он. — Принеси какую-нибудь вещь ефрейтора: сапог или пилотку.

Седых принес офицерскую гимнастерку, в которой Мирошников красовался перед связистками. Когда ее дали понюхать Рексу, у того сразу поднялась шерсть на загривке.

— Ничего не поделаешь, — успокоил Громов. — Знаю, не очень-то его любишь, но надо искать. Нюхай, Рекс, нюхай!

Что там нюхать! Рекс уже все понял. И когда хозяин скомандовал «Ищи!», он прыгнул через бруствер и пропал в темноте. Рекс сразу взял след и помчался в сторону немецких окопов. Как только взлетала ракета, Рекс замирал, прижимал уши и втискивался в какую-нибудь ложбинку. Потом — бросок. И снова сливался с землей. Вскоре по ноздрям шибанул запах человека. Рекс насторожился: нет, не тот, который ему нужен. Обошел пулеметное гнездо и тут же взял след ефрейтора. Теперь к ненавистному запаху добавился запах крови. Раз пахнет кровью, значит, человеку плохо — это Рекс знал хорошо. Он спешил. Но след уводил все дальше и дальше, куда-то в сторону болота.

Метров через триста Рекс наткнулся на тряпку. Обнюхал. Поднял — та самая пилотка, в которой он последний раз видел ефрейтора.

Когда Рекс добрался до болота, Мирошников уже наполовину затонул: из трясины виднелись только голова да плечи. Очнулся от резкой боли в затылке.

— Нет, гад, не возьмешь! — прохрипел он. — Живым не дамся!

И потянулся к автомату. Цап! Щелкнули зубы, и Рекс перехватил руку. Мирошников окончательно пришел в себя. Он сразу узнал Рекса и решил, что уж теперь-то ему конец: хватанет за горло, и все.

— Ну и пусть, — вяло решил он. — Главное, не достаться фрицам. Для того и забрался на болото. К своим все равно не выбраться. Когда пулеметная очередь прошивает живот, тут уж...

Мирошников снова потерял сознание. Как ни мал и легок ефрейтор, Рексу пришлось изрядно повозиться, чтобы

вытащить его из трясины. Потом он передохнул и потащил ефрейтора волоком.

Когда разведчики, потерявшие надежду найти товарища, возвращались к своим, почти у самых окопов они наткнулись на обессилевшего Рекса и ефрейтора Мирошникова. Тот был в полном сознании, но бойцы решили, что горячка уже началась: ефрейтор просил прощения у Рекса и, не дождавшись ответа, говорил, что все, мол, правильно: ни одна собака никогда его не простит, и вообще не стоило Рексу возиться с таким врагом собачьего рода, каким был он, Санька Мирошников.

Разведчики положили его на плащ-палатку и понесли к окопам. Мирошников все говорил и говорил, а руки его крепко прижимали к животу красную пилотку.

...Когда операция была позади и доктор Васильев пообещал, что Санька будет жить, капитан Громов облегченно вздохнул и поплелся в свой блиндаж. Рекс ждал его у входа. Глаза воспалены, морда заострилась, бока запали, шерсть потускнела.

— Да-а, — вздохнул Виктор, — достается тебе, Рекс. Паек отрабатываешь честно. Ладно, пойдем вперед, отдохнешь. Пристрою тебя около медсанбата, будешь раненых охранять. А мне в наступлении не до тебя. Извини, конечно, — потрепал его уши Виктор, заметив, что Рекс насторожился, — но разлучиться нам придется. А теперь давай отдыхать.

Два дня прошли спокойно. А на третий случилась беда. Побывав у Мирошникова, Виктор выходил из палатки медсанбата, и вдруг его остановил бледный, взволнованный Васильев.

— Беда, Витя, — глухо сказал он, даже не пытаясь совладать с прыгающими губами. — Большая беда.

— С кем? — почему-то шепотом спросил Громов.

— С Машей. Пропала она. Бесследно.

— То есть как пропала? Куда может деться живой человек, да еще в тылу? Немцы, конечно, шныряют — им «языки» тоже нужны, но сюда им не добраться.

— Немцы тут ни при чем, — поморщился доктор. — Она сама. Куда-то сбежала. Черт побери, и я, лопух старый, ведь догадывался, а молчал! Что стоило поговорить с человеком?! Может, и помог бы. Под трибунал пошел бы, а помог!

— Стоп! — взорвался Виктор. — Что ты мелешь? Какой трибунал? О чем догадывался? Чем мог помочь? Говори! — рявкнул Виктор.

— Не ори, — снова поморщился доктор. — Оба виноваты. Но прежде всего —ты! Сколько ты не видел Машу?
— Дней пять-шесть...
— И она ничего не говорила?
— Если ты о письмах с Урала, то я даже не намекал: решил, что не время.
— А как она выглядела?
— Нормально. Только пошатывало ее. И малость бледная. Сказала, от недосыпа. Я сам такой. Забыл, когда ночью спал.
— М-да... А ты знаешь, что в аптечке медсанбата пропала хина?
— А-а, догадался! Где же это она в такую жару подцепила малярию?
— Да не малярию, а тебя, дурака! — взорвался доктор.
Виктор умолк.
— Т-ты хочешь сказать... — боясь своей догадки, наконец выдавил он.
— Да, я хочу сказать, что Маша беременна. И не на первом месяце. В ее положении — это трагедия.
— Какая трагедия?! Это же прекрасно! Я не раз предлагал ей жениться, то есть выйти замуж, не раз предлагал уехать в тыл, а она свое: сейчас, мол, война, сирот и так много.
— Она права! — жестко сказал доктор. — Но я не об этом. Подумай: ты можешь погибнуть в любой момент, дома у нее — муж, который конечно же ее бросит. Значит, ребенок будет незаконнорожденный. Ты хоть представляешь, что значит быть матерью-одиночкой? А каково ребенку с прочерком в графе «отец»?
— Почему одиночкой? Я же вот он. Я жив.
— Пока — жив. И вообще, не о тебе речь. Куда она ушла? Куда может уйти женщина в таком положении?
— Как это куда? К врачу, конечно!
— К врачу?.. Во-первых, в округе на триста километров ни одного гинеколога. А во-вторых, за такие дела — трибунал! В тылу и то за аборты судят, а тут и подавно.
— Погоди-погоди, — нахмурился Виктор. — Кажется, я начинаю догадываться. Ты только скажи: без врача ей не обойтись? Другого выхода нет?
— Нет.
— Тогда она будет искать какую-нибудь бабку.
— Где ее возьмешь, эту бабку? Бабки живут в деревнях, а тут сплошные доты и дзоты.

— Нет, Коля, одна деревенька есть. Четыре избенки осталось, но люди там живут. Не знаю, как насчет бабки, но, кроме как в Глаголевку, идти некуда. По дороге туда километров тридцать, но можно и напрямую. Все! Я знаю, что делать. Рекс, ко мне! Нужно что-нибудь понюхать. Ага, платок!

Виктор достал вышитый крестиком платочек, который Маша подарила ему на прошлой неделе, зажал Рексу пасть и сказал: «Нюхай!» Рекс втянул сладковато пахнущий воздух и вильнул хвостом.

— Порядок, запах взят! Теперь — вперед. Догнать! Догнать и охранять! Рекс, миленький, шагу не давай ступить. Сторожи и никого не подпускай!

Пускать собаку без ошейника — опасное дело, ведь каждая дрессированная собака знает, что в этом случае ей предоставлено право выбора, что делать с человеком — облаять, задержать, покусать или разорвать в клочья. Но другого выхода не было. К тому же Виктор верил в Рекса: зубы он пускает в ход только в случае сопротивления, а у Маши хватит ума не сражаться с собакой.

Рекс покрутился у палаток — следа нет. Потом начал бегать все расширяющимися кругами, пока не замер, вскинув морду.

— Отлично, след взят! — обрадовался Виктор и скомандовал: — Вперед!

Рекс помчался по пыльной колее.

— Теперь кто раньше! — крикнул Виктор доктору и побежал по едва заметной тропке напрямую к Глаголевке.

Бегущий человек в непосредственной близости к фронту — явление редкое, поэтому Виктора останавливали чуть ли не на каждом километре. «Пароль?» Проверка документов. «Куда спешите? По чьему приказу?» Пока отвечаешь, объясняешь, дыхание сбивается.

Наконец в котловине между холмами показались печные трубы. Виктор прибавил ходу. На бегу вспомнил, что дорога подходит к деревне с другой стороны, и взял правее. Спуск. Небольшой подъем. Ручеек. Кустарник. Виктор вырвался из кустов и с ходу чуть не врезался в Рекса! Тот лежал, вывалив язык, и запаленно поводил боками. Нос ободран. Глаза забиты пылью. Шерсть в репьях и колючках. Лапы кровоточат. Но уши стоят торчком! А раз так, значит, он сторожит!

— Где Маша? — спросил Виктор, переводя дух, будто Рекс мог ответить. — Маша! — позвал он. Потом набрал

побольше воздуха, чтобы закричать на всю вселенную... и тут же выдохнул.

Под кустом, опустив босые ноги в ручей, сидела Маша. Виктор кинулся к ней. Остановился, чувствуя, что сейчас не сдержит слез. Прыгнул к ручью, ополоснул лицо. А в висках стучало: «Успел или не успел? Перехватил ее Рекс или встретил, когда она шла из деревни? Лежит вроде бы так, будто отрезал путь к домам. Но кто знает, собаку ведь не спросишь...»

Маша безучастно бросала в воду камешки. В лице — ни кровинки. «У-у, чертова карга!—представил Виктор старуху. — Убью ведьму!» Сел рядом. Отдышался.

— Давно ты здесь?

Маша кивнула.

— А он?

— Давно.

— Ты зачем? Ты что надумала?! — сорвался на крик Виктор. — Разве я... разве мы? Ты же знаешь...

— Знаю, — вздохнула Маша. И вдруг улыбнулась.— Счастливая я все-таки. Сижу вот тут, жду тебя и думаю: «Как же он, бедненький, бежит, как спешит! Никто и никогда не торопился так на свидание, как он!»

Маша вскочила и крепко поцеловала Виктора.

— Дура я, дура! Все бабы дуры, а я дурее всех! Ну как можно бежать от счастья, от судьбы своей, хоть она и не очень сладкая?!

Чего угодно ждал Виктор от Маши, но только не этого. Он не знал, успел ли Рекс, и покосился на собаку. Маша понимающе улыбнулась:

— Да успел наш Рекс, успел! Загнал меня в воду, усадил под кустом и ехидно скалится: что, мол, хозяюшка, не вышло?

Виктор был окончательно сбит с толку. «Наш Рекс»?! «Хозяюшка»?! И это говорит Маша, которая терпеть его не могла и называла не иначе как Гансом?!

— Рексик, песик, — ласково позвала Маша, — иди сюда. Ну-ну, смелее, дурачок, смелее.

И тут Виктор глазам своим не поверил. Рекс, строгий, невозмутимый Рекс, который никого к себе близко не подпускал и уклонялся даже от ласк хозяина, какой-то вихляющей трусцой подбежал к Маше, ткнулся носом в ее щеку и так искренне лизнул, правда, виновато взглянув на хозяина — извини, мол, но ничего не могу с собой поделать,— что Виктор ревниво отметил: «Порядок, контакт есть. Быстро это у них...»

А Маша обхватила Рекса за шею, повалила наземь и затащила в ручей. Она отмыла ему нос, прочистила глаза, оттерла лапы. Рекс фыркал, блаженно щурился, хотя и старательно делал вид, что позволяет все это без всякой охоты.

IX

Разведчики были мрачнее тучи. Сколько уже раз ходили за линию фронта, сколько потеряли друзей на ничейной земле, а «языка» так и не взяли. Куда ни сунься — всюду их ждут. Это настораживало еще больше. Если немцы стали так бдительны, что к ним не могут подобраться лучшие разведчики дивизии, значит, у них что-то затевается. Но что? Ответить на этот вопрос мог только пленный.

И тогда Громов решил: раз утерян главный союзник разведчиков — внезапность, нужно использовать другой — нахальство. План, который он предложил, действительно был не столько дерзким, сколько нахальным.

Работать он решил один, без помощников. Да и себе отводил не главную роль. Солистом в этой операции должен стать Рекс. Разведчики соседней дивизии сообщили, что километрах в двадцати от линии фронта на окраине деревни Марьино особенно сильная охрана. Дорога изрыта следами «опелей» и «мерседесов». Не исключено, что в Марьино находится какой-то крупный штаб.

Вот и все, что знал Громов, отправляясь в поиск. Как и всегда, впереди шел Рекс. Он уверенно провел хозяина мимо всех постов, засад и охранений. Когда забрались в глубь немецкой обороны, капитан сделал привал. Достал карту, осмотрелся, нашел ориентиры, привязался к местности. Пока все шло по плану. Именно у этой высотки с разбитой часовней нужно повернуть на север, через пятнадцать километров — на запад, и тогда они выйдут к деревне с тыла.

На рассвете забрели в густой березняк. За ним — Марьино. Здесь Громов был особенно осторожен: понимал, что подходы к деревне усиленно охраняются. У кромки леса, в каком-нибудь километре от домов, залегли в заросшей крапивой канаве. Теперь — наблюдать и наблюдать.

Целый день Громов не отрывался от бинокля. В Марьино действительно крупный штаб: около бывшей школы он заметил двух генералов. Разглядел даже их лица! Но поди-ка доберись до них.

На отшибе — приземистое здание, видимо амбар. Что в нем, неизвестно, но охраняется дай боже. По дороге ходят двое часовых. Каждые два часа — смена. Начальник караула — с собакой, рыжеватого отлива овчаркой. Громов ревниво отметил, что овчарка рослая, сильная, но какая-то нервная, дерганая: то кинется вперед, то отстанет, то вдруг сядет и начнет вычесываться. Когда начальник караула в третий раз пришел с собакой, Громов понял, что он с ней не расстается и часовые к этому привыкли. Родился план захвата «языка».

Стемнело. По углам амбара зажглись фонари. Сверху они прикрыты щитками, чтобы не заметили с самолета. Часовые все так же мерно расхаживали по дороге. Они ходили, как бы догоняя друг друга. Получалось, что один всегда оказывался около амбара и при этом не терял из поля зрения другого. Потом поворот кругом, и они снова неторопливо шагают по дороге. Расстояние между ними — двести метров.

Громов решил спустить Рекса, как только часовые сделают поворот кругом. Спустить на того, который сзади, и, стало быть, его не видит идущий впереди.

За полчаса до смены караула Громов выбрался из канавы и пополз к дороге. Рядом часто дышал Рекс. В кювете замерли. Мимо спокойно прошел часовой. Моросило, и он накинул плащ. Несколько шагов — и он повернулся кругом. Громов сглотнул комок, подтолкнул Рекса и тихо скомандовал: «Фас!»

Рекс выскочил на дорогу и, виляя хвостом, затрусил навстречу часовому. Тот увидел знакомый силуэт и легонько свистнул.

— А-а, Харрис! — обрадовался он. — Сбежал от скупердяя Вилли? Правильно, дружище, молодец! Сейчас я тебя угощу шокол...

Закончить он не успел. Последние десять метров Рекс преодолел в три прыжка. Бросок! Немец на земле. Рывок — и он в кустах. Тут его подхватил Громов. Начал забивать кляп, но немец дернулся и затих.

Громов даже ругнулся с досады. Рекс явно перестарался: клыки разорвали сонную артерию. Что же теперь делать? Через сорок секунд повернется передний часовой, не увидит товарища и поднимет тревогу. Громов сорвал с немца плащ, накинул на плечи и вышел на дорогу. Не доходя до амбара, остановился якобы по малой нужде. К нему спокойно подошел часовой и сказал, что за компанию, пожалуй, сделает то же самое. Через мгновение он был в ку-

стах с кляпом во рту. Все, можно уходить! И вдруг глухо зарычал Рекс.

— Что такое? — встревожился Громов.

Рекс смотрел на дорогу и как-то странно рычал.

— Черт, только этого не хватало!

По дороге, дурашливо виляя хвостом, бежала рыжая овчарка. Она бросалась в кусты, вспугивала птичек, снова выскакивала на дорогу.

— Та-ак, где-то рядом хозяин. Что-то он не вовремя, до смены караула еще двадцать минут. Видимо, проверяет посты. Что ж, придется встретить, иначе поднимет тревогу, а собака тут же возьмет наш след. Взять! — показал он Рексу на овчарку. — Только тихо, без звука!

Рекс скользнул в кусты, где овчарка с лаем гоняла какого-то зверька. А Громов не спеша двинулся к амбару. Показался начальник караула.

«Ведь он же офицер, — вспомнил капитан. — Тем лучше. Придется брать живым».

Жизнерадостный лай в кустах оборвался паническим всхлипом. Офицер остановился.

— Харрис! — позвал он. — Харрис, ко мне!

В кустах зашуршало.

«Эх, догадался бы Рекс выйти вместо Харриса», — подумал Громов.

Офицер снова и снова звал собаку, а Громов, чуть ускорив шаг, шел прямо к нему. Как назло, офицер стоял на светлом месте. Вскоре и Громов попал в круг света.

— Кольман, какого черта?! — накинулся на него офицер. — Посмотрите, что там в...

И тут обер-лейтенант увидел, что перед ним не рядовой Кольман. Он потянулся к кобуре. Громов, конечно, опередил бы его, но еще раньше это сделал Рекс. Обер-лейтенант грохнулся наземь. Остальное — дело техники. Вскоре он со связанными руками и кляпом во рту вместе с Кольманом трусил за большущей черной собакой. А сзади нет-нет да и подталкивал в спину тупорылый русский автомат.

Обер-лейтенант Шульц хотел жить. Он считал, что знает достаточно много, чтобы заинтересовать советскую разведку. Но Шульц, не один год прослуживший в полиции, знал и другое: ни один опытный преступник, даже прижатый к стене неопровержимыми уликами, не выкладывает все сразу. Нужно сделать так, чтобы следствие шло как можно дольше. А чтобы подогревать заинтересованность

следователя, каждый день выкладывать что-нибудь новенькое. Но самые главные козыри приберечь напоследок. Само собой, следователь должен чувствовать, что эти козыри есть и они настолько важны, что... Словом, Шульц решил перехитрить капитана, который так нагло захватил его в плен.

В то же время Шульц понимал, что и лишнего болтать нельзя: свои же вздернут на первой березе. А в том, что они скоро будут здесь, обер-лейтенант не сомневался: вот-вот начнется операция «Цитадель» и русским несдобровать. Немецкие танки снова выйдут к Волге, а там и до Москвы рукой подать. Москва... Ведь Шульц уже видел Москву, в бинокль, но видел! Потом, правда... Если бы не Гектор, кормить бы Шульцу рыб в той проклятой речонке. Но Гектор вытащил раненого хозяина из полыньи и приволок к окопам. Да-а, это была собака. Не чета тому паршивому псу, который свалил Шульца у амбара. Хотя, если говорить честно, и капитан, и его собака сработали блестяще. Забраться в глубь немецкой обороны, просочиться к штабу армии, без звука взять двух пленных, уничтожить Харриса — это, конечно, высший класс. Нет, русский капитан не так прост, надо с ним быть поосторожнее.

И вот первый допрос. Шульц — сама предупредительность. Он с готовностью сообщил номер своей дивизии, добавил, что недавно пришло пополнение, а в тылу стоят танки, судя по оливковому цвету, переброшенные из Африки.

— «Тигры»?

— В основном «пантеры». Но есть и «тигры», — уточнил Шульц.

— А что в амбаре?

— Продовольствие.

— И шоколад?

— И шоколад, — кивнул Шульц, заметив на столе капитана плитку «Мокко».

— Значит, скоро наступление?

— Почему вы так решили?

— Если в кармане у рядового солдата оказывается дорогой шоколад и фляжка шнапса, значит, получен НЗ. А неприкосновенный запас выдают перед наступлением, не так ли? Мы не первый год воюем и кое-что знаем друг о друге! — улыбнулся Громов, заметив растерянность обер-лейтенанта.

«Кольман! Черт бы его побрал! — мысленно чертыхнулся Шульц. — Набил карманы шоколадом, а выкручиваться — мне!»

— Да, поговаривают о наступлении, — признался Шульц. — Вы, конечно, спросите, когда оно начнется? Об этом я, к сожалению...

— Нет, не спрошу, — перебил Громов. — Обо всем сказала плитка шоколада. Ведь НЗ выдают за два-три дня до наступления, так?

— Так, — опустил голову Шульц.

— Сегодня второе июля. Значит, четвертого?

— В ночь на пятое, — понимая, что теперь ему надо быть искренним и правдивым, выдавил Шульц. Ведь у капитана есть еще Кольман, а тот молчать не станет.

— Видите, как все просто, — стараясь быть спокойным, продолжал Громов. — А теперь поговорим об оливковых танках.

Шульц обстоятельно и не без гордости рассказывал о толщине брони и мощных пушках «тигров», о маневренности «пантер», но Громов слушал вполуха: ведь он узнал главное — день начала наступления. «О танках потом, — решил он. — Надо немедленно написать донесение».

Громов достал бумагу, карандаш и вдруг почувствовал, что в блиндаже что-то изменилось. Поднял голову. Перед ним сидел Шульц и ошарашенно смотрел на... Рекса, вбежавшего в блиндаж. Рекс подошел к столу и, не спуская глаз с чужого, уселся рядом с хозяином. Громов потрепал ему уши и начал писать.

А Шульц не мог оторвать глаз от собаки. «Мой бог, как она похожа на моего верного Гектора! Ах, Гектор, Гектор, если б ты не погиб от русской пули, не сидел бы здесь твой хозяин и не думал, как понравиться этому капитану, как сохранить свою жизнь. Но сходство поразительное!»

Шульц беспокойно заерзал на табуретке. У Рекса дрогнули губы и показался клык. Шульц почувствовал, что сейчас свихнется: так «улыбалась» только одна собака, одна на всем свете. «Гектор?! Откуда? Не может быть! Меня бы он не забыл. А может, позвать? Нет, нельзя! Спокойно, Шульц, спокойно! Сейчас проверим».

У каждого человека, работающего с собакой, есть так называемая скрытая сигнализация: знаки и жесты, понятные только им двоим. Был такой знак и у Шульца — щелчок пальцами. Когда он щелкнул первый раз, Рекс не обратил внимания. Но Шульц щелкал, щелкал и щелкал. Рекс насторожился. Опять щелчок. Что-то шевельнулось в груди. Он нахмурился и тряхнул головой. Снова щелчок. Подталкиваемый какой-то неведомой силой, Рекс шагнул вперед. Щелчок — шаг! Щелчок — шаг! Рекс шел, он не

мог не идти: в глубине его мозга срабатывал старый-престарый рефлекс, и Рекс послушно выполнял команду «Ко мне».

— Что это вы расщелкались? — не отрываясь от стола, поморщился Громов.

— Так. Нервы, — выдавил Шульц.

Обер-лейтенант ликовал. Теперь он не сомневался, что перед ним Гектор, его верный Гектор! «Все ясно. Попал, бедняга, в плен, и его передрессировали. Ну ничего! Первый хозяин — для собаки всегда хозяин!»

Шульц уже представлял, как кликнет Гектора, как тот по его команде бросится на капитана, а Шульц схватит лежащий на краю стола пистолет. Переодеться в гимнастерку капитана — минутное дело. А потом — уничтожить протокол допроса, и русские проспят начало наступления. Если же прихватить карты и документы, которые наверняка есть в столе, и вернуться к своим — это сулит повышение в чине и Железный крест.

«Спокойно, Шульц, спокойно! — говорил он себе. — Сейчас главное — не спешить. Надо, чтобы Гектор окончательно меня вспомнил и признал за хозяина».

Щелчок — шаг, щелчок — шаг. Рекс переставлял ставшие вдруг деревянными ноги и чувствовал, как что-то распирает грудь, как от знакомо-дорогого запаха кружится голова, как сам собой вильнул хвост. В двух метрах от чужого он остановился, поднял голову и жадно втянул воздух. Хозяин! Рекс чуть не заскулил от радости.

Шульц понял, что Гектор его вспомнил, признал и готов беспрекословно повиноваться. А Громов все так же увлеченно писал донесение. На немца он не обращал внимания: раз рядом Рекс, можно быть спокойным.

«Пора!» — решил Шульц. Набрал воздуху, чтобы скомандовать «Фас!», но в последний момент передумал.

«Рычание, лай, шум, возня. Кто-нибудь войдет. Нет, лучше я сам схвачу пистолет и оглоушу капитана». Шульц подобрался. Облизнул мгновенно пересохшие губы. Прыжок. Пистолет в руках. Взмах. Мимо. Капитан вместе с табуреткой откатился в угол. Еще лежа, он крикнул:

— Рекс, взять!

Рекс рыкнул и...

— Гектор, ко мне! — скомандовал Шульц.

Гектор шагнул к Шульцу. Громов вскочил, схватил табурет.

— Спокойно, капитан! — усмехнулся обер-лейтенант и поднял выпавший из рук пистолет.

— Глупо, — стремясь выиграть время, сказал Громов. — И бессмысленно. На выстрел сбегутся люди. Вам не уйти.

— Это мы посмотрим. Со мной — Гектор. А вот ваша песенка спета.

— Гектор? Какой Гектор?

— А вы думали, достаточно дать собаке новую кличку и она забудет хозяина?! Нет, капитан, немецкая школа дрессировки — это вечная верность. Верность фюреру, фатерланду и хозяину.

Громов взглянул на Рекса и все понял. «Да, видно, доктор прав: тушенкой собаку не купишь». Шульц тоже смотрел на собаку. Громов воспользовался моментом и бросился на немца. Тот отскочил. Вскинул пистолет. Но выстрела не последовало: мелькнула рычащая тень и желтоватые клыки мертвой хваткой сомкнулись на руке Шульца.

X

— В ночь на пятое, в ночь на пятое,— барабаня пальцами по гладко выбритой голове, повторял комдив. — Ты это гарантируешь?

— Шульц врать не будет, — ответил Громов.

— Почему? — сверкнул глазами комдив.

— Интуиция.

— Что-о?! — привстал полковник Сажин и возмущенно хлопнул по столу. — Интуиция?! И это говорит командир разведки?! Да ты понимаешь, что значат показания Шульца? Ты хоть представляешь, что будет, если интуиция тебя подведет?! А если немцы затеяли провокацию? Если Шульца подсунули? Уж больно легко ты его взял. Да и разговорчив он не в меру. Сиди, сиди, не ерепенься!— прикрикнул комдив. — Нет, капитан, так дело не пойдет. Что я буду докладывать туда? — выразительно ткнул он в потолок блиндажа. — Молчишь?.. То-то! Ты же не первый год в разведке, — продолжал он уже мягче, — и отлично знаешь: враг не глупее нас с тобой. Одна история с Рексом чего стоит! Честно говоря, до сих пор не понимаю, почему он бросился не на тебя. Может, наша тушенка вкуснее немецкой?..

Виктор молчал. Он сам многого не понимал — ни в поведении Рекса, ни в поведении Шульца. То, что Рекс по-настоящему любил старого хозяина, ясно. Да и Шульц искренне привязан к своему Гектору, то бишь Рексу. «Почему же в критический момент Рекс бросился не на меня?..

Да ну их к черту, эти собачьи дела! — резко оборвал себя Громов. — Сейчас не до них. Комдив прав. Надо действовать, а я разнюнился».

— Товарищ полковник, — поднялся Громов. — Нужно брать контрольного «языка». И немедленно! Врал Шульц или не врал, но не принимать во внимание его показания нельзя. В любом случае времени у нас в обрез. Разрешите действовать?

— Это другой разговор. Действуйте, капитан. Действуйте и помните: счет идет на минуты. Шульца я отправил в штаб армии, его показания уже на столе командарма, а то и выше. Опровергнуть их или подтвердить должны вы — на нашем участке больше просто некому. Ни на секунду не забывайте, какие важные решения могут последовать вслед за этим.

Громов выскочил из блиндажа и побежал в расположение разведроты. По пути он с кем-то здоровался, отвечал на вопросы, но ни разу не сбился с бега на шаг. И хотя он понимал, что капитану негоже так носиться, к тому же каждому ясно: если разведка забегала, значит, что-то затевается, но ничего не мог с собой поделать. Так уж он был устроен. Его закадычный друг доктор Васильев не раз, посмеиваясь, говорил: «Ты, Витя, представляешь собой редчайший психофизический тип. Знаешь, есть такая загадка: что быстрей всего на свете? Ответ: мысль. Так вот у тебя действия опережают мысль. Обычно из таких людей получаются дуэлянты, авантюристы и жонглеры. Нет, я серьезно. Хороший фехтовальщик ведь не думает, куда лучше нанести укол: пока он сообразит, прикинет шансы, его самого проткнут. Так же и жонглер. Да-да, и боксер, — заметив, что Виктор хочет перебить, дополнил он. — Но у таких людей масса жизненных проблем: им все время приходится извиняться за свои поступки, а иногда и проступки. Скажешь, не так? Сделаешь что-нибудь сгоряча, а потом прикинешь на досуге: или человека обидел, или вещь испортил, или... Так что ты, Витя, притормаживай. А еще лучше — вообще остановись и подумай, надо ли спешить».

Совет Васильева не пропал даром. С некоторых пор Виктор набрасывал примерный план действий, а уж потом... с легкой душой его ломал и делал, как велело сердце. Вот и сейчас, добежав до расположения роты, он перешел на шаг, даже сорвал прутик и неторопливо, постегивая себя по сапогу, направился к своему блиндажу.

У входа его встретил Рекс. Он так ожидающе-тревожно и преданно смотрел на хозяина, так мелко перебирал от

нетерпения передними лапами, уши торчали так вопрошающе, а хвост выделывал такие замысловатые кренделя, что у Громова дрогнуло сердце и потеплело на душе. «Вот это друг, — подумал он. — Этот не подведет». Но где-то в тайниках души точил червячок сомнения: «Наверное, так же был уверен в нем и Шульц».

Виктор подозвал Рекса. Тот радостно бросился ему на грудь, лизнул в щеку, но тут же вспомнил, что он на службе, пристроился у левого бедра и зашагал в ногу с хозяином, озираясь по сторонам. Служба есть служба, и надо быть начеку — уж что-что, а это Рекс понимал.

Виктор спустился в прохладный блиндаж, снял портупею и упал на топчан.

«Итак, контрольный «язык», — думал он. — Кто же нам нужен? Только не тыловик вроде Шульца. На передовой другая жизнь и другие люди. Знают они порой меньше тыловиков, но нюх на перемены, тем более если речь идет о наступлении, у людей с передовой особый. И наш солдат, и немецкий по разным мелким признакам точно знает, что́ его ждет. Даже фляжка шнапса и плитка шоколада говорят о предстоящем немецком наступлении. А машины у наших медсанбатов, с которых по ночам сгружают тонны бинтов и медикаментов, разве не признак того, что вот-вот грянут бои? Короче говоря, забираться в глубь обороны не надо. «Язык» нужен тепленький, из первой траншеи. Значит, идти придется на «Шапку». Теоретически, дохлый номер, высота укреплена так основательно, что к ней не подступиться. Но другого выхода нет.

Виктор вскочил, чтобы отдать необходимые распоряжения. Но в последний момент изменил решение: «Стоп, капитан, не суетись. Сперва осмотримся на местности».

Через час группа разведчиков была в первой траншее. Понимая, что наши окопы, ячейки и ходы сообщения хорошо просматриваются с высоты, расположенной в каком-то километре, Громов велел пробираться вперед по одному и с разных направлений. Когда все были на месте, Виктор разделил передний край немецкой обороны на сектора и приказал вести наблюдение с одной-единственной задачей: найти блиндаж, пулеметное гнездо или окоп, к которым можно подобраться с наименьшим риском.

День шел к концу, а передний край фашистов будто вымер. Ночью идти в поиск, а куда? Разведчики хорошо знали, что работать на авось нельзя, поэтому они не отрывались от биноклей.

Выручил молоденький командир стрелкового взвода.

— Товарищ капитан, — обратился он к Громову, старательно потирая то место, где должны расти усы, — если я правильно понял вашу задачу, могу помочь.

Виктор мысленно чертыхнулся: он очень не любил, когда планы разведки становились известны посторонним, — и нехотя сказал:

— Слушаю вас, лейтенант.

— Видите пенечек?

— Вижу.

— Под ним пулеметное гнездо. Днем там никого, но как только начинает темнеть, немцы выставляют «ночника». Стоит у нас чему-нибудь шевельнуться, тот сразу открывает огонь. Солдат там молодой, необстрелянный.

— Почему вы так решили?

— Бьет длинными очередями. И почти не целится. Ему все время кажется, что русские под носом, — вот он и лупит в землю прямо перед собой.

Громов с уважением посмотрел на лейтенанта. «Вот тебе и молодой,— подумал он.— Глаз у парня наметанный. И голова отличная. Далеко пойдет». Виктор с неожиданной теплотой вгляделся в мальчишески строгие глаза лейтенанта и вдруг с силой всадил кулак в стену траншеи. «Каких ребят теряем! Ему же первому поднимать взвод в атаку. Обречен почти на сто процентов. Ну, гады, доберусь до вас и я! Не все же время бережно таскать вас на закорках для допросов. Трехлинеечку бы со штыком — и в рукопашную!»

— Спасибо, лейтенант...

— Ларин. Лейтенант Ларин. — Насколько позволяла траншея и соображения безопасности — вражеские снайперы наверняка не дремлют, — выпрямился и стал по стойке «смирно» светлоглазый юноша. — Разрешите дополнить?

Громов кивнул.

— Отсюда не видно, но правее «Шапки» пойма пересохшей речонки. Пересохла она, правда, не до конца, но местность там заболочена. А раз так, должна быть трава, скорее всего осока.

— Откуда такие сведения? — оторопел Громов.

— Лягушки по ночам квакают. Такие концерты закатывают, что забивают соловья, — тихо засмеялся лейтенант.

— Соловья?!

— Так точно. Поселился один отчаянный соловьишка вон в той рощице. Петь начинает ровно в ноль тридцать.

А лягушки будто этого ждут: тут же вступают хором и забивают соловья. Умора, честное слово, — совсем не по-уставному закончил он.

Лейтенант рассказывал, улыбался, крутил будущий ус, а Громов совсем погрустнел: ему было до боли в сердце жаль паренька. «До чего же наблюдателен, умен и, скорее всего, неробкого десятка. Такие чаще всего и гибнут. Ударит через пару дней из-под того пенечка пулемет, прижмет взвод к земле; ротный будет материться, угрожать трибуналом. Поднимется Ларин во весь рост, взмахнет своим ТТ, крикнет: «За мной! В атаку — вперед!» — и тут необстрелянный немецкий пулеметчик оборвет на полуслове жизнь необстрелянного русского лейтенанта. Ну уж нет! — с неожиданной решимостью подумал Громов. — Кто-кто, но только не тот, из-под пенечка! Его мы возьмем. Сегодня же ночью и возьмем!»

...Двенадцать пар глаз неприязненно следили за луной. Еще полчаса назад была ночь как ночь — невозможно отличить куст от человека, и вдруг — луна! Пришлось ждать хоть какого-то облачка.

Для этой операции Громов отобрал самых опытных разведчиков. Вначале он хотел поручить командование группой старшине, но Седых накануне выпил колодезной воды и сильно кашлял. Виктор решил сам возглавить группу захвата, а старшине, вняв его просьбам, поручил прикрытие.

— И чтобы ни звука! Забей себе кляп в глотку, умри, но умри тихо.

— Есть, тихо, — бухнул Седых. — Я буду сзади, так что не беспокойтесь.

— Ты сзади, я сзади, а кто впереди? Эх, Мирошникова нет! Кто сейчас нужен, так это Санька. Там, где проберется он, никто не пролезет.

— Кроме Рекса.

— Рекса?! А что, это мысль. Помнишь, как он вывел нас с минного поля? Думаю, в той лягушачьей пойме тоже кое-что понатыкано. Дело говоришь, старшина, дело, — обрадованно потер руки Громов. — Решено: раз нет Саньки, берем Рекса.

Двенадцать пар глаз по-прежнему неприязненно следили за луной. Разведчики пользовались вынужденной передышкой, чтобы передохнуть или хотя бы пососать нераскуренную цигарку. Курить в поиске Громов всех отучил, А после того как однажды по такому крошечному огоньку ударил снайпер, капитан сказал, что курение в разведке, да еще ночной, будет рассматривать как нарушение воин-

ского приказа. С тех пор от греха не брали с собой ни спичек, ни зажигалок. Но помусолить самокрутку никто не запрещал, и разведчики невесело шутили, говоря, что из курящих медленно, но верно превращаются в жвачных.

Разведчики отдыхали. А вот Рекс вел себя странно: у него дрожала спина, завалились уши, а морду он уткнул в лапы и так крепко сжал зубы, что казалось, они начнут крошиться. А все луна. Виктор не в первый раз наблюдал такое непонятное поведение собаки, сочувствовал ей, но ничем помочь не мог. Откуда было знать Рексу, что́ за силы клокотали в нем и просились наружу. Ему хотелось подняться во весь рост, задрать морду и выть, глядя на этот круглый неподвижный фонарь.

«Да, Рекс, видно, во втором или третьем поколении в твоем роду были волки, — думал Виктор. — Именно от них — обостренное чутье, выносливость, сила и... диковатость. Ничего не попишешь, голос крови — это серьезно. Эх, взвыть бы тебе сейчас или хотя бы гавкнуть как следует... Понимаю, Рекс, понимаю, вижу, как ты маешься, и ценю дисциплинированность. Умница, Рекс, молодчина!» — легонько погладил он крутой загривок собаки.

Громов глянул на часы: ноль тридцать, а на небе все еще ни облачка. И вдруг где-то за спиной кто-то слабо свистнул. «Что за безобразие! — чуть не вскинулся Громов. — Демаскируют, черти полосатые!» Но свист повторился. Потом послышалось журчащее бульканье, будто переливали воду или по камушкам спешил маленький ручеек.

— Соловей, — прошептал Седых, подползая к командиру.

— Да ну! — охнул Громов. — Так это и есть соловей? Ни разу не слышал.

А журчащее бульканье перешло в гортанное клыканье с такими нежными переливами и таким заливисто-задорным пересвистом, что души разведчиков размякли.

Ах, соловушка, соловеюшка! Пичужка махонькая, неказистая, а заголосит — лес дрожит. Сколько же русских людей живет мечтой услышать тебя, скольким слабым давал ты силы, скольким сомневающимся дал уверенность, сколько смягчил суровых сердец, сколько сладких девичьих слез пролито под твое пение, сколько детишек зародилось под твой волшебный посвист!

Виктор перевернулся на спину, отложил автомат и раскинул руки. Он раскинул свои ни разу не державшие ребенка руки так широко, будто хотел обнять своих еще не

родившихся сыновей, внуков — всех-всех, кто жив и кто еще появится на свет. До чего же радостно, до чего светло на душе! Пой, соловеюшка, пой! Весь мир, вся Россия слушает тебя. Но ближе всех к тебе тринадцать русских солдат, лежащих на ничейной, но все равно русской земле. Через несколько минут им ползти по минному полю, молча биться врукопашную и молча умирать. Но когда в последнем хрипе им прощаться с этим миром, они вспомнят не только всю свою короткую жизнь, но и, как прощальный подарок, тебя, храбрый соловеюшка.

— Ишь ты, ишь заливается, — нежно басил Седых.— Вот это коленце — раскат. Слышь, командир, как будто горохом сыпанули по серебряному колокольчику! Ай да молодчага, вытянул прямо в лешеву дудку. Чуешь, вроде как попугивает... Во-о, а теперь заманивает — это кукушкин перелет. Не-е, считать не надо, больше десяти не даст. Чего десяти? Может, лет, а может, минут... Тсс, сейчас будет самое главное. Затих, малец, запыхался. Вот оно, пошло, пошло,— возбужденно тыкал он командира в плечо.— Сперва — оттолчка, а теперь без передыху — юлиная стукотня. Ну, дает, ну, артист!

И действительно, над притихшим полем, над замершим лесом, над бесчисленными танками, пушками, самолетами, над зарывшимися в землю людьми неслась неправдоподобно прекрасная песня.

Но вдруг, как гром среди ясного неба, как залп дивизиона «катюш», на это пленьканье, клыканье, на свисты и трели навалилось неправдоподобно яростное кваканье лягушек. Они квакали так зло, будто не могли простить себе, что слишком долго слушали конкурента. Где-то у траншеи качнулся куст, и тут же с высоты резанула пулеметная очередь. Виктор быстро перевернулся на живот, передернул затвор автомата и подтолкнул притихшего Рекса: «Вперед!»

Луна ушла в облако, идиллия закончилась, и снова в свои права вступила война. Громов был так уверен в Рексе, что пустил его впереди саперов: слалом по минному полю был ему не впервой, а ждать, когда саперы расчистят проход, некогда. Другое дело — обратный путь, не исключено, что придется отходить с боем да еще волочить «языка», поэтому саперы замыкали группу разведчиков и деловито снимали мины, готовя безопасный коридор.

Вот и заросшая травой пойма. «Только бы не переполошить лягушек, — подумал Виктор. — Пока они орут, немцы будут спокойны». Но лягушки надрывались с упое-

нием, им не было дела ни до людей, ни до собаки. Стоп! Дальше открытое место. Громов послал вперед глаза и уши разведгруппы — самых чутких и зорких. Сам остался между ними и группой прикрытия. Потом подумал и отправил вперед Рекса. Его силуэт хорошо просматривался на фоне перепаханной высоты. И вдруг Рекс замер. Замерли и дозорные. Виктор осторожно подполз к ним.

— Что случилось? — спросил он шепотом.

Но можно было и не спрашивать: морда Рекса вытянулась вперед, уши встали торчком, и поленом вытянулся хвост. «Все ясно, — подумал Виктор. — Чует человека».

— Слышу шорох, — шепнул один из разведчиков.

— А я вижу силуэты.

— Точно, люди, — подтвердил Громов. — Может быть, наши, разведчики из соседней дивизии?

— Едва ли. Уж больно уверенно идут — почти в полный рост.

— Пятнадцать человек, — сосчитал самый зоркий.

— Тихо. Замри! — приказал Громов.

Силуэты все ближе. Если это немцы, пора стрелять. Но Виктор никак не мог отделаться от мысли, что перед ним, возможно, свои. И вдруг за спиной раздался глухой страдальческий кашель. «Черт подери! Седых! Не выдержал!» — чуть не закричал с досады Громов. Силуэты замерли. Оттуда прошелестело: «Штиль!»

— Немцы! — обрадовался Виктор и выстрелил.

Загремели автоматы, загрохотали разрывы гранат. Через несколько секунд все было кончено. Но вот ведь беда — ни одного живого немца. И до пулеметчика теперь не добраться. Бой был так скоротечен, что ни в немецких, ни в наших траншеях не могли понять, что произошло на ничейной земле, — обе стороны выжидательно молчали. А разведчики, забыв об осторожности, бегали у подножия высоты и все время натыкались на трупы. И тут Громов услышал глухое рычание, хриплый лай и панический вопль вперемежку с немецкой руганью.

— Ура, живой немец! — крикнул Седых.

В тот же миг из-под пенечка ударил пулемет. Он бил длинными очередями, вспарывая землю у самого подножия высоты, а потом пулеметчик задрал ствол — и отрезал разведчикам пути отхода.

— Седых, ко мне! — позвал Громов. — Зайди слева и бей трассирующими. Бей хоть в небо, главное, чтобы он тебя заметил.

— Есть! — кивнул старшина.

Через минуту из-за бугорка потянулся веер трассирующих очередей. Пулеметчик тут же перенес огонь левее. Виктор знал, что из-за вспышек собственного пулемета немец несколько ослеп, и рванулся прямо к амбразуре. Рекс бросился за ним. «Надо бы остановить», — мелькнула мысль. Но сейчас Громов был в том счастливом состоянии, когда действия опережают мысль. Граната была всего одна, поэтому работать надо наверняка. Не добегая до пенечка, Виктор остановился, опустился на колено, глубоко вдохнул и на выдохе бросил гранату. Она влетела точно в амбразуру.

«Порядок, — удовлетворенно подумал Виктор, катясь с откоса. — Ты лейтенанта Ларина уже не достанешь. Кто другой — возможно, но не ты!»

Когда Громов догнал группу, Седых доложил:

— У нас двое раненых. Убитых нет.

— Что немец?

— Цел. Ни царапинки.

— Береги гада. Чтоб таким же целым и доставил!

На допросе Громов не присутствовал, но через полчаса его вызвал полковник Сажин.

– Ну, капитан, натворил ты дел. Каша заварилась серьезная.

— Не понял.

— Шульц, кажется, был прав. Бруно Грубер, которого ты приволок, оказался сапером. И вообще вся их группа состояла из саперов. Знаешь, что они делали на ничейной земле? Проходы для танков. К тому же он из шестой дивизии.

— Вот так штука! Пять дней назад перед нами была восемьдесят шестая.

— То-то и оно! Потрепанную дивизию сняли и заменили свежей. А мы это проморгали. Э-эх, а я думал, в моей дивизии хорошая разведка. Погоди, не ерепенься! Сейчас не до того. У Грубера карманы набиты шоколадом и сигаретами, а во фляжке — шнапс. Говорит, что НЗ выдали вчера вечером.

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Виктор и нанес свой коронный удар — прямой правой — по уложенной дерном стенке блиндажа. — Значит, начинаем?

— Не знаю, капитан, не знаю, — взволнованно шагал туда-сюда комдив. — Но, судя по тому, что пленного затребовал штаб фронта, назревает что-то серьезное.

— Наступление! — убежденно сказал Громов.

— Вот именно. Только не наше.

— Не наше?!.

Была глубокая ночь. Часы показывали начало третьего, а стало светло как днем — небо озарилось тысячами всполохов. Все гремело, стонало и дрожало — тысячи орудий, минометов и «катюш» открыли огонь по врагу. Началась Курская битва!

Не знал тогда капитан Громов, что начало величайшего сражения второй мировой войны ускорил он: именно после допроса Бруно Грубера К. К. Рокоссовский доложил Г. К. Жукову о готовности немецких войск в три часа утра перейти в наступление. И тогда маршал Жуков отдал приказ обрушить на врага мощь всей артиллерии фронта.

XI

Отгремела артиллерийская канонада. На окопы и траншеи навалилась прямо-таки довоенная тишина. Все изготовились к атаке, но приказа идти вперед не было.

— Чего тянем? — ворчали бывалые солдаты. — Пока немец не очухался, самое время брать его за грудки.

«И действительно, чего сидим? — недоумевал лейтенант Ларин. — Пока не рассвело — бросок, и первая траншея— наша. Потом вызываем огонь на вторую траншею, ждем, когда ее обработают, — и снова бросок. Элементарно! В училище за тему «Взвод в наступлении» — пять баллов, а под Поныpями — орден. Нет, нет, так не бывает: первый бой — и сразу орден; медаль — куда ни шло... А почему я не волнуюсь? Странно как-то. Все говорят, главное — не оплошать в первом бою. Покажешь себя смелым, грамотным командиром — солдаты за тобой пойдут в огонь и воду, растеряешься или, не дай бог, струсишь — хана, лучше уйти в дальний окоп и использовать заветный патрон. А я не согласен! Волгу я тоже переплыл не с первого раза: поначалу барахтался у берега, потом научился справляться с течением, а в конце лета спокойно перемахнул на другую сторону. Понял, все понял! — крутанул он никак не отрастающий ус. — Я не волнуюсь, так как не знаю, что меня ждет. А вот и знаю, — услышал он нарастающий гул. — Сейчас начнется бомбежка».

В этот миг из-за леса брызнули первые лучи солнца. Они так четко высветили надвигающуюся с запада армаду самолетов, что Ларин на долю секунды залюбовался этой картиной. А потом бросился по траншее.

— Убрать с бруствера пулеметы, — приказал лейтенант. — Никому не высовываться. Автоматы завернуть в

плащ-палатки, иначе затворы забьет землей. Все, началось! — крикнул он и упал на дно траншеи.

Больше Ларин ничего не видел и не слышал. Он только чувствовал, как вздыбилась и опрокинулась земля. С каким-то непонятным удивлением он чувствовал и другое: взрывные волны доносились не сверху, а откуда-то снизу, из глубины земли. Лейтенанта подбрасывало, швыряло в стороны, засыпало, снова куда-то кидало.

А капитана Громова бомбежка застала у танкистов. Когда началась артподготовка, он вернулся в свой блиндаж. Рекс встретил его сдержанно, да и Виктору было не до нежностей. Скоро наступление, а вперед идти надо налегке. Поэтому Виктор решительно сгреб весь скарб, которым оброс, пока сидели в обороне, засунул его в угол, а в вещмешок уложил только самое необходимое. И вдруг он заметил снарядную гильзу со свежим букетом полевых цветов.

«Маша, — екнуло сердце. — Здесь была Маша. Нашла время. А я...»

— Рекс, что делать? Ты хозяйку видел?

Рекс блаженно щурился и, насколько позволяла его могучая пасть, тонко поскуливал. А потом настойчиво гавкнул и поцарапал дверь.

— Правильно, Рекс. Умница. Надо ее навестить. И немедленно!

Канонада продолжалась, а Громов мчался к медсанбату. Рядом черной тенью стлался Рекс. Вот и хорошо знакомая рощица, палатки с красными крестами, снующие туда-сюда люди в белых халатах. «Да, работенки им сегодня прибавится», — подумал Виктор. И тут он увидел своего старого друга хирурга Васильева.

— Коля! — окликнул его Громов. — Николай, ты что, меня не слышишь?

— А, это ты... Привет, разведка, привет. Что нового? Как собачка? — покосился он на Рекса.

— Твой бывший пациент на здоровье не жалуется, — пытался говорить в традиционной шутливой манере Виктор. — А вот я в медицине нуждаюсь, причем остро!

— Что такое? — встревожился доктор.

— Твоя помощь не нужна: резать и штопать пока нечего. Так что обойдусь средним медперсоналом. Лучше всего с моими проблемами справится младший сержант Орешникова. Прошу дать ей увольнительную на несколько минут.

— Да тут я, тут, — послышалось за спиной.

Маша сидела на корточках и гладила разомлевшего

Рекса. Васильев посмотрел на собаку, на беззаботно улыбающегося Виктора и махнул рукой.

— Ну и семейка! Вы когда-нибудь повзрослеете? Вот-вот наступать, а они... Ей-богу, будто дети малые.

Рекс почувствовал осуждающие интонации в голосе доктора — и сам собой у него обнажился клык.

— И собачка у вас улыбчивая. Свинья неблагодарная: я его с того света вытащил, а он — с угрозами.

— Да ладно тебе, не ворчи, — обнял его за плечи Виктор. — Потому и забежал, что скоро наступление. Драка предстоит серьезная. А на такое дело надо идти в хорошем настроении и на всякий случай в чистом белье. К тому же не вредно испросить прощения у всех, кого ненароком обидел. Сейчас, конечно, не до этого, но наши предки поступали именно так.

— Начитанный какой, прямо ужас! — театрально всплеснул руками доктор. — И когда ты все успеваешь? Неужели все это сказано в уставе: других книг я в твоих руках не видел.

— Доиграешься, Коля! Смотри, пожалуюсь Рексу.

Потом он отвел доктора в сторону и, виновато поглядывая на Машу, сказал:

— Спасибо, что вовремя предупредил. Рекс Машу догнал, и от бабки-повитухи мы ее спасли. Маша действительно беременна. Это же так здорово! У меня будет сын. Коля, дружище, надо любой ценой Машу сберечь. Не пускай ее вперед... Держи возле медсанбата, здесь все-таки потише. Погоди, не перебивай! Ты один знаешь все. Если что со мной, вот адрес матери: пусть Маша едет к ней и рожает в Москве. Помоги ей, Коля, помоги! В графе «отец» не должно быть прочерка. Я не знаю, кому какую писать бумагу, тем более у Маши еще нет развода, но надо, чтобы по совести, чтобы пацан не страдал. Ты все скажи. Кому надо... Это я так, на всякий случай, — перевел дух Виктор. — Умирать не собираюсь, но на войне это случается.

— Какая же ты все-таки с... — прочищая неожиданно запершившее горло, начал Васильев.

— Скажи: собака! — воскликнул Виктор. — Для тебя это слово ругательное, а для меня — лучшее изъявление дружеских чувств.

— Да ну тебя к черту, — махнул рукой Васильев. — Ладно, иди. Воюй спокойно. А в своих проблемах будешь разбираться сам. На меня можешь рассчитывать только в одном: обещаю быть шафером. Все-таки фронтовые свадьбы не каждый день бывают, так что подарок — разные там

пеленки-распашонки — за мной. Вручу, само собой, тайно, чтобы прилюдно не смущать невесту.

А невеста сидела возле Рекса и вычищала из шерсти колючки.

— Рексик, собаченька, — приговаривала она, — все бегаешь, все носишься по кустам да оврагам. Хозяин не дает покоя. Да? Он такой, я его знаю. Но делать нам с тобой нечего: раз уж выбрали его, будем бегать вместе. Ты там за ним присматривай, а то он вечно вперед лезет. Но ничего, остепенится! Станет отцом — и остепенится. Эх, собачка, и как я буду выпутываться, ума не приложу. Но назад хода нет, это решено. Решено, да?

Рекс внимательно посмотрел на Машу и медленно моргнул.

— Ну вот, раз и ты со мной согласен, значит, так тому и быть. Будет у тебя еще один хозяин: маленький, сладенький.

И вдруг Маша заплакала. Слезы так и брызнули. Она чувствовала, что ей неудержимо хочется не просто плакать, а выть, откровенно, по-бабьи выть.

«Нет-нет, нельзя!» — приказала она себе. Но слезы текли ручьем. Чтобы не зарыдать в голос, Маша стиснула шею Рекса, зарылась лицом в шерсть.

Рекс ничего не понимал. Такого с ним еще не было. Соленая влага стекала по шее, он ее слизывал и чувствовал такую невероятную и такую сладкую слабость, что не выдержал и жалобно, прямо-таки по-щенячьи, заскулил. И тут Маша зарыдала в голос!

— Что это вы? — изумился Виктор. — Что за концерт для солистки с собакой?

Но ни Маша, ни Рекс не обращали на него внимания. Виктор смущенно топтался рядом и не знал, что предпринять. Но вот Маша всхлипнула в последний раз, одним рукавом вытерла слезы, другим — собачью морду, поднялась, расправила складки гимнастёрки и сияющими глазами взглянула на Виктора.

— Все в порядке, капитан. Не осуждайте. Бывает. Накопилось всякой всячины. Ну, что у тебя? Как живешь?

— Да так, беготня. Я, Маша, заскочил... Понимаешь, увидел цветы, и так захотелось тебя обнять.

— Обними.

— Неудобно. Люди смотрят.

— А мне удобно, — озорно улыбнулась Маша и крепко поцеловала Виктора.

— Ты смотри... поаккуратней, — наставительно начал Громов. — Бои будут серьезные. Вперед не лезь.

— Ты тоже.

— Ну, я — это я. Я — другое дело.

— Вот именно. У каждого свое дело. Ты, Витенька, не мельтеши и понапрасну не волнуйся. Тут уж как судьба распорядится... А я вчера гадала. У одной девчонки карты нашлись, так я не удержалась. Если карты не врут, предстоит нам с тобой дальняя дорога, потому что есть общий крестовый интерес. И утешимся мы маленьким-маленьким валетиком!

— Так тому и быть! — широко улыбнулся Виктор, уже не стесняясь, поцеловал Машу и побежал в расположение разведроты.

Именно в этот миг из-за леса брызнули первые лучи солнца. Они так рельефно и так четко высветили надвигающуюся с запада армаду самолетов, что Громов на секунду залюбовался этой картиной. В следующую секунду он понял, что надо немедленно искать укрытие. У самой кромки леса стояли закопанные по самую башню танки. Громов бросился к ним и юркнул под ближайший. Рекс пристроился рядом.

— А-а, Громов! — услышал Виктор хрипловатый басок.

— Ба, Маралов! — обрадовался Виктор. — Вот так встреча! Ты как здесь очутился?

— Своим ходом. Триста верст на гусеницах — и я на славной курской земле, — покусывая травинку, заявил танкист.

— И давно здесь?

— Трое суток.

— Отмахать триста верст и зарыться в землю? Вот-вот наступать, а вы по самые уши в черноземе. Что-то я тебя не понимаю.

— Эх ты, пехота, — хлопнул он Виктора по плечу. — Это ведь только кажется, что танк — броневой щит. Поджечь его ничего не стоит. Даже паршивая бутылка с зажигательной смесью останавливает эту массу железа. А для пушки или самолета нет лучшей мишени, чем «железный гроб». Так что я взял за правило: до поры до времени сидеть тихонько и не высовываться.

— А как нога? Я ведь из госпиталя вышел раньше тебя.

— Костяная! Своя! — хохотнул Маралов.

Танкист балагурил, смеялся, а Виктор никак не решался взглянуть ему в лицо. Он побаивался это делать еще в гос-

питале, а ведь их койки стояли рядом. Танк Маралова подбили в последний день Сталинградской битвы. Тридцатьчетверка пылала, как сноп соломы. Экипаж погиб. Весь. Погибшим считали и командира роты Маралова, даже похоронку отправили. Но когда спецкоманда осматривала обуглившиеся танки и собирала то, что осталось от экипажей, комроты застонал. Потом госпитали, операции, пересадки кожи. Все бы ничего, если бы не лицо. Ни бровей, ни ресниц, ни волос на голове. Ушей и носа — тоже почти не было. Сплошной ожог, прикрытый тонкой лилово-красной кожей.

Но Маралов не унывал. Не было в госпитале человека веселее его. Он балагурил, острил, по любому поводу сыпал анекдотами. Никому и в голову не приходило жалеть старшего лейтенанта или сочувственно расспрашивать, как он думает жить дальше. И вот ведь чудеса: самые хорошенькие и самые неприступные медсестры прямо-таки роились вокруг Маралова. Но что больше всего поражало претендентов на роль госпитальных сердцеедов: в глазах девушек не было и намека на сердобольность или жалостливость, нет, и голубоглазые, и черноокие светились неподдельной влюбленностью в танкиста. Вот и пойми женскую душу!..

Маралов шел на поправку. Лицо его не смущало, а вот нога не давала покоя: два перелома и разбитое колено. Это не шутки.

— Хотят списать подчистую, — хрипел он Виктору по ночам. — Черта с два! Не на того напали. Да я одной рожей так испугаю фрица, что тот вмиг околеет. Лишь бы сесть в танк. Ты же спортсмен, помоги, придумай, как разработать сустав: на комиссии сказали, что вся загвоздка в нем.

И Виктор придумал. Тут была и бесконечная ходьба по лестницам, и лазание по шведской стенке, и велосипед... В тот день, когда Громов выписывался, Маралов, хоть и сильно хромая, но уже без костылей проводил его до ворот.

— До встречи, — обнял он Виктора. — Война хоть и большая, но там тесно. Увидимся! И вообще предлагаю въехать в Берлин на моей броне.

— Принято, — улыбнулся Виктор. — Я тебе напишу.

Но так и не написал. И вот теперь командир танкового батальона капитан Маралов принимает товарища по госпиталю под своей тридцатьчетверкой.

— Помнишь, Громов, я тебе говорил, что на войне тесно и мы увидимся?

— Ага.

— Так давай за встречу. По глоточку, — отстегнул он фляжку. — А то когда еще придется? Сейчас здесь такое будет!

— Давай. Я рад. Честное слово, рад, что ты в строю, что комбат, и вообще...

— Я тоже. Ну, будем живы! — Маралов сделал изрядный глоток, передал фляжку Виктору, а Рексу протянул сухарь.

— Не возьмет,— заметил Виктор.— Ест только из моих рук.

— Сам научил? Молодец, собачина, так и надо. Доверяй только хозяину. Ну, все, братцы, началось! Теперь — лишь бы не прямое попадание.

Обработав передний край, «мессеры» и «юнкерсы» навалились на рощицы и перелески, которые как ни маскируй, а сверху просматриваются почти насквозь.

Полчаса непрерывного гула, воя, рева, треска, взрывов, стонов... А потом — как будто ничего и не было. Тишина. Оглушенные люди вылезали из-под танков... Маралов приказал прочистить орудия, привести в порядок триплексы и прицелы, проверить боезапас.

— А ты говорил, зачем закопались?! На, смотри, — протянул он Виктору бинокль. — Так что вперед пойдем не скоро.

С холма лавиной катились фашистские танки. В бинокль хорошо было видно построение атакующего каре: впереди и на флангах — тяжелые «тигры», в середине — «пантеры» и самоходные орудия «фердинанд». Танки шли, не открывая огня, а «фердинанды», выскакивая на бугры, вели беспорядочную стрельбу.

— Хотите, чтобы мы себя обнаружили, а «тигры» засекли и расстреляли в упор? — усмехнулся Маралов.— Ни черта у вас не выйдет!

Он начал считать, сколько на батальон идет танков, но быстро сбился: все равно раза в три-четыре больше.

— Чего не стреляешь? — спросил Виктор.

— Нельзя. Надо ждать. Пусть подойдут ближе. Пушка у «тигра» бьет дальше нашей, да и броня у него покрепче. Так что единственный выход: подпустить метров на пятьсот и молотить в лоб.

Бензиновый чад повис над полем. Голубоватый дым выхлопов, почти не рассеиваясь, стоял стеной, из-за которой выныривали все новые волны танков.

— Пора! — сказал комбат, поднимаясь в танк. -- А ты

уходи, — бросил он Громову. — Пехоте здесь делать нечего: в танковой рукопашной ты не сгодишься.

— Все понял. Уже ушел. Только я хорошо знаю эту лощину: всю на брюхе исползал. Сейчас фашисты наткнутся на овраг. Он неглубокий, но стены крутые — придется обходить. Тут-то и подставят тебе борта.

— Ай да Громов! Вот это по-дружески! Все, рви когти! Они уже затоптались! — крикнул Маралов и захлопнул люк.

И действительно, немецкие танки остановились, потом попятились назад, повернули на девяносто градусов и пошли вдоль невидимого оврага.

— Вот теперь самое время. Огонь! — скомандовал Маралов.

Раздался залп. Другой. Третий... Все решает скорость стрельбы. Четыре секунды — выстрел, четыре секунды — выстрел. Перед оврагом полыхает пять факелов. Десять! Хотелось бить и бить по метавшимся танкам. А еще лучше нажать на рычаги, броситься навстречу и схлестнуться в ближнем бою. Но это верная смерть! Нет, в схватке с противником, превосходящим в четыре раза, нужна не только удаль. Маралов заметил, что «фердинанды» и часть «тигров» перестроились и стволами прощупывают высотку.

— Всем назад! — приказал он.

Тридцатьчетверки задним ходом рванулись за гребень холма и скрылись за обратным скатом. И вовремя! Фашисты открыли ураганный огонь по укрытиям, где только что стояли советские танки.

Одному ему знакомыми тропами Виктор бежал в расположение роты. И снова наткнулся на танки, на этот раз немецкие. По узкой лощине, словно на параде, шла бесконечно длинная колонна. Больше всего Громова поразило, что башенные люки открыты и командиры стоят, высунувшись по пояс.

«Ни черта не боятся, — с досадой подумал Громов. — Эх, Маралова на вас нет, он бы научил, как землю есть! А-а, ну теперь ясно, почему они пижонят! Африканцы. Даже танки не перекрасили, как были оливковыми, так и остались. Но где же наши? Неужели на этом участке нет ни пушек, ни танков?»

Да, на этом участке не было ни пушек, ни танков. Точнее говоря, еще утром они были, но беспрерывные бомбежки, бесконечные танковые атаки и ураганная канонада пре-

вратили всю эту технику в груду металла. В прорыв вошло триста фашистских танков. Казалось, уже ничто не сможет остановить эту армаду. И тогда против бронированных чудовищ вышли люди, не защищенные никакой броней, кроме отваги.

Полковник Сажин сидел на дне глубокой воронки—здесь был его командный пункт — и безуспешно пытался связаться с артиллеристами. Не знал комдив, что связываться не с кем. А по узкой лощине прямо на него шла колонна оливковых танков.

— Подлюги, даже люки открыли! Жарко им, видите ли. Знают, сволочи, что настоящего жару поддать им некому— у меня ни артиллерии, ни связи. И голова как после похмелья. Да, шандарахнуло в блиндаж крепко. И как я только жив остался?..

Из ушей и носа Сажина тонкой струйкой текла кровь, он размазывал ее по лицу и снова костерил начальника связи. Танки приближались, и Сажин постепенно успокаивался. Решение у него созрело, но было настолько дерзким и, Сажин не стеснялся признаться себе, бесчеловечным, что он не решался отдать приказ.

В этот момент в воронку скатился Рекс, а за ним Громов.

— Ты-то мне и нужен! — обрадовался Сажин.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Ты эту кашу заварил, тебе и расхлебывать.

— Я готов.

— Что делать, — вздохнул Сажин. — Жаль, конечно, разведчиков, жаль. Да и тебя терять не хочется. Но... Видишь эту колонну? Если они нас сомнут или просто обойдут, Поныри будут в руках у немцев. А оттуда прямой путь на Курск. Понимаешь, чем это пахнет?

Виктор кивнул.

— Так вот, капитан Громов, слушайте мой приказ: принять под командование саперную роту и с помощью противотанковых мин остановить танки. Других средств у меня нет.

— Есть, остановить танки, — ответил Громов. — Прошу разрешения брать не всех разведчиков. Они дивизии еще пригодятся.

— Добро, — кивнул Сажин. — Что еще?

— Личная просьба.

— Валяй.

— Оставьте у себя Рекса.

— Это еще зачем?! — воскликнул комдив.— Что за настроение? С собой, конечно, брать его не нужно, пусть пока побудет здесь...

— А потом передайте Рекса младшему сержанту Орешниковой. Она из медсанбата.

— Знаю-знаю. Хорошо, капитан, все сделаю. И о Маше своей не беспокойся. Все устроится. Помогу сам. Лично.

И вот навстречу бронированной армаде вышли люди. Чтобы ловчей работать, они сняли сапоги и гимнастерки. У каждого — противотанковая мина. Про запас граната. Если бы на немецких танках были автоматчики или в колонне шли мотоциклисты, из задумки Сажина ничего бы не получилось. Но он все рассчитал, и рассчитал правильно. Изрытое воронками поле давало возможность хоть как-то укрыться. А когда до танка оставались считанные метры, люди подсовывали мину с помощью шеста, подтягивали на шнуре, а то и просто швыряли под гусеницы.

Десять подбитых танков лишь на короткое время застопорили ход колонны. Но потом немцы поняли, что против них не зарытые в землю пушки или тридцатьчетверки, а всего лишь босоногие саперы. Так и не закрывая люков, они устроили самую настоящую охоту на беззащитных людей. Колонна распалась, расползлась в разные стороны, она уже не была единым организмом. Это и решило участь прорвавшейся группировки. Фашистские танки с азартом хищника искали встречи с человеком, но и человек искал встречи. Противотанковая мина серьезное оружие: иногда танк настигал сапера, подминал под гусеницы — и это были последние мгновения как человека, так и танка. Но чаще случалось так, что человек успевал нырнуть в воронку или спрятаться за бугорок, а стальная громадина беспомощно распускала гусеницы.

Саперы работали до того расчетливо и хладнокровно, что Громов решил от обороны перейти к атаке.

— Останетесь за меня, — сказал он немолодому грустному лейтенанту в очках.

— Спасибо, — ответил тот.

— Что еще за «спасибо»?! Вы кто, офицер или...

— Доцент. А офицер я всего три недели.

«На кой ляд здесь доценты?! — с досадой подумал Громов. — Держали бы их в тылу, а мы уж как-нибудь сами. Ведь не сорок первый год!»

— Понимаете, товарищ доцент, то есть лейтенант, какая получается петрушка! — в азарте говорил Виктор. — Видите, танки скучились: задние напирают, а впереди, можно сказать, пробка. Путь у них один — направо через кустарник. Чует мое сердце, танки пойдут туда. А мы их встретим! Если полезут сюда, остановите вы. Ясно?

— Абсолютно! Лучшего момента для испытания моей мины и желать нечего. Я, видите ли, предложил новый тип взрывателя. Он не нажимного, а... впрочем, это секрет, совсем другого действия. Не волнуйтесь, мы их не пропустим. А заодно я докажу главному, как он не прав, уверяя, что мой взрыватель хорош только в лабораторных условиях.

«Ну и дела, — с еще большей досадой думал Виктор. — Скоро штурмовики будет испытывать сам Ильюшин, а пулеметы — Дегтярев. Не дело это. Не по-хозяйски. Я своих разведчиков и то берегу, а тут — такие головы под пули».

— Вы... как-нибудь поаккуратней, — как можно мягче сказал Виктор. — Без нужды не высовывайтесь.

— Конечно-конечно! Не беспокойтесь, молодой человек.

Виктор взял с собой двадцать самых резвых парней, и они, лавируя между горящими танками, ныряя в воронки, прикрываясь редкими деревьями, бросились к кустарнику.

— Значит, так, — переводя дыхание, объяснял задачу Виктор. — Мины ставим в шахматном порядке. Расстояние — метр. Это будет минное поле в чистом виде. Когда подорвется несколько машин, остальные пойдут правее и левее. Там их встретим мы — это будет подвижное минное поле. Все, по местам. Стоп! Снять рубахи: белое на зеленом хорошо видно. Немцы давно знают, кто их здесь держит, так что перестреляют, как куропаток.

Замелькали ножи и саперные лопатки. Когда минное поле было готово и саперы расползлись по своим местам, Громов вдруг засомневался: «А если танки не повернут? Если сомнут доцента? Неужели я ошибся? За такие ошибки отвечают головой! — оборвал он себя. — Хотя какой прок от моей головы? Хорошая мина и то дороже. Она хоть танк остановит. А пустая голова...»

В этот миг над крохотным холмиком, где остался доцент с горсткой саперов, раздался такой чудовищный взрыв, что Виктор даже вскочил. «Что это у них? Неужели взорвался весь запас мин?»

Доцент и его товарищи погибли. Но танки отвернули от высотки и поползли прямо на кустарник. Громов чуть не пел от радости! А чему, собственно, было радоваться? Близкой смерти? Тому, что он будет прошит пулеметной очередью, раздавлен в лепешку или разнесен в клочья?

Об этом Виктор не думал. Да, есть упоение в бою, есть! Даже таком неравном, какой предстоял через несколько минут. Громов был прекрасным воином, для него не существовало безнадежных ситуаций. Но это тогда, когда он имел дело с врагами в немецкой форме, а не с железными короб-

ками. Тут бы свое слово сказать артиллеристам или танкистам, а не ему, достойному сыну царицы полей. Но судьба распорядилась по-своему, судьба решила испытать его и в таком неравном бою.

Чадная, пышущая жаром и изрыгающая свинец стена придвигалась все ближе. Пулеметы короткими молниями прощупывали кустарник, но трассы шли поверх головы.

«Не видят, бьют наугад, — отметил Виктор. — Это прекрасно! Это просто замечательно! Значит, встреча у фонтана состоится, значит, будет жаркий поцелуй. Такой жаркий, что кто-то от него сгорит».

Сам того не замечая, Виктор обрел тот подъем и ту ироничную веселость, которая приходила к нему во время штыковой под Щиграми, в дни яростных боев за Мамаев курган, словом, в те минуты, когда он мог схлестнуться с фашистами глаза в глаза.

Ба-бах! Смерч огня — и передний танк замер. Из-за него выполз другой — и снова вулканическая вспышка. Потом еще, еще и еще! Немцы поняли, что напоролись на минное поле, и начали огибать кустарник. А там, на открытом месте, распластавшись, лежали двадцать русских парней. Они лежали на родной земле, давшей им жизнь и готовой принять в свои объятия.

Взрываются одна за другой мины, замирают, а то и вспыхивают факелами ревущие громадины, и редко-редко остается в живых тот, кто вышел один на один с тридцатитонной машиной.

Виктор видел эти взрывы, видел перебегающих от воронки к воронке саперов, видел и тех, кто больше не мог встать. Но вот пришел и его черед Метрах в тридцати правее, подминая кровавое месиво, катился «тигр». Но спешить нельзя, надо лежать, иначе тут же срежут из пулемета. Взрыв! Сноп огня и земли взметнулся перед самой мордой «тигра»! Тот остановился, будто отряхиваясь, покрутил башней и пошел прямо на Громова.

— Ну вот. Мой, — отметил Виктор. — Или я — его.

Подрагивали ноги. Першило в горле. Хотелось откашляться. Но Виктор терпел, боясь спугнуть зверя. Осталось пятнадцать метров... десять...

«До чего же, гад, вонючий!» — успел подумать Виктор.

Он подтянул ноги, чуть приподнялся и уперся руками в землю. Со стороны выглядело так, будто парень вот-вот стартует на стометровку. Но это был совсем другой старт. И в тот самый миг, когда ставшая вдруг черной махина заслонила все небо, когда от ревущего зверя не было спасения,

но его клыки — пулеметы не могли достать, Виктор прыгнул навстречу, сунул мину под гусеницы и кубарем скатился в воронку. Взрыва Громов уже не слышал...

XII

Пятый день громыхала битва, которой суждено было стать величайшей в истории второй мировой войны. Фашисты бросали в бой все новые и новые силы, они старались во что бы то ни стало добиться решающего успеха. Наша оборона вминалась, вдавливалась, от этого становилась еще плотнее — и фашистские дивизии одна за другой переставали существовать.

Полковник Сажин, от дивизии которого осталось меньше полка, давно понял замысел командования и перестал просить подкрепления: измотать противника, втянуть в сражение все его резервы, сохранив при этом свои, перейти в решительное наступление. Но для этого нужно знать, что у врага нет ни одного свежего взвода! А как это узнать?

— Эх, Громова нет, — сокрушался комдив. — Правильно он говорил: разведчиков надо беречь. Но ведь и танки кто-то должен был остановить. Всех саперов и разведчиков представлю к орденам, а Громов достоин звания Героя. Жаль, что посмертно. А куда девать собаку? Передать Орешниковой — сразу поймет, что Громова нет. Сказать, будто он на задании, — не поверит, без Рекса в разведку он не ходит. Нет, ее надо держать в неведении. Закончится вся эта карусель, исхитрюсь отправить Машу в тыл. А как ей жить дальше? Жаль девчонку, честное слово, жаль. Но сын у Громова должен быть. Должен! Иначе что же это такое получается?! Прожил человек всего ничего, воевал — дай бог каждому, геройски погиб — и чтоб он не имел права хоть на кроху счастья?! Жизнь должна оставлять после себя жизнь! Не-ет, уж кто-кто, а парнишка Громова имеет право на жизнь. И собака эта, будь она неладна, пригодится. Рекс, ну съешь что-нибудь. Тушенка вот американская, сгущенка... Сдохнешь ведь. Ну нет хозяина, нет. На задании он. Вру, конечно, беспардонно вру, но что делать? Жить-то ведь надо.

Рекс лежал в углу блиндажа. Запавшие бока, заострившаяся морда, свалявшаяся шерсть, обвисший хвост — все говорило о том, что собака больна. И Рекс действительно был болен: он тосковал по хозяину. Рекс не мог ни есть, ни пить, ни спать — он напряженно смотрел в дверной проем, боясь пропустить появление хозяина. Он придет, Рекс чув-

ствовал, что он придет, главное — не проспать его появления. Все желания, вся жизнь Рекса сводились только к этому. А ко всему остальному он стал настолько безразличен, что позволял себя гладить, трепать уши, а то и отталкивать, если оказывался на чьем-нибудь пути.

Все это увидел вернувшийся из безрезультатного поиска Седых. Бравый старшина был прекрасным исполнителем, слыл трудягой, а в разведке такие люди нужны, но придумать что-то хитрое, сбивающее фрицев с толку, расставить силки, в которые сам собой попался бы «язык», Седых не мог. Старшина понимал это и лишь виновато моргал белесыми ресницами, когда его распекал комдив.

— Пять дней без «языка»,— уже не гремел, а вздыхал полковник Сажин. — Как воевать? Нет, ты мне скажи, как воевать? Пленных полно, но все они с передовой. А мне нужно знать, что делается в их тылах! — вдруг чисто по-громовски врезал он кулаком по земляной стене. Но сделал это неумело, отшиб пальцы и, поморщившись, слизнул кровь со ссадины. Потом безнадежно махнул рукой и спросил: — Слушай, старшина, а тебя-то Рекс признает?

— Знать — знает. Но признает только капитана Громова и, вы уж меня не выдавайте, — виновато моргнул Седых, — младшего сержанта Орешникову.

— Тоже мне, тайну открыл, — усмехнулся Сажин. — Жену Громова вся дивизия знает. Да-да, жену! — с нажимом повторил полковник. — Поэтому слушай приказ: отвести Рекса в медсанбат и передать Маше. Будет спрашивать, в чем дело, объясни, что капитан Громов в длительном поиске, пошел, мол, по тылам противника. И вообще! — повысил он голос. — Пока не получили официального извещения, пока сами не предали боевого товарища вот этой земле, — топнул он ногой, — приказываю командира разведки считать без вести пропавшим!

— Так точно, без вести пропавшим! — подхватил Седых.

— То-то! Мало ли что видели саперы: бросился с миной под гусеницы «тигра». Может, отшвырнуло взрывной волной или что-нибудь еще... На войне не такое бывает. Но Орешниковой об этом ни гугу!

— Есть, ни гугу, — козырнул Седых. — Прошу прощения, товарищ полковник, — вы прямо надежду дали. Может, и правда, лежит где-нибудь наш капитан и ждет. А что, если пошуровать в том месте по воронкам да канавам?

— Уже шуровали. Без тебя догадались. Но сначала там шуровали немцы.

— Не может быть! Нет, в плен наш капитан не сдастся!

Вы что?! Да он! Да как вы могли такое подумать?! — налился краской Седых.

— Помолчи, не кипятись. Разве я об этом? Я только говорю, что тот участок пять часов был у фрицев. Могли они собрать контуженых и раненых?

— Не могли. Не до того было. Наша артиллерия вела такой огонь, что им не высунуться.

— Верно говоришь. Ладно, что-нибудь придумаем. А пока затишье, бери собаку и веди в медсанбат.

Седых потрепал вялые уши Рекса, предложил кусок сахару, но тот даже не посмотрел на него. А когда старшина взял его за поводок и куда-то повел, Рекс послушно поплелся следом. Как-то сразу дали себя знать все раны, и Рекс с трудом волочился, припадая на перебитые лапы, а из глотки вместо ровного дыхания вырывался мерзкий сип. Но Рекс шел. Ему было все равно, куда и зачем идти. К тому же он чувствовал, что хозяин в этом блиндаже не появится. А раз так, какая разница — лежать, сидеть или тащиться по развороченной земле.

Первым увидел Рекса доктор Васильев. Он стоял в заляпанном кровью халате и деловито сортировал раненых: на стол, на перевязку, в тыл...

— Вот, — козырнул Седых. — Полковник Сажин приказал передать младшему сержанту Орешниковой.

Васильев взглянул на Рекса и опустился на пенек.

— Неужели? Где? Когда?! Не может быть!

— Прорвались танки. Комдив приказал взять саперов и остановить. Наши ребята тоже пошли, но капитан уговорил часть разведчиков оставить. Из саперов кое-кто уцелел, а наши не вернулись. Я тоже должен был быть там. Там, а не здесь! — вдруг заплакал Седых.— Ну почему он меня не взял? Почему я жив? Как жить? Как людям в глаза смотреть? Век себе не прощу. Эх, товарищ капитан, какой это был командир! За таким хоть в огонь, хоть... Не взял он меня в огонь, не взял. А как мы слушали соловьев!..

Слезы катились из закрытых глаз старшины. Он понимал, что так нельзя, но никак не мог с собой совладать. Васильев достал какой-то флакончик, заставил старшину отхлебнуть — и тот успокоился.

Потрясенный Васильев не мог сказать ни слова. Уж кто-кто, а он, каждый день имеющий дело со смертью, мог бы привыкнуть к тому, что на войне бывают не только раненые, но и убитые. Но Виктор? При чем тут его лучший друг Виктор Громов? Чтобы такой лихой парень позволил догнать

себя какой-то дрянной пуле? Да и что ему пуля, он совладает и с пулей! Наконец в нем проснулся врач.

— Стоп! Спокойно. Хоть что-нибудь от него осталось? Где схоронили?

— То-то и оно, что ничего не нашли. Саперы сказали, взрыв был чуть не до небес.

— Так. Понятно. Маше ни слова. Впрочем, я сам. Давайте Рекса. Можете быть свободны. Нет! Стойте! И слушайте! Слушайте меня, старшина Седых!

Васильев приблизил сузившиеся глаза к самым ресницам старшины и шипяще процедил:

— Отомстить надо! Слышите, старшина? Так отомстить, чтоб их берлинским матерям сто лет не выплакать слез! Бить их, гадов. Бить, топтать и жечь, пока последний ублюдок со свастикой не будет закопан в этой земле!

— Хрен им, а не нашу землю! — взъярился и Седых. — Вытащить. Вытащить всех до единого, чтоб не оскверняли русскую землю. И пусть их закапывает фюрер на своей главной площади. Чтоб видели ихние потомки и зареклись ходить в наши края! А за командира отомстим. Слово! Все, ухожу из разведки. Надоело таскать целеньких фрицев. Теперь буду убивать! Ну и накрошу же я, ну накрошу! Прощайте, товарищ капитан, может, не доведется...

— Прощай, — протянул руку Васильев. — Воюй, как учил командир, с умом!

Маше доктор Васильев решил ничего не говорить. Он взял поводок, отвел Рекса в свой блиндаж, плеснул в миску супа, убедился, что Рекс на еду не реагирует, понимающе покачал головой и ушел в операционную палатку. Там на столе лежали изувеченные крупповской сталью люди. Их дальнейшая судьба была в его руках, и он вкладывал в эти руки всю свою душу, все сердце, чтобы отвоевать у смерти молодые жизни.

Да, поле боя хирурга на операционном столе. Часто он даже не видит лица раненого, не знает ни его имени, ни звания, ни возраста, ни семейного положения. Но хирург сражается своим скальпелем с автоматом, танком или самолетом врага, изувечившими человека. И как часто маленький скальпель Васильева оказывался сильнее «тигров», «пантер», «юнкерсов» и «мессершмиттов»!

Седых вернулся в штаб, доложил комдиву, что задание выполнил, и тут же заявил о своем решении уйти из разведки в любой стрелковый взвод.

— Прошу не отказать, — настойчиво закончил он. — Все равно живым я теперь не донесу ни одного «языка».

Полковник Сажин понял, что неволить старшину не имеет смысла. К тому же в ротах большие потери. Так старшина Седых попал во взвод лейтенанта Ларина и стал его заместителем.

Каких-то семь дней назад Игорь Ларин был чистеньким городским мальчиком, нежданно-негаданно надевшим военную форму. Его прочили в филологи, да и сам он больше всего на свете любил библиотечную тишину. Но когда весь курс, включая девчонок, решил идти на фронт добровольцами, Игорь тоже отправился в военкомат. Он шел и думал: как это прекрасно — быть добровольцем, как мужественно — отказаться от брони, скрыть от врачей, что у него слабые легкие, а потом вернуться домой с повесткой и всю ночь успокаивать плачущую мать. А ранним утром — на поезд и под гром оркестра на фронт.

На самом деле все получилось шиворот-навыворот. Его долго и придирчиво осматривали медики, заставили заполнить множество анкет, долго сетовали, что он изучает французскую литературу, вот если бы немецкую и знал язык... Игорь ничего не понял в этих намеках и пришел в себя в небольшом волжском городке, где в старой школе размещалось пехотное училище.

Как ни странно, курсант Ларин оказался одним из лучших. То ли сказывалась старая привычка: уж коли учиться, то учиться как следует, то ли проявилось его вечное стремление быть первым. В аудиториях и классах это не составляло труда, но в поле... Одному богу известно, сколько трудов стоило Игорю научиться быстрее всех окапываться, лучше всех стрелять, в рукопашной не звереть, а побеждать умом и четким знанием приемов, терпеть до колик в животе, но лидировать в изнурительных марш-бросках.

Увешанные орденами, однорукие и одноногие преподаватели с удовлетворением наблюдали, как из неумехи студента выковывается настоящий офицер. Иной раз, отложив костыль, командир их роты капитан Деревьев брал автомат и показывал совершенно немыслимые приемы стрельбы, а потом не успокаивался до тех пор, пока их не осваивал Ларин. Другой бы возмущался: что, мол, за дополнительные занятия, когда вся рота отдыхает?! Но Игорь понимал, что цена этой науки — жизнь, что на фронте времени на учебу не будет, и чем большему он научится здесь, тем больше шансов не только уцелеть, но и хорошо воевать.

А хорошо воевать — стало для него смыслом жизни. Дело в том, что Игорь был отчаянно честолюбив и не считал

это недостатком. «Честолюбие — от слова честь, — рассуждал он. — А что может быть дороже чести? Значит, честолюбивый человек никогда и ни за что не уронит и не запятнает своей чести. Раз так, то он будет работать, учиться и воевать лучше всех! Но если он лучше всех делает свое дело, то почему бы и не воздать ему по заслугам? Значит, лауреатами, орденоносцами и вообще героями становятся честолюбивые люди. Раз уж я стал военным, то почему бы не носить в ранце маршальский жезл?! А что, чем черт не шутит! Нет уж, на шутки черта рассчитывать не будем, — оборвал он сам себя. — Делом, только делом и личным примером! И чтобы ни пятнышка на совести! Деревьев прав: командир имеет право на многое, он даже может послать на верную смерть, но трусость или бесчестный поступок — не для командира. Поэтому и нужно в кармашке-пистончике держать заветный патрон. Все это бесспорно, но... если отрывает ногу, пулеметчик убит, рота отступает, а немцы в пятидесяти метрах, не каждый, как Деревьев, может доскакать до пулемета и полчаса крошить фрицев. В такой ситуации ручаться за себя трудно. Один, дабы не попасть в плен, использует заветный патрон, другой же думает не столько о чести, сколько о том, чтобы не сдать высоту. Но ведь не сдать высоту — это и значит быть по-настоящему честолюбивым! Да-да, именно так! И Деревьеву честь воздана. Я уж не говорю об орденах. Заслужить любовь курсантов ох как трудно, а мы его боготворим».

С такими мыслями лейтенант Ларин — единственный из выпуска, остальные имели по одной звездочке, — отправился на фронт. Взвод, который он получил, был укомплектован полностью, но, кроме отделенных, никто толком не обстрелян. Не теряя времени, Ларин начал в самом прямом смысле слова натаскивать солдат: они без конца копали траншеи и ходы сообщения, носили бревна, изучали приемы рукопашного боя, пристреливали оружие. Проводя политбеседы, лейтенант рассказывал о Германии, о том, как и почему к власти пришли фашисты, а потом вместе со всеми по разговорнику изучал немецкий.

В результате Ларин довольно быстро добился, казалось бы, невозможного: весь взвод души не чаял в командире. Даже подворотнички, как и он, стали менять каждый день. Только старички-отделенные ворчали: посмотрим, каков наш лейтенант в бою...

После первой бомбежки взвод Ларина не понес никаких потерь. Целыми оказались убранные с бруствера пулеметы, не забило землей завернутые в плащ-палатки автоматы, не

задело осколками бойцов, спрятавшихся в глубокие щели. Когда показались немецкие танки, Ларин приказал:

— Пропустить через себя. Пехоту отсечь. Бить короткими очередями и прицельно.

Но танки до первой траншеи не дошли. Из-за леса ударили «катюши» и накрыли атакующую волну. Немцы отошли, перестроились и навалились на фланг. Там их встретили артиллеристы. Танки бестолково метались по полю, но пехота упорно шла вперед, прямо на взвод лейтенанта Ларина.

«Очень хорошо», — подумал он и крутанул ручку телефона.

— «Трубочист»! — позвал он. — «Трубочист»! На меня наступает до двух батальонов пехоты. Идут в три цепи. Надо согнать в кучу. Прошу огня в их тыл и на фланги.

Через минуту минометная батарея открыла огонь.

— Хорошо, — радовался Ларин. — Очень хорошо. Стадо сбивается в кучу Пулеметы. Дистанция двести. Огонь!

Что тут началось! Передние падали, на них напирали задние, пытались обойти, но по флангам били минометы.

— Вперед бы! В контратаку! — жарко шептал Седых.

— Спокойно, старшина, спокойно. Побеждать надо малой кровью. А в контратаке неизбежны потери, — ответил ему Ларин.

— Зря, лейтенант! Ей-богу, зря! В рукопашную бы...

— Будет и рукопашная! Все будет!

Ларин оказался прав. За неделю боев его взвод отступал, наступал, снова отступал и в конце концов оказался в той самой траншее, где принял первый бой. К этому времени взвод заметно поредел. Лейтенант Ларин из щеголеватого выпускника училища превратился в обугленного, обожженного, битого и мятого командира взвода с одним погоном, забинтованной головой и... неожиданно отросшими усами.

Ночью пришел приказ пробиться на сахарный завод: его развалины могут стать отличным узлом обороны. Немцы выбили оттуда наших поздним вечером и потому закрепиться как следует не успели.

— Пополнить боекомплект! — приказал Ларин. — Побольше гранат. Не забудьте бутылки с зажигательной смесью. Да, и воды! На каждого — по три фляжки воды.

Седых побежал выполнять приказание, а Ларин пристроился у «летучей мыши», достал крохотное зеркальце, бритвенный прибор и начал тщательно подбривать усы.

«Интересное кино, — думал он. — Дергал, дергал — не росли, а забыл — и сразу полезли. Сфотографироваться бы

и послать матери. Не узнает. «Ах, Игоречек! Что за манеры? Разве юноша, воспитанный на Флобере и Руссо, позволит себе такую дисгармонию?» Эх, муттер моя дорогая, слышу твои возмущенные вопросы, слышу. Но я уже не Игоречек. Я — лейтенант Ларин, я — командир стрелкового взвода. И чтоб ты знала, у твоего сына самая дефицитная должность. Вакансий вагон, а претендентов... Комвзвода погибает первым, вот в чем дело. Он же впереди, и солдат поднимает в атаку он. Зато и уважение соответствующее, и почет. У меня медаль «За отвагу». За неделю боев — медаль. Если так пойдет дальше, быть тебе матерью орденоносца. Все, мать, все! Поговорили — и ладно. Уже зовут. Не волнуйся, небольшая творческая командировка для изучения немецкого языка в непосредственном контакте с баварцами, саксонцами и прочей сволотой. Пардон, сорвалось! Адью, ауфвидерзеен, а точнее, как говорит мой старшина, покедова».

Мысленно поговорив с матерью, Ларин заметно повеселел. Тем временем вернулся Седых и доложил о готовности взвода к атаке.

— Ну вот, старшина, и сбылась ваша мечта, — сказал лейтенант. — Завод будем брать без единого выстрела. Так что предстоит рукопашная.

— Наконец-то! — хлопнул себя по бедрам Седых. — Сколько у меня было этих рукопашных, и все — неженькие, чтобы ненароком не повредить фрицеву кожу, чтобы речь он, зараза, не потерял.

— Собирайте взвод, проверьте оружие, снаряжение. Пригнать все поплотнее. Не должно быть ни стука, ни звяка.

— Ясное дело, — не по-уставному ответил Седых. — Не первый год в разведке. А у нас — чем тише, тем надежнее.

— Вот-вот. Мы должны фашистам как бы присниться. Но так, чтобы они никогда не проснулись!

Когда бойцы расплывчатыми тенями поплыли к развалинам сахарного завода, Ларин начал самоедствовать: «Балда я, балда! Ну как можно идти на такое дело без саперов?! Одна паршивая мина испортит весь замысел. Взрыв переполошит немцев — и никакой внезапности. А поди-ка достань их в открытом бою: они за кирпичными стенами, а мы в чистом поле. Ну кретин!»

И вдруг что-то непонятное поднялось в душе лейтенанта, отшвырнуло все сомнения и бросило в голову колонны. Он почувствовал такую силу, такую уверенность в

том, что сейчас в нем проснулось сверхъестественное чутье и он сможет провести взвод по любому минному полю. Ларин понимал, что в этой ситуации командир не имеет права быть впереди, ведь в случае его гибели сорвется вся операция, но какой-то лукавый черт шептал: «Трусишь, лейтенант? Боишься, ноженьку оторвет? А то и головка — в кусты? Эх ты, а еще о чести рассуждаешь, о совести без пятнышка».

Этот дьявол не раз искушал Ларина. Он был его антиподом, вторым «я», которое жило где-то в тайниках души и все время зудело и ныло, призывая Игоря смириться, выпустить это «я» наружу и жить по его законам, не расходуя понапрасну столько сил и нервов на то, чтобы казаться сильным и цельным. «Не казаться, а быть. Быть!— твердил себе Ларин. — А тебя, черт полосатый, я выжгу. Не знаю, как ты в меня забрался, но рано или поздно из души я тебя выжгу!»

Но пока бог спит, черт, как говорится, не дремлет. Это он заставил Игоря еще в курсантское время за одно лето научиться плавать и перемахнуть Волгу, это в споре с ним Ларин одолевал одну за другой свои слабости и, сам того не замечая, становился мужчиной. Мужчиной с большой буквы.

В каждом из нас есть такой дьявол, каждого он искушает, показывая зазеркальный образ и призывая ему соответствовать. Ведь это так просто и, главное, нехлопотно — смириться со своими пороками и недостатками, потакать им и жить, как живется. Многие, ох многие поддаются этому искусу — и плывут, плывут, куда придется.

Но мир держится не на них. Мир держится на тех, кто без конца борется сам с собой — а на свете нет ничего труднее этой битвы, — кто вечно собой недоволен, кто всегда помнит, что душевный покой — удел душевнобольных. Борьба, только беспощадная борьба с дремучим зверем, сидящим в каждом, делает из нас человека.

В том, как иногда полезно доверяться самому себе, Ларин убедился довольно быстро. Его взвод благополучно дошел до развалин, выбил оттуда немцев и занял круговую оборону. Фашисты бросили на завод две роты мотоциклистов. Причем с тыла. Каково же было удивление Ларина, когда мотоциклы стали подрываться один за другим, когда фашистскую пехоту разнесли в клочья собственные мины.

А ведь немцы рассуждали правильно: русские не мог-

ли пройти по этому полю, не сняв мин, значит, атаковать можно спокойно.

Автоматчики Ларина, поеживаясь, наблюдали эту жуткую картину и с еще большим уважением поглядывали на командира. А он, девятнадцатилетний лейтенант, основательно испугавшись задним числом, лежал за грудой кирпичей и чуть не плакал, вспоминая безумный бросок по начиненному смертью полю.

XIII

Два дня просидел Рекс в блиндаже доктора Васильева, а потом выбрался наружу. Его покачивало, кидало из стороны в сторону, в глазах — липкий туман. Нюх, правда, остался: запах крови Рекс чувствовал остро. Да и как не чувствовать, если под каждым деревом лежат наскоро перебинтованные, израненные люди. Одни ждали операции, другие — транспорта в тыл, третьи требовали отправить на передовую.

Больше всех возмущался немолодой старшина, чем-то знакомый Рексу. Он бродил от палатки к палатке и то кричал, то что-то клянчил, то грозил.

— Бумажку! — сипел он. — Дайте бумажку — и я уйду. Без бумажки нельзя: скажут, сбежал. А я никогда не бегал. И от фрица не бегал! Не бегал! Уволокли меня. Ваши санитары и уволокли. А мне надо в строй! У меня батарея бесхозная.

Наконец он наткнулся на Васильева.

— Товарищ капитан! — обрадовался он. — Ну вы-то меня знаете. Дайте бумажку, а?

— Зачем бумажку? Нá папиросу, — протянул доктор пачку «Беломора».

— Да не курю я, — досадливо поморщился старшина. — Бумажку на выписку. Здоровый я! Честное слово.

— Погоди-погоди, где-то я тебя действительно видел.

— У вашего друга капитана Громова. Помните, я щенят приносил, а вы лечили вот этого волкодава?

— Бывшего волкодава, — жалостливо покосился доктор на Рекса.

— И правда. Что это с ним?

— Тоскует. Хозяина, знаешь ли...

— Да ну?! Не может быть!

— Может. Он бросился под танк.

— Ох ты-ы... Тут шансов мало. Но есть. Есть! Его хоть нашли?

— Какое там, — махнул рукой Васильев.

— Эх вы! Надо искать. Не там искали, не там!

— Там. Саперы все видели. Они были рядом. Ладно, чего уж теперь. Ты-то с какой бедой?

— Да не с бедой я! Бумажка нужна. Контузило малость. Сутки пролежал — отпустило.

— Не тошнит? Не мутит? В ушах не звенит?

— У артиллеристов всегда звенит.

— Фамилия, имя, возраст, звание? — спросил Васильев, доставая блокнот.

— Старшина Губин. Иван Захарович. Сорока двух лет. Девятнадцатый артполк.

— Получай, Иван Захарович, справку и дуй к своей пушке. Дырявь их танки! Дырявь, потроши и жги!

— Есть, жечь! — молодцевато козырнул старшина. — А капитана Громова все же поищите. На войне всякое бывает. Я вон читал, один летчик без парашюта с тыщи метров сиганул — и ничего, жив-здоров, опять летает.

И тут появилась Маша. Она прибыла с передовой, сопровождая очередную партию раненых. Оборванная, с ссадиной на лбу и разбитыми коленками, она совсем не походила на ту хорошенькую женщину, какой была неделю назад. С Васильевым она виделась не раз, но все мельком. А тут ее прямо-таки бросило к доктору.

— Товарищ капитан...

— Да ладно тебе, — поморщился Васильев.

— Товарищ капитан Коля, — улыбнулась Маша, — очень рада вас лицезреть.

— Ну и видик у тебя.

— А что, нормальный ведьмоватый видик. На передовой, Коленька, все такие. У нас...

Вдруг Маша вздрогнула и оборвала фразу. Она услышала такой жалобный, такой зовущий и такой безысходный скулеж, что у нее разом похолодело сердце и подкосились ноги. Маша обернулась. Обернулась медленно, уже предчувствуя беду. Под деревом лежал Рекс. Узнать его можно было только по рваному уху и желтоватым глазам, преданно и до жути горестно смотревшим на Машу. Рекс очень хотел броситься к хозяйке, лизнуть ее руки, лицо... Но не держали ноги. У него даже что-то случилось с глоткой, и он не мог толком гавкнуть, чтобы дать о себе знать достойно, по-собачьи.

Маша упала рядом. Плакать она не могла, слез почему-то не было. Она обняла отощавшую, истосковавшуюся собаку и тоненько завыла. Тут уж Рекс совсем зашелся!

Он уткнул морду в небо и издал такой душераздирающий вопль, что к ним с Машей потянулись люди. Они топтались около бьющейся в рыданиях женщины и похоронно воющей собаки, спрашивали, чем помочь, но доктор Васильев, кое-как совладав с собой, говорил, что все в порядке, помощь не нужна и они сами во всем разберутся.

— Маша, Маша, — тронул он ее за плечо, — нельзя так. Нельзя. С чего ты вдруг? Ничего не случилось. Ровным счетом ничего.

— Ничего?! А Рекс? Почему здесь Рекс? Почему он такой?

— Очень просто: Рекс тоскует. Уже несколько дней без хозяина. А Виктор так его воспитал, что еду он ни от кого не берет.

— А что же... хозяин? Почему не покормит сам? — холодея от страха, спросила Маша.

— Будто не знаешь? — старательно бодрясь, продолжал Васильев. — Ушел в разведку. На этот раз надолго. Полковник Сажин приказал пошуровать по тылам. А собаку девать некуда, вот и привели сюда. Рекс ведь никого, кроме тебя, не признает, так что его здоровье, а может и жизнь, в твоих руках. Во всяком случае, до возвращения Виктора.

— Да? Ты так считаешь? — дала убедить себя Маша. — Такого солдата, как Рекс, надо держать в форме. А то ведь действительно, вернется Виктор, отоспится, потом опять в разведку, а верный помощник — словно водовозная кляча. Значит, так, — поднялась Маша и отряхнула юбку. — У меня есть полсуток. Ты, Коля, займись моими ранеными, а я — Рексом.

— Хорошо, — улыбнулся Васильев. — Только сначала собой, а потом Рексом.

— Конечно, конечно, — смутилась Маша.

— Можешь занять мой блиндаж. Я там все равно не бываю. Да и Рекс к нему привык.

Два ведра воды — одно для себя, другое для Рекса, две миски супа, банка тушенки, крепкий чай, вычищенная гимнастерка, надраенные сапоги, вычесанная шерсть и раздутое, как барабан, брюхо собаки. Когда Васильев увидел эту картину, у него отлегло от сердца.

«А может, старшина Губин прав? Может, и вправду плохо искали?» — подумал он.

Тем временем старшина Губин торопливо оборудовал огневую позицию. Его 76-миллиметровое орудие стояло метрах в ста левее и чуть впереди всей батареи.

— Мы будем в засаде, — убедил он командира. — Замаскируемся, закопаемся — и молчок. Вы стреляете, а мы молчим. А вот когда танки отвернут и пойдут на нашу высотку, мы врежем прямо в поддых!

Все получилось, как он и предполагал. Напоровшись на прицельный огонь батареи и потеряв несколько танков, немцы пошли в обход — прямо на безымянную высотку. Губин улыбался. Правда, со стороны гримаса походила на ехидно-свирепую маску, но все-таки это была улыбка. Сколько раз говорили ему и командиры, и подчиненные, чтобы не ярился, но Губин непонимающе смотрел на товарищей и отвечал: он, мол, нисколько не ярится, а совсем даже наоборот, радуется, что через секунду влепит в лоб танку бронебойный снаряд.

Вот и сейчас наводчик Иванов скосил глаза на старшину и заметил:

— Чему радуетесь? До танков меньше километра.

— Ничего, пусть лезут. Ты, главное, следи за их пушками. Видишь, как бестолково башнями крутят? Значит, нас не обнаружили. А это кой-чего стоит.

— Дуриком идут. На психику давят, — сплюнул Иванов.

— Совсем обнаглели, — поддержал заряжающий Козлов. — Ну, ничего, сейчас мы по ихней спеси врежем! — добавил он, подавая снаряд.

— Мужики, — ни с того ни с сего спросил Губин, — а где наши щенята?

— Вспомнил тоже, — ответил Иванов. — Пока ты кантовался в медсанбате, отдали в хорошие руки.

— Что еще за руки?

— У саперов есть целое собачье подразделение. Дрессируют, а потом выпускают против танков.

— Знаю я эту дрессировку. Целый день не кормят, а вечером ставят миску с похлебкой под танком. Само собой, по бокам у шавки две противотанковые мины. Она ведь под танк пожрать бежит, а вместо этого... Жаль щенят, пропадут.

— Да ладно тебе! — вмешался Козлов. — Будто собака не стоит танка.

— Не стоит! Ничто живое не стоит этой железной подлюги! Все, с этим кончено! Работаем, как и раньше. Первый снаряд — по гусеницам. Танк разворачивается. Второй — в борт. Тут же переносим огонь на соседний. Начнем с крайних, а то, чего доброго, обойдут с флангов. Давай, Козлов, шустри! От тебя зависит скорость стрельбы.

Больше Губин ничего не говорил. Пушка методично изрыгала снаряды. Горят уже два, три, четыре танка! Но на их месте появляются новые и подбираются все ближе. Рвутся снаряды, свистят осколки, смрадный чад повис над высотой, но артиллеристы бьют и бьют по стальной стене. Вот снаряд рикошетом отскочил от «тигра», но танк загорелся.

— Что за чертовщина? — удивился Губин.

Танк как на ладони. Снаряд чиркнул по лобовой броне, а густой дым валит сзади. И экипаж не выскакивает. Больше того, башня медленно поворачивается в сторону пушки Губина.

— Эге, хитришь, фашист! — обрадовался старшина.— Сбили спесь-то, сбили! Поджег на корме дымовую шашку и думаешь, что избавился от путевки в рай? Нет, гад, не на тех напал. Снаряд!

Два выстрела раздались одновременно. Теперь уже по-настоящему вспыхнул «тигр», но и его снаряд разорвался у самого орудия. Упал Иванов. Губин стал на его место.

— Снаряд! — прохрипел он. — Снаряд!

Но снаряда не было. Оглянулся. От расчета осталось двое — он да ефрейтор Козлов.

— Сейчас, — простонал Козлов. — Момент...

Козлов полз. Полз на боку, прижимая к груди снаряд. Снаряд был красным от крови. Губин бросился к товарищу, на ходу доставая индивидуальный пакет.

— Стреляй! — процедил Козлов и пополз за следующим снарядом.

Теперь орудие Губина посылало по танкам окровавленные снаряды. А потом Козлов не поднялся. Упал рядом и Губин. Орудие замолчало. Давно молчала и вся батарея. Теперь немцы без опаски двинулись вперед. Здесь их встретили танкисты капитана Маралова.

— Ну, что, славяне, будем делать? — спросил он командиров взводов и рот. — Я сосчитал: пятьдесят «коробочек». Было больше. Спасибо артиллеристам, кое-что подчистили.

— Двадцать пять тридцатьчетверок — тоже не фунт изюма, — заметил молодой командир взвода.

— Верно, лейтенант, не фунт, а пуд. И не изюма, а кумулятивных снарядов. Все, братцы, времени в обрез. Митинг заканчиваем. Слушайте приказ. Первая рота: все десять танков спрятать в лощине левее подбитого «тигра». Вторая. Сколько у тебя, семь? Занимаешь позицию перед лощиной. Задача: вызвать огонь на себя, а потом — врас-

сыпную и полным ходом за обратный скат высоты с подбитым «тигром». Я пойду с вами. Третья рота как будто не существует. Стоять здесь и ждать сигнала. Рано или поздно немцы подставят вам корму. Тогда и атакуйте, стремительно, дерзко. По местам!

Когда восемь тридцатьчетверок открыли редкий огонь, немцы сначала не обратили внимания на эту стрельбу. Но когда одна за другой загорелись пять «пантер», лавина развернулась и двинулась на тридцатьчетверки. Этого-то и ждал Маралов! Полным ходом все восемь танков рванулись к высотке и скрылись за ее обратным скатом. Немцы даже не стали их преследовать и шли прежним курсом. Тут-то и показались из лощины башни десяти танков первой роты. Расстояние было не больше пятисот метров, к тому же тридцатьчетверки били кумулятивными снарядами. Бронированная лавина притормозила, затопталась на месте, стала разворачиваться, подставляя борта выскочившей из-за высотки второй роте. Но немцы быстро перестроились и устремились на вторую роту. Та не стала отступать. Почувствовав легкую добычу, фашисты бросили все свои танки на высотку. Тогда вторая рота попятилась. Немцы прибавили ходу. Но именно в этот момент с тыла ударила третья рота, а из лощины прямо во фланг — первая.

На поле творилось невообразимое: стреляли в упор метров с двадцати. Кончались снаряды — шли на таран. В азарте боя не замечали ни ожогов, ни ран. Выскакивали из подбитых танков, садились в целые, иногда даже в немецкие — и снова бросались в бой.

От батальона капитана Маралова осталось всего три танка, но свою задачу он выполнил: ни один «тигр», ни одна «пантера» не пробились через рубеж его обороны. Если бы знали танкисты, что этот бой был последним в оборонительном этапе Курской битвы! Глядя на колонну новеньких тридцатьчетверок, идущих через их позиции, танкисты Маралова радовались подошедшему подкреплению, но им и в голову не могло прийти, что через несколько дней эти танки будут штурмовать Орел.

А капитан Маралов лежал на той самой высотке с подбитым «тигром» и, покусывая травинку, прикидывал, сколько лет будут работать уральские мартены на крупповской стали, превращенной в металлолом.

— Ну что, славяне, — говорил он уцелевшим танкистам, — наше дело правое, мы победили. Не грех бы по этому поводу, а?..

— Не грех, — подхватили чуть живые от усталости танкисты.

— Валяйте сюда, под «тигра», а то жарковато, — позвал Маралов. — Пока не подвезут солярку, боекомплект и ордена, все равно с места не двинемся. Неплохо здесь, неплохо, — осматривался он. — Прямо хоть бомбежку пережидай. Сверху броня, внизу глубокая воронка. Красота! Давайте-ка, братцы, у кого что есть, сольем в одну фляжку. Помянем товарищей. И отомстим!

Маралов сделал обжигающий глоток и передал фляжку дальше. Он видел, как танкисты понемногу оттаивали, вспоминали отдельные эпизоды боя, кто-то даже достал губную гармошку и заиграл «Катюшу». А капитан Маралов в который раз оглядывал усеянное сгоревшими танками поле, но теперь он отыскивал свои тридцатьчетверки. Вон — с оторванной башней, чуть дальше — каким-то чудом подпрыгнула и оказалась на «тигре»: явно шла на таран. Правее — вообще оплавленная груда металла.

«Вот вызовет меня командир полка, — с грустью думал Маралов, — и скажет: «Плохо воюете, товарищ Маралов, очень плохо. Вы тут намекали насчет орденов, а вас надо в штрафбат. Да-да, именно в штрафбат! Потерять почти весь батальон! Ведь это же тридцать семь танков, сто сорок восемь прекрасных парней! А то, что немцев было больше, вовсе не оправдание. Надеюсь, не забыли так любимое вами суворовское изречение: побеждают не числом, а умением!»

Вы правы, товарищ комполка, абсолютно правы. И я хорошо понимаю, что вы хотите сказать. В том, что погибло столько прекрасных танкистов, моей прямой вины нет, но все же не могу отделаться от мысли, что мог их сберечь, мог спасти. Ведь я же цел! Ведь не заговоренный же я от пули. А не брала не то что пуля — снарядам «тигров» и то не по зубам. Значит, тут что-то другое... Может быть, я чувствовал, куда полетит снаряд, и вовремя отворачивал танк в сторону? Тогда этому надо было научить весь батальон. А я не научил. И вот горят ребята вместе с танками, горят на моих глазах, а я ничем не могу помочь. Жуткая это картина, когда полыхают танки и выскочившие из них люди. Еще страшнее, когда в танке начинают взрываться боеприпасы. Чудовищная сила распирает машину изнутри, броня вздувается пузырями, лопается, рвется на части. Броня! А что же люди?!

До войны я, между прочим, работал на Челябинском тракторном и был тихим инженером-конструктором, по-

груженным в проблемы прочности корпуса и облегчения его веса. Не поверите, все вечера — за кульманом, даже жениться не успел. Так-то вот... А теперь весь начинен ненавистью! И не в роже моей дело, мщу я не за сгоревший нос и спаленные уши, а за товарищей и израненную землю. Хитрости и изворотливости во мне тоже до чертовой матери. Не поверите, но я наперед знаю, какую лощину проскочить, а где спрятаться, когда стрелять с ходу, а когда притормозить. Я даже успеваю чуть-чуть отвернуть, если стреляют в лоб, — и снаряд рикошетом отлетает в сторону. Оказывается, на войне и этому можно научиться», — закончил Маралов воображаемый разговор с командиром полка.

Тем временем танкисты выбрались из-под «тигра», стянули прожженные комбинезоны и грелись на солнышке. Маралов тоже полез наружу. И вдруг его рука наткнулась на что-то круглое! И теплое! Маралов стряхнул с этого круглого землю — и в ужасе отпрянул: голова! Оторванная голова. Но почему теплая? Осторожно разгреб землю — шея. И плечи!

— Эй! — каким-то свистящим шепотом позвал он. — Ко мне!

Когда танкисты увидели командира, то не на шутку испугались: всегда лилово-красное лицо капитана стало совершенно белым.

— К-кажется, человек, — сказал он. — А м-может, половина.

Танкисты бросились в воронку. Заскорузлыми ладонями разгребали землю, выносили ее шлемами — и вот из курского чернозема на свет начал появляться человек: сперва плечи, потом руки, живот, ноги. Он был совершенно голый. Вытащили на солнце. Присмотрелись — дышит. Но кто он, немец или наш? Хотя что делать нашему под «тигром»? Ясное дело, немец, выскочивший из подбитого танка.

— Сейчас узнаем, — сказал кто-то и плеснул незнакомцу в рот из фляжки.

Человек закашлялся, захрипел и вдруг забористо выругался.

— Наш! — обрадовались танкисты и брызнули на лицо из другой фляжки, где была вода.

И тут к нему бросился Маралов.

— Еще воды. Лей! — крикнул он. — Еще!

Из-под размазанной земли, из-под черной жижи, проступали хорошо знакомые черты. Маралов сорвал с себя

рубаху и бережно вытер высокий лоб, чуть приплюснутый нос, крепкий подбородок...

— Громов! — ахнул он. — Дружище Громов! Витька! Я же говорил, что на войне тесно. Братцы, это же капитан Громов, мой лучший друг! Это такой парень!

У Маралова не было ресниц, да и веки наполовину сгорели, поэтому он не мог сморгнуть слезы радости, которые даже не пытался скрыть: он просто размазывал их по лицу и без конца тискал и трогал Громова, будто желая убедиться, действительно ли он жив. А тут и Виктор пришел в себя. Он узнал Маралова, пытался что-то сказать, но язык не слушался. Маралов суетился, бегал туда-сюда, смеялся, приглашая всех убедиться, что Громов жив. И вдруг он как-то сразу стал серьезным и собранным: в нем проснулся командир.

— В таком виде капитана в медсанбат везти нельзя. Надо одеть. Рубаха подойдет моя... А штаны? Штанов нет, у всех комбинезоны. Что делать? А вот что! Ефрейтор Галкин, снимайте кальсоны.

— Дык вроде как-то...

— Снимай, тебе говорят! — повысил голос Маралов.— У тебя комбинезон, а человеку срам прикрыть нечем.

— Дык я что, я пожалуйста, — путаясь в лямках, начал раздеваться ефрейтор.

Когда пришла машина с горючим и грузовик с боеприпасами, Маралов приказал прямым ходом везти Громова в медсанбат. Машина уже тронулась, как вдруг Маралов рванул планшет, достал лист бумаги, написал, где, когда и как нашел капитана Громова, и бинтом привязал записку к руке.

— Не помешает, — сказал он на прощание. — А то пока промычит, что да как, не за того примут.

Полсуток, которые были отпущены Маше, неожиданно растянулись. Шальной снаряд разорвался недалеко от операционной палатки, и осколком серьезно ранило хирургическую сестру. Работать без помощницы Васильев не мог. Позвонил в медсанупр: обещали прислать дня через три, не раньше. Но раненые не ждут, их надежды на жизнь исчисляются не сутками, а минутами. И тогда Васильев обратился к Маше.

— Другого выхода просто нет, — сказал он. — Сработаемся. Тем более однажды мы уже делали совместную операцию.

Маша вскинула брови.

— Забыла? В блиндаже у Виктора. Помнишь, как оперировали Рекса?

— Так то собаку. Боюсь я, Коля. Вдруг что не так?! Люди же на столе.

— Ничего. Я буду рядом.

Так Маша стала хирургической сестрой. К крови она давно привыкла, человеческих страданий насмотрелась, так что дело было за малым: изучить инструментарий, вовремя подавать зажим или скальпель, а если требовалось, придерживать края раны, пока в глубине ее работал хирург.

Медперсонала не хватало, поэтому Маше приходилось помогать и в сортировке раненых. Вот и сейчас с передовой привезли новую партию кое-как перебинтованных бойцов. Маша шла следом за Васильевым и записывала, кого немедленно на стол, с кем повременить, кого в перевязочную... Рядом крутился быстро набравший форму Рекс. Внешне он стал той могучей овчаркой, какой был раньше, но в поведении многое изменилось: он позволял себя гладить, бежал к каждому, кто подзывал, и, что совсем никуда не годится, брал из чужих рук еду. Рекс охотно протягивал лапу, подавал голос, ложился, вставал, полз. И вдруг Рекса будто током пронзило! Он бежал к кому-то из раненых, чтобы дать лапу, но когда тот протянул руку, Рекс так злобно гавкнул, что раненый шарахнулся за дерево.

Рекс обеспокоенно крутил головой. Что это? Что за запах? Откуда? Не может быть! Маша хотела было прикрикнуть на Рекса, но с первого взгляда поняла: с ним творится что-то неладное.

«Может, кошку чует, — подумала она. — Хотя откуда здесь кошки?»

А Рекс преображался прямо на глазах. Он сидел, как и в былые времена, по команде «смирно», подобрав хвост, подняв уши, и сосредоточенно вслушивался в медсанбатовскую возню. Нет, слух обманул, ничего волнующего он не слышал. С чутьем было сложнее: перемешавшиеся запахи йода, карболки и крови напрочь отбили нюх. Но что-то снова пронзило Рекса! Теперь он знал, что делать. Рекс поднялся и на деревянных ногах пошел вдоль лежащих на траве раненых.

Маша прижалась к сосне.

«Господи, господи, — билась мысль, — только бы не

закричать. Я же знаю, кого чует Рекс... Именно так... так он чует...»

И вдруг сам собой вырвался вопль:

— Рекси-ик! Витенька-а!

А Рекс в гигантском прыжке уже летел к лежащему у дерева человеку в одних кальсонах и разодранной рубахе. «Хозяин? Он! Конечно, он. Хозяин! Где ты был? Я же без тебя чуть не сдох. Я перестал быть собакой. Хозя-ин!»

Рекс лизал его щеки, лоб, глаза. А рядом на коленях стояла Маша и перепачканными йодом руками гладила белое как мел лицо — лицо, без которого чуть не умерла, без которого перестала быть самой собой, без которого каждый день жизни был мукой.

Доктор Васильев стоял молча. И хотя больше всего на свете ему хотелось кричать от радости, он себе сказал: «Стоп! Сейчас я нужен как врач. Все остальное — потом». Васильев отвязал записку, прочитал, восхищенно покачал головой и коротко бросил:

— На стол! Живо!

Удивительное дело, но Виктор был цел, абсолютно цел, не считая ссадин и царапин. Маша была рядом. Собрав всю свою волю, она приготовилась к сложной операции, но оказалось, что хирургия не нужна.

— Контузия, — сказал Васильев. — И довольно сильная. Но все рефлексы налицо. Скоро придет в себя. Не знаю, что с речью и слухом, скорее всего, и то и другое пропало, но — лишь на время. В госпитале восстановится само по себе.

— Коленька, милый, — взмолилась Маша, — не надо в госпиталь. Я сама им займусь. Вот увидишь, выхожу и поставлю на ноги.

— Если учесть возможные последствия... — начал Васильев, — то... А-а, была не была! — махнул он рукой.— В его положении лучшее лекарство — положительные эмоции. А лучшие эмоции — это мы! Верно?

— Верно! — подпрыгнула Маша. — Я, Рекс и ты!

— Мария Владиславовна, вы меня поражаете. Последовательность имен ближайших друзей могли бы изменить, — обретая уверенность, а вместе с ней и шутливый тон, заметил Васильев. — Решено. Зовите санитаров и скажите, чтобы капитана Громова перенесли в мой блиндаж.

У входа в операционную палатку сидел ощетинившийся Рекс. Он был при деле — охранял хозяина. А когда

носилки с Виктором несли в блиндаж, Рекс шел рядом и так смотрел по сторонам, что отбивал охоту у всех желающих подойти и спросить, как себя чувствует капитан. А то, что нашелся командир разведки, которого считали погибшим, знали все.

Когда доктор Васильев доложил об этом полковнику Сажину, тот выдохнул в телефонную трубку:

— Погоди, дай дух перевести... Ты уверен? Это он!

— И я уверен, и младший сержант Орешникова, и даже Рекс! А его не проведешь.

— Вот так пироги-и... Это же замечательно! Но как он остался жив? Саперы же видели, как подбросило танк. Танк! А что могло остаться от человека?

— Не знаю, товарищ полковник. Громов пока молчит.

— Придет в себя, дай знать.

— Слушаюсь, товарищ полковник. Непременно позвоню.

XIV

Сахарный завод давным-давно превратился в гору битого кирпича и щебня. На подступах к нему стояли два стрелковых батальона, а на территории самого завода — взвод автоматчиков лейтенанта Ларина. Эта гора красного кирпича постепенно стянула к себе немалые силы. Немцы бросали в бой танки, пехоту, били из пушек, бомбили. Наши несли потери, откатывались, снова выбивали немцев из воронок и траншей, но ни один фашист так и не смог пробиться к самим развалинам.

Когда вплотную к заводу стояли наши, автоматчики Ларина разживались боеприпасами, но иногда между взводом и батальонами вклинивались немцы, и тогда образовывался слоеный пирог. Тут уж душу отводил старшина Седых. Он брал пять-шесть самых отчаянных парней и уводил их в ночь. Тихих ночей тогда не было, то тут, то там все время шла стрельба, поэтому вскрики и всхлипы фашистов, падающих с перерезанным горлом или пронзенным сердцем, никто не слышал. А на рассвете группа возвращалась, волоча немецкие пулеметы, автоматы, фляжки с водой и галеты.

Несколько раз в такие рейды ходил и Ларин. Он понимал, что это не дело, что задача командира организовать бой, а не лезть на рожон, но дьявол-искуситель шептал: «Воевать, когда слева и справа свои, и дурак сможет. А ты попробуй без поддержки, ночью, когда вокруг одни фаши-

сты. Убьют, это еще хорошо. А если ранят или стукнут по башке — и в плен? Слабо́, Игоречек?» «Не слабо́! Пойду, — сказал себе Ларин. — Ходит же Седых, и ничего. А что вытворял его командир капитан Громов! Жаль, что погиб. Седых, конечно, молодчина. Как же надо любить командира, чтобы уйти из разведки с единственной мыслью — отомстить!»

Постепенно Ларин привык к ненадежной ночной тишине, к коварству ничейной земли, научился по-змеиному ловко ползать, маскироваться под пень или кучу земли, стремительно перебегать на другое место, бесшумно снимать часовых.

— Эх, нет капитана Громова, — вздохнул однажды Седых. — Вам бы к нему, взводным. Ей-ей, у вас бы пошло! Капитан сделал бы из вас классного разведчика.

Это было признание! Это была та самая честь, та самая награда, выше которой Ларин ничего не признавал. Он даже покраснел от удовольствия и поблагодарил судьбу, что разговор происходит ночью. Чтобы скрыть смущение, Ларин откашлялся и деловито-строго сказал:

— Давайте-ка, старшина, подумаем вот о чем. Утром наверняка пойдут танки. Слышите что-то вроде хрюкающего урчания?

— Нет.

— А я слышу. Чтобы их танки не обнаруживали раньше времени, немцы придумали дополнительные глушители: я сразу понял, зачем эта штуковина. Осматриваю вчера подбитый танк, смотрю — к выхлопу приварена длинная труба, она-то и гасит звук. Чем встретим гостей, старшина? Два противотанковых ружья — это, конечно, неплохо, но к ним всего по десять патронов.

— А бутылки?

— И бутылки, и гранаты — оружие ближнего боя. А немцы будут нас бить издалека.

— Хрен им! Гору кирпича не прошибить.

— Тогда так. Затаимся и подпускаем поближе, на бросок гранаты. Остановится — тут же бутылку, но точно по корме: там движок, баки, щели. Загорится как миленький.

Слух не подвел Ларина. Утром на завод двинулись фашистские танки, а за ними — пехота. На подступах их встретила батарея сорокапяток. Но фашисты знали, как бороться с нашей артиллерией: обнаружив огневые позиции, они засекли их расположение, отошли на безопасное расстояние и обрушили на сорокапятки такой ураганный огонь, что орудия навсегда замолчали.

Карабкаясь по завалам, семь танков прорвались на территорию завода.

— Наши, — сказал Ларин. — И чтобы ни один отсюда не ушел. Седых, бери четверых с бутылками и обойди их слева. Я — справа. По местам!

Подминая под себя кирпичную крошку, танки карабкались на груду камней. Они хотели своей тяжестью раздавить и утрамбовать засевших там русских. Но вот сухой хлопок пэтээра — и задний танк завертелся на месте.

— Ай да молодцы! — обрадовался Ларин. — Заперли выход.

До танка было метров тридцать пять.

«Ничего, достану», — решил Ларин и хлестким броском швырнул бутылку! Бац! Сперва ничего, кроме звона стекла. Но через секунду вспыхнул язычок синеватого пламени, еще секунда — и чадяще поднялся черно-красный факел.

Опять хлопок. Теперь занесло юзом передний танк. Его поджег Седых. Правда, он был так близко, что вспыхнул и сам, но товарищи вовремя набросили на него шинель и затушили огонь. Два факела — это неплохо, но остальные танки крутились по кирпичам и вели такой плотный огонь, что просто не высунуться. Одно противотанковое ружье умолкло, другое стреляло редко и к тому же неточно.

— Гранаты! — крикнул Ларин.

Из-за перемолотых кирпичей полетели противотанковые гранаты. Еще два танка завертелись на месте.

Атака была отбита. Еще одна. Никто не знал, какая по счету. Но оставшиеся в живых начали готовиться к следующей.

— Пять человек. Три автомата. Винтовка. Пистолет,— подсчитывал свои силы Ларин. — Ты-то как? — спросил он у обожженного старшины.

— Ничего, — морщился от боли Седых. — Повоюем. Глаза боятся, руки делают. — И вдруг он закричал: — Глаза видят! Видят, лейтенант! Ты посмотри назад. Посмотри!

Ларин обернулся. Все поле было усеяно краснозвездными танками. Их было так много, они были такие новенькие, стремительные, лихие, что лейтенант глазам своим не поверил.

— Ура, лейтенант! Ура! Выстояли! Выдержали! Теперь вперед. Эх, так бы до самого Берлина!

Седых и Ларин сидели в кузове полуторки, ползущей навстречу наступающим войскам.

— В медсанбат, — приказал командир батальона. — Все в медсанбат. Ты, Ларин, старшину доставь лично.

Ларин радостно смотрел на наступающие части, а Седых понуро комкал дивизионную газету «Удар по врагу».

— Ты чего? — спросил Ларин. — Не волнуйся, ожоги не беда. Главное, руки-ноги целы.

— Не в этом дело. Я не о себе, — протянул он газету.

— А что такое?

— Видите указ о присвоении звания Героев?

— Вижу.

— Третий сверху — капитан Громов. В скобках — посмертно. Теперь уж все... Не верилось как-то. А теперь все.

— Что поделаешь? — по-стариковски вздохнул лейтенант. — Война. Нас вон тоже пятеро от всего взвода. А какие ребята были!

Седых улыбнулся.

— Приедем — побрейтесь, товарищ лейтенант. Усы-то совсем обвисли.

Дней десять назад Игорь наверняка смутился бы или, наоборот, сказал, что отчаянно зарос, а времени в обрез, побриться и то некогда, но сейчас лишь кивнул и даже не потрогал свои долгожданные усы.

«Надо же, — думал он, — десять дней. Всего десять дней, а ощущение — будто десять лет прошло. Правильно говорят знающие люди: на войне взрослеют быстро, а стареют еще быстрей. Наверное, и я вернусь стариком: уж больно далеко до Берлина».

Монотонно урчал мотор, мягко перекатывалась по ухабам разбитая полуторка, путались мысли, сами собой закрывались глаза. Заснул, постанывая, Седых, задремал Ларин, давно спали и остальные солдаты...

А капитан Громов проснулся. Поначалу он решил, что видит прекрасный сон. Колеблющийся фитиль фонаря, сидящий в углу Рекс, участливо заглядывающая в глаза Маша. Но когда увидел, как Рекс заметался по блиндажу, выделывая немыслимые пируэты, Маша кинулась его успокаивать, а Рекс увертывался и легонько прикусывал ее руки, Виктор понял, что это не сон.

«Значит, жив, — подумал он. — Как же это? Нет-нет, этого не может быть».

И тут он увидел, что Маша торопливо что-то пишет. «Не кричи, — прочитал Виктор, когда она поднесла к его глазам блокнот. — Ты жив, но контужен. Что-нибудь слышишь?» Громов отрицательно качнул головой. «Это пустяки. Пройдет. Главное — не пропала речь».

— Однажды у меня такое было, — прокричал Громов. — Под Сталинградом. Тогда я вот таким же способом пытался узнать, что за девчонка вытащила меня из воды, а потом дала свою кровь.

«Нашел?» — написала Маша.

— Кого?

«Девчонку-то?»

— Нашел. Но она оказалась не девчонкой, а старой каргой, к тому же с Урала. А там народ упрямый. Сколько я бился, пока не убедил, что лучшего деда, чем я, ей не найти.

Маша со смехом обняла Виктора, уложила и, что-то приговаривая, стала подтыкать одеяло.

А чуть в сторонке сидел Рекс. Он терпеливо ждал, когда хозяин вспомнит о нем. Сам он о себе не напоминал— гордость не позволяла. Виктор совсем было задремал, как вдруг его будто толкнуло. Он открыл глаза. Маша хлопотала у стола, а прямо перед ним сидел Рекс. Он внимательно и с такой безраздельной любовью смотрел на хозяина, что Виктору стало стыдно.

«Болтать черт знает о чем и не вспомнить Рекса!» — корил он себя. Виктор потихоньку выпростал из-под одеяла руку и положил Рексу на голову. Тот благодарно моргнул. Веки сами собой опускались, ему хотелось зажмуриться и тихонько урчать от блаженства, но он чувствовал, что рука хозяина еще слаба, да и весь он какой-то не такой. Надо его стеречь. Стеречь и защищать!

Виктор все понял. Уж кто-кто, а он-то Рекса знал. Виктор легонько потрепал стоящие торчком уши. «Упругие, — отметил про себя, — значит, собака в форме. Это хорошо». Потом отвернулся к стене и заснул.

Через три дня капитан Громов был на ногах. Говорил нормально, постепенно возвращался и слух. И все бы ничего, если б не предстоящий разговор с комдивом. Конечно же, Виктор знал об указе, о том, что Героя ему присвоили посмертно, понимал, что разговора об этом не избежать. Полковник Сажин так радостно, так искренне расцеловал своего командира разведки, что у того сразу от-

легло от сердца. Сажин и так и эдак разглядывал Виктора, качал головой, трогал то плечи, то грудь и приговаривал:

— Ты смотри, и вправду Громов. А я не верил. Не иначе, думаю, двойник отыскался, да такой ушлый, что обдурил и Рекса, и Машу. Нет, это все-таки Громов. Да, чтоб не маялся и не думал: необходимые бумаги в Москву мы отправили, так что словечко в скобках уберут. Подписали все вплоть до командующего фронтом и члена военного совета. Теперь дальше. Сколько думаешь отсиживаться в тылу?

— Я, в принципе, хоть сейчас...

— Сейчас не надо. А вот денька через три постарайся. Дивизии предстоят большие дела. Пополнение уже прибыло, но народ необстрелянный. О разведке и говорить нечего: разведки у меня нет. Поэтому даю тебе чрезвычайные полномочия: ходи по частям и подбирай себе людей — ты лучше знаешь, кого надо в разведроту. А командиры получат указание отпускать любого, кого выберешь. Это — первое. Второе. Хоть это и твое личное дело, но скажу по-отцовски: оформи отношения с Машей. Ты не представляешь, сколько она хлебнула, когда мы тебя... схоронили. Подумай и о ребенке.

— Да я хоть сейчас! Я давно ей говорю...

— Опять ты свое «сейчас». Сейчас не надо. А вот завтра зайди к начальнику политотдела. И Машу пригласи.

— Но ведь...

— Помолчите, капитан Громов, помолчите. Тьфу ты, сбил с толку. О чем это я? Ах да! Заявление о разводе она уже отправила. Причем сделала это, когда ты отлеживался под «тигром». Учти это! И помни всю жизнь. Таких женщин — раз, два и обчелся. Все понял?

— Так точно, товарищ полковник! — сияя, ответил Виктор. — Спасибо вам! Огромное спасибо!

— Да ладно уж... — добродушно заворчал комдив. — Ты мне разведроту сколоти. Чтоб была не хуже той. Да, рота была что надо, — горестно вздохнул он. — Жаль ребят, очень жаль. Но другого выхода не было. Ты это понимаешь?

Громов молча кивнул.

— Ну вот и ладно. Прощай, капитан. Через трое суток жду с докладом.

У Громова азартно загорелись глаза. В нем начал работать задремавший было механизм, который есть в каждом военном человеке: получен приказ и его надо выполнять. Начал Виктор с того, что зашел к доктору Васильеву. Тот

профессионально оглядел Виктора и одобрительно хмыкнул:

— Ну что ж, недельки через три можно в строй.

— Ты что?! Какие там недельки?! Бажин приказал через три дня сформировать разведроту. От старой-то—один командир.

— Да ну тебя... — Васильев обиженно отвернулся. — Стараешься, стараешься, лечишь, лечишь — и все насмарку. У тебя же серьезная контузия. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Не только понимаю, но и знаю. Одна уже была. Под Сталинградом. И тоже чуть не схоронили.

— Тем более. Такие фокусы даром не проходят.

— Точно. Молодец, Коля! Свое дело знаешь. Все это даст себя знать... после победы. Так что практика врачам обеспечена. А сейчас не до этого. Ты же сам говорил, что в экстремальных ситуациях организм мобилизует все резервы и пускает их в ход. Разве может быть более экстремальная ситуация, чем война?

— В принципе ты, то есть я, прав, — потирая переносицу, рассуждал доктор. — То, что ты остался жив, провалявшись три дня в земле, а еще через три встал на ноги, к тому же ты говоришь, слышишь, — все это противоестественно, я бы даже сказал, антинаучно. Но факт есть факт. И таких фактов немало. Да, вспомнил, — хлопнул он себя по лбу. — Тебе это будет интересно. В четвертой палатке лежит какой-то разведчик. Обгорел жутко, а заживает как на собаке. Но что самое удивительное — расстраивается не из-за ожогов, а из-за того, что спалил усы.

— Фамилия? — подскочил Громов.

— Не помню. А вот Рекса привел он.

— Усатый... — напряженно вспоминал Виктор. — Так это же Седых! Старшина Седых! Золотой мужик! Где он, говоришь, в четвертой?

— Ага.

— Спасибо. Я побежал.

Громов действительно бежал, и бежал довольно уверенно.

«Порядок, — отметил про себя Васильев. — Можно в строй. От него немчура еще натерпится. А ведь если задуматься — это фантастика. Придется, видно, после войны всю медицину пересматривать».

Абсолютно голый, но так хитроумно прикрытый простыней, что она его почти не касалась, старшина Седых маялся в душной палатке.

— Братцы, — умолял он, — мне бы до ветру. Я же ходячий. Скажите, чтобы сняли этот чертов саван. Я мигом: до ближайшего куста и обратно.

Кашляюще-стонущий хохот был ответом.

— Терпи, разведка, терпи. При твоей специальности, поди, не раз приходилось вот так, особенно на ничейной, да еще зимой, — сказал пожилой артиллерист без руки.

— Не-е, — авторитетно заявил забинтованный по самые брови танкист. — Зимой они без грелки ни шагу.

— Как это — без грелки?

— А как же! Иначе нельзя. Говорят, инструкция есть: чтобы, значит, тепло из себя зря не выпускать, велено носить для нужды грелку. Сделал что надо в эту самую грелку, завинтил — и грейся на здоровье. Называется это — само...

Дальше последовало такое забористое продолжение, что вся палатка снова закашляла, застонала и заохала от смеха.

— Да ну вас, — хоть обижался, но тоже улыбался Седых. — Жеребцы перестойные...

— Это точно! — прыгая на одной ноге к выходу, подхватил сапер. — И как это ты заметил? Как догадался? Ну, голова-а! Два уха? Два. Ничего, скоро пришпилю протез, надраю ордена — и держись девчата! В Иванове и всегда-то парни в дефиците, а теперь... На, разведка, не страдай, — ловко сунул он под простыню утку. — Это только поначалу неудобно, а потом привыкнешь.

Вот так, балагуря, шутя, поддразнивая друг друга, четвертая палатка коротала длинные дни и еще более длинные, хотя по календарю и самые короткие, ночи. Громова предупредили, что там тяжелые, хоть и поправляющиеся, но тяжелые. Каково же было его удивление, когда оттуда со смехом выскочил парень на костылях с каким-то стеклянным предметом в руках, а вслед ему несся крепкий мужской хохот.

— Здравия желаю, — начал он, поднимая полог.

Смех мгновенно умолк. И вдруг в гулкой тишине раздался тонкий сип:

— К свету. Товарищ капитан, подойдите к свету.

Громов шагнул вперед.

— Если я не сплю, а вы не привидение, скажите, как

меня зовут, — откуда-то из-под простыни прозвучал беспомощно-просящий голос.

Громов глянул вниз, увидел покрытое волдырями лицо и упал на колени.

— Седых! Дружище Седых! Ты что же, не узнаешь командира?

— Мой командир погиб. Пал смертью храбрых. Хоть и посмертно, но он Герой Советского Союза.

— Да жив я, жив! Уцелел каким-то чудом. Видно, за мгновение до взрыва упал на дно воронки. Взрывная волна пошла на танк, а меня засыпало. Потому и не могли найти, что воронка была под танком.

— А как же газета? Я сам читал, что посмертно.

— Ну, ошибка, Седых. Ошибка. Обещали исправить.

— Значит, это все-таки вы. Значит... Братцы, — насколько мог, приподнялся он, — это мой командир. Я его записал в покойники, а он — вот он.

— Это хорошо, — пробасил артиллерист. — По примете выходит, долго жить будет.

— А где наши? — спросил Громов. — С тобой же оставались...

— Все там, — ткнул он пальцем в крышу палатки.

— Выходит, от роты только мы и остались. Что же теперь делать? У меня приказ сформировать новую разведроту. А где брать людей?

— Найдем! Я знаю. За пятерых ручаюсь. Вместе бились на сахарном заводе. Вы только запомните: лейтенант Ларин. Он комвзвода. Парень что надо. И его ребят возьмите.

— Ларин? — переспросил Виктор. — Знакомая фамилия. Погоди, погоди, где-то я ее то ли слышал, то ли читал.

— У Пушкина, — вмешался прискакавший обратно парень на костылях. — Только там Ларина. Татьяна.

— Иди ты, утконос трехлапый! Не встревай! — взвился Седых. — Вы на него, товарищ капитан, не обращайте внимания. На бабах он помешался. Берется пасти всю Ивановскую область.

Сапер застеснялся, зыркнул на старшину и поковылял из палатки.

— Хорошо, Ларина я найду, — продолжал Громов.— А еще? Сам-то как?

— Я-то? Я, как пионер, всегда готов. Руки-ноги целы, голова на плечах, морда обожжена, но это даже хорошо— ни брить, ни мыть. Одеться не могу, вот что плохо.

— Ладно. Поговорю с врачами.

Громов вышел из палатки заметно повеселевшим.

«Ну вот, начало есть, — думал он. — Теперь нас двое. Да еще тех пятеро. Наскребем. Будет у нас рота, настоящая разведрота! Поработать, конечно, с ребятами придется, но не боги горшки обжигают».

Прежде всего Виктор разыскал Ларина

— Рад видеть живым, — козырнул Ларин.

Громов досадливо отмахнулся.

— Седых столько о вас рассказывал, — продолжал Ларин. — Да и я вспоминал.

— Погодите-погодите, уж не вы ли тот лейтенант?..

— Я, — широко улыбнулся Ларин. — Это я провожал вас в ночь на третье.

— Ну конечно! Вы еще о лягушках говорили, об осоке...

— Так точно.

— И о пенечке с пулеметчиком.

— Вы его взяли?

Громов внимательно посмотрел на заострившееся лицо лейтенанта, пытаясь найти хоть какие-то черты запомнившейся ему миловидной юности, но все бесследно исчезло. Перед ним стоял пехотный лейтенант в выгоревшей, потрепанной гимнастерке. «Тело легкое, собранное, нога тонкая, быстрая, глаз внимательный, острый, рука сухая, твердая, медаль «За отвагу» тоже кое о чем говорит», — прикидывал он шансы Ларина стать разведчиком.

— Языком владеете?

— Французским, — развел руками Ларин. — Учу немецкий. По разговорнику, но кое-что уже понимаю.

— Это хорошо. Язык врага знать надо. И не только язык. Привычки, манеры, особенности характера, слабости — это в нашем деле тоже дорого стоит. Не хочу неволить, — неожиданно твердо сказал он. — Могу, но не буду. Воевать в разведке не каждому по плечу, бывало, помучившись с нами, офицеры просились в стрелковые взводы. Поэтому вопрос ставлю со всей ответственностью: хотели бы вы, лейтенант Ларин, стать командиром разведвзвода? Не торопитесь, подумайте.

— Я уже думал, — сразу ответил Ларин. — Даже жалел, что не могу прийти к вам лично. Но когда узнал, что вы живы, решил действовать. Вот рапорт с просьбой перевести в разведку, — протянул он аккуратно сложенный листок.

— Руку, лейтенант! — улыбнулся Громов. — Прини-

майте командование первым взводом и... начинайте его комплектовать.

Еще трое суток капитан Громов мотался по частям и наконец смог доложить, что разведрота пополнена. Именно так он сказал, считая, что, если от подразделения остался хоть один человек, оно не создается заново, а пополняется. Полковник Сажин попросил показать новобранцев. Во главе первого взвода стоял лейтенант Ларин. Второй принял пока что долечивающийся младший лейтенант Седых (полковник прямо в палатке поздравил его с присвоением офицерского звания). На правом фланге третьего — коренастый лейтенант-сапер с соответствующей росту короткой фамилией Зуб.

Фронтовиков видно сразу. Их примерно четверть состава. Распределил ветеранов командир так: в каждом взводе, в каждом отделении несколько по-настоящему обстрелянных солдат. На них и будут равняться новобранцы.

— Мы всегда гордились разведчиками, — сказал полковник Сажин. — Своими успехами дивизия во многом обязана хорошей работе разведки. Уверен, так будет и дальше.

XV

— Придется штурмовать, — решил капитан Громов.— Если не выбьем немцев из этой проклятой конюшни, атака захлебнется. Местность открытая, конюшня хоть и разрушена, а дот получился непробиваемый. Словом, пойдут добровольцы.

Вся рота шагнула вперед.

— Спасибо. Другого не ожидал. Но рота — это много. Пойдут два взвода: первый и третий. Второй будет молотить по конюшне, не давая немцам высунуться. Лейтенант Ларин и лейтенант Зуб, ко мне!

Когда командиры взводов подошли к Громову, он отвел их в сторону и сказал:

— Одновременно с вами прямо в лоб на конюшню пойдет стрелковая рота капитана Лохмачева. Ваше дело — обеспечить фланги и присмотреться к людям. Для многих — это первый бой. За десять дней мы их кое-чему научили, но не мне вам говорить, что такое первый бой. Новобранцев расставьте так, чтобы рядом были «старички», и накажите им опекать молодых: ненавязчиво, так, чтобы

не обидеть, но присматривать и помогать, где словом, а где и делом.

После короткой артподготовки взлетела ракета, и в атаку поднялась пехота. Когда до конюшни оставалось метров триста, заговорили немецкие пулеметы, а потом подключились и минометы. Ряды атакующих смешались: где разведчики, где автоматчики — не понять. Солдаты расползлись по пшеничному полю, используя каждую ложбинку, каждый бугорок. Лейтенант Ларин оказался рядом с капитаном Лохмачевым. Тот сидел среди осыпающихся колосьев и ругался самыми распоследними словами. Ларин подполз ближе, и... ему стало плохо. У капитана ниже колена была оторвана нога, но голень держалась. На одной коже. А капитан костерил разорвавшуюся рядом мину и пытался оторвать перебитую ногу.

— Чего уставился?! — побелевшими глазами зыркнул он на Ларина. — Нож есть? Режь! Как это не можешь?! Режь, говорю! — схватился он за пистолет.

Ларин взмахнул ножом, аккуратно отложил в сторону ногу, обутую в стоптанный сапог, перетянул ремнем бедро, взвалил Лохмачева на спину и пополз к своим. Где-то на краю поля сдал его санитарам — и снова к своему взводу. Метрах в сорока от конюшни засел в воронке, но его обнаружили и не давали высунуться. И вдруг голос: «Лейтенант, давайте сюда!» Оказывается, разведчики пробились к конюшне и заняли левый угол.

— Прикройте! — крикнул Ларин, выждал момент, вскочил, бросок — и вот он у своих.

Пять контратак предприняли фашисты на левый угол конюшни, но разведчики их отбили. А в тот момент, когда рота Лохмачева пошла на решительный штурм, поднялись и разведчики. Рукопашная была упорной, в какой-то момент инициатива перешла к немцам. Но тут подоспел Громов со вторым взводом.

Все, за фланг дивизии можно быть спокойным. Громов отвел разведчиков в тыл. А вскоре началась мощнейшая артподготовка. Почти час все стонало и дрожало от грохота пушек и воя «катюш». Потом над самой землей пронеслись штурмовики, а под ними волна за волной шли танки. Так начался знаменитый прорыв у деревни Вяжи, открывший путь на Орел.

Батальон капитана Маралова застрял у какой-то безымянной деревеньки. Три разбитых домика, колодец и сло-

женный из камней лабаз. Но все это на высотке, прикрытой глубоким рвом и противотанковыми ежами. В бинокль хорошо видно, что высотку держат закопанные по самые пушки «фердинанды». Как их достать? «Илы» и то не смогли поджечь.

Своим батальопом Маралов был доволен. Новенькие тридцатьчетверки с более мощной пушкой, выписавшиеся из госпиталей экипажи — народ боевой, всякого лиха повидавший, но при всем том батальон топтался у деревеньки и даже не мог ее обойти — мешали глубокие овраги. Сколько ни ломал Маралов голову, ничего лучшего, чем использовать эти овраги, он не придумал. Сначала по ним прошли пешком. Механики-водители качали головой и скребли затылки. В конце концов решили так: две роты демонстрируют атаку в лоб, а третья под шумок полезет по оврагам. Если удастся выйти в тыл, две красные ракеты — и общий штурм.

Тем временем по рощицам и перелескам, избегая открытых мест, шла колонна медсанбата. Дивизия Сажина наступала, возить раненых стало далеко, поэтому было принято решение о передислокации хозяйства капитана Васильева. Когда колонна двинулась вперед и медики поверили, что наконец-то началось долгожданное наступление, всех охватил такой подъем, такое возбуждение, что этому настроению поддалась и Маша.

— Мое место впереди! — заявила она Васильеву. — Я все-таки санинструктор, а не хирургическая сестра. Сколько могла, работала в тылу, а теперь все, баста!

Васильев понимающе слушал Машу, он знал, что не станет ее удерживать, но и жалел, что не смог этого сделать. Все-таки в медсанбате безопаснее.

— Хорошо, Мария Владиславовна, — с грустью сказал он. — Не смею задерживать. Наступление! Что ж, идите, а мы, тыловые крысы, будем тащиться сзади и ждать реляций о ваших подвигах.

— Да ладно тебе, Коля! — поцеловала его Маша. — Не кисни. Я знаю, ты и сам не прочь рвануть вперед.

— Не прочь! — загорелся Васильев. — Два года воюю, а не убил ни одного фашиста. Нонсенс! Что скажу детям лет через двадцать, а?

— Что на войне у каждого свои обязанности, — назидательно начала Маша. — Одни людей калечат, а другие лечат — вот, собственно, и вся война.

— Ну вот, и ты туда же... От Виктора нахваталась, что ли?

— Ага! — озорно подхватила Маша. — От него. Все от него!

— Вот именно. Ты там поосторожней. Не забывай, что тяжести носить вредно. Уже вредно, — после паузы добавил он.

— Я буду выбирать легких. Отныне моя специализация — молоденькие, не слишком упитанные лейтенанты, — засмеялась Маша и убежала за своей сумкой.

Пройдут всего сутки, колонна все так же сторожко будет двигаться вперед, внешне как будто ничего не изменится, лишь доктор Васильев станет мрачнее тучи. Он начнет сторониться людей, избегать каких бы то ни было неслужебных разговоров и ругать себя самыми последними словами...

Той же ночью капитан Громов получил приказ пробраться в деревню Большой Дуб и перехватить команду карателей. По сведениям, полученным от партизан, эта спецкоманда попытается уничтожить следы какого-то чудовищного преступления.

— От нас это далековато, — показывал по карте маршрут полковник Сажин. — Поэтому вот до этого пункта вас подбросят на машинах, до этого — на бронетранспортерах, а дальше — бросок за линию фронта. Шансы на успех есть, и немалые. Немцы отступают, незалатанных дырок в обороне много. Ваше дело найти такую дырку и, не вступая ни в какие стычки, прямым ходом к деревне. Проводник будет, так что не заблудитесь.

На рассвете разведчики отыскали такую брешь и проскользнули за линию фронта. Громов и на этот раз решил брать не всех. «Два взвода достаточно, — рассуждал он.— Ларин — молодцом. Седых — поправился окончательно. Зуб пусть останется. Без сапера мы обойдемся, а до Берлина предстоит форсировать столько рек, что его руки пригодятся».

Паника среди отступающих немцев была такая, что еще одно потрепанное подразделение, шагающее по обочине дороги, не привлекало внимания. Переодетые в немецкую форму разведчики. Вооружены были шмайсерами. Каждый третий нес ручной пулемет, значит, подразделение славно сражалось и до сих пор боеспособно. Хорошо, что рядом с идущим во главе колонны гауптманом бежит овчарка: собака вовремя обнаружит русских диверсантов и поднимет тревогу.

А подразделение во главе с гауптманом забирало все правее и правее от дороги, пока не растворилось в поле. И только теперь заговорил партизан-проводник.

— Я из отряда Кожина. Места здесь безлесые, так что нам было трудновато. И все же хлопот фрицам доставляли много. Особенно хорошо поработали прошлой осенью. Но однажды подпольщики сообщили, что против нас и других отрядов разработана операция «Белый медведь». Руководит ею генерал Хойзингер, в его подчинении две дивизии. Пришлось нам уходить в Брянские леса. А каратели озверели. Расстреливали всех подряд, спалили семнадцать деревень. Еще прошлой осенью стало известно, что в Большом Дубе заживо сожгли стариков и детей.

— Детей-то за что?! — скрипнул зубами Громов.

— Поймаем, спросим, — ответил партизан. — Принародно спросим!

Часа через два проводник начал беспокоиться.

— Где-то здесь, — озабоченно говорил он. — Озеро, ручей, дубовая роща...

— И озера попадались, и ручьи, — заметил Седых, — и рощи были... Ты ищи характерные признаки.

— Самый характерный — деревня, — отрезал партизан. — А ее нет.

— Значит, не туда завел.

— Не-ет, где-то здесь...

И тут Громов заметил, что Рекс ведет себя как-то странно: крутит головой, кидается по сторонам, повизгивает.

— Чует пес. Что-то чует. Я был прав, — обрадовался партизан.

— Чуять он может что угодно, даже мины, — бросил Седых.

— Нет, Захар Иваныч, — впервые назвал его по имени-отчеству Громов. — На мины он не скулит. Рекс чует что-то живое.

— Заяц какой-нибудь или птица?

Но Рекс волновался все больше и больше. Наконец он резко натянул поводок и побежал к едва заметной горке.

— Опоздали! — с досадой крякнул Громов. — Ушли, паскуды. А ведь опоздали-то часа на три, не больше.

Ларин непонимающе смотрел на командира.

— Смотри сюда, лейтенант. Видишь, везде сухая, выжженная земля. А здесь — свежий, еще прохладный чернозем. Он вывернут снизу. И запах тола — слабый, но

есть. Короче говоря, спецкоманда свое дело сделала: подорвала остатки пожарища и накрыла их черноземом.

К этому времени рассвело, и теперь уже все видели свежевспаханную землю. Между тем Рекс сосредоточенно копал яму — сперва передними лапами, потом, углубившись, начал отбрасывать землю задними.

— Лопаты! Быстро! — скомандовал Громов.

Несколько человек, выхватив саперные лопатки, бросились к яме.

— Какие-то жерди.

— И доски.

— Осторожней, братва, может, под ними люди.

— Ты что, рехнулся? С прошлой-то осени?!

— Командир, это похоже на погреб, — сказал Седых.

— Значит, в этой яме тоже погреб, — доложил и Ларин.

Через полчаса разведчики откопали крышки еще двух погребов.

— Ну что, командир, открывать?

— Открывайте. Только осторожно. Посмотрите, нет ли там тайного проводочка к мине.

— Нет, все чисто.

— Тогда навались!

Когда разведчики отбросили крышку первого погреба, оттуда ударило жутким, гнилостным смрадом.

— Все ясно, — заметил побледневший Громов. — Открывайте второй.

Таким же мертвенным смрадом дохнуло из второго, а потом и из других погребов.

Разведчики отошли в сторону. Перекурили. У многих дрожали пальцы, и они не могли сработать самокрутку.

— Дайте и мне, — протянул руку Громов. — Не могу. Мутит.

Седых рыскал глазами по сторонам, словно мог увидеть виновников этого злодеяния. Ларин до синевы налился кровью, а сжатые губы превратились в белый шрам.

И вдруг где-то внизу, у самой речушки, раздался призывный лай Рекса. Разведчиков будто ветром сдуло с холма. Они рассыпались веером и на бегу изготовились к такому бою, в котором пленных не берут. Но Рекс сидел у какой-то норы и лаял не столько свирепо, сколько просительно.

— Может, лиса? Или енот? — предположил Ларин.

— Сейчас проверим, — бросил Седых, снимая с пояса гранату.

— Отставить! — остановил его Громов. — А вдруг человек?

— Да вы что? Откуда здесь люди?

— Вперед, Рекс, вперед! — приказал Громов и подтолкнул его к норе.

Рекс послушно нырнул в темноту. Через секунду послышалось рычание и... жалкий, плачущий голос — не то ребенка, не то женщины.

— Осторожней, Рекс, осторожней! — крикнул Громов. — Кто там есть, вылезайте! Немедленно вылезайте!

И вот показался собачий хвост, потом упруго упирающиеся лапы, напряженная спина — Рекс явно кого-то тащил. Когда из норы вывалилась груда лохмотьев, никто не мог понять, кто в них копошится.

— Братцы, да никак женщина? — ахнул Седых.

— И точно, старуха.

— А заросла-то, а обовшивела.

— До чего же тощая! В чем только дух держится?

Солнце било прямо в лицо старой женщине. Сослепу она ничего не видела, а когда проморгалась и увидела, что перед ней немцы, неожиданно резво вскочила и кошкой вцепилась в близстоящего.

— Да ты что, бабуля? Очнись, мы же свои! — осторожно разжимая ее пальцы, оторопело пятился разведчик.

Старуха что-то мычала, слабо цепляясь за парня. Наконец вырвались и слова:

— Сожгите... Убейте... Ироды проклятые... Чтоб вам в геенне огненной!

— Все ясно. Мы же в немецкой форме. Видно, приняла нас за карателей, — сказал Громов.

— Бабуля, ну что вы? Ну, успокойтесь. Свои мы, русские, — как можно мягче начал Ларин. — А переоделись для дела, искали карателей.

До старухи что-то начало доходить. Она отцепилась от разведчика, села на землю и горько заплакала.

— Те тоже были с собаками.

— Вот что, — решительно сказал Громов, — надо привести ее в божеский вид. Давайте-ка бабку к речке — ее надо хорошенько отмыть, а лохмотья выбросить. Ты, — указал он на самого рослого, — снимешь френч. Старушке он будет как пальто. Седых, распорядись, чтоб в лесочке развели костер. Обсушить бабульку, обогреть и как следует накормить. Все разговоры потом.

Через час Надежда Тимофеевна Дугинова жадно выскребывала из котелка кашу с тушенкой и ровным, туск-

лым голосом рассказывала неправдоподобно-жуткую, но абсолютно достоверную историю, которая позже вошла во все обвинительные документы против фашизма.

— Семнадцатого октября был мой день рождения. Как-никак полвека стукнуло, а отметить нечем. Вспомнила, что на дальней грядке выкопана не вся картошка. Решила хоть картохи испечь да угостить домашних. Ковыряюсь в грядках, перетряхиваю ботву. Вдруг вижу: с горки катятся мотоциклы, а за ними машины. Выскочили из них человек сто. Форма, как у вас, мышастая. С ходу начали стрелять. Люди — врассыпную. Но бежать некуда, деревня окружена. Я как упала в ботву, так и лежу. Гляжу, старик мой бежит. Куда там, догнали, веревку на шею — и на ворота. Детишки, трое младшеньких, выскочили из дома — тут же около отца пристрелили. Как я не закричала, как не бросилась с мотыгой на этих зверюг?! Окаменела, шелохнуться не могла.

А из соседней избы метнулась моя подруга, Маня Новосельцева. Прижала к груди внучонка — и к лесу. И надо же, натолкнулась на верзилу с такой же вот штукой, как у вас, — в упор прошил и внучонка, и Маню. У другой избы пятилетний Ваня Алешкин спрятался в бочке с водой. Когда кончился воздух и он вынырнул, его схватили, пристрелили и швырнули в погреб.

Потом им, видно, надоело бегать по улицам: заходили в дома, выводили во двор и тут же расстреливали — целыми семьями. Пятеро Алешкиных, шестеро Агафонкиных, семеро Масюговых, девять Кондрашовых, одиннадцать Федичкиных, тринадцать Вороновых... Я их всех знала, всех до единого. Алешкины: дед с бабкой и трое внуков — старшему шесть, младшему один годик. Федичкины: дед с бабкой, дочки и шестеро внуков — младшему два года. Кондрашовы: тоже старик со старухой и внуки, младшему — годик.

Но это не все. Убить, оказывается, мало. Побросали расстрелянных, повешенных и раненых в погреба, загнали туда и чудом уцелевших, налили бензину, подожгли и закрыли крышки. Как же люди кричали, как плакали и молили выпустить! Особенно дети!

За что так, сыночки? Ведь горели-то дети, старики да бабы! Они-то что за грозное войско?!

Полгода прожила я в норе. Думала, о нас забыли. Так нет же, вчера опять прикатили. Так перепахали взрывами остатки деревни, что от Большого Дуба и следа не осталось, — закончила Надежда Тимофеевна.

Потух костер. Остыла каша. Не дымились самокрутки.

Громов поднялся. Губы дергались.

— Клянемся! — сказал он. — На этих погребах клянемся! Тебе, мать, клянемся! Ванюше!!! — Его голос сорвался. — Всех передушим! Вот этими руками.

Десять танков самым малым ходом ползли по оврагу. Капитан Маралов был в первом. Местами стены оврага сходились так близко, что танку не протиснуться. Тогда комбат подавал назад и бросал тридцатьчетверку с разгону — так он стесывал края и мало-помалу продвигался вперед. Овраг петлял, забирал куда-то в сторону, но теперь иного выхода не было, кроме как утешаться тем, что чем дальше от деревни, тем меньше шансов быть обнаруженными.

Наконец овраг кончился и показалась узенькая речонка. Танкисты облегченно вздохнули: заметь их немецкий самолет, тот овраг стал бы братской могилой.

Осмотрелись. Деревенька километрах в трех справа. Местность открытая, правда, холмистая. Но вот последний километр — ровное как стол поле.

— До поля идем лощинами, — говорил Маралов. — А потом бросок! Маневрировать, менять скорость и ни в коем случае не подставлять борта. Огонь вести с остановок, прицельно, иначе их не достать. По машинам!

Вот и кромка поля. Маралов достал бинокль.

«Зашли с фланга, это хорошо, — думал он. — А вот то, что не заметил полтора десятка «пантер», — это плохо. Ага, завтракают! Самое время подбросить горяченького».

— Ракеты! — крикнул он. — Две красные!

Начало атаки было удачным. Танки Маралова прорвались к окраине деревни, подожгли несколько «пантер» и уже разворачивались, чтобы зайти в тыл закопанным «фердинандам», но немцы вызвали авиацию.

— Маневрировать! — кричал Маралов. — Маневрировать!

Тридцатьчетверки бросались в стороны, тормозили, снова набирали ход. А за ними гонялись «мессеры», гонялись безнаказанно, прямо-таки как летом сорок первого.

— Что ж это такое?! — недоумевал Маралов. — Наши-то где? Неужто на весь фронт ни одного истребителя?

Он связался с командиром полка и доложил, что несет большие потери от авиации противника.

— Вижу, — ответил комполка. — Действуете правильно. На подходе «лавочкины».

Ревели моторы, скрежетали гусеницы, искрилась от снарядов броня, факелами вспыхивали танки.

«Хрен с ними, с коробками. Главное, экипажи целы»,— подумал Маралов, заметив, что из подбитой тридцатьчетверки выскочили люди.

Один танкист горел, двое на бегу его тушили, а четвертый еле двигался, припадая на раненую ногу. И тут из-за бугра метнулась девичья фигурка. Санинструктор! Девушка подбежала к раненому, уложила на землю, перевязала и взвалила на себя. Не успела она сделать и трех шагов, как из немецкого танка резанул пулемет. Девушка споткнулась и рухнула наземь.

— Ах ты гад! Девчонок бить?!

Маралов развернул башню и в упор всадил бронебойный снаряд в плюющую огнем «пантеру». Та дернулась, замерла, а потом как-то странно подпрыгнула.

— Порядок. Рванул боезапас. Так тебе и надо!

Но по тому месту, где лежала девушка, бил пулемет другого танка.

— Механик, — свистящим голосом сказал Маралов, — видишь девчонку?

— Вижу.

— Надо на нее наехать. Не раздавить, а наехать. Нужно, чтобы она оказалась между гусеницами.

— Понял.

Тридцатьчетверка развернулась и пошла прямо на раненого танкиста и санинструктора. Когда танк замер прямо над ними, открылся десантный люк, и их втащили внутрь.

— Эх ты, разиня, — ворчал Маралов. — Куда задело-то?

— В бедро, — сквозь зубы ответила девушка.

— Дай-ка перевяжу. А то кровищи из тебя... Всю машину перемазала. Вот так. Терпимо?

— Нормально.

— Придется потерпеть. Из боя не выхожу. Огрызаются, гады. Надо врезать по зубам, как говорит один мой друг, этим... как его... антрекотом.

— Апперкотом, — слабо улыбнулась девушка.

— Точно, апперкотом! А ты откуда знаешь?

— Так ведь ваш друг — мой муж.

— Вот это да-а... Выходит, ты Маша?

— Маша. А вы — Маралов.

— Так точно, капитан Маралов. А как узнала?

— Вас... нельзя не узнать. Виктор много рассказывал. Вы же ему жизнь спасли. Он вас ищет.

Маралов посмотрел на быстро краснеющий бинт, на теряющее цвет лицо девушки, по-громовски стукнул кулаком по броне и открытым текстом рубанул в эфир:

— Выхожу из боя. Командир первой роты, принимай командование батальоном.

Вздымая пыль, танк Маралова мчался навстречу наступающим колоннам. Маралов высунулся из люка, сорвал шлем и орал безгубым ртом, спрашивая, где ближайший медсанбат. Его не слышали, но приветственно махали руками. А на дне танка в луже крови лежала младший сержант Орешникова, из которой капля по капле уходила жизнь.

XVI

Когда почерневшие от усталости разведчики вернулись в расположение роты, капитан Громов доложил о результатах рейда. Выслушав сбивчивый рассказ Надежды Тимофеевны Дугиновой, которую разведчики принесли на руках, полковник Сажин, сузив глаза, сказал:

— В Большой Дуб необходим десант. Надо любой ценой сохранить погреба. Надо, чтобы весь мир узнал! — хрястнул он кулаком по столу. — Газетчиков туда, киношников. Тут где-то болтались представители союзников — их тоже в Большой Дуб. И вообще, надо сообщить наверх.

Он тут же доложил командарму, а тот — командующему фронтом. Решение было однозначным: танковый полк с батальоном автоматчиков на броне просачивается в заранее пробитую брешь в войсках противника и, не вступая в бои, идет к деревне. Задача: занять круговую оборону и не дать фашистам окончательно уничтожить следы злодеяния.

В качестве проводников Громов послал взвод младшего лейтенанта Седых. Сам капитан рассчитывал хоть немного отдохнуть: трое суток без сна давали себя знать.

— Лейтенант Зуб, — позвал он, — сегодня какое?

— Четвертое.

— Четвертое — чего?

— Августа.

— Надо же, совсем все перепуталось. Я малость вздремну. За старшего — ты. Если что... — Громов так и не закончил фразу — уснул.

Через два часа лейтенант Зуб тронул его за плечо:

— Товарищ капитан, проснитесь! Комдив идет.

Громов вскочил, оправил гимнастерку и приготовился рапортовать. Но полковник Сажин только махнул рукой, дескать, не суетись, и подчеркнуто торжественно сказал:

— Собирай командиров.

Когда Громов, Ларин и Зуб вытянулись перед комдивом, он спросил:

— Орловцы во взводах есть?

— У меня нет, — ответил Ларин.

— У меня тоже, — чуточку помешкав, добавил Зуб.

— Плохо... А кто-нибудь из вас в Орле бывал, разумеется до войны?

— Никак нет, — переглянулись офицеры.

— Совсем плохо, — сокрушенно вздохнул полковник.

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовался Громов. — Если нужно в город, сориентируемся по карте.

— Вот что, товарищи офицеры, — еще более торжественным тоном продолжал Сажин. — Есть очень важное, очень трудное и очень почетное задание. Не скрою, и чрезвычайно рискованное. Нужны очень надежные люди, разумеется добровольцы.

— Сколько? — спросил Громов.

— Человек десять.

— Это не проблема. Ручаюсь за всю роту.

— Да погоди ты ручаться. Не за «языком» ползти, не склад взрывать. Смотрите! — поднялся Сажин и развернул сверток, который бережно держал в руках.

— Знамя! — ахнул Ларин.

— Да, лейтенант, знамя! Знамя нашей дивизии. Утром — общее наступление. Отсюда, от подступов к железнодорожному вокзалу, ринемся на штурм. Сами знаете, как много значит знамя в бою. Если оно впереди, к нему рвутся любой ценой. Надо проникнуть в город, найти самое высокое здание и укрепить на нем знамя!

— Да-а, задача, — тюкал кулаком в стену траншеи Громов. — Где хоть это здание?

— Их два. Церковь и жилой дом по Красноармейской, тринадцать.

— Проводника бы. Как ее искать, эту Красноармейскую?

— Потому и спрашивал, есть ли орловцы.

— Ну что ж, придется по карте.

Громов поцеловал знамя и спрятал его под гимнастерку.

— Вы пойдете? — спросил он Ларина и Зуба.

Те молча кивнули.

— Отберите людей. Захотят многие, но предпочтение отдавайте несемейным. Не мне вам говорить, что знамя ни при каких обстоятельствах не должно попасть врагу. Так что в случае чего отбиваться будем до конца. Ну а последний... Последний подорвет себя вместе со знаменем. Так и скажите добровольцам...

Через полчаса в темноту скользнули девять разведчиков и собака. Проскочили железнодорожное полотно. Залегли. Неожиданно начался артобстрел. Немцы спрятались в укрытиях, а разведчики, и благодаря артиллеристов, и досадуя — не хватало еще погибнуть от своих снарядов, — двинулись дальше. Вот и шоссе. Не исключено, что заминировано.

— Зуб, вперед! — шепнул Громов.

Лейтенант пополз, ощупывая каждую пядь асфальта.

«Долго, — досадовал про себя Громов. — Через три часа рассвет, а мы черт-те где».

— Рекс! — позвал он.

Влажный нос ткнулся в ухо.

— Давай, брат, выручай. Ты же не раз водил нас по минам. Вперед! — подтолкнул он собаку.

Зуб обидчиво хмыкнул. Но Рекс так уверенно пошел по шоссе, лавируя между минами, что лейтенант уважительно крякнул.

И вдруг как раз в тот момент, когда вся группа была на шоссе, взлетели ракеты! А потом совсем рядом врубили прожектор. Разведчики замерли, изображая убитых.

Погасли ракеты, ушел в сторону слепящий луч. Осторожно двинулись дальше. Показались покореженные фермы, разбитая труба.

— Идем правильно, — отметил Громов. — Это завод имени Медведева.

По улицам сновали мотоциклисты, ползли танки, тянули пушки... Разведчики переждали в развалинах, а потом по одному, прикрывая друг друга, перебежали улицу. Опять залегли. Осмотрелись. Ларин подполз к командиру, тронул за плечо и показал куда-то влево. Среди развалин высился силуэт пятиэтажного здания с пожарной вышкой.

— Нашли! — обрадовался Громов.

Когда проскочили во двор, капитан выставил заслоны, а с собой оставил лейтенанта Ларина. Пробираясь вокруг дома, они наткнулись на пожарную лестницу. Громов ее покачал — болтается, как веревка.

— Если сорвусь, полезешь ты, — шепнул он Лари-

ну. — Сорвешься ты, падай молча. Доберусь до крыши, а там вдруг понадобится помощь, махну пилоткой — на фоне неба увидишь.

Виктор закинул за спину автомат и ухватился за перекладину. Лестница качнулась, скрежетнула. Рекс тонко заскулил.

— Сидеть, — погладил его Громов. — Сидеть и ждать!

Позади один этаж, другой... Сверху сыпались пыль и крошка: расшатанные крепления едва держались в кирпиче.

«Тяжеловат я для такого дела, — подумал Громов. — Сюда бы Мирошникова, тот вспорхнул бы бабочкой».

На третьем этаже руки провалились в пустоту.

— Что такое?! — не удержался Виктор.

Сколько ни щупал, ни царапал стену, лестницы не было.

«Спокойно! — приказал он себе. — Без паники! Думай! Думай лучше! Сейчас я поднимаюсь, как ненормальные люди или, на худой конец, пожарные. Так? Так. А как нормальные? Идут по внутренней лестнице. Да, но в доме могут быть фашисты. Поэтому идти надо тихо. Совсем тихо», — решил Виктор и снял сапоги.

Он спустился вниз, поставил сапоги около Рекса, сказал: «Охраняй!», поискал дверь — она оказалась закрытой, влез на уровень второго этажа, протиснулся в разбитое окно и, держа наготове гранату, на цыпочках двинулся по лестнице. У выбитого окна пятого этажа Виктор заметил пожарную лестницу. Подергал — держится. Перебрался на нее — и вот наконец крыша. До чего же гремит железо, шагу ступить нельзя! Тогда Виктор пошел по-кошачьи, медленно и мягко опуская и так же медленно отрывая ноги.

Сверху все как на ладони. На площади немцы устанавливают надолбы, чуть левее — пушки.

— Эх, гранатку бы на вас, — вздохнул Громов и полез на пожарную вышку.

И так и сяк примеривался к ней Виктор, но по голым прутьям, полукругло сходящимся к центру, взобраться не мог.

— Вот ведь незадача! — чертыхался он. — А если изнутри? Нет, не дотянуться.

Виктор хорошо видел штыком торчащий прут — к нему-то и надо бы прикрепить знамя, — но, как ни старался, достать до него не мог.

«Да, одному здесь не управиться», — решил он и пополз к краю крыши.

Ларин хорошо видел взмах пилоткой и тем же путем, что и Громов, поднялся на крышу. На какое-то мгновение лейтенант онемел от восторга: звездная ночь, близкие кроны деревьев, яркие сполохи на горизонте — красота!

— Чего замер? Иди сюда, — позвал командир. — Расставь ноги пошире и держись за железяки. Вот так, молодец. Сейчас мы с тобой изобразим акробатический этюд под названием «пирамида».

Громов влез на плечи лейтенанта, ухватился за торчащий прут и крепко-накрепко привязал знамя.

Назад вернулись почти без приключений, если не считать, что у дороги наткнулись на немцев и пришлось их забросать гранатами.

Никогда капитан Громов с таким нетерпением не ждал рассвета. Он возбужденно тыкал то Ларина, то Зуба и не замечал, что они как-то жмутся и отмалчиваются. Но вот заголубело небо, брызнули первые лучи солнца и высветили затаившийся город. И тут все увидели: над развалинами, превращенными в доты, над фашистскими траншеями, пушками и танками гордо реет красное знамя!

В едином порыве с кличем «Даешь Орел!» бойцы ринулись на штурм.

— Пора и нам, — потуже затянул ремень Громов. — Идем со второй волной. Да чего вы такие кислые? — заметил он наконец вытянутые лица лейтенантов. — Устали, что ли? Отдохнем в Орле.

— Вам тут... записка, — потерянно сказал Зуб. — Просили передать немедленно. И на словах тоже...

— Кто просил-то?

— Танкист один. Сожженный такой. Без лица.

— А-а, Маралов! Давайте. Чего он там нацарапал? — взял Громов скомканный листок.

Но в это время взлетела зеленая ракета — сигнал атаки. Громов сунул записку в карман гимнастерки, опустил ремешок каски, подхватил автомат и выпрыгнул навстречу свинцовому шквалу.

XVII

Танк Маралова на полном ходу притерся к покосившейся избушке с красным крестом на двери и, качнувшись, замер. Из люка показалось чумазо-малиновое лицо капитана.

— Эй, кто-нибудь! — сипло крикнул он.

Вокруг множество снующих туда-сюда людей в белых халатах, но никто не обернулся на голос танкиста. Тогда он спрыгнул на землю, схватил за шиворот ближайшего обладателя белого халата и, тряхнув, поставил перед собой.

— Ты кто? — рявкнул капитан.

— Я? Медсестра, — пропищал испуганный голосок.

— Тьфу, черт! А я думал — мужик, — досадливо крякнул Маралов. — Ладно, не хлюпай носом. Уколы делать умеешь?

— Ага.

— Тут, понимаешь, такое дело. В танке раненая девчонка. Пока вез, вся изошла кровью. И белая стала. Короче, если будем тащить через люк, может кончиться. Укол бы какой-нибудь...

— Укол? А какой?

— Что же ты меня-то спрашиваешь? Разве я в этом деле понимаю? Э-эх, горе луковое! И где вас только берут?

— Я... после школы... на курсах... три месяца, — моргала покрасневшими глазами девчонка.

— Три месяца... На курсах, — ворчал Маралов. — Ладно, не реви! Давно хоть на фронте?

— Второй день... Меня Настей зовут, — неожиданно улыбнулась она.

— Настей так Настей... Веди к доктору. И побыстрее!— привычно приказал Маралов.

Через минуту он выскочил из дома с довольно тучным врачом. Тот с трудом взобрался на танк, но никак не мог протиснуться в люк. Маралов смотрел-смотрел на эти мучения, потом взлетел на танк, отодвинул доктора и что есть мочи закричал:

— Настя! Где ты, Настя?

Стоящая среди собравшихся раненых девушка недоуменно подняла голову:

— Вы меня?

— А то кого же? — нашел ее взглядом Маралов. — Давай сюда! — протянул руку Маралов и рывком поднял девушку на танк. — Бери у доктора причиндалы и ныряй в люк! — приказал он.

Настя взяла санитарную сумку и, зажмурившись, спрыгнула в чрево танка. Там ее подхватили чьи-то руки и мягко опустили на днище.

— Где? — спросила Настя, ничего не видя в темноте.

— Зажмурься, — сказал кто-то. — Вот так. Считай до десяти. Порядок, открывай глаза.

Теперь Настя все видела. Прямо перед ней, откинув ногу, в луже крови лежала девушка. Настя потрогала ее лоб— чуть теплый. Нащупала пульс — жилка билась так слабо и редко, что сразу стало ясно — девушка доживает последние мгновения. Настя решительно разорвала рукав гимнастерки и сделала укол.

— Ее надо наверх. И сразу на стол.

— Чего-чего? — переспросил сверху Маралов.

— Надо вытаскивать! — крикнула Настя. — И как можно быстрее. Одна я не подниму.

— Федя, помоги, — приказал Маралов заряжающему.— А я приму здесь.

Когда Машу отнесли в дом и уложили на операционный стол, Маралов остался в комнате. Доктор укоризненно посмотрел на танкиста и указал глазами на дверь.

Не прошло и пяти минут, как Маралова позвали.

— Дело плохо, — озабоченно сказал хирург. — Большая потеря крови. К тому же она в положении.

— Знаю. Надо сделать так, чтобы и ребенка спасти.

Доктор потер лоб и, как бы извиняясь, заметил:

— Сюда бы гинеколога... А в пяти километрах от передовой он вроде бы ни к чему. Тут хирурги нужны. Хирурги! — повысил он голос. — И девчонок сюда присылают не для того, чтобы...

Глаза Маралова мгновенно стали белыми.

— Да я... Да ты,— шипяще цедил он, а рука судорожно царапала кобуру.

И тут произошло неожиданное. Рыхлый, неуклюжий доктор сдернул с оплывших плеч халат и рыкнул протодиаконовским басом:

— Смир-рно! Кру-гом! К чертовой матери, шагом марш!

Хулиганистый парень был Маралов, но он человек военный, офицер, а перед ним стоял полковник медицинской службы, да еще с планкой ордена Ленина на груди, поэтому капитан четко повернулся через левое плечо и пулей вылетел из дома.

— Вот так-то, папаша, — иронично щурясь, проводил его взглядом доктор. — Надо же, с такой рож... тьфу, с таким лицом подцепить красавицу-сестричку. И чего она в нем нашла? — привычно обрабатывая рану, ворчал полковник.

И тут у самого уха он почувствовал прерывистое, напряженно-гневное дыхание. Поднял глаза — и ахнул! Ас-

систировавшая ему Настя в упор расстреливала доктора превратившимися в одни зрачки глазами.

— А может, у них любовь?! А может, он герой?! Что ж, если человек горел, если стал уродливым... некрасивым, значит, и любить его нельзя?! — выпалила Настя. — По-вашему, только тот достоин любви, кто с гладкой физиономией, особенно если ошивается около военторга, да?!

— Эк вас, — смущенно крякнул полковник. — Правильно, молодец, ругай старика. Вас же, дурех, жалко. Ты хоть знаешь, что такое пэпэже?

— Знаю! Походно-полевая жена,— сузила глаза Настя.— Ну и что?

— А то... Анализ крови готов? — уже совсем другим, требовательным тоном спросил он через плечо.

— Готов. Четвертая группа.

— Есть у нас такая?

— Нет.

— Совсем нет? — повысил голос доктор.

— Была. Но кончилась... Уж очень много раненых, — виновато ответили ему.

— Та-ак... Потеряем девчонку. Как пить дать, потеряем. Крови нужно много. Даже если вытащим женщину, ребенок не выживет — так долго без материнской крови ему не протянуть. И все же будем бороться! Нужно прямое переливание. У кого четвертая группа? — крикнул он.

Медики лишь пожали плечами.

— Спросите у бойцов, у легкораненых! — приказал он.

Сестры забегали по палаткам, но человека с четвертой группой так и не нашли.

В нетерпении доктор вышел на крыльцо и наткнулся на... крепко спящего Маралова.

«Дрыхнет, сукин сын, — неприязненно подумал о нем полковник. — Хотя он-то в чем виноват? — приструнил себя доктор. — Вон его танк, и не новенький, а обожженный, как и хозяин. Через час-другой им в бой. И как знать, не окажется ли капитан под моим скальпелем».

Он и не заметил, как неприязнь исчезла, а вместо нее родилась симпатия к незадачливому танкисту.

И тут Маралов проснулся. Увидев полковника, сразу вскочил.

— Прошу прощения, товарищ полковник, — виновато козырнул он.

— Да ладно, — отмахнулся доктор.

— Как она там? — кивнул на окно Маралов.

— Неважно, капитан. Совсем неважно. Огромная поте-

ря крови. Нужно прямое переливание, а человека с четвертой группой найти не можем.

— Чего ж тут искать?! Вот он я, с четвертой группой. Правда, в меня столько влили чужой крови, что теперь уж и не знаю, какой там во мне коктейль. Но он четырехзвездный, вернее, четвертой группы — это факт.

— Что такое прямое переливание, знаете? — оглядел его доктор.

— Конечно. Из вены — в вену.

— Я обязан спросить. Ничем таким, неприличным, не болели? А то ведь скажется и на ней, и на ребенке.

Маралов так смутился, что доктору стало его искренне жаль.

— Ладно, пошли, — хлопнул он его по плечу. — Все будет хорошо.

И вот бежит пульсирующая жизнь из вены Маралова в вену Маши. Сначала Маралов крепился, даже шутил, а потом умолк и куда-то поплыл. Он куда-то проваливался, всплывал, снова нырял в тину небытия. Врачи помогали выкарабкаться наружу, что-то озабоченно спрашивали, Маралов пытался улыбаться, но ничего не получалось.

А Маша оживала. Порозовели уши, потом кончик носа, покрылся испариной лоб...

— Так-так, молодец, сержант, молодец, — довольно улыбался полковник. — А как там папашка? — переключился он на Маралова. — Держись-держись, — подбадривал он капитана. — Я о тебе еще студентам буду рассказывать. А как же, единственный случай в практике профессора Дроздова, когда и мать, и ребенок напрямую получили кровь от отца.

Маралов очнулся и хотел что-то сказать, но профессор прикрыл его рот большой, пухлой рукой.

— Потом, батенька, потом. Благодарить пока рановато.

Грелки, уколы, какое-то питье — на все это Маралов уже не реагировал, а послушно делал то, что ему велели. Только через сутки он окончательно пришел в себя и попросил... стакан водки.

— Ого! — рассмеялся полковник Дроздов. — Ай да богатырь! А на закуску селедочки?

— Так точно. И соленого огурчика, — ухмыльнулся Маралов.

— Прекрасно! Верный признак, что человек здоров! Стакан, конечно, многовато, но спиртику я вам плесну. Да и себе налью! — доставая медицинские банки, балагурил профессор. — Поздравляю, капитан, ваша жена будет жить!

И ребенка родит. Мне кажется, девочку. Хотя на ноги встанет не скоро: задета кость, и ногу пришлось загипсовать.

Маралов опрокинул стопку, лукаво прищурился и решил разыграть профессора.

— Непорядок, товарищ полковник, — обиженно начал он. — Что-то вы перемудрили.

— Как это? — вскинул брови профессор.

— Пока мы с Машей были в беспамятстве, вы произвели подмену.

— Чего-чего?

— Подмену. Во-первых, вся дивизия знает, что родиться должен мальчик. А во-вторых, почему вы без моего согласия зарегистрировали брак?

— Какой еще брак? Никто вас не регистрировал, — смутился доктор.

— Ну как же! Вы сказали, что моя жена будет жить и родит ребенка. Но я-то знаю, что ребенок не мой.

— Не ваш?! — изумился профессор.

— Не мой, — деланно-грустно констатировал Маралов.

— И вы это знаете точно?

— Абсолютно точно.

— А... А кто же?

— Автор? Мой лучший друг.

— Вы с ума сошли! Ваш лучший друг — отец ребенка вашей жены, а вы... Мало того что вывезли ее из боя, так еще и отдали полтора литра своей крови. Нет, я бы так не смог. Такое не прощают...

— Другого способа породниться с этой женщиной у меня просто не было, — вздохнул Маралов. И вдруг хлопнул себя по колену и засмеялся. — И вообще эта парочка без меня ни шагу! Представляете, сперва откапываю из могилы, то бишь из воронки, своего лучшего друга капитана Громова, а теперь возвращаю с того света его жену. Ох и долго же они будут со мной рассчитываться! Ей-ей, после войны сяду им на шею. Пусть кормят и поят своего благодетеля!

— Ах вот в чем дело, — улыбнулся Дроздов. — А о Громове я читал во вчерашней дивизионке: он со своими разведчиками пробрался в занятый немцами Орел и водрузил красное знамя над самым высоким зданием города.

— Да? А я и не знал. Ай да Громов! Ну, теперь уж Героя ему вернут.

— Как это — вернут? Разве его этого звания лишали?

— Да нет, — поморщился Маралов. — Героя ему при-

своили посмертно. А я Виктора откопал. Вроде бы раз живой, то не Герой?

— С чего вы это взяли? Наоборот!

— И я так считаю. Он же не виноват.

— В чем?

— Ну, что жив, что я его откопал.

— Капитан, по-моему, вместе с кровью я забрал у вас изрядную долю серого вещества,— строго заметил профессор.

— Это точно, — с легкостью согласился Маралов. — Зато ребенок будет гениальный.

— Гениальная девочка — не лучший вариант. И родителям, и ей самой, и ее будущему мужу — одни хлопоты.

— А вы уверены, что девочка?

— Процентов на семьдесят.

— Ну и ладно. Когда я могу отбыть? — переключился он на другую тему. — А то личный транспорт застоялся. Да и доложить надо.

— Сегодня к вечеру.

— Попрощаться можно?

— С кровной сестрой? Конечно, можно. Она уже пришла в себя.

Когда Маралов, слегка пошатываясь от слабости, вошел в палатку и увидел Машу, у него сразу пропало желание шутить.

Маралов стоял у топчана, на котором лежала изменившаяся до неузнаваемости Маша. Он присел у изголовья и осторожно погладил ее волосы. Чуть дрогнули губы, и Маша благодарно прижалась щекой к покрытой шрамами и рубцами руке.

— Ничего-ничего, — успокаивал ее Маралов. — Все будет хорошо. Главное — жива, все остальное — семечки.

— А... а Виктор? — чуть слышно спросила Маша.

— Да жив, бродяга! Еще как жив! — сразу повеселел Маралов.

Маша слабо улыбнулась.

— А Рекс?

— Чего не знаю, того не знаю,— развел руками Маралов.

И вдруг Маралов наклонился к уху Маши и зашептал:

— Ты вот что. Я тут с врачом говорил, он уверяет, с ребенком полный порядок. Но он хирург, по-нашему мясник, а те, которые по женской части, могут наплести про загипсованную ногу, про потерю крови. Ты их не слушай! Как кровный брат говорю: умри, но ребенка сохрани!

— Если надо, умру, — кивнула Маша.

— Тьфу, черт, опять глупость сморозил, — стушевался Маралов. — Привык, знаешь, приказывать: умри, а высоту возьми, умри, но деревню не сдавай. Что толку от покойников? Что толку, если все начнут умирать?! Нет, не умирать надо, а побеждать. Так что ты живи! А то обижусь, ей-богу, обижусь! Чего ради я отцедил полтора литра своей кровушки?!

— Меня, наверное, в тыл? — поинтересовалась Маша.

— А то куда же!

— Скажи Виктору, пусть разыщет.

— Само собой! Ну, бывай, сестренка, — неожиданно дрогнувшим голосом попрощался Маралов. — Держись. Изо всех сил держись! Мы еще увидимся... когда-нибудь.

Маралов поднялся. Одернул гимнастерку. Шагнул к выходу. Потом вдруг вернулся. Опустился на колено. Взял в руки маленькую шероховатую ладошку, неловко поцеловал ее и с неожиданной для себя нежностью прошептал:

— Береги себя.

XVIII

Во время штурма города капитана Громова слегка зацепило в левую руку. В горячке боя он боли не почувствовал. К вечеру, когда Орел был полностью очищен и разнесся слух, что ближе к ночи в Москве будет салют в честь освобождения Орла и Белгорода, все как один решили привести себя в порядок, побриться и достойно отметить первый в истории этой войны салют.

Седых мигом соорудил в небольшом овражке костер, приволок два ведра воды и подвесил над огнем.

— Баньку бы сейчас, да с веничком, — мечтательно вздохнул он.

— А к веничку — белые руки, — подхватил кто-то.

— Вот-вот! А к ним — длинные волосы да голубые глаза.

— У-у, кобели шелудивые, — укоризненно ворчал Седых.— Все-то у них бабы на уме. Забыли, как день провели, забыли, что все были кандидатами в покойники?

— Ничего, товарищ младший лейтенант, — рассудительно заметил один из разведчиков. — Работа у нас такая. Тут уж ничего не поделаешь, пока не заночуем в Берлине. Зато потом...

— Да кому вы такие нужны, — гнул свое Седых. — Посмотрели бы на свои рожи. А ну быстро мыться-бриться! — приказал он. — Через час построение. Краснеть за вас перед командиром не собираюсь.

Разведчики дружно потянулись к ведрам.

Капитан Громов был рядом. Он слышал эту шутливую перебранку, посмеивался вместе со всеми, а когда рывком через голову сорвал гимнастерку, левую руку пронзила острая боль. Кровь так и брызнула из подсохшей раны.

— Эге, да вас зацепило, — подбежал Седых. — Рукав-то к ране присох, а вы рванули. Надо бы поаккуратней.

— Да не заметил я, — сквозь зубы процедил Громов.— Бинт есть?

— Я сейчас, я сейчас, — засуетился Седых, разрывая зубами индивидуальный пакет.

Кровь остановили. Подошел подтянутый, причесанный, со свежим подворотничком лейтенант Ларин и, поглаживая щеголеватые усики, посоветовал:

— Рану надо бы обработать как следует, лучше всего в медсанбате.

— Я даже не знаю, где он.

— Километра два отсюда. Найдем.

— В таком виде я не пойду. Помогите побриться и хоть немного смыть грязь, а то Маша на глаза не пустит.

Громов не заметил, как опустил глаза Ларин, как неестественно засуетился Седых. Виктор рылся в вещмешке, пытаясь найти свежую гимнастерку. Старую он скомкал, хотел было выбросить, но потом решил, что ее можно починить, и стал перекладывать из карманов документы и всякую мелочь. Вдруг он наткнулся на скомканную бумажку. Развернул. Почерк незнакомый. Следы фиолетового карандаша местами расплылись, но читать можно.

«Ты только не тушуйся. Маша в моем танке. Рана пустяковая. Я выхожу из боя. Капитан Маралов».

— Откуда это? — неожиданно тонко крикнул он. — Откуда эта бумажка? Кто подсунул?

— Я, — подошел Ларин. — Только не подсунул, а передал. Еще утром.

— Утром?! А почему же... почему я не прочитал? — чувствуя, как стучит в висках, переспросил Громов.

— Это произошло за секунду до начала штурма. Вы просто не успели.

— Не успе-е-ел?! — сорвался на крик Громов. — Что значит не успел?!

Чувствуя, что никак не проглотить спазм, перехвативший горло, что вот-вот задохнется, Виктор рванул ворот гимнастерки и мучительно закашлялся. Придя в себя, вытер со лба холодную испарину и сипло спросил:

— Она что, погибла? А Маралов?

— С чего вы взяли? Написано же, что рана пустяковая, — ответил Ларин.

— Пустяковая?! Если пустяковая, почему он вышел из боя? Ты что мне лапшу на уши вешаешь?! Какой командир в разгар боя бросит батальон, чтобы вывезти санинструктора с пустяковой раной?! Все! Хватит морочить голову! Говори прямо, что тебе известно кроме того, что есть в записке.

— Н-ничего, — переминался с ноги на ногу Ларин. — Записку передал какой-то танкист. На случай, если потеряю, попросил запомнить текст наизусть.

— И все? — сузил глаза Громов.

— Все.

— Точно? Не врешь?!

— Я никогда не вру! — слегка повысил голос Ларин.

— Ладно. Понял. Где же ее искать? — взял себя в руки Громов. — Рекс! — крикнул он. — Ко мне!

Из темноты вынырнула остроухая тень. Рекс давно чувствовал, что с хозяином что-то неладно — к привычному запаху крови примешивался даже не запах, а какое-то необъяснимое ощущение тревоги, которую Рекс чувствовал безошибочно. Но если бы только это! В таких случаях Рекс знал, что ему делать: надо быть рядом с хозяином, ни в коем случае не выпускать его из поля зрения и по первой команде куда-то бежать, что-то делать, словом, действовать. А тут...

Сразу после штурма, когда все радовались, на Рекса ни с того ни с сего накатила такая тоска, что время от времени он подвывал и как-то по-щенячьи поскуливал. Да и ноги стали отказывать. И что уж совсем необъяснимо — Рекс вылезал на солнцепек, забирался в кучу пыли и валялся прямо на жаре. Громов все это видел. Он прекрасно знал: если собака лежит на солнцепеке, значит, больна. А ноги... Ноги у Рекса склеены из разбитых костей, суставы шиты-перешиты, а ревматизм собак донимает, как и людей.

Если бы кто-нибудь сказал Виктору, что на этот раз он не прав и Рекса мучает не физическая боль, а то, что люди называют болью душевной, он бы не поверил.

Когда разведчики развели костер и затеяли баню, Рекс забился в самый темный угол полуразрушенного сарая. Чтобы не выть на выбирающуюся из-за леса луну, он до боли стиснул зубы и настороженно следил за благодушно-беззаботным хозяином. Но вот хозяин заволновался. Забе-

гал. Стал кричать. Ему виновато отвечали. Рекс чувствовал, что назревает срыв: раньше хозяин никогда не кричал таким противно-тонким голосом.

Но Рекс ошибся. Он еще не до конца знал своего хозяина, не знал, что в критические минуты у того действие опережает не только чувство, но и мысль, поэтому, когда услышал долгожданное «Рекс! Ко мне!», бросился к хозяину. Голос был уверенный, звонкий, а это означало только одно — предстоит работа. Значит, конец тоске и мучениям! Работу Рекс любил — в эти минуты он чувствовал, что может быть полезным хозяину. А для хорошей собаки в этом смысл существования. Рекс был хорошей собакой, поэтому через секунду сидел у левой ноги хозяина.

Виктор торопливо застегнул воротничок, разгладил под ремнем складки гимнастерки, привычно передвинул кобуру на живот и коротко бросил Ларину:

— Веди в медсанбат. Бегом!

Темп взяли высокий, но для Рекса это не бег, а так, легкая прогулка. Он не знал, куда и зачем бежит хозяин— никакого следа он брать не велел, но главное Рексу было известно точно: раз хозяин бежит, да еще не разбирая дороги, значит, дело предстоит серьезное.

Но самое странное, на этот раз хозяин не имел представления, зачем он мчится в медсанбат.

«Маши там быть не может, это ясно, — на ходу прикидывал Виктор, — иначе бы Васильев сразу дал знать. А куда завез ее Маралов, одному богу ведомо. Стоп! Не только богу, но и Маралову. Значит, прежде всего надо найти Маралова. Это — задача номер один. Но для этого надо бежать не в медсанбат, а в штаб дивизии. Все ясно, я же идиот. Нет, не идиот. До штаба далеко, понадобится машина. А где ее взять? Правильно, в медсанбате всегда найдется какая-нибудь полуторка. Заодно попрошу Васильева по его каналам навести справки о Маше».

Составив план действий, Громов чуточку успокоился. Но все равно где-то в самых отдаленных тайниках мозга противно тренькала нехорошая мысль: «Записку передали утром. Батальон Маралова уже был в бою, а впереди — целый день тяжелейшего штурма. Удалось ли Маралову выйти из боя? Не сожгли ли его танк? И в пустяковую рану не верится. Не такой Маралов человек, чтобы из-за легкого ранения санинструктора бросить батальон. Нет, тут что-то не так...»

Громов гнал эти мысли, стараясь не подпускать к сердцу, иначе просто не мог бы сделать ни шагу. Покосился

направо — рядом легко бежит лейтенант Ларин. Повернул голову влево — там тенью стелется Рекс.

«Компания что надо! — улыбнулся про себя Громов. — С такими друзьями — хоть в огонь, хоть в воду. Надо же, что делает война! Ну что такое был Ларин пару месяцев назад? Маменькин сынок. А теперь — командир развед-взвода. Малюсенькая должность, а уважение — от рядового до комдива. Мужчиной стал наш Игорек, настоящим мужчиной. Хотя, держу пари, мужчиной нецелованным. О Рексе и говорить нечего: был врагом, стал другом. Да и я... Даже на том свете побывал».

— Может, притормозим? — прервал его размышления Ларин.

— Почему?

— До палаток сто метров. Надо бы привести себя в порядок.

— Правильно, лейтенант.

Разговор с капитаном Васильевым был коротким. О местонахождении Орешниковой он ничего не знал, но запрос тут же отправил. Когда Виктор показал записку Маралова, Васильев заметно повеселел.

— Главное, она среди своих. Больше всего я боялся, что попадет к немцам — ведь поле, на котором бился Маралов, сегодня раз пять переходило из рук в руки.

— Да ты что?! — побледнел Громов. — А... почему ты решил, что она среди своих?

— Да потому что записку тебе передали утром.

— Ну и что?

— Во сколько это было?

— Около пяти, — ответил Ларин. — Перед самым штурмом.

— Значит, записка написана вчера. А раз так, в сегодняшних боях Маралов не участвовал, или участвовал, но без Маши.

— Правильно... Молодец, Колька! Прямо Шерлок Холмс. Одного не пойму: почему ты решил, что записка написана вчера?

— Вот-те раз! — хохотнул Васильев. — Да тут же стоит дата.

— Где? Покажи. Ах, черт, уголок загнулся, а я и не заметил, — сбил он на затылок пилотку. — Ай-ай-ай, капитан Громов, и как вам не стыдно?! — корил себя Виктор. — А еще разведчик.

— Ладно, чего уж там... Бывает.

— Психанул я, вот и не заметил загнутого уголка.

— Вот-вот, я предупреждал, — назидательно поднял палец доктор. — Последствия контузии скажутся еще не раз.

— Схлопочешь! — стал в боксерскую стойку Громов.— Я же просил: до конца войны об этом ни слова.

— Подумаешь, — опустил руки в карманы халата доктор. — Плевал я на твой апперкот. Я тебя хитростью возьму: заманю сейчас в гости, плесну спиртику, а в него подмешаю снотворного — вот ты и мой.

— Да?! А Рекс на что?! Смотри, пожалуюсь.

Услышав свою кличку, Рекс слегка рыкнул горлом.

— У-у, тварь неблагодарная, — с досадой отвернулся доктор. — Объясни ты ему наконец, что жизнью он обязан мне. Не тебе, а мне!

— Не поймет, — обнял доктора за плечи Громов. — Он же по-русски ни бум-бум. Так, самое элементарное: вперед, назад, ко мне. Но одно он знает твердо: мой друг не может быть его недругом. До тех пор пока ты со мной, тебе ничто не угрожает.

— Выходит, я обречен терпеть тебя всю жизнь?! — деланно ужаснулся Васильев.

— Именно так! Именно всю жизнь! — шутливо ткнул его в бок Громов. — Ладно, пошли, я согласен стать жертвой твоей хитрости. Только без снотворного.

— Очко — в мою пользу?

— В твою, в твою...

— То-то же! Лейтенант, идемте с нами, — пригласил он Ларина. — Пошли, зверюга, — кивнул доктор Рексу. — Перепадет что-нибудь и тебе.

Только сели в палатке, только вскрыли банки с тушенкой, ворвался запыхавшийся санитар.

— Товарищ капитан, вас к телефону. Срочно!

— Скажи, чтобы переключили на мой аппарат.

— Есть!

— Опять кого-нибудь штопать?

Васильев пожал плечами и снял трубку. Чем громче рокотал начальственный бас, тем яснее и радостнее становилось лицо доктора.

— Да, да. Понял. Спасибо. Служу Советскому Союзу! Конечно. Будем слушать. — Васильев отодвинул трубку от уха и призывно махнул друзьям: — Ко мне, быстро! Передают приказ Верховного.

Одним прыжком Громов и Ларин оказались около аппарата.

— Генерал-полковнику Попову, генерал-полковнику

Соколовскому, генералу армии Рокоссовскому, генералу армии Ватутину, генерал-полковнику Коневу, — ликующе рокотал хорошо знакомый по радиопередачам из Москвы голос. — Сегодня, пятого августа, войска Брянского фронта при содействии войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгород.

Месяц тому назад, пятого июля, немцы начали свое летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и пятого августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород.

Тем самым была разоблачена легенда немцев о том, будто советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление.

Сегодня, пятого августа, в 24 часа, столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины.

Три офицера молча, не чокаясь, выпили за павших. А потом сгрудились вокруг перевернутого ящика, служившего столом, обняли друг друга за плечи и... запели «Землянку».

Сколько их сейчас — офицеров и солдат — на всем огромном фронте от Баренцева до Черного моря, затаив дыхание, слушали этот приказ, а потом пили горькую чарку за погибших друзей, за победу, за обильно политую кровью русскую землю, которую больше не топчет немецкий сапог, за ту землю, которую еще предстоит оросить кровью русских солдат, чтобы она снова стала русской!

Бьется в тесной... печурке... огонь, —

хрипловато чеканил Громов.

На поленьях смола, как слеза, —

зажмурившись, выговаривал Васильев.

10*

Лейтенант Ларин, не решаясь подхватить, кивал в такт мелодии. А разведчик и врач вели песню дальше:

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Сколько же их было — землянок, блиндажей, ходов сообщения, просто нор! Сколько перелопачено земли, и все ради того, чтобы дала приют, защитила, приняла предназначенные людям бомбы, снаряды, мины и пули!

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой, —

неожиданно приятным баритоном запел Громов.

Я хочу, чтобы слышала ты, —

подхватил неуверенным баском Васильев,—

Как тоскует мой голос живой.

И вдруг в их дуэт вплелся звонкий, почти мальчишеский тенорок лейтенанта Ларина; чуточку смущаясь, он взял мелодию на себя.

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега...

Громов широко улыбнулся, взлохматил волосы на голове Игоря и еще крепче обнял его за плечи.

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Когда друзья стали петь последний куплет, послышалось робкое подвывание — это Рекс, строгий, невозмутимый Рекс, издавал какие-то горловые звуки. Трио умолкло. Умолк и Рекс. А когда офицеры, опрокинув еще по стаканчику, под размашистое дирижирование Васильева запели во весь голос:

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви... —

Рекс выдал такую руладу с подвывом, что все со смеху схватились за животы.

— Ну и дела! Ну и чудеса! Да его надо не в разведку, его — в Большой, — постанывал доктор.

— И точно. Товарищ капитан, он же нас когда-нибудь

демаскирует. Услышит в немецкой траншее губную гармошку и как врежет арию певца за сценой! — вытирал слезы Ларин.

А Громов только крякал:

— Ну, Рекс. Ну, ты даешь. Что же теперь с тобой делать? Иди-ка сюда!

Рекс подошел к хозяину, положил морду ему на колени и преданно уставился в глаза.

Громов потрепал стоящие торчком уши, отрезал кусок колбасы и протянул Рексу.

— Все хорошо, а чего-то не хватает! — вздохнул Васильев.

— Я знаю чего, — вставил Ларин.

Доктор недоуменно поднял брови.

— Салюта! — заявил Ларин. — Я однажды видел, еще до войны. Правда, не салют, а фейерверк, но все равно здорово!

— И я видел! — возбужденно подхватил Громов. — Первого мая — точно?

— Точно.

— В сороковом?

— В сороковом.

— Да, славяне, за такое зрелище полжизни отдать не жалко. Если бы нынешний салют увидел кто-нибудь из наших ребят, а потом рассказал... Но все они здесь, а салют там. Стоп! — загорелся вдруг Громов. — У меня идея! Завтра же напишу матери и попрошу рассказать о салюте.

— Я тоже! — вскочил Ларин. — А потом из их рассказов составим общую картину.

— Кому бы еще? — напряженно вспоминал Громов. — Некому. Все друзья на фронте.

— А что! — оживился Васильев. — Неплохая идея. А вообще-то, братцы, весь этот огонь и грохот нужен тыловикам, мы этим сыты по горло. Если честно, для меня лучший салют — тишина. Вот как сейчас.

— Ды брось ты, — фыркнул Громов. — Тишина. Скажи еще: кабинет, кресло, книжные полки.

— А что, и кабинет неплохо, и книжные полки...

— После войны! Зарубите себе на носу, капитан Васильев: все это — после войны. А сейчас — и огонь, и грохот... До Берлина еще далеко.

— Да-а, далековато. Но мы дойдем! — неожиданно грохнул кулаком по столу Васильев.

— Дойдем! — согласно кивнул Громов. — За победу! — поднял он стакан. — За салют в Берлине!

XIX

Прав был Громов, когда говорил, что все их ребята здесь, а салют — там. При этом он имел в виду прежде всего свою роту, свой полк, свою дивизию, своих фронтовых друзей. Люди, в честь которых Москва салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами, не могли видеть даже отблеска этого грандиозного фейерверка — все они были в блиндажах, окопах и землянках, порой на расстоянии броска гранаты от врага. Все, кроме одного, израненного, измученного, чуть живого.

Он лежал на нижней полке зеленоватого вагона довоенного образца, старался не стонать, когда машинист резко тормозил и так же резко бросал паровоз вперед, когда вагон швыряло на стрелках, но не удержался и закричал: «Воздух!», когда многоцветное зарево в полнеба величиной озарило медленно густеющую темноту летней ночи. Коротко, но почему-то не тревожно, а ликующе загудел паровоз! Ему вторили другие — и встречные, и те, что стояли на запасных путях. Началась такая какофония, а в небе полоскались такие немыслимо прекрасные зарницы, что все раненые потянулись к окнам.

— Что такое? Почему не останавливаемся?

— Почему молчат зенитчики?

— Не молчат. Слышите, какая канонада...

— Где мы?

— Люди-и-и! — радостно закричал кто-то. — Да ведь это же Москва!

— Как Москва?

— Не может быть!

— Что здесь может так сильно гореть?

— Когда в Сталинграде горела нефть, по ночам тоже было светло.

— Неужели бомбили Москву? Неужели прорвались?

— Да ты что?! Сейчас же не сорок первый.

— Тихо вы, паникеры! Ничего нигде не горит. Это салют!

— Какой салют?

— Не может быть!

— Точно, салют!

— Сестричка! Доктор! — кричали раненые. — Что происходит?

— Салют, — не веря глазам, отвечали сгрудившиеся у открытых дверей вагона медики.

— А как же затемнение? Ведь налетят «юнкерсы».

— Значит, не налетят. Значит, руки коротки. Значит, пришел на нашу улицу праздник!

И тут в вагон вошел профессор Дроздов.

— Товарищи! — ликующе начал он. — То, что мы видим, — салют! Салют из ста двадцати четырех орудий в честь освободителей Орла и Белгорода. Все вы сражались в тех местах. Так что этот салют — в вашу честь! Ура, товарищи!

Что тут началось! Вагон-то был женский, поэтому вместо бодрого «ура» то тут, то там послышались всхлипы. Потом они перешли в громкий плач, который подхватили даже тяжелораненые. Профессор счел за благо ретироваться в мужской вагон.

Не отставала от своих соседок и Маша. В душе все пело, ее захлестывала радость, а из глаз почему-то лились слезы. К ней подсела прискакавшая на одной ноге девушка из соседнего купе.

— Все, девчонки! Все! Теперь будем жить! — сияла она.

— Будем! — подхватила блондинка с верхней полки, возбужденно размахивая культей оторванной руки. — Так будем жить, что всем чертям тошно станет!

— Не тошно, а завидно.

— Тошно от зависти! — рубанула культей блондинка.

— Я себе платье куплю. Батистовое, — робко заметила худышка с перебинтованной крест-накрест грудью. — И — на танцы!

— Точно, на танцы! — неожиданно для себя подхватила Маша.

— На танцы?! С твоим-то пузом?! Ну, ты, Машка, даешь! — захохотала девушка с костылями. — Кто тебя пригласит? У меня и то шансов больше. А что, сделаю хорошенький протезик, заявлюсь на танцплощадку, дождусь, когда объявят дамское танго, и приглашу самого кудрявенького, — чуть побледнев, продолжала она. — Я кудрявеньких люблю. Пусть только откажет!

— Тебе? Да кто тебе откажет?! — выкрикнула Маша.

— Главное — ты не отказывай, — хохотнула блондинка сверху. — Всегда будь готова! И по первому требованию отстегивай протезик.

— Лишь бы требовали. А за мной дело не станет! — задорно закончила хозяйка костылей.

Девчата развеселились, посыпались солоноватые шуточки, кто-то запел... Так и вкатил санитарный поезд под своды Курского вокзала. Встречавшие его по долгу служ-

бы люди в белых халатах были немало удивлены, видя неподдельное веселье и радость на лицах изувеченных войной женщин.

Маше вдруг стало грустно. Она вспомнила, что Москва — родной город Виктора, здесь живет его мать, и неплохо бы ее разыскать...

«Стоп! — неожиданно по-громовски оборвала она себя.— Во-первых, я не знаю адреса. А во-вторых, кто я ей такая? «Мало ли вас, — скажет, — пэпэже! Если каждая начнет приносить в подоле внуков, что мне, старой, с ними делать?»

И снова Маша сказала себе: «Стоп! С чего это я взяла, что она скажет именно так? — думала она. — Насчет подола — это не ее, а мои слова. А откуда они взялись?»

Маша подумала и поняла — все от страха.

«Так-то вот, — говорила она себе. — Не боялась ни «тигров», ни «пантер», а незнакомой старушки испугалась. А чего, собственно, бояться? Что я такого сделала? Полюбила ее сына. Что ж тут плохого? Ах да, — поморщилась Маша, — не побывала с ним в загсе. Ну и что?! — храбрилась она. — Разве дело в печатях? И в печатях! — противно зудело в мозгу. — Увы, и в печатях. В самом деле, кто я такая? Разведенка! Беременная покалеченная разведенка. Хорошо, если сохранят ногу. А если ампутация? А если пострадал ребенок? А если он родится ненормальным? А если...»

От этих бесчисленных «если» Маше стало так тошно, что она разрыдалась. В госпитальной палате, где она к этому времени находилась, лежало еще шесть раненых девушек. Они сюда попали гораздо раньше, операции были позади, и теперь они лежали с сухими остановившимися глазами, стараясь не думать, что с ними будет, когда их выпишут из госпиталя. Плакать они разучились, да и слез уже не осталось. А сколько подушек сменили нянечки, когда девушки сюда только-только попали, когда еще были полны надежд: вдруг глаза будут видеть, вдруг нога приживется, а рука вдруг отрастет. Теперь все надежды рухнули. Надо привыкать к новой жизни. К жизни? Да кому она нужна, такая жизнь! Ясно же, ни семьи не будет, ни детей. А что может быть для женщины страшнее!

Новенькая этого еще не понимает: ревет, как белуга, печалится, что не сможет ходить на танцы. Дуреха! Она же всех счастливее — у нее будет ребенок. Она его родит. В муках, но родит — и нет ничего слаще этих мук! Она его выкормит. Господи, чего бы они ни отдали, чтобы ощу-

тить налитую молоком грудь, чтобы почувствовать на соске детские губы! А потом он начнет ползать, ходить... А его смех! Какое это несказанное счастье — услышать беззаботно-заразительный смех своего ребенка!

Нет, определенно, эта Машка — набитая дура. Впереди у нее столько счастья, а она опять ревет. Ходячие сползали с кроватей, ковыляли к ее постели, ругали распоследними словами, подсовывали что-нибудь вкусненькое. Маша заливалась пуще прежнего, а соседки ворчливо замечали, что гостинцы не ей, а ребенку, чтобы не родился таким же доходягой и нытиком, как дуреха-мать.

Об отце деликатно помалкивали. Все были фронтовички и прекрасно понимали, что это — запрещенная тема. Но однажды Маша, сама того не ожидая, кряхтя и охая, приподнялась в постели, подложила под спину подушку, уселась на кровати и... попросила зеркало. Все так и ахнули. А потом заулыбались.

— Ну, все! Будет жить.

— Отпустило бабоньку.

— А ведь есть примета: если женщина на сносях смотрится в зеркало, значит, родит девочку.

— Да ты что?! Не знала... А что, может, и верная примета. Куда женщине без зеркала?

— Сама-то кого хочешь?

— Заказывали парня, — густо покраснела Маша.

— Ну, если хорошо старались, будет парень.

— Когда им было стараться! Миловались-то, поди, между атаками да артналетами.

— Хуже, — задорно улыбнулась Маша. — Между «командировками» в тыл врага. Мой муж — разведчик, — гордо закончила она и тут же смутилась. — Правда, мы еще не... В общем, слушайте. Мне нужен совет.

И Маша рассказала, как познакомилась с Виктором, как вытащила его из Волги, как они потеряли друг друга, а потом снова нашли, как полюбила его, как вся дивизия потом похоронила Виктора, а она не хотела верить в его смерть и оказалась права. Упомянула о Рексе, о Маралове и, наконец, о том, что где-то в Москве живет мать Виктора: Маша очень хочет и в то же время не решается ее разыскать.

— Что делать? Как быть? Ума не приложу, — вздыхала Маша. — Вроде бы свекровь, и в то же время — никто. Но даже если никто, может быть, обрадуется, если расскажу о сыне, — ведь они не виделись с первого дня войны. Как думаете?.. Мне-то от нее ничего не надо.

Что тут началось! Перебивая друг друга, закричали все сразу. Одна стучала костылем по спинке кровати, требуя, чтобы выслушали ее. Другая взобралась на табурет и голосила, что она здесь старшая по званию и ее слово — закон. Третья... Словом, ничего нельзя было понять. А Маша только улыбалась: вот она, фронтовая дружба! Ведь даже фамилий друг друга не знают, а как близко приняли беду подруги.

Наконец старшая по званию завернула такое коленце, что все сразу замолкли.

— Ну, ты даешь, — восхищенно выдавила обладательница костылей. — Даже я покраснела. А за полтора года в окопах чего только ни слышала, но такое...

— Спиши слова, — хихикнули из угла. — Будет чем отбиться от нахального кавалера.

— Ладно, хватит. Давайте думать, как помочь Машке.

— Да проще простого: попросить кого-нибудь из персонала сбегать к этой бабульке.

— Верно. Да́вай адрес.

— А я... не знаю...

— Это не проблема. Узнаем через адресное бюро, — деловито продолжала обладательница костылей. — Фамилия, имя, отчество, примерный возраст — и через десять минут адрес в кармане.

— Фамилия — Громова. А имя... Имени не знаю.

— Как это — не знаешь?! Твой разведчик, он что — никогда не называл имени матери?

— Нет. Мама — и все.

— Да-а, скрытный он у тебя. А твое-то имя помнит?

— Верка, не хами! А то костылем получишь! Что же делать, девоньки? Громовых в Москве, поди, пруд пруди.

— А если через военкомат? — осенило Машу.

— Не говори глупостей. Старушки на военном учете пока что не состоят.

— Да не ее надо искать! Не ее, а Виктора! Он же призывался из Москвы, значит, в военкомате могут сообщить его адрес.

— Ай да Машка! Ты смотри, дура-дура, а соображает. Все, решено. Завтра дежурит знакомая нянечка: дадим ей задание сбегать в военкомат.

— Так ее туда и пустят, — скептически заметили из угла. — Письмо надо написать, официальное. А подпишет пусть главврач.

— Точно. Так будет лучше. Через час — обход. Выложим ему все как на духу. Он мужик хороший, поможет.

В тот же день завертелась бумажная карусель: полетели письма, запросы, ответы, уточнения. Список Громовых, к тому же Викторов, рос не по дням, а по часам. Маша растерялась. Приуныли и подруги.

А время шло. Незаметно кончилось лето. Ясные, солнечные дни сменились багряно-золотистым сентябрем. Все, кто мог передвигаться, старались проводить время в парке. Время от времени вывозили на воздух и лежачих. Маше повезло больше всех. Главврач раздобыл очень легкую и удобную коляску на велосипедных шинах с ручным приводом и заставил Машу целыми днями ездить по дорожкам.

— Во-первых, ребенку нужен свежий воздух. А во-вторых, роженице необходимо больше двигаться, иначе мышцы просто не справятся с предстоящей нагрузкой, — сказал врач, и Маша старалась изо всех сил.

И вот однажды... Однажды произошло то, о чем спустя много лет она рассказывала как о самом ярком событии своей жизни. Забылась война, забылись боль и кровь, забылись редкие радости тех дней, а то, что произошло в отдаленной аллее парка, Мария Владиславовна помнила до мельчайших подробностей. Она помнила, как мелькали спицы колес, как сыпались со старого дуба желуди, как стройный клен ронял узорчатые листья, как на пригорке пунцовела березка.

И вдруг — шорох! За спиной послышался странный шорох, будто кто-то крался. Шагнет. Постоит. Шумно вздохнет — и снова шагнет. Шаги мягкие, почти неслышные, будто кто-то идет босиком. Надо бы нажать на колеса — и быстрее к главному корпусу, туда, где люди. Но руки безвольно обвисли. Надо бы закричать! Но горло перехватил спазм. Самое странное, Маша не чувствовала страха. Она не понимала, что с ней, но тревога превратилась в ожидание чего-то волнующе-радостного.

«Может, письмо? — мелькнула мысль. — Да-да, конечно, письмо! Он нашел меня. Нашел и прислал письмо. Ну, быстрее же, быстрее!» — протянула она руку.

В ладонь ткнулось что-то влажное, теплое и мохнатое. Сердце бухнуло в ребра и провалилось куда-то в пятки.

«Не может быть. Я схожу с ума». Маша закрыла глаза, коротко охнула, схватилась за горло и громко застонала. Тут же рядом раздался протяжный вой, переходящий в ликующий лай! Да-да, еще не открывая глаз, Маша поняла, что это Рекс, что чудеса на свете бывают, и если она не окончательно сошла с ума, рядом должен быть и хозяин.

А Рекс, могучий, грозный Рекс, вскинулся передними лапами на коляску и лизал лицо, волосы, руки и даже бинты хозяйки. Маша, как когда-то на фронте, прижала его к себе и так сладко, свободно и счастливо заплакала, а Рекс так искренне подхватил, что его вой разнесся по всему парку.

— Ну вот, опять эта парочка вместе и опять за своим любимым занятием, — раздался нарочито грубоватый голос. — Ишь, заливаются.

Маша оторвала лицо от лоснящейся шерсти Рекса и, хотя прекрасно понимала, кого увидит, на какое-то мгновение остолбенела. Перед ней стоял словно только сошедший с экрана офицер. Хромовые сапожки, суконная гимнастерка, новенькая фуражка, шинель внакидку, гладкое лицо — эдакий тыловой донжуан. Вот только глаза. Да, по таким глазам фронтовики еще долго будут узнавать друг друга.

— Витенька-а! — протянула она руки. — Наконец-то...

Виктор опустился на колени, бережно обнял худенькие плечи самой дорогой на свете женщины и заглянул в ее сияющие от счастья, полные слез глаза.

— Это ты? — спросил он. — Неужели это ты? Неужели я тебя нашел?

— А ты искал? Искал, да? — улыбалась Маша.

— С первого дня! Как только прочел ту проклятую записку.

— Записку? Я тебе ничего не писала.

— Не ты, а Маралов. Сообщал, что подобрал тебя раненной и выходит из боя. Сколько я потом его искал!

— Нашел?

— Нет. Их полк перебросили на другой фронт.

— Жаль. Очень жаль. Если бы не он...

— Я знаю.

— Нет, Витенька, ты не все знаешь. Если бы не он, меня бы не было на свете. Ведь он спас меня дважды: когда вывез с поля боя и когда отдал полтора литра своей крови. Так что мы с ним породнились.

— И прекрасно! Давай назовем сына его именем. А самого Маралова попросим быть... как это... крестным отцом.

— Я как раз хотела тебя просить об этом.

А потом она стала рассказывать Виктору, как искала его, как подруги по палате подняли на ноги горвоенкомат, как решила найти его мать, да вот не знала имени...

— Мне было проще. Запросы строчил Васильев, а я

стоял над его душой и недвусмысленно намекал, что, если не найдет твой госпиталь, пожалуюсь Рексу.

Услышав свое имя, Рекс приподнял голову, но хозяин ничего не приказывал — и он снова растянулся на листве.

— Перед самым отъездом в Москву я получил адрес госпиталя. Конечно же, хотел сразу рвануть сюда, но нас отвезли в санаторий и целую неделю никуда не выпускали: велели отсыпаться, отъедаться и вообще привести себя в божеский вид.

— Погоди-погоди, — пришла наконец в себя Маша. — Если я правильно поняла, тебя вызвали в Москву?

— Так точно.

— Зачем? Какая-нибудь переподготовка? А как же Рекс? Как удалось взять его с собой? Или вас куда-нибудь забрасывают? Говори сразу, не томи.

— Забрасывают, — усмехнулся Виктор. — Вернее, я там уже побывал. Правда, без Рекса. Его туда не пустили. Одну минуточку, Мария Владиславовна, — отступил на пару шагов Виктор. — Попрошу закрыть глаза. Вот так. А теперь откройте!

— Ну и что? — непонимающе улыбалась Маша.

Картинным жестом Виктор сбросил шинель. Маша открыла глаза — и, как девчонка, захлопала в ладоши! На груди Виктора сияла Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Родной мой! Витенька! Поздравляю! Дай поцелую! Слава богу! Я не сомневалась, я никогда не сомневалась. Ну надо же, сколько всего в один день! Я не знаю, я совсем не знаю, что мне делать и что говорить. Я буду просто реветь от счастья, ладно? Ты меня извини, но я ничего не могу с собой поделать, — зарылась она в руки Виктора. — Реву и реву. Мне никогда не было так хорошо. Теперь можно и умереть.

— И думать не моги! — шутливо приказал Виктор.— Теперь будем жить. А через много-много лет, когда надоест бродить по этой земле, вместе отправимся на небеса. В один день. Договорились?

— Договорились, — сквозь слезы улыбнулась Маша.

А Виктор гладил ее мягкие волосы, вытирал слезы с мокрых щек, чувствовал, что и у него предательски щекочет в горле, — и ему было так хорошо, так покойно, как никогда в жизни. Он рассказал, с каким трудом добился разрешения взять с собой Рекса, как пристроил его сторожем в санатории, как полюбили его врачи и медсестры, как было смешно, когда в санаторий приехали портной и са-

пожник, чтобы одеть и обуть фронтовиков, представленных к званию Героя,— хромовые сапоги и суконные гимнастерки шли им как корове седло, но со временем ребята привыкли. Рассказал и о торжествах в Кремле.

— Ты вот что мне скажи, — попросил Виктор. — Я все никак не решусь о самом главном... Что говорят врачи? А то я с ними не успел перемолвиться. Как только дежурная сказала, что ты в парке, а парк, мол, большой и без провожатых тебя не найти, я сказал, что провожатый у меня свой, и тут же пустил Рекса.

— А что врачи? — пожала плечами Маша. — Нога, говорят, срастется. Ох, как я боялась, что ампутируют! — прижалась она к Виктору. — Бросит он меня, думаю, хромонькую, и буду растить сына одна.

— Маш-ка! — строго сказал Виктор. — Не дури!

— Не буду, не буду. Это я так, от радости.

— Ты о главном давай. Не тяни! Что с ребенком?

— Нормально с ребенком. Растет не по дням, а по часам. Ножками колотит, на вольный свет просится.

— И когда?

— К октябрьским праздникам готовь приданое.

— А что надо?

— Ой, Витенька, так много всего надо, что голова кругом идет.

— Ничего, все найдем. Главное — не промахнуться в цвете. Какое все-таки доставать приданое — розовое или голубое?

— И то и другое! — решительно заявила Маша.

— Не понял, — отшатнулся Виктор.

— А-а, испугался! — взлохматила его волосы Маша. — А что, гляди, какой живот! Вдруг и в самом деле двойня?

— Да я что... Я — пожалуйста. Только ведь... Лучше бы знать наверняка.

— Наверняка этого никто не знает... А насчет приданого... Где его возьмешь? Да и в цвете ли дело? Не то сейчас время, чтобы заниматься такой ерундой, как цвет распашонок.

— Не скажи... Помнишь, когда сбежала к бабке-повитухе, а тебя догнал Рекс? Так вот, твой начальник и мой друг капитан Васильев тогда обронил, что детское приданое за ним. Я думал, он сказал ради красного словца, а Николай все помнит: перед моим отъездом в Москву опять заявил, что пеленки-распашонки за ним. Где он их возьмет, понятия не имею, но от меня потребовал честного слова, что обо всем этом скажу тебе.

Маша всхлипнула.

— Ты знаешь, я, конечно, дура-баба, но иногда... иногда в голову приходят просто чудовищные мысли. Ну, скажи, где бы мы нашли таких друзей, если бы не война? Нет их в мирной жизни, нет и быть не может! То есть, конечно, бывают, но не такие... не такие, как на войне!

Потом Маша погладила руку Виктора и попросила:

— Давай немного пройдемся. Погода-то какая — бабье лето.

Виктор взялся за спинку коляски, рядом тут же пристроился Рекс — и они не спеша двинулись по шуршащей листве. Мелькали спицы. Поскрипывали колеса. Пели последние песни еще не улетевшие птицы. Радоваться бы Маше, а она вдруг загрустила. На глазах снова показались слезы. А причина для этой грусти, да что там грусти — горя! — была настолько явная, что Маша просто поражалась, как Виктор ее не видит. Ведь все, кажется, обсудили, даже цвет распашонок, а о самом главном — ни слова.

«Деревянные они, что ли эти мужики? — недоумевала Маша. — Неужели не ясно, что самое главное для женщины, да еще в моем положении? Не могу же я сама... Нет, нет, об этом ни слова! А он, клен дубовый, шагает как ни в чем не бывало. И еще радуется! Ему-то что, такому любая на шею кинется. А каково мне? Кому нужна я, калечная, беременная, да еще и разведенная? Нет бы по-людски: давай, мол, прямо на этой таратайке съездим в загс — тогда у тебя будет муж, а у ребенка законный отец. У-у, боксер несчастный! Молчит. И Рекс... Тоже хорош гусь. Тяпнул бы его за ляжку: действуй, дескать, хозяин, как положено! Черта с два, этот за него кому угодно глотку перегрызет».

Вот так накручивала себя Маша, пока они ехали к главному корпусу. Видимо, поэтому она почти не слышала, что говорил Виктор. Уловила лишь конец фразы:

— ...ты согласна?

— Чего-чего? С чем согласна? — переспросила Маша.

— Вот те раз! Или заснула? — наклонился к ней Виктор.

— Ага, — ухватилась за подсказку Маша. — Сплю. В самом деле, то ли укачало, то ли вздремнула.

— Я говорю, что завтра приеду к тебе с мамой.

Маша вздрогнула.

— Надо наконец познакомиться с будущей свекровью. Тем более что жить вам придется под одной крышей. Завтра же принесу и бумаги из загса. Заполним их здесь, а твою подпись заверит главврач. Но на одном я настаиваю

решительно: никаких Орешниковых, фамилию будешь носить мою. Согласна?

«Так вот он о чем спрашивал, — дошло наконец до Маши. — Да согласна я, согласна! На все согласна! Лишь бы ты был рядом. Лишь бы глядеть в глаза, чувствовать твои руки. Лишь бы... лишь бы жизнь отдать за тебя. Так вот оно какое, настоящее женское счастье! — пела Машина душа. — Неужели это то, о чем мечтают все женщины? Конечно то. Конечно! Дурачок ты мой, дурачок, — со щемящей нежностью думала она о Викторе, — и предложения-то как следует не смог сделать — принесу бумаги, заверим подпись...»

Маша решительно остановила коляску, велела Виктору наклониться и, глядя в его беззаботно-шальные глаза, с какой-то особой серьезностью сказала:

— Я буду хорошей женой. Я буду очень хорошей женой! И хорошей матерью. И детей у нас будет много.

— Вот и прекрасно! Будем считать, что я тебя все-таки уломал и, невзирая на серьезное сопротивление, согласие на брак получил. Ох и трудно же вы мне достались, Мария Владиславовна! — перевел разговор в шутливое русло Виктор. — И в ледяной воде матушки-Волги купался, и по лесам и оврагам за вами бегал, и соперников отшил множество...

— Ах так! — подхватила Маша. — Думаешь, это финиш? Погоди-погоди, вот стану на ноги, надену крепдешиновое платьице, фильдеперсовые чулочки да лодочки на каблучках — соперники объявятся тут как тут. Так что надолго не убегай и бокс свой не бросай — пригодится.

— Еще чего — охранять чулочки... Для этого у меня есть Рекс, — потрепал он крутой загривок собаки. — Улыбка Рекса — залог семейного благополучия.

— Да уж, улыбочка многообещающая,— погладила Маша горбоносую морду пса. — Этого я не учла. Ну что ж, придется смириться и жить затворницей.

— То-то же! А то — каблучки, чулочки... Маша, милая моя Маша, — наклонился к ней Виктор, — ты даже не представляешь, как я тебя люблю! Как без тебя одиноко! Как часто я вспоминаю наши встречи, наш блиндаж, наше все-все!

— Я буду хорошей женой. Я буду очень хорошей женой! — только и смогла сказать Маша.

Когда Маша на сумасшедшей скорости влетела в палату, ее подруги только-только успели отлететь от окна.

— Видели, все видели.

— Особенно как под ручку гуляла по парку.

— А что за облезлая дворняжка болталась рядом?

— Как, неужели не знаете?! Так это же Машка у сторожа взяла напрокат, чтобы жених ненароком не сбежал.

— Нет, девоньки, что ни говори, а парень видный!

— Не то слово!

— Он что, и вправду Герой?

— Конечно, — гордо ответила Маша. — И Звезду ему вручали в Кремле.

— Ух ты-ы... А надолго он в Москву-то?

— Не спросила. Хотя, если не ошибаюсь, после загса положен небольшой отпуск, — как бы между прочим бросила Маша.

— Да ты что?! Серьезно? Он сделал предложение?

— А куда ему деваться? Где он найдет такую принцессу, да еще в звании старшего сержанта? — глядясь в кругленькое зеркальце, деланно-кокетливо заметила Маша.

— Вот именно. Да еще с почти готовым наследником!

— Маш, а Маш, а ты не врешь? — тихо спросили из угла.

— Нет, подруженьки, не вру! Не вру я-а-а, не вру-у-у! — радостно запела Маша. — Завтра принесет бумаги из загса — и стану я старшим сержантом Громовой.

— Счастливая!

— Очень счастливая! — не унималась Маша. — Жуть какая счастливая!

— А как со свадьбой?

— Не знаю. Не спросила.

— Ну ты даешь! О самом главном — и не спросила. Надо же платье, фату, туфельки, чулоч... Хотя какие там туфельки, у тебя же нога в гипсе!

— Черт с ним, с гипсом! Натянем чулок сверху, — предложил кто-то.

— Нет, гипс пусть будет гипсом. А один чулок все-таки нужен.

— Правильно. И туфельки!

— И платье.

— И фату, — летели одно за другим предложения.

Через полчаса Машины подруги взбудоражили весь госпиталь. Одни прикидывали фасон платья, другие — меню свадебного стола, третьи — во что бы одеться самим. Кто-то из медсестер притащил из дома швейную машинку, кто-то когда-то неплохо портняжил — и завертелась карусель. К утру свадебное платье было готово, его соорудили из тюле-

вых занавесок, а пышную нижнюю юбку — из белоснежной простыни с несмываемым штампом РККА.

Нашлись телесного цвета чулочки, нашлись белые лодочки, нашлись даже кольца, но на принесшую их пожилую нянечку цыкнули: здесь, мол, не церковь, а советское лечебное учреждение. А какую сделали невесте прическу! Какой маникюр! Как умело закамуфлировали живот!

Маша послушно подставляла руки, ноги, что-то снимала, надевала, снова снимала .. Подруги без конца ссорились, мирились, опять ссорились. Причины были более чем серьезные: длина платья, количество оборок, ширина рукавов и прочая, забытая за годы войны ерунда.

А потом пришли механики-водители из мужского отделения и, скептически покачав головой, забрали коляску. Часа через два они превратили ее в такой роскошный экипаж, что он бесшумно катился не то что от прикосновения, а от одного дуновения.

Ровно в двенадцать Маша была готова. Она не дыша сидела в сияющей лаком карете, а... увозить ее никто не собирался. Виктор задерживался. Чинно сидели и не менее чинно лежали ее подруги. На длинном столе, накрытом в конференц-зале, стыли неведомо где добытые жареные цыплята, отпотевали бутылки «Московской» и вишнево-красного кагора. А жениха все не было...

У Маши начали подрагивать губы. Томились лежачие и сидячие, нервно прогуливались по коридору ходячие. И вдруг к подъезду подлетели два «студебеккера»! Из одного, сверкая трубами, выпрыгнул оркестр. Из другого — посыпались сияющие золотом погон и орденов офицеры. Вышли и какие-то солидные люди в гражданском. Кто-то нес ящики с провизией, кто-то охапки цветов, кто-то бережно прижимал к груди батареи бутылок. Оркестр тут же грянул «Катюшу»! Офицеры построились в две шеренги, выхватили сверкнувшие молнией шашки, скрестили их над ведущей к ступенькам дорожкой, крикнули «Ура!» — и смущенно-радостный Виктор, то печатая шаг, то сбиваясь на гражданский, двинулся к двери, на которой белела витиеватая надпись: «Добро пожаловать, жених!» Кто-то успел губной помадой к последнему слову дорисовать озорное «и».

На площадке второго этажа процессию встретил полноватый полковник в парадной форме и при всех орденах. Это был профессор Дроздов, недавно назначенный главным врачом госпиталя.

Едва заметное движение бровью трубача — и оркестр,

оборвав мелодию на верхней ноте, умолк. Из-за спины Виктора выступили немолодой майор в форме кавалериста и красавец-грузин в морском кителе. Кавалерист распушил усы, поправил переброшенный через плечо вышитый рушник и громоподобным голосом спросил:

— А туда ли мы попали? В этом ли курене красавица живет?

— Может, не в той гавани братва якорь бросила? — подхватил моряк. — Не на ту вершину сел орел?

Машу пока прятали за занавеской, и она сквозь щелку разглядывала бледного от волнения орла и его новых друзей, с которыми он, видно, получал Золотую Звезду.

— Вот это да-а, — прошептали над ухом. — Шестнадцать Героев! Вот это свадьба! Смотри, Машка, если хоть в мыслях изменишь своему разведчику, удавлю собственными руками,— шепнула подруга по палате.

А полковник Дроздов, понимая, что и раненые, и здоровые долго будут помнить эту свадьбу, что молва о ней разлетится по всем фронтам, тыловым поселкам и городам, что искалеченные войной люди хоть немного отвлекутся от тяжких мыслей а те, кому через день-другой — снова на фронт, тоже уедут с улыбкой радости, лихорадочно вспоминал старинный свадебный обряд, но, так ничего и не вспомнив, решил импровизировать.

— И курень тот, и вершина та, — солидно начал он. — Гора, как видите, самая высокая, а дом — самый красивый и богатый. И люди здесь живут один другого лучше. Одной семьей живут, так что братьев и сестер у нашей горлицы много.

Вдруг откуда-то сбоку к Дроздову подошла пожилая нянечка и что-то шепнула на ухо. Профессор понимающе кивнул и строго закончил:

— Так что это... как его... выкуп нужен!

Нянечка, поджав губы, одобрительно кивнула и незаметно одернула китель на Дроздове.

Кавалерист еще больше распушил усы, подмигнул моряку и сообщил:

— Купец у нас больно привередлив. Поглядеть бы товар... Тем более что есть здесь один человек, — неожиданно зазвенел его голос, — который тоже хочет видеть... У многих из нас такого человека вообще нет. Был — и не стало. А у него, — кивнул он на Виктора, — есть. В общем, как этот человек скажет, так тому и быть! — дрогнувшим голосом закончил кавалерист.

И тут из-за спины Виктора показалась моложавая, но

рано поседевшая женщина с радостно-грустными, синими-пресиними глазами. Маша как увидела ее, так и обмерла!

«Она», — сразу решила Маша.

Горло перехватил спазм, а глаза наполнились слезами. Сама не понимая почему, Маша вдруг почувствовала к этой незнакомой женщине такую беспредельную любовь, такую нежность, что захотелось броситься ей на грудь. Если бы Маша могла ходить, она бы мигом сбежала по лестнице и вдоволь наревелась на ее плече.

А женщина тем временем легко поднималась по ступенькам, смотрела по сторонам, вроде бы приглядываясь к сестричкам и легко раненным девушкам.

— Нет, — неожиданно певучим голосом сказала она, — здесь я нашей горлицы не вижу. Так что поднимай, моряк, якорь — и разворачивай корабль.

— Стоп, стоп, стоп! — протестующе поднял руки Дроздов.

А Маша чуть не рванулась вперед на своей расписной коляске.

— Главная ценность этого... куреня, — стрельнул он глазами в сторону кавалериста, — в другом месте. Милости прошу... — Он вопросительно посмотрел на женщину.

— Ирина Михаиловна, — назвала себя мать Виктора.

Кто-то распахнул дверь, и на площадку выехала бледная Маша. Ирина Михайловна как бы споткнулась. Мгновение, всего одно мгновение смотрели в глаза друг другу женщины. И чего только не было в их взгляде — требовательность, ревность, любопытство... Но вот эти чувства улетучились, и они поняли, что полюбили друг друга.

Виктор давно хотел и побаивался этой встречи. Понравятся ли, лягут ли друг другу на сердце самые дорогие для него женщины?.. То, решающее, мгновение казалось ему невыносимо долгим. А когда увидел дрогнувшие губы матери и полные счастья глаза Маши, у него сразу свалился камень с души.

Друзья тащили по лестнице выкуп — несколько ящиков шампанского. Оркестр наяривал «Рио-Риту». Все как-то разом засуетились, забегали, загалдели. Звенела посуда, громыхали стулья, слышался смех, хлопанье пробок, а Маша и Ирина Михайловна держали друг друга за руки, по их щекам текли слезы радости.

И вдруг рассыпалась барабанная дробь. Вперед вышел человек в штатском и поднял свою единственную руку.

— Товарищи, — тихо, но очень слышно сказал он. — Как заведующий загсом Сокольнического района города Мо-

сквы я уполномочен зарегистрировать брак между гражданином Громовым Виктором Владимировичем и гражданкой Орешниковой Марией Владиславовной.

Сразу стало тихо. Оркестр не к месту грянул свадебный марш, но тут же осекся.

— Прошу жениха и невесту к столу.

Виктор бережно подвез коляску с Машей к стоящему посреди зала столику.

— Учитывая необычные обстоятельства, а также то, что команда Героев буквально похитила меня из здания загса, я буду краток и задам всего один вопрос. Гражданин Громов, согласны ли вы взять в жены гражданку Орешникову?

Виктор сглотнул ставший вдруг плотным воздух и сипло ответил:

— Да.

— Гражданка Орешникова, согласны ли вы стать женой гражданина Громова?

Маша зажмурилась, уняла разбушевавшееся сердце и неожиданно для себя не сказала, а чуть ли не пропела:

— Да. Согла-асна. Давно-о согла-асна!

Зал так и грохнул от смеха.

— От имени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики объявляю вас мужем и женой! Прошу расписаться в книге. Согласно желанию невесты, теперь она будет носить фамилию мужа. Ура, товарищи! — нарушил церемониал заведующий загсом. — Наше дело правое, мы победим! — взмахнул он пустым рукавом и крепко обнял молодоженов.

— Ура-а-а! — разнеслось по этажам госпиталя.

Звенели трубы, ухал барабан, сверкало золото орденов, дамы приглашали кавалеров, кавалеры приглашали дам, одни отплясывали фокстрот по всем правилам бальных танцев, другие неловко топтались, опираясь на костыли. Развевались пустые рукава, плескались пустые штанины, но лица были отрешенно-веселые, счастливые, а если и проскальзывала грусть, то только оттого, что они не на месте жениха и невесты.

А молодые сидели во главе длинного стола и послушно целовались под крики «Горько!». Они до сих пор не верили происходящему.

Ирина Михайловна озабоченно беседовала с Дроздовым, она настаивала, чтобы Машу отпустили домой, а перед самыми родами забрали снова. На что профессор рассудительно замечал, что Маше необходимо постоянное медицинское наблюдение. Предстоит немало хлопот с ногой, но если

Ирина Михайловна хочет, может ходить сюда хоть каждый день.

Моряк пришвартовался к хорошенькой медсестре и так ее закружил, что та, полузакрыв глаза, буквально обвисла на его руках и готова была плыть куда угодно, хоть на самое дно Баренцева моря. Летчик увлеченно показывал на руках, как сбил своего двадцатого «мессера». Казак старательно выполнял роль тамады и следил, чтобы даже безруким кто-нибудь подносил бокал шампанского или чарку «Московской».

И тут слово попросил профессор Дроздов.

— Друзья мои, — откашлявшись, начал он. — Я здесь самый старый...

Зал протестующе загудел.

— Да-да, — поднял он руку. — Самый старый и самый мудрый. И солдатский стаж солидный — это ведь моя пятая война. Был на империалистической, был на гражданской, утопал в пыли Халхин-Гола, мерз в лесах Финляндии, а теперь вот ломаю Отечественную. И начинал я не врачом, а лихим кавалеристом. Совсем юнцом мечтал о таких же вот усах, — кивнул он на казака. — Так что послушайте старого солдата... Гм-гм... Война — это дрянь! Это противоестественное состояние человеческого духа. Скудеют нивы. Уходят в землю лучшие из лучших. Цвет нации гибнет! Но как ни кощунственно это прозвучит, погибшие, не успев родить своих детей, дают жизнь тысячам героев. Ведь врага надо победить! А победить его могут только герои... Иногда вы думаете: ну что я такого сделал? Великое дело — подбил танк, вытащил раненого, уничтожил фашиста. А ведь это и есть самый настоящий героизм, ибо каждый из вас на своем маленьком участке приближает победу. Скоро вы все разъедетесь отсюда, одни — на фронт, другие — в тыл, и задачи перед вами будут стоять разные. Но об одном прошу, дети мои: где бы вы ни были, что бы ни делали, не забывайте, что ваш ратный и мирный труд подчинен тому, чтобы было больше свадеб, чтобы смеялись дети, колосились поля, гудели станки и все вы, вернее, все мы были уверены, что, уходя утром из дома, вечером вернемся домой! Счастливой вам жизни! И пусть у каждого будет такая же свадьба, какая сегодня гремит в этих стенах!

Зазвенели бокалы, рюмки и стаканы. Оркестр грянул что-то невразумительно-зажигательное. Кто мог ходить, поднялись из-за стола — и снова закружилась карусель танца.

XX

Мелодия еще звучала в ушах, а Виктор уже полз по кочковатому болоту. Рядом тяжело дышал Седых, чуть позади скользил Ларин, за ним — еще трое разведчиков. Виктор тронул сапог ползущего впереди сапера. Тот замер. Подтянулись и остальные. Виктор достал бинокль и начал вглядываться в мутную ширь пузырящейся от дождя реки.

— Он? Днепр? — хрипловато прошептал Седых.

Виктор кивнул и приложил палец к губам. Тронул за плечо Ларина и махнул рукой вправо — лейтенант с двумя бойцами тут же растворились в зыбкой пелене. Седых и сапер ушли влево. Сзади подполз лейтенант Зуб и сказал Виктору в ухо:

— Следов не оставили. Все шито-крыто.

— Добро. Замаскироваться, разделить правый берег на секторы и прощупывать каждый метр.

Виктор сосредоточенно кусал травинку и в который уже раз прокручивал в голове задание, полученное от командира дивизии.

«Наши части на подходе к Днепру, — увесисто меряя чисто вымытую комнату украинской мазанки, говорил он.— До реки еще топать и топать, но форсировать все равно придется. А переплыть такую водную преграду, которую, как писал классик, не каждая птица перелетит, — дело непростое. К тому же левый берег низкий. Укреплен он, конечно, здорово, но отсюда мы немцев выбьем. А вот правый... Правый — это высокая, крутая стена, напичканная дотами, дзотами, закопанными танками и прочей чертовщиной. Поэтому форсирование будем готовить основательно. Но нужен плацдарм! Нужно зацепиться хотя бы за крохотный клочок правого берега, чтобы плотам и лодкам было куда причалить. Смотри сюда, — развернул он карту. — Нашей дивизии до Днепра еще далече. Мы будем метр за метром отвоевывать эти километры, а ты должен пробраться к воде и на правом берегу подобрать место для плацдарма. Не настаиваю, но желательно побывать на том берегу и прощупать этот участок не только глазами, но и ногами. И учти: берег должен быть не вязкий и не очень крутой, иначе техника застрянет у самой воды. Так что никакого шума. Наблюдение и еще раз наблюдение».

Прошло всего двое суток, а разведчики уже обосновались в плавнях и наблюдали за деловито-спокойной жизнью немцев. Пока что здесь был тыл, прифронтовой, но тыл. Густой кустарник, сады уцелевших деревень, нетронутые леса —

все это позволяло так хорошо маскироваться, что наша авиация немцев не беспокоила. Днем на дорогах пусто, зато ночью они оживали: летали мотоциклисты, куда-то тянулись бесконечные колонны грузовиков, не включая фар, плотным строем двигались танки. А перед рассветом появлялись машины с ворохом веток на буксире. Эти веники так тщательно подметали дороги, что на них не оставалось никаких следов. Если смотреть сверху — безлюдные, никуда не ведущие просеки, и только.

Громов поражался:

— Ай да немчура! Ишь до чего додумались! А впрочем, раз стали хитрить, значит, нужда заставила. В сорок первом перли в открытую. Эх, сюда бы наших девчат на «кукурузниках»! Подсветить бы им, мигнуть где надо, они бы эти ночные прогулки сразу пресекли.

День за днем разведчики рыскали вдоль берега, но ни подходящих подходов к левому берегу, ни участка для плацдарма на правом так и не нашли. Возвращаться ни с чем?

«Отрицательный результат — тоже результат, — размышлял Громов. — Может быть и так: мы вышли на участок, где форсирование вообще невозможно».

А в каких-то ста метрах двигалась длиннющая колонна крытых грузовиков.

«Куда они все-таки ездят? — не давала покоя Виктору мысль. — Ведь не просто так их гоняют, причем в одном и том же направлении. Стоп! — резким апперкотом тюкнул он моховую кочку. — В одну сторону. В какую? На запад или на восток? На передовую или?.. Ура, нашел!»

Громов коротко свистнул. Разведчики мигом подползли к нему.

— Натяните плащ-палатку, — приказал он.

Когда образовался полог, Виктор нырнул в него, пригласил Ларина и Зуба, достал карту и, подсвечивая фонариком, зашептал:

— Кто вам сказал, что главное в нашем деле — глаза, уши и ноги? Мозги, товарищи офицеры! В каждом деле главное — мозги! И в нашем прежде всего. Ларин, это что? — ткнул он в карту.

— Днепр, — бросил Ларин.

— Отличник! — въедливо заметил Громов. — И что вы на этой голубенькой ленте видите?

— Острова, заливы, протоки...

— И все?

— Так точно, все.

— У тебя со зрением нормально?

— Единица, — обиделся Ларин.

— И за ответ единица!

— Лейтенант Зуб, ваши наблюдения?

— На карте нет ни одного моста. По крайней мере, на нашем участке. Выше — есть.

— Молодец! А на сколько выше?

— Сейчас прикину. Так... так... На двести километров.

— Двести десять. Но это — уже не наше дело, там наверняка работают ребята из соседней дивизии... Послушай, Ларин, ты же в училище был отличником. Скажи, что могут означать эти ночные колонны? Откуда и куда они идут? Где пропадают?

Ларин вспыхнул!

«Ну вот и вляпался, Игоречек, — мучительно думал он, теребя усы. — Не в разведке тебе место, а за школьной партой».

И вдруг в голове молнией пронеслось все, что увидел за эти дни и ночи. Во-первых, он засек мощный узел обороны у деревни Опанасовки. Новенькие танки, небрежно замаскированные пушки и... ни одного солдата из расчета или экипажа. Часовых и то нет. Неужели макеты? Ах, черт! Это надо проверить! А во-вторых, даже ночью видно, что идущая по дорогам техника побывала в боях. Да и в кузовах машин довольно много раненых: на взгорке, когда задняя машина подсвечивает переднюю, хорошо видны бинты на плечах, руках, головах. Значит, колонны идут в тыл. Так, хорошо. Но ведь за спиной Днепр. Не на подводных же лодках они его преодолевают и не по тому мосту, который в двухстах километрах, — за ночь столько не проехать, а днем можно попасть на глаза нашим летчикам. Значит, где-то есть мост! На карте нет, а на самом деле есть. Но это сущая чушь: наши его давно бы засекли, ведь мост в камышах не спрячешь.

Когда Ларин сказал все это, восхищенный Громов хлопнул его по плечу.

— Ну что я говорил: мозги, если они есть, просто не могут не работать! Лейтенант Ларин, от имени службы объявляю благодарность. Вот только с мостом. В камышах его действительно не спрячешь — он ведь не вдоль, а поперек реки.

— Почему же не спрячешь? — вмешался Зуб.—Заявляю как бывший сапер: если мост построить вдоль речки, спрятать его проще простого.

Громов потрогал лоб лейтенанта и озабоченно спросил:

— Ты, часом, не того? Может, температуришь?

— Да бросьте вы, товарищ капитан, свои шуточки! — взъярился Зуб. — Я дело говорю.

— Мост вдоль реки — дело? — покачал головой Громов.

— Дело, — заявил Зуб. — И саперы изучают это на втором курсе. Понтонный мост, как правило, состоит из секций. Собирают и разбирают их с помощью катеров, причем довольно быстро. Допускаю, что где-то в плавнях, среди кустов и камыша, у немцев стоят такие секции. Как только стемнеет, их собирают — и мост готов. Перед рассветом секции снова распихивают по протокам.

— Ты это серьезно? — приподнялся на руках Громов.

— Абсолютно серьезно.

— Мужики, да вам цены нет! Если это предположение подтвердится...

— Подтвердится, — кивнул Зуб. — Если выводы Ларина правильные, за их инженерное обеспечение я отвечаю.

— По коням! — поднялся Громов. — Тихонько, как ужи, как летучие мыши, чтоб ни одна веточка не хрустнула, — за первой же колонной

Когда за полчаса до рассвета разведчики вышли к широченной балке, мягкими уступами спускающейся к воде, и увидели, как последний танк скрылся на проседавшем под ним мосту, а потом из камышей вылетели катера и за считанные минуты растащили понтоны по протокам, они уже ничему не удивлялись.

Громов достал карту, провел через синь реки жирную черту и, злорадно усмехаясь, сказал:

— Хорошая будет работенка «ночным ведьмам». Придется фрицам еще раз убедиться в правильности клички, которую они сами же дали нашим летчицам.

А потом разведчики целый день лежали в кустах и, прильнув к биноклям, изучали противоположный берег.

«Лучшего места для плацдарма не найти, — прикидывал Виктор. — Кручи размыты дождями. Куда ни глянь — песок. Если летчики как следует вспашут откосы, они станут еще более пологими. Кроме того, образуется немало воронок — и на первых порах они будут неплохим укрытием. Немаловажно и то, что немцы и не предполагают, что мы нахально полезем прямо по их следам. Добро, так и доложу».

День и две ночи пробиралась группа Громова к своим. При переходе линии фронта пришлось ввязаться в бой, но прорвались без потерь. Лишь саперу зацепило ногу, и его пришлось нести на руках.

Когда вконец измочаленный Громов ввалился в свой

блиндаж, его встретил такой радостный лай, что Виктор на минуту забыл обо всем на свете.

— Что, брат, соскучился? — погладил он Рекса. — Понимаю, все понимаю: обижаешься, что не взял с собой. Извини, но так было нужно. Ничего, Рекс, не ворчи, мы еще поработаем вместе. Плавать умеешь? Смотри, а то скоро предстоит купание, да еще в холодной воде. А ты как думал: перебраться через такую реку и не макнуться? Нет, брат, так не бывает.

Наскоро побрившись и переодевшись в сухое, Громов отправился с докладом к командиру дивизии. Полковник Сажин и сидевший рядом с ним незнакомый подполковник с раскосо-татарскими глазами внимательно выслушали Громова, а потом, склонившись над картой, долго уточняли детали.

— Ну что ж, капитан, благодарю за службу, — пожал комдив его руку. — Сведения ты принес ценные. Очень ценные! Работа нам предстоит интересная. Жаль только, что без тебя.

Громов вопросительно поднял брови.

— Да-да, без тебя. С этого момента поступаешь в распоряжение начальника разведотдела штаба армии подполковника Галиулина.

— А как же рота? Как же Днепр?.. — смешался Виктор.

— Ничего, капитан, Днепр от вас не уйдет, — улыбнулся Галиулин. — А роту, — обернулся он к Сажину, — роту на время выполнения особого задания надо передать комунибудь из взводных.

— Конечно, — согласно кивнул Сажин. — Людям надо расти. Не вечно же тебе командовать ротой, а кому-то взводом. Кого рекомендуешь?

— Да я как-то не думал, — замялся Громов. — Люди еще не готовы, в разведке недавно. А впрочем, вы правы: им надо расти. Предлагаю лейтенанта Ларина. Он хоть и молод, но грамотен, инициативен, смел. И соображает здорово.

— Будь по-твоему, — одобрил его предложение Сажин. — На время твоей... командировки командиром разведроты назначается лейтенант Ларин. Ну что ж, удачи тебе, капитан, — поднялся комдив. — Поосторожней там, — дрогнул его голос. — И не забывай родную дивизию. Помни, что мы тебя ждем. Очень ждем! — с нажимом закончил он и коротко обнял Виктора.

Подполковник Галиулин надел фуражку, козырнул комдиву и, направляясь к выходу, сказал:

— Идемте, капитан. Разговор предстоит долгий.

— А... куда?

— К вам. Говорят, у вас довольно уютный блиндаж, к тому же хорошо охраняемый.

— Охраняемый? Вам неверно доложили. Никакой охраны нет.

— А ваш лохматый друг?

— Рекс? — усмехнулся Громов. — Тут вы правы: без меня в блиндаж никого не пустит.

— А с вами?

— Каким-то сверхъестественным чутьем он мгновенно отличает моих друзей от недругов, — уклончиво ответил Виктор. — И ведет себя в соответствии с этим.

— Прекрасное качество, — заметил Галиулин. — Не исключено, что это нам очень пригодится. Скажите, капитан, а как вы себя чувствуете? Не очень устали? Разговор ведь предстоит трудный. Потребуется запомнить множество деталей. Может, передохнете немного?

— Нет-нет. Дело есть дело. Я в отличной форме. А вот и Рекс.

Галиулин уважительно остановился перед сидящим у входа Рексом и восхищенно сказал:

— Вот это соба-а-ка! Я таких не видел.

Громов улыбнулся, потрепал Рекса по загривку и не без гордости заметил:

— Да, это собака. Это хорошая собака.

Когда спустились в блиндаж, Громов наскоро организовал закуску и вопросительно поднял фляжку. Галиулин утвердительно кивнул:

— По тридцать капель. За победу!

Закусив ломтем тушенки, Галиулин отодвинул кружку и, изучающе глядя на Виктора, сказал:

— Теперь о деле... Не скрою, капитан, речь пойдет о деле чрезвычайной важности, рискованном и, что мне совсем не нравится, даже без пятидесятипроцентных шансов на успех. Именно поэтому на время выполнения задания права вам даются неограниченные.

Виктор облизнул пересохшие губы.

— Да, капитан, неограниченные, — глядя Виктору в глаза, повторил Галиулин. — А это значит — вы вправе решать судьбы людей, с которыми будете выполнять задание. Детали — чуть позже. А сейчас замечу, что это задание, если так можно выразиться, многослойное, со своей сверхзадачей. Курить можно?

— Что? Курить? — не сразу переключился Виктор. — Вообще-то Рекс не любит. А впрочем, валяйте.

— Так вот. Сверхзадача — мост, — продолжал Галиулин. — Не тот, который вы обнаружили, а совсем другой. Не понтонный, а крепкий, добротный мост довоенной постройки. Установлено, что он заминирован. Об отступлении немцы не помышляют, но уже заминировали. Следовательно, как только на правый берег перейдет последний немецкий солдат, мост взлетит на воздух. Этого-то и нельзя допустить! Мост нужно сохранить. Любой ценой, — после паузы с нажимом добавил Галиулин. — Смотрите на карту. Вот Киев. А вот мост. Он гораздо южнее, в районе Канева. Нам известно, как укреплен берег у Киева. Там Днепр не переплыть. Поэтому принято решение взять Киев с тыла. А для этого нужен мост. Если удастся перебросить на правый берег достаточное количество танков, немцы не смогут их остановить — с тыла Киев беззащитен. Так что выбор у них будет невелик: или, пока не поздно, драпать на запад, или быть сброшенными в Днепр. Усек? — по-мальчишески озорно улыбнулся Галиулин.

— Усек, — кивнул Виктор.

— Как ты понимаешь, в других местах мы тоже подготовим сюрпризы, но танки могут пройти только по этому мосту. Теперь самое главное: как его захватить? Чего мы только не придумывали — и воздушный десант, и штурм с воды, и многое другое. Но все отпало по одной простой причине: в любом случае немцы успеют взорвать мост. И вот на днях возник совершенно неожиданный вариант. Подкупает в нем то, что мост должен взять... один человек. Да-да, всего один человек! Но с твоей помощью.

— Прошу прощения, но это, как бы помягче сказать...

— Глупость? Чего там подбирать слова! Глупость — она и есть глупость, а если точнее — самая настоящая авантюра. Это ты хотел сказать? Наверняка это. И не возражай. Но как раз в этом привлекательность, а может быть, и реальность всей этой затеи. Теперь слушай дальше. Еще летом в одном партизанском отряде появился немец. Странный, скажу тебе, немец. Завтра познакомлю с начальником штаба отряда Федором Собко, расспросишь его сам. Но если длинный рассказ Собко изложить кратко, то все было так. Отряд Собко попал в окружение. В соседний лес пробиться не удалось, поэтому пришлось уходить в степи. Боеприпасов мало, местность незнакомая, поэтому партизаны отсиживались в балках. Каратели и полицаи их потеряли, вокруг — ни души, словом, все спокойно. Но через несколь-

ко дней партизаны всполошились, поскольку в степи появился весьма странный охотник: стреляет прямо из машины, подранков давит колесами. Самое же интересное — иногда он резко тормозит, влезает в кузов и внимательно оглядывает степь в бинокль. Так он рано или поздно мог обнаружить партизан. Они решили не ждать этого и сами, что называется, пошли ему навстречу. Когда он спустился в балку за подстреленной куропаткой, ему ткнули в живот автомат, забрали двустволку и тихо сказали: «Хенде хох!» А он, вместо того чтобы испугаться, радостно заулыбался и на чистейшем русском языке начал говорить, как рад, что наконец-то нашел партизан.

Собко долго не мог понять, кто перед ним — немец или перешедший на сторону немцев русский. Охотник назвался старшим лейтенантом бронетанковых войск Германом Крайсом, заявил, что еще в тридцать четвертом окончил Ульяновское военно-бронетанковое училище, войну встретил командиром танковой роты, во время отступления был тяжело ранен в ногу, двое суток валялся в подсолнухах, потом его подобрали местные жители. Деваться было некуда, поэтому, когда перебитая нога срослась, он пошел к немцам. Приняли его с распростертыми объятиями. Еще бы, советский офицер, танкист и почти что соплеменник. Дело в том, что Крайс — самый настоящий немец, родом из Энгельса — одного из городов республики немцев Поволжья. Должность ему дали весьма престижную — начальник гаража Переславского гебитскомиссариата.

Эта часть рассказа была более или менее правдоподобной, но в то, что Крайс сколотил боевую группу из десяти человек и теперь ищет связи с партизанами, Собко не верил. А охотился он якобы только для того, чтобы попасть в плен к партизанам. Но когда Крайс предложил использовать для диверсий имеющиеся в его распоряжении грузовики, Собко дрогнул. В самом деле, отряд сидит без дела, а тут можно ездить на диверсии километров за сто отсюда, потом возвращаться и спокойно отсиживаться, пока немцы будут рыскать в том районе, где совершен налет на комендатуру или нефтебазу. Короче говоря, Собко доверился Крайсу — и вскоре отряд стал активной боевой единицей.

Все шло хорошо до тех пор, пока гестаповцы не поняли, что партизаны действуют на машинах и эти машины выезжают из одного и того же места. Когда фашисты нагрянули в гараж, там было пусто — Крайс успел уйти вместе со своей группой. А вскоре отряд Собко влился в более крупный и Федор стал начальником штаба. Крайс—

твой коллега, он в разведке отряда. Такая вот история,— потирая подбородок, закончил Галиулин.

— Ну и что? Нам-то этот немец зачем нужен? — спросил Громов. — Раз воюет нормально, значит, человек честный. А если есть сомнения, пусть им займется «Смерш».

— То-то и оно, что этот Крайс нужен нам позарез. Именно он предложил план захвата моста, о котором я говорил. План настолько необычен, что игнорировать его мы просто не имеем права. К тому же риск минимальный: в операции участвуют всего два человека. Хотя... Нельзя, конечно, не учитывать и другого варианта: если взорвать мост в тот момент, когда по нему пойдут наши танки, эффект будет впечатляющий. Но до этого, думаю, не дойдет. Вернее, этого мы не должны допустить. Прежде всего надо как следует проверить Крайса. Нельзя не учитывать, что под личиной советского офицера действует кто-то другой. Короче говоря, с тобой пойдет человек, который знает его в лицо — танкист, воевавший с ним в одной роте. Если он узнает Крайса...

— Было бы лучше, если бы Крайс узнал этого танкиста.

— Конечно. Но теперь этого танкиста и мать родная не узнает. Итак, твоя задача: во-первых, установить личность Крайса и, во-вторых, если он — действительно он, тщательно изучить план захвата моста и вместе с Крайсом провести эту операцию. Связь — через партизанскую рацию.

— Когда уходить?

— Завтра. Днем придет Собко, а ночью я вас переправлю. Есть у меня на примете одно местечко, где через Днепр можно перебраться, не замочив ног. Теперь вот что: ты по-немецки хоть немного шпрехаешь?

— Когда надо, «языков» допрашиваю сам.

— Очень хорошо. Не исключено, что работать придется в немецкой форме. А Рекс немецкий не забыл?

— В каком смысле?

— Ну, немецкие команды понимает?

— Не думаю.

— А если проверить?

— Зачем?

— Ну давай, давай проверим!

Громов пожал плечами и кликнул Рекса.

— Та-ак, с чего начнем? Рекс, лиген!

Рекс недоуменно склонил голову набок. Что-то забытое шевельнулось в голове, но тут же улетучилось.

— Лиген! — настаивал хозяин. — Лиген!

Рекс перебирал передними лапами — верный признак того, что собака не понимает, чего от нее хотят.

И тут Громова осенило: команды надо дублировать жестами.

— Лиген! — повторил Громов и опустил прямо перед собой поднятую выше плеча правую руку.

Рекс тут же лег.

— Ауфштеен! — потребовал Виктор и выбросил вперед левую руку ладонью вверх.

Рекс встал.

— Цу мир! — резко опустил он поднятую в сторону левую руку.

Рекс подошел к хозяину и вопрошающе заглянул в глаза.

— Порядок! — обрадовался Галиулин. — Возьмешь его с собой. Да-да, не возражай! Ты же сам говорил, что он мгновенно отличает друга от врага. И еще... В том плане, который предложил Крайс, многое зависит от представительности и респектабельности исполнителей. А офицер с такой собакой, как Рекс, просто не может быть неблагонадежным.

— Какой офицер? Какая респектабельность?

— Не спеши, капитан. Не спеши. Все узнаешь на месте. Но сперва нужно проверить Крайса. Прежде чем ему довериться, надо точно знать, что это за птица.

Подполковник снова и снова описывал внешность Крайса, сожалел, что так и не удалось разыскать его фотографию, а Громов думал о другом. Он расхаживал по блиндажу и время от времени всаживал кулак в стену. Наконец Виктор остановился напротив Галиулина и попросил:

— Покажите то место, где можно перебраться через Днепр, не замочив ног.

— Пожалуйста, — склонился над картой Галиулин и ткнул карандашом в синеву реки.

— Та-ак, понятно. А какой транспорт?

— Обыкновенная лодка.

— На сколько человек?

— Не больше чем на пять.

— Отлично! — резко развернулся Виктор и от души всадил кулак в стену.

— А вы боялись, что будет тесно? — засмеялся Галиулин.

— Да нет, я совсем о другом. Скажите, товарищ подполковник, а сколько рейсов можно сделать за ночь?

— За ночь? Если ночь темная и нет большой волны, раза три туда-сюда смотаться можно.

— Прекрасно! Пятнадцать человек за одну ночь, пятнадцать — за другую. А тридцать хорошо вооруженных бойцов — это сила! Хотя... смотря сколько воевать. Ну и что?! — осенило его. — А немцы на что?

— Что-то я вас не понимаю, — перебил его Галиулин. — Если вы думаете с помощью такого десанта захватить мост, ошибаетесь — из этого ничего не выйдет.

— Да нет, не мост. — Виктор продолжал внимательно изучать карту. — Так, с этой стороны болото, с другой — тоже. Это хорошо! Думаю, получится. Если действовать решительно и тихо, не может не получиться, — разогнулся он. — А идея вот какая. Никто не отменял задания моей роте: найти место для плацдарма и прощупать его, что называется, ногами. Мы такое место нашли, но переправиться в районе понтонного моста невозможно. Да и в лоб те доты не взять. А вот с тыла можно. Короче говоря, вы перебрасываете на лодке моих ребят, днем они отсиживаются в кустах, а следующей ночью — бросок к месту будущего плацдарма. Тридцать километров — для них не расстояние, даже через болото. Так они подойдут к дотам с тыла. Увязнут? Не увязнут, у меня есть лейтенант Зуб, он знает, как ходить по болотам. С тыла доты беззащитны, так что ребята возьмут их без особого труда. Затем вызываем авиацию, и так далее...

— Вы, кажется, говорили, что план должен быть дерзким и даже нахальным, — помолчав, сказал Галиулин. — И того и другого в нем предостаточно, а вот продуманности и реализма маловато.

— Все правильно, — согласился Виктор. — Немцы не дураки и нашей продуманности противопоставят свою, поэтому наш план должен быть нереальным и парадоксальным, — разумеется, с их точки зрения. Ну, прикиньте: будут они охранять или минировать какое-то паршивое болото, расположенное в глубоком тылу? Не будут. Значит, шанс подобраться к этим треклятым дотам есть. Взять их — дело техники. Конечно, нас тут же постараются сбросить в Днепр. Но с фронта им помешает болото, а фланги мы перекроем огнем из их же дотов.

— Допустим, огневые точки вы захватите. И сколько рассчитываете продержаться?

— Пока наши не наведут переправу или... не подбросят подкрепление.

— Ну-ну, смотрите... Но я бы за такое дело не взялся. Впрочем, вам предстоит другое задание, — спохватился подполковник. — Значит, как условились, — поднялся он. — Завтра познакомлю с человеком из отряда и с танкистом. Думаю, не надо напоминать, что ни одна душа не должна знать о вашем необычном задании. А друзьям скажите, получил, мол, направление на курсы.

— На курсы?

— Ну да, — досадливо поморщился Галиулин. — На курсы повышения квалификации. Будете обмениваться опытом... вместе с Рексом.

— Ладно, — улыбнулся Громов. — Что-нибудь наплесу. А о своем плане доложу комдиву.

— Это — ваше право.

Когда Галиулин ушел, Громов тут же вызвал Ларина, Зуба, Седых и рассказал о своей идее. Офицеры задумались...

Рассудительный Зуб сразу стал пытаться хоть что-то узнать о проходимости болота. Ларин интересовался численностью охраны дотов. Седых вообще сомневался в возможности незаметно переплыть Днепр.

— Ни на один из ваших вопросов ответить не могу,— подвел итог Громов. — Решим так: пока что у нас есть идея, а плана нет. С этой идеей я иду к командиру дивизии и честно признаюсь в наших сомнениях. Как он решит, так и будет. Добро?

Все согласно кивнули и дружно поднялись.

— Это не все, — вдруг остановил их Виктор. — Нас,— кивнул он в сторону Рекса, — направляют на курсы. В общем, как бы обмен опытом. Так вот, на время моего отсутствия командиром роты назначается лейтенант Ларин.

Игорь от неожиданности залился краской.

— Да я же... — начал было он.

— Это приказ, — строго заметил Громов. — Обсуждать здесь нечего. Смотри, лейтенант, если наша идея комдиву понравится, разрабатывать ее придется тебе. И вести людей по болоту тоже тебе. Так что думай. Думайте все, как захватить этот чертов плацдарм.

XXI

Подполковник Галиулин встретил Громова у порога полуразвалившейся хаты.

— Заходите, капитан, заходите, — широко улыбался он. — Как видите, живем получше вас — не в блиндажах, а почти во дворцах. Тыловики — что с нас взять?! Чернильные души. Зато и наград у нас поменьше.

«Странный он какой-то, — подумал Виктор. — Да и шуточки с намеком. Не иначе как что-то не клеится с его задумкой».

— Но это ничего, — зябко потирая руки, продолжал Гулиулин. — Иной раз дороже любых наград встреча с боевым другом. Верно?

Виктор кивнул, приказал Рексу: «Сидеть» — и шагнул к двери. Галиулин по-прежнему стоял у порога и почему-то не приглашал Виктора в дом. А Громов, как назло, дьявольски устал с дороги и мечтал о кружке горячего чая, возможности снять сапоги, вытянуть ноги.

— Сейчас вы познакомитесь с человеком, который должен опознать Крайса, — объявил Галиулин. — Только не волнуйтесь. И, если можно, без рукоприкладства, — весьма загадочно закончил он.

Громов был крайне удивлен, хотел сказать что-нибудь язвительное, но в этот момент кто-то так сильно хлопнул его по плечу, что он чуть не упал. Потом Виктор получил по спине, по шее, снова по плечу. Какой-то человек изо всех сил тузил Виктора, да еще и похохатывал.

— Ну надо же! Ну и дела! Ну и сюрприз!

В темноватой комнате, куда он все-таки ввалился, Виктор никак не мог увидеть лица «обидчика». А когда, сделав боксерский нырок, разглядел безгубое и безбровое лицо, с такой радостью набросился на офицера и так громко закричал: «Володька-а-а!», что даже Рекс всполошился и тревожно залаял.

— Громов, дружище! Вот уж не ожидал! Что-то часто стали пересекаться наши дорожки!

— Маралов! Чертушка! Дорогой ты мой Маралов! — не верил своим глазам Виктор.

И такая тут поднялась возня, такие сыпались тычки и шлепки, звучали такие забористые подначки, что Галиулин и Рекс даже забились в угол, прикрываясь столом от этого вихря безудержной радости. Когда улеглись первые восторги, друзья вытащили стол на середину комнаты, уселись рядом, обняли друг друга за плечи — и по-

текла неторопливая беседа. Галиулин время от времени подливал им из фляжки, а взаимные вопросы сыпались один за другим: где был, с кем виделся, кто жив, кто погиб, кто награжден?

— О твоих делах я малость в курсе, — взъерошил шевелюру Виктора Маралов. — Я ведь разыскал Машу и, как говорили в старых романах, состою с ней в переписке.

— Отбить хочешь? — толкнул его плечом Виктор.

— Я бы не прочь, но приходится довольствоваться кровным родством. Хотя надежды не теряю!

— Ох, Володька, Володька, рискуешь! И не чем-нибудь, а своими новенькими галифе. Вот пожалуюсь Рексу, он враз их превратит в лохмотья.

— Рекс?! Да ни в жизнь! Меня он не тронет.

— Это почему же?

— А черт его знает! Только не тронет — и все! Уж если в его присутствии я смог тебя отмутузить, значит, он держит меня за своего.

— Верно, — покосился на собаку Виктор.

А Рекс сидел в углу, и его морда была такой дружелюбно-умильной, что Виктор не сдержался, подозвал его, потрепал обмякшие уши и дал кусок колбасы. Рекс аккуратно взял колбасу, вернулся в свой угол и деликатно принялся за угощение.

— Ну что, капитан, хороший я вам устроил сюрприз?— подал наконец голос Галиулин.

— Да уж, — заулыбался Громов. — Чего угодно ожидал, но только не этого.

— Я-то знал, что на тот берег плыть придется с каким-то разведчиком, — заметил Маралов, — но когда увидел на крыльце тебя, думал, взорвусь от радости!

Виктор ткнулся лбом в лоб Маралова, из груди вырвался всхлип, но он тут же взял себя в руки.

— Если лупцевать друг друга больше не будете, хорошо бы потолковать о деле, — подошел к столу Галиулин.

Офицеры встали, оправили гимнастерки и замерли по стойке «смирно».

— Прошу садиться, — переходя на деловой тон, сказал подполковник. — Итак, еще раз излагаю суть задания. Капитан Маралов, сперва вы должны присмотреться к воображаемому однополчанину, потом поговорить с ним и — либо опознать в нем Германа Крайса, либо разоблачить опытного немецкого разведчика. И только, капитан, и только! — с нажимом продолжал Галиулин, заметив,

что Маралов хочет что-то спросить. — Ваше задание на этом заканчивается. Подчеркиваю, заканчивается при любом исходе. Если обстановка позволит, вас переправят на левый берег. Если не удастся, останетесь в отряде до соединения с регулярными частями. Ни в какие акции не ввязываться, в бои не вступать и... беречь Крайса. Да-да, беречь как зеницу ока! У нас на этого человека свои виды. Капитан Громов, — обратился он к Виктору.

Тот привстал, но Галиулин с усилием нажал на его плечо.

— У вас задача посложнее — сохранить мост. Честно говоря, я до сих пор не верю в реальность этой затеи, но попробовать надо, разумеется в том случае, если Крайс — действительно Крайс. На первый взгляд его план настолько наивен, что можно подумать, будто он рассчитан на дурачков. Но именно в этом его привлекательность! Короче говоря, несколько дней назад партизанские разведчики перехватили немецкую штабную машину с каким-то важным полковником. Этот оберст уверяет, что прибыл из ставки и выполняет личные поручения самого Гитлера. К сожалению, документов, подтверждающих его чрезвычайные полномочия, нет. Это усложняет дело. Но можно надеяться, что в суматохе отступления едва ли кто-нибудь станет требовать какие-то дополнительные документы «оберста из ставки». А его удостоверение личности действительно выдано в Берлине... Все это я рассказываю со слов начальника штаба отряда Собко — с ним вы скоро познакомитесь. Собко в Крайсе сомневается, поэтому какие-либо действия, как я уже говорил, возможны только после того, как Маралов убедится, что Крайс — это Крайс. А план этого немца прост: под видом «оберста из ставки» проникнуть на мост и устроить сверхпридирчивую инспекцию: как организована противовоздушная оборона, удобны ли предмостные сооружения, надежна ли охрана и, наконец, самое главное, хорошо ли отработана система уничтожения моста. Допустим, я подчеркиваю, допустим, это удастся. Но как эту систему вывести из строя? Крайс предлагает действовать по обстановке. Именно это мне больше всего не нравится. Что значит по обстановке? Перебить охрану? Пустое — вас там будет всего двое. Устроить что-то вроде учений, забраковать всю систему, потребовать ее переделки и тем самым выиграть время? Дохлый номер — система может быть в идеальном порядке.

— Ну и хорошо, — не удержался Виктор.

— Что хорошо?

— Хорошо, что в идеальном порядке. Отличная идея! Не дурак он, этот Крайс, далеко не дурак.

— Я и не говорю, что дурак, — улыбнулся Галиулин.

— Связь у нас будет надежная? — азартно продолжал Виктор.

— Вполне.

— Тогда так, — коротким апперкотом ударил он по собственной ладони. — В тот момент, когда мы будем проверять сигнализацию, проводку и все такое прочее, надо устроить налет нашей авиации. Только самолеты прикажите вести асам: ни одна бомба не должна попасть в мост. Пусть поклюют берега, ну и, само собой, водичку, чтобы побольше фонтанов, брызг, шума, треска, дыма и огня.

— Молодец, Витька! — трахнул кулаком по столу Маралов. — Под этот «атас» можно орать, давать нелепые команды, одних послать туда, других — сюда и тем временем вывести систему из строя.

— А что? — почесал переносицу Галиулин. — В этом что-то есть.

Ночь для переправы выдалась самая что ни на есть подходящая. Дождь как из ведра. Ураганный ветер так перемешал тучи с днепровской водой, что не понять, где небо, где река.

— Самое главное — видимость нулевая, — налегая на весла утлой лодчонки, радовался Собко. — Нас сейчас ни в один телескоп не сыщешь.

— Она и для нас нулевая, — ворчал Маралов. — Смотри, не завези к немцам.

— А они тут везде, — хохотнул Собко. — Представляете, какое безобразие: на правом берегу ни одного советского гарнизона.

— Весельчак, — пробурчал Маралов. — Где небо, где земля, куда плывем? Моряка бы сюда.

— А я и есть моряк, — методично взмахивая веслами, продолжал Собко. — Правда, без тельняшки, но моряк. Товарищ капитан, — крикнул он Громову, — рулите против ветра! Держите носом на волну, а то перевернет! Вот так, хорошо.

Некоторое время Собко молчал, выгребая против течения. Он видел, как присмирели офицеры, как стараются не показать страха перед разбушевавшейся стихией.

«А ведь храбрецы из храбрецов, герои, — размышлял он. — Что же будет с остальными, когда придет час форсировать Днепр? Да, видно, немало братьев-славян устелет дно реки».

Виктор сидел на корме и что есть мочи подгребал широким, как лопата, веслом. Ветер дул то слева, то справа, то в грудь, то в спину, волны захлестывали лодку через борт — и тогда Маралов хватал дырявое ведро и, проклиная все на свете, вычерпывал воду.

У самых ног хозяина лежал промокший и отяжелевший Рекс. Он тоскливо смотрел на мелькающее у носа ведро, прислушивался к незлобивой перебранке людей и время от времени вздрагивал всем телом, ощущая, какое тонкое и ненадежное дно лодки и как много под ним воды.

— Вроде что-то мелькнуло! — приподнялся Виктор.

— Смотрите внимательнее, — продолжал махать веслами Собко.

— Точно, — подтвердил Маралов. — Похоже на костер.

— Должно быть два, — тяжело дышал Собко.

— И Рекс забеспокоился. Не иначе чует дым, — сказал Виктор, заметив, что Рекс приподнял голову и потянул носом в сторону огня.

— Должно быть два костра! — стоял на своем Собко. — На расстоянии двадцати метров один от другого.

— А может, второй залило? — предположил Маралов. — Дождь-то вон какой.

— Я им покажу дождь! — сквозь зубы процедил Собко. — По мне, хоть конец света, а костры должны гореть! Да так, чтобы их было видно только с воды.

Прошла минута. Другая. Рекс опустил голову на лапы. Громов до боли в глазах вглядывался в белесую мглу. Маралов орудовал ведром. Собко махал веслами. Скрип уключин. Вой ветра. Яростные атаки волн. И вдруг совсем близко взметнулись два снопа огня!

— Догадались, черти, — довольно улыбнулся Собко.— Я же говорил: бензин в костер подливать нельзя — он сразу же выгорит. Надо подбрасывать пропитанную бензином солому. Товарищ капитан, — обратился он к Громову, — у вас есть фонарик с красным стеклом?

— Есть.

— Работает? А то могу дать свой.

— Сейчас проверю. — Виктор достал из кармана плоский немецкий фонарик. — Порядок, не промок.

— Тогда мигните три раза. Переждите десять секунд — и снова мигните, но уже два раза. Хорошо. Что на берегу?

— Погас один костер.

— Так и должно быть. Значит, прибыли по назначению, — повеселел Собко.

Когда лодка ткнулась в песок, ее тут же подхватили одетые в немецкие клеенчатые плащи люди и оттащили в кусты.

— С прибытием, — пожал всем руки заметно прихрамывающий человек. — Идти можете? Или передохнете?

— Далеко? — поинтересовался Виктор.

— Двенадцать километров.

— А сколько до рассвета?

— Час пятьдесят.

— Тогда надо идти. И порезвее!

Больше никто не сказал ни слова. Сперва шли в гору, потом огибали болото, перебрались через овраг и наконец углубились в лес.

— Все, теперь мы дома, — облегченно вздохнул Собко, показывая на землянки и шалаши. — Ласкаво просимо!

— Неплохо устроились, — заметил, оглядывая лощину, Маралов. — Танкам сюда не пробиться, с самолета не разглядеть, пехоту можно встретить у болота.

— Для себя старались, — хохотнул Собко. — Да и гости будут не в обиде. Что больше нравится, шалаш или землянка? Выбирайте.

— Землянка привычнее, — ответил Громов.

— Тогда вот сюда. Отдыхайте. Через три часа прошу ко мне. За вами зайдут. Герман, ты тоже загляни.

— Есть, — кивнул встречавший их человек и, прихрамывая, пошел к своему шалашу.

Маралов и Громов переглянулись. Рекс тоже насторожился.

— Так это он? — спросил Маралов.

— Он.

— Что же ты не сказал сразу, язви тебя в душу! Я даже его лица не разглядел.

— Вот и хорошо, — довольно крякнул Собко. — Что бы вы впотьмах разглядели? Не спешите, капитан. Время у нас есть. Немного, но есть. Тут главное — не обмишуриться. Попадание должно быть стопроцентным.

— Да уж, — кивнул Виктор. — Чего-чего, а права на ошибку мы не имеем.

— Пока об этом не думайте, — все больше входил в

роль хозяина Собко. — Обсохните, отдохните, а потом потолкуем.

В середине дня собрались у Собко. Федор был чем-то расстроен и, рассыпая табак, возился с самокруткой.

— Ты чего такой дерганый? — поинтересовался Маралов. — Беда какая?

— Не до песен, — махнул рукой Собко. — Пока я прохлаждался на левом берегу, здесь был бой. Как назло, зацепило командира. А у нас и врача-то путного нет. Повезли в другой отряд, а это сто километров по бездорожью. Не растрясло бы. Короче, теперь я и за него, и за начштаба. Скоро наступление. Отряду поставлена задача выводить из строя дороги, а тут еще вы... с этим Крайсом. В общем, так: сейчас я его вызову — и разбирайтесь с ним сами. Как решите, так и будет!

Громов облизнул пересохшие губы и бросил:

— Зови!

— Ты с ним беседуй, а я посижу в сторонке, посмотрю, послушаю, — отодвинулся в угол Маралов. — Пару вопросиков, конечно, задам, но не сразу, не в лоб.

— Добро. Только ты не пережимай. Помни, что Крайс нам нужен любой! Немецкий он немец или русский — все равно. Стоп! — остановил он сам себя. — Что я мелю? Как это — немецкий немец?

— А что? — хохотнул Маралов. — Разве не может быть русский русский, в отличие от французского или польского? Еще как может! Даже твой Рекс был немецкий немец, а теперь он кто? Русский немец! Рекс, верно я говорю?

Рекс посмотрел на Маралова, потом — на хозяина и вдруг широко и со сладким подвывом зевнул: о чем, мол, с вами, трепачами, говорить?

Землянка буквально взорвалась от смеха! Все трое еще хохотали, когда приоткрылась дверь и вошел тщательно выбритый и аккуратно причесанный человек.

— Разрешите? — неуверенно обратился он.

— А, это ты, — вытер слезящиеся глаза Собко. — Входи, Герман, входи.

— Может, я некстати? Может, испорчу ваше веселье? — чуть обиженно дрогнул его голос.

— Не испортишь. Знакомься. Товарищи прибыли с левого берега, чтобы изучить твой план.

— Старший лейтенант Герман Крайс! — вытянулся гость.

— Капитан Громов, — приподнялся Виктор

Маралов тоже приподнялся, нечленораздельно буркнул свою фамилию и снова забился в угол.

— Садись, Герман, — пододвинул чурбак Собко.— Разговор, как я понимаю, будет долгий.

Крайс пододвинулся к столу, поправил и без того идеальный пробор и поднял глаза на Громова.

«Похож, — отметил про себя Виктор. — Даже слишком похож. И пробор на левой стороне, и родинка под левым ухом, и... Что еще? Других особых примет вроде нет».

— Вы меня извините, — откашлявшись, начал Виктор, — но несколько вопросов я должен задать.

— Конечно. Я понимаю, — немного побледнел Крайс.

— Фамилия начальника вашего училища? — начал Громов с самого простого вопроса.

— Начальника? Сейчас вспомню, — потер Крайс переносицу. — Якушевич? Точно, Якушевич.

— Сколько окон было в казарме?

— Н-не помню, — еще больше побледнел Крайс. — Не считал. Даже в голову не приходило.

— Здание пятиэтажное?

— Учебный корпус — да. А казарма трехэтажная.

— На каком ярусе вы спали: верхнем или нижнем?

— На нижнем. Верхнего вообще не было.

— Только в вашей роте?

— Да нет. В казарме стояли только одноярусные койки.

— На каком маршруте трамвая ездили в увольнение?

— Ни на каком. Трамвая там и близко не было.

— Ранение у вас осколочное или пулевое?

— Осколочное.

— Покажите.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

Крайс снял сапог, размотал портянку и закатал штанину — красно-синий рубец наискось пересекал неровно сросшуюся голень.

— Спасибо. Еще раз извините, — сел на свое место Виктор. — Связь с семьей поддерживаете?

— С прошлого месяца. Раньше не было возможности: не знал, куда эвакуировалась жена.

— И где она теперь?

— В Оренбурге.

— Сколько получили писем?

— Два.

— А написали?

— Три.

«Все верно, — подумал Виктор. — И Галиулин почерк сличал, и жена признала почерк мужа».

И тут из угла выдвинулся Маралов.

— У меня к вам всего один вопрос, — сказал он, — вернее, одна просьба.

Крайс вопросительно поднял глаза.

— Покажите ваши руки.

Крайс положил на стол ладони.

— Не припомните, где расплющили ноготь большого пальца?

— Подо Львовом. Во время отступления. Меняли траки на гусенице. Я помогал. А механик-водитель промахнулся и кувалдой звезданул по пальцу, — поморщился Крайс.

— Как он выглядел?

— Кто?

— Ну, тот, с кувалдой?

— О-о, этого злодея я никогда не забуду! — усмехнулся Крайс. — И фамилия у него, как говорится, от бога: сам рыжий, как морковка, и фамилия Рыжаков.

— Точно! — обрадовался Маралов. — А меня не помните?

— Извините, — смутился Крайс. — Но... сами понимаете. Вы танкист, это ясно. И ранение ваше типичное для танкиста. Нет, не припоминаю. Вернее, не узнаю.

— Да Маралов же я! Лейтенант Маралов! — вскочил он.

— Мара-алов?! — вскочил и Крайс. — Тот самый лейтенант, который двадцать километров тащил меня на буксире?!

Маралов порывисто обнял Крайса. Хлюпнул носом. Взъерошил его волосы и виновато сказал:

— Извини, Герман. Но, сам понимаешь, надо было убедиться, что ты — это ты.

— Я не в претензии, — моргал покрасневшими глазами Крайс. — Понимаю... Всякое бывает.

— Уф-ф, — вздохнул Громов. — Ну просто гора с плеч!

— Вот и ладно. Вот и хорошо, — радостно засуетился Собко, доставая бутыль, кружки и ломоть сала. — По русскому обычаю такое дело надо обмыть.

— И утопить, — добавил, потирая руки, Маралов.— Чтобы, значит, больше не думалось и не гадалось.

— Как старший по возрасту и как хозяин этого до-

ма, — обвел Собко взглядом стены землянки, — предлагаю выпить за знакомство — это раз! — поднял он палец. — А во-вторых, давайте перейдем на «ты», забудем звания и должности. У партизан все проще, мы обращаемся друг к другу по именам, фамилиям, а то и по прозвищам.

Все дружно осушили кружки и стали закусывать.

— А собаке? — всполошился Собко.

— Он сало не ест, — ответил Громов. — Попозже сварганю какую-нибудь похлебку.

— Тогда давайте о деле, — расчистил стол Собко. — Докладывай, Герман, о твоем плане.

Крайс достал карту, разложил ее на столе и приступил к делу.

— В общих чертах план вам известен. За мостом мы наблюдаем уже две недели. Знаем его пропускную способность, составили график смены караулов, начертили схему противовоздушной обороны и, самое главное, убедились, что мост заминирован. Основной заряд в районе третьей опоры. Провода идут под нижней частью перекрытия, следовательно, ни осколки, ни пули им не страшны.

— Прекрасно! — не удержался Виктор. — Это то, что нам надо.

Крайс с удивлением взглянул на Громова, но тот махнул рукой: продолжай, мол, дальше.

— Бункер управления в пятидесяти метрах от моста. Подобраться к нему невозможно. Уничтожить — тем более: эту бетонную чашу не возьмет ни одна бомба. Значит, работать надо на мосту. В нашем распоряжении новенький «опель-капитан», документы на имя полковника Крюгера и...

— ...сам Крюгер, — закончил Громов.

— Нет. Он уже на левом берегу. Крюгером заинтересовались в Москве.

— Жаль.

— Нет, Виктор, жалеть не о чем. Крюгер прибыл с инспекционным заданием, он хорошо знает структуру тылов, организацию долговременной обороны, а в нашей операции он совершенно бесполезен. Но раз наш оберст инспектор из ставки, почему бы ему не проверить систему уничтожения моста? Главное, добраться до проводов, а там я что-нибудь придумаю. Но как до них добраться, ума не приложу.

— Я уже придумал, — бросил Виктор и стал рассказывать о своей идее ложной бомбежки моста. — Во время

бомбежки мы должны быть в районе третьей опоры, — подчеркнул он.

— Все понял. На мосту спрятаться негде, поэтому будет совершенно естественно, если мы заберемся под перекрытие, поближе к проводам.

— Вот именно!

— А если летчики промажут и угодят в мост? — покачал головой Собко. — Если заряд сдетонирует? Если охрана вас разоблачит? Если...

— Да брось ты, Федор! — отмахнулся Громов. — На войне этих «если» каждый день по тысяче — и ничего, живем, бьем фрицев и в Берлин еще войдем.

— Въедем, — поправил Маралов. — Я обещал подвезти тебя на броне? Обещал. Значит, сделаю. Да и Герман, глядишь, подключится. Соскучился, поди, по танкам-то?

— Еще как! — вздохнул Крайс. — Когда работал в гараже, хотел угнать «пантеру» и посадить на нее партизан.

— Было дело, — усмехнулся Собко. — Еле отговорил. Не партизанское это дело — разъезжать на танках. Как, впрочем, и захватывать мосты. Подорвать — другое дело.

— Не ворчи, — остановил его Виктор. — Мост будут брать офицеры доблестной Красной Армии. — Громов встал и торжественно продолжил: — Разрешите выполнить почетную миссию, которую на меня возложило командование, и вручить старшему лейтенанту Крайсу погоны офицера Красной Армии.

Герман вытянулся по стойке «смирно», облизнул пересохшие губы, отчеканил «Служу Советскому Союзу!» и бережно взял погоны с тремя маленькими звездочками и символическими изображениями танков.

— Ну вот, одним танкистом теперь больше! — поздравил его Маралов. — Пошли пехоту к черту и валяй в мой батальон! Роту дам с ходу.

— Володька, не сманивай людей из разведки, — погрозил пальцем Громов. — Не то пожалуюсь Рексу.

— А-а, — отмахнулся Маралов. — С Рексом мы договоримся. Нет, в самом деле. Тебе же, Герман, наверное, и ходить трудновато, не то что бегать.

— Ничего, я привык, — ответил Крайс. — Хотя, конечно, иной раз сам себя тащу за шиворот.

— Ну вот, а в танке будешь кум королю!

Крайс и так и эдак вертел погоны, не стесняясь, гладил.

— Я же носил петлицы, — виновато пояснил он. — А погоны... Их я даже не видел.

— Надо примерить! — подхватил Маралов.

— Не на что. У меня нет ни гимнастерки, ни тем более кителя.

— Не тушуйся, Герман. Все будет. И гимнастерка, и китель, и дырки под ордена просверлим. Но сперва надо взять мост, — гнул свое Виктор. — Итак, ты работаешь в форме оберста. А я?

— Вахмайстера... А как у тебя с немецким?

Громов произнес несколько фраз. Крайс неодобрительно покачал головой.

— С таким произношением лучше помалкивать. Или мычать что-нибудь нечленораздельное. Идея! — воскликнул он. — Будем считать, что после контузии у вахмайстера еще не полностью восстановилась речь. Но, так или иначе, с этого момента говорим только по-немецки и ходим в немецкой форме. Ферштеен, герр вахмайстер?

— Яволь! — щелкнул каблуками Виктор.

XXII

Ранним утром лейтенант Ларин вернулся от комдива.

— Идея захвата плацдарма одобрена, — сообщил он Зубу и Седых. — Как и договаривались, пойдут тридцать человек.

— Маловато, — вставил Седых.

— На одной лодке больше не переправить. А время не ждет: полковник дал понять, что на днях дивизия переходит в наступление. Как только наши части выйдут к Днепру, на гладком, как стол, левом берегу они будут отличной мишенью. Поэтому Днепр надо форсировать с ходу. А мы к этому времени должны захватить плацдарм. Короче говоря, на подготовку отпущено всего пять дней. Прежде всего надо подобрать людей, пойдут только добровольцы. Это раз. Какое-то время нам придется воевать в окружении. Не исключено, что своих боеприпасов не хватит и придется пользоваться трофейным оружием. Поэтому завтра же прошу собрать немецкие автоматы, пулеметы, гранаты и как следует их изучить. Наведаемся и к артиллеристам, поучимся стрелять из немецких пушек. Это — два. А за тобой, Миша, — обернулся он к Зубу, — самое главное — придумать, как пройти по болоту.

— Кое-что я уже сделал. Неплохо бы испытать.

— Так что же ты молчишь?! Показывай свое изобретение, и побыстрее!

— Я только сделал. А изобрел Седых.

— Да будет вам, — засмущался Седых. — Ничего я не изобретал. Просто вспомнил что у нас в Сибири эвенки ходят по рыхлому снегу на самодельных лыжах, сплетенных из прутьев. Чтобы лыжи скользили, их обивают мехом. Нам скользить не надо, поэтому оставляем плетеную основу, только делаем ее поплотнее, привязываем к ногам — и вперед.

— Пошли! — вскочил Ларин. — Не терпится испытать.

Мокроступами — так окрестили изделие Зуба — Ларин остался доволен. Понравились они и добровольцам, вошедшим в состав штурмовой группы.

Пять дней, отпущенных на подготовку, были заполнены до предела: приводили в порядок свое и изучали трофейное оружие, осваивали мокроступы, согласовывали опознавательные знаки с летчиками и артиллеристами, отрабатывали радиосвязь.

Передовые подразделения дивизии вели бои на подступах к Днепру, а «группа 7» — такой был позывной у Ларина — просочилась через линию фронта и вышла в плавни.

Когда первая пятерка села в лодку, Седых приказал:

— Двоим на берег! Быстро!

— А я шо казав?! — поддержал сидящий на веслах партизан.— На этой галере пятерых, да еще с оружием, не перевезти. Дывысь: як тильки хлопци силы, до воды стало миньш пальца. Потонэмо. Уси потонэмо!

— Вот именно, — подтвердил Седых. — А задача у нас совсем другая. Приказа тонуть не было.

Разведчики выскочили из лодки и, зябко ежась, смотрели на зловеще-холодную рябь Днепра.

— Что случилось? — протиснулся вперед Ларин. — Почему не отчаливаете?

— Перегруз, — бросил Седых. — Пятерых лодка не выдержит.

— Да? А Громов уверял, что лодка рассчитана на пятерых.

— Он не учел веса оружия. Да и боезапаса у нас сверх всякой нормы.

— Та-ак, — подергал усы Ларин. — Что же делать?.. А скольких твой ковчег выдержит? — спросил он у партизана.

— За троих ручаюсь.

— Вместе с тобой?

— Нет. Я не в счет.

— Сколько рейсов можно сделать за ночь?

— Три. От силы четыре.

— Значит, понадобится три ночи. А планировалось две. Как быть? — обратился он к Седых и вынырнувшему из темноты Зубу.

— Ты командир, тебе и решать, — пожал плечами Зуб.— Учти еще и мокроступы. Они хоть и легкие, а места занимают много.

— Много? — удивился Ларин. — Ты хотел все мокроступы отправить одним рейсом? А вдруг именно этот рейс будет... неудачным? Людей переправим, а мокроступов нет. Вся операция — по боку!

— Виноват, — смутился Зуб. — Глупость сморозил. Каждый возьмет мокроступы с собой. Иначе нельзя.

— Вот именно. Радист, — позвал Ларин, — сообщи «Березе», что операцию начинаю, но времени она займет — плюс одни сутки.

— Есть, — кивнул радист.

— Первым рейсом пойдет младший лейтенант Седых. С ним — глаза и уши нашей группы — Шарко и Мацкевич. Повнимательней там, — пожал он всем руки. — Осмотритесь как следует, подберите местечко для дневки и затаитесь. Я буду послезавтра с последней лодкой.

Скрипнули уключины, плеснула волна — и лодки как не бывало.

«Все, машина завертелась, теперь ее не остановить, — вышагивая по берегу, размышлял Ларин. — С одной стороны, это хорошо — все сомнения побоку и нужно только действовать. Но правильно ли я поступил? Командир должен быть впереди, а я решил переправиться на последней лодке. Не трусость ли это? Смотри, Игоречек, если разведчики расценят твой поступок именно так, в бой они за тобой не пойдут. Нет, я прав! — совсем по-громовски ударил он правой по ладони левой руки. — Я отвечаю за всю операцию, а не за ее отдельный эпизод. Ой ли?! Ой ли?! — укорял он себя. — Одно дело ступить на вражеский берег первым и совсем другое — присоединиться к группе подчиненных, которые прощупали каждый сантиметр этого берега. На мину уже не наступишь, в засаду не попадешь, на пулемет не напорешься. Все это так, но переправа — лишь начало операции. Главное — плацдарм! Вот там-то надо быть впереди. Не захватим эти чертовы доты, поставим под удар всю дивизию — ни одна лодка, ни один плот не уйдут от перекрестного огня. Значит, не дергаться, не комплексовать, а ру-ко-во-дить. Вернее, командовать. Господи, как же это просто и легко — отвечать только за себя, и до чего же сложно и

мучительно — за людей и за успех всего дела! Стою я на твердом бережочке под раскидистой сосной, беседую сам с собой, а каково сейчас Захар Иванычу? Я же знаю, он даже плавать не умеет, а в лодку сел не шевельнув бровью. Вот кто настоящий храбрец!»

А храбрец сидел на носу лодки, до белизны в суставах вцепившись в ее борта. Седых специально устроился спиной ко всем остальным: он очень боялся, что не сможет совладать с лицом и ребята поймут, как панически он боится воды.

«Хоть бы берег был виден, — тоскливо думал он. — Да что мне берег, один хрен — камнем на дно! Был бы налегке, куда ни шло, а так — автомат, пять дисков, полпуда гранат, тушенка, хлеб... Нет, если перевернемся, на поверхности не продержусь и секунды. Обидно идти на закуску рыбам! Бр-р-р! — передернул он плечами. — Нет, так дело не пойдет. Так и свихнуться можно. Надо что-то делать...»

Седых покосился назад. Лиц товарищей он не разглядел, но чувствовал — им тоже не по себе.

— А что, славяне, не спеть ли нам что-нибудь разудалое? — неожиданно прохрипел он.

— Что-что? — донеслось с кормы.

— Не спеть ли, говорю, нам? А то скучновато стало. Давайте про Байкал, а? Как там, Шарко, не помнишь?

— Ну, как это... — откашлялся высокий чернобровый парень. — Славное, значит, море... — просипел он.

— Мацкевич, как дальше? — не отставал Седых.

— Ага, — неохотно выдавил русоголовый Мацкевич. — «Славное море, священный Байкал...»

— Да не так! Ну что вы как на похоронах?! Веселей надо, раздольней! «Сла-а-вное мо-о-ре...» — перекрывая свист ветра, затянул Седых.

— «Священный Байка-а-а-л», — подхватил Шарко.

— Ну вот, другое дело, — довольно заметил Седых. — «Сла-а-авный корабль...»

— «Омулевая бочка-а-а», — дирижировал ручным пулеметом Шарко.

— «Эй, баргузи-и-и-н...» — неожиданно высоким тенором вывел Мацкевич.

— «Пошевеливай ва-а-а-л...» — грянуло трио.

— Оце дило, оце письня! — понял задумку гребец. — Оце по-нашему!

После того как с грехом пополам — никто не знал всех слов — закончили про Байкал, вошедший в раж Шарко напомнил, где они находятся, и устрашающе-басовито затянул:

— «Ревэ тай сто-о-гнэ Дни-и-пр широк-и-й...»

— «Сердытый ви-и-тэр за а-выв-а», — подхватил гребец.

Когда лодка ткнулась в песок, встречавшие ее партизаны ничего не могли понять: сидящие в лодке бойцы и не думали вылезать. Они сбились в кучу и что-то тихо пели.

Перед тем как отправить лодку в обратный путь, Седых наклонился к гребцу и шепнул:

— Сажай на весла наших ребят, а сам отвлекай их песнями, байками, чем угодно, — лишь бы не молчали и не глядели на воду.

Партизан понимающе кивнул и взмахнул веслами.

За полчаса до рассвета лодка причалила в третий раз. Ее тут же спрятали в кустах, а разведчики скрылись в небольшой пещере, вырытой под срезом крутого берега.

День прошел спокойно, а ночью лодку снова вытолкнули на воду. Спокойно прошел еще один день и еще одна ночь.

Когда «группа 7» собралась в полном составе, Ларин облегченно вздохнул.

— Дело прошлое, — признался он, — но переправы я очень боялся. Представляете, что было бы, засеки нас немцы на воде?!

— Да уж, — поежился Седых. — Хоть мы и тощеваты, а на кормежку рыбам сгодились бы и такие.

— До рассвета два часа. До этой балки, — Ларин ткнул в карту, — двадцать километров. Так что ноги в руки! Другого места для дневки на нашем пути нет. Бегом, марш! — скомандовал он и первым углубился в набрякший от дождя лес.

К форме вахмайстера Виктор привык быстро. Так же быстро научился четко и лаконично отвечать на приказы Крайса. А вот с вождением машины дело обстояло хуже. То ли потому, что давно не сидел за рулем, то ли давала себя знать контузия. Виктор путался в педалях, включал не ту передачу, ни с того ни с сего нажимал на клаксон.

Крайс снова и снова объяснял, что к чему, садился на место водителя, показывал, что и как надо делать, но на Виктора будто морок нашел — не получалось, и все. Тогда к машине кидался Маралов, кричал на Громова, как на мальчишку, демонстрировал езду вслепую, снова сажал за руль Виктора — и тот с обреченно-виноватым видом в который раз повторял все то же самое.

Но больше всех от этой возни и шума страдал Рекс. Он

все время был рядом, слышал, как кричат на хозяина, и даже не пытался тявкнуть на обидчика. Никогда бы и никому Рекс не позволил так непочтительно обращаться с хозяином, а тут бродил около машины с опущенной головой и виновато помахивал хвостом.

Виктор это видел, от беспомощности еще сильнее злился — и на себя, и на учителей — и, конечно же, допускал еще больше ошибок.

За двое суток до начала операции Крайс не выдержал и сказал Виктору:

— Придется мне ехать одному. Или уложить тебя на заднее сиденье, перебинтовать и говорить, что партизаны ранили шофера.

— Нет! — взревел мотором Виктор. — Это исключено! Одному там не управиться.

— Но как же быть? И на педаль нажимай помягче, — поморщился оглушенный ревом мотора Крайс. — Еще мягче. Еще. Ну вот, уже лучше.

— Как быть? — процедил Виктор. — Или я укрощу эту дурынду, или с тобой поедет Маралов.

— Маралов?! Он же ни слова по-немецки. Да и... сам понимаешь, внешность шофера у оберста из ставки должна быть несколько иной.

— Почему? Разве шофера не могут ранить, разве он не может гореть?

— Может. Но не штабной. И потом... Любой танкист сразу скажет, что так обгорают только танкисты. Короче говоря, о Маралове не может быть и речи.

— Тогда... Уйди-ка ты, Герман, уйди с глаз долой! Когда стоишь над душой, я волнуюсь как на экзамене.

— Понял, — усмехнулся Крайс. — Только поаккуратнее. Не преврати нашу карету в металлолом.

Когда Крайс скрылся за деревьями, Виктор уселся на пенек, подозвал Рекса, прижался к его теплому боку и задумался.

«Что-то тут нечисто, — размышлял он. — Я же спокойно ездил на эмке, а «опель» нисколько не сложнее: те же три педали, тот же рычаг переключения передач, та же баранка. Значит, барахлят нервы. Контузия тут ни при чем — руки-ноги не дрожат, голова не трясется. Может, боюсь? Или не верю в успех операции? А вдруг, как говорили в старину, рука бога? Не езди мол, не связывайся с этим мостом! Говоря честно, шансов на успех мало — один из ста, не больше. В принципе дело проще простого — вырезать кусок провода. Но как это сделать незаметно, если вокруг

одни немцы? Бомбежка, шум, гам, паника... А если никакой паники? Если нам предложат укрыться в бункере? Если сопровождающие ни на шаг не отойдут от высокого гостя? Стоп! — остановил он сам себя. — Все «если» не предусмотришь. Давай-ка уточним задачу. Мы должны не просто вывести из строя систему подрыва, а сделать это незаметно, так, чтобы немцы об этом не догадались. Ведь обнаружив оборванный провод, они его соединят или заменят. Представить страшно, что будет, если рванут в тот момент, когда по мосту пойдут наши танки. Значит, нужен запасной вариант. Да-да, нужен абсолютно надежный запасной вариант! Есть он у меня? Есть, — прозвучало где-то в глубине души, — но... Никаких «но», — подавил Виктор сомнения. — Мост не пострадает? Еще как пострадает. Но перекрытие нетрудно восстановить. Зато от проводов не останется и следа. Больше того, если все сделать по-умному, до взрывчатки, заложенной у третьей опоры, невозможно будет добраться, стало быть, ни за что не протянуть новые провода».

Виктор встал, подошел к машине, открыл багажник, приподнял заднее сиденье.

«Места достаточно,— отметил он.— Сюрприз уместится. Сюда же — две канистры с бензином. Та-а-к, хорошо. А как запустить этот механизм? С расстояния можно? Можно, но не далее чем метров с тридцати. А если не вылезая из машины? Можно и так. Но это крайний вариант. Стоп! — осенило его. — Есть идея!»

Он открыл капот. Снова закрыл. То же самое проделал с крышкой багажника.

— А что, неплохая идея! — повеселел Виктор. — Решено, отрабатываю запасной вариант. Только так, чтобы об этом никто не знал. Даже Рекс, — похлопал он его по шее. — Жаль тебя, псина, очень жаль. Но ты не унывай: на небесах наверняка есть место для собак, так что и там мы будем вместе.

Самое удивительное — после принятия решения к Виктору вернулось спокойствие, появилась уверенность в своих силах. «Опель» это почувствовал и слушался безропотно. Даже Крайс от удивления развел руки, когда Виктор лихо подлетел к его шалашу, мягко затормозил и притер машину к дереву.

— Нет слов! — только и сказал он.

— А я что говорил?! — улыбался Виктор, покровительственно похлопывая по капоту. — Говорил, что усмирю эту дурынду?

— Говорил.

— Вот и усмирил. Так что за шофера, герр оберст, можете быть спокойны, — щелкнул он каблуками. — Проверю уровень масла, заправлю бак, захвачу пару запасных канистр — и можем отправляться.

— Рюрт ойх! — скомандовал Крайс.

— Есть, стоять вольно.

— Надо же, — прищурился Крайс. — И машину освоил, и команды понимает. А может, ты притворялся? Может, все знал?

— Яволь, герр оберст! И знал, и умел, поскольку родился в Тюрингии, а учился в Баварии.

— Да? — поразился Крайс. — Тогда покажи свой бирбаух.

— Бирбаух? Пожалуйста. — начал расстегивать карман Виктор.

Крайс покатился со смеху.

— Ну, баварец! Ну, лингвист! — вытирал он слезы. — Тебе бы переводчиком в наркоминдел.

— А что? Могу и туда. С моим-то бирбаухом.

Крайс снова зашелся от смеха.

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Как — что? Портсигар.

— Портсига-а-ар?! Почему портсигар? А-а, вот с чем ты перепутал! Курить — по-немецки «раухен». А бирбаух — это пивной живот. Твои земляки — баварцы — большие любители пива, и пузо у них нависает над ремнем. Так что не карман надо расстегивать, а...

— Штаны, — засмеялся и Виктор.

— Вот именно. Ладно, вахмайстер, с вами все ясно. Не забывайте, что вы контужены и говорите с трудом. Но самое главное, вы — исполнительный, не роняющий слов на ветер служака. Ни в какие разговоры не встреваете, а споро и четко выполняете приказы командира, то есть мои. Ферштеен?

— Яволь! — вытянулся Виктор.

— То-то же. — придирчиво оглядел его Крайс. — Выправка подходящая, форма сидит ладно. Вот только руки.

— Руки? А что руки?

— Вы же шофер. Значит, все время возитесь с маслом, солидолом, бензином.

— Все понял. Под ногтями должен быть несмываемый «траур», кожа — грязноватая, даже попахивать обязан бензинчиком.

— И еще. Время от времени вы пытаетесь передвинуть пистолет на бок. Понимаю, привычка. Но немцы носят пи-

столет на животе. А шмайсер — или на груди, или на правом плече стволом вниз. Это надо знать твердо.

— Виноват, — извинился Виктор. — Ты прав, это надо знать твердо. Но и ты все время путаешься, обращаясь ко мне: то на «ты», то на «вы».

— Да? — смутился Крайс. — Спасибо, что сказал. Учту.

— Если не возражаешь, займусь машиной, — закатал рукава Виктор. — Надо кое-что подрегулировать, подтянуть.

Крайс разрешающе кивнул и направился в штабную землянку. А Виктор отогнал машину в кусты и занялся подготовкой запасного варианта

XXIII

Как только бегущий последним Седых свалился в овраг, из-за леса брызнули первые лучи солнца. Не меньше часа вся группа лежала вповалку. Отдышавшись, выставили охранение и начали приводить себя в порядок: бинтовали стертые ноги, смазывали ссадины и царапины, зашивали порванное о сучья обмундирование.

Так прошел день. А как только стемнело, цепочка разведчиков снова углубилась в лес. На рассвете вышли к болоту.

— Как ребята? Без отдыха идти смогут? — спросил Ларин у Зуба и Седых.

— А что за спешка? — удивился Зуб. — Надо бы передохнуть, — тяжело дыша, привалился он к корявой березе.

— Вижу. Понимаю, — нервно покусывал губы Ларин.— Но уж больно подходящее время — ни ночь, ни день. Все спит. Легкий туман. И мы как тени. Мы должны появиться перед немцами как тени. Давай, Зуб, командуй! На болоте за старшего ты.

— Есть, командовать. Передать по цепочке, — приказал он, — заготовить шесты. Оружие и боеприпасы завернуть в плащ-палатки и закрепить на плечах. Надеть мокроступы. Идти след в след. И — ни звука! Что бы ни случилось, ни звука! — после паузы добавил он.

И вот сделан первый шаг. Зуб не сомневался в надежности мокроступов, но болото болоту рознь. Рыжеватая травка. Булькающие пузыри. Запах сероводорода. Цепляющиеся за кусты седоватые космы тумана.

Сперва Зуб проваливался по щиколотку. Потом понял, что слишком долго не отрывает ногу, и пошел, как по раскаленной плите. Сразу стало легче. Трясина играла под ногами, но держала надежно.

— Поднимать ноги выше, ставить мягко, а отрывать резко! — передал он по цепочке.

Мало-помалу разведчики приноровились к необычной ходьбе, пропал испуг, и лишь натужное дыхание да клубящийся пар показывали, как трудно им. Но вот оступился один. Другой. Трясина тут же начала засасывать людей. Они молча и остервенело сопротивлялись. Но чем больше бились, тем быстрее теряли силы и тем глубже погружались в зловонную жижу. Им бросили веревки, протянули шесты и с трудом вытащили на кочку.

— Ничего, ребята, ничего, — успокаивал Седых. — Не потонем. Надо потерпеть. Всему есть конец. Есть он и у этого болота.

И снова чавканье, бульканье, хриплое дыхание, сдавленный вскрик оступившегося, натужная возня спасающих, короткая передышка, бросок до следующей кочки.

Когда самые сильные еле волочили ноги, когда все сняли мокроступы и брели по пояс в болотной жиже, когда ноги перестали ощущать твердую опору и все глубже погружались в киселеобразную массу, когда в глазах то одного, то другого стали появляться искорки паники, Зуб заметил три сосны. Они росли в стороне от маршрута, но черт с ним, с маршрутом. Где сосны, там сухо! Там островок твердой земли!

Зуб решительно взял влево. Тут же провалился по самую макушку, хлебнул жижи, чертыхнувшись, выплюнул, но в сторону не свернул — хоть вплавь, но до сосен надо добраться! И он добрался. Когда на островок, цепляясь за корни, выполз идущий последним Седых, измочаленный вконец Ларин облегченно вздохнул: слава богу, группа в полном составе.

— Всем отдыхать, — просипел он. — Лейтенант Зуб, ко мне.

Зуб на четвереньках подобрался к Ларину и привалился к сосне.

— Куда мы вышли? — спросил Ларин.

— А черт его знает! У меня же нет карты болота.

— Это не ответ! Раз ты Сусанин, значит, должен знать, куда завел.

— На компас я поглядывал, так что с курса мы не сбились. А вот где конец болота — один леший знает.

— Дела... — невесело усмехнулся Ларин. — Передохнешь, возьми пару ребят и обследуй этот островок. Прикинь, куда чапать дальше.

— Есть, — кивнул Зуб.

Вернулся он довольно быстро и был не на шутку встревожен.

— Мины! — выдохнул он.

— Как — мины? — вскочил Ларин.

— Это не остров, а полуостров, — объяснил Зуб. — И перешеек заминирован.

— А, черт! — совсем по-громовски врезал Ларин по кочке.— Я всегда говорил, что на глупость противника может рассчитывать только дурак! Я и есть тот самый дурак. А какой он, этот перешеек? Хотя о чем я, там же мины.

— Ну и что? Я влез на сосну. Впереди — мелкий кустарник и много-много воды.

— Днепр?! — воскликнул Ларин.

— Конечно, Днепр.

— Ура! Значит, вышли.

— Вышли... Но до цели еще не дошли.

— Дойдем! Ты же бывший сапер.

— Сапер-то я сапер... В общем, надо выставлять наблюдателей, а я потихоньку начну. Проход сделаю узким — лишь бы проскользнуть.

Работал Зуб сноровисто и аккуратно. Мины были противопехотные, без элементов неизвлекаемости, так что часа через полтора проход был готов.

— Шарко, Мацкевич! — позвал Ларин. — Как себя чувствуете?

— Портянки перемотали оружие почистили, по полбанки тушенки умяли, — доложил Мацкевич.

— Вздремнуть бы, — мечтательно протянул Шарко.

— Не трави душу, — зевнул Ларин. — Сам на ходу сплю... Пошли лучше посмотрим, как подобраться к дотам. Чем ближе рубеж атаки, тем больше шансов на успех. Ферштеен?

— Мы-то ферштеен, а вот поймут ли нас немцы? Подпустят ли на бросок гранаты?

— Никаких гранат! Брать их будем ночью и без шума. Пока разберутся, что случилось, мы должны закрепиться. А когда закрепимся, черта с два нас оттуда вышибешь!

Узкая тропинка, разминированная Зубом, шла по кустарнику через редкий сосняк, а потом вспрыгивала на гору, усеянную валунами. За одним из таких камней и спрятались разведчики. Ларин тут же обозначил секторы наблюдения и велел фиксировать каждую мелочь. Сам он тоже припал к биноклю, навел на резкость — и чуть не отшатнулся от совсем близкой глади Днепра. Поднял бинокль чуть выше — в клубящемся тумане обозначилась полоска

левого берега. Опустил ниже — и прямо перед собой увидел ритмично приседающих и похлопывающих руками немцев.

— Пляшут, что ли? — удивился он.

Но вот немцы начали наклоняться и подпрыгивать.

— А-а, все ясно. Это же утренняя зарядка.

Потом немцы умывались, неторопливо завтракали на площадке перед входом в дот, расслабленно курили. Такая же идиллия наблюдалась и у других дотов. Всего их было четыре.

Но вот появился офицер и, судя по всему, отдал какой-то приказ. Немцы вскочили, юркнули в бетонные колпаки и намертво задраили бронированные двери.

— Амба! — чертыхнулся Ларин. — Теперь их не взять.

В обед картина повторилась: немцы снова вылезли наружу, ели, курили, отдыхали.

— Выход один, — принял решение Ларин. — Атаковать во время ужина. Отсечь от дверей — и в ножи.

— Только так,— согласился Шарко.— Иначе их не достать.

— А если придется пострелять? — уточнил Мацкевич.

— Придется, — значит, придется! — рассердился Ларин. — Лучше, конечно, без шума. А не получится — пошумим. В любом случае до темноты доты должны быть нашими! — жестко закончил он.

К концу дня вся группа сосредоточилась за камнями. Ближе к сумеркам запахло тушеной капустой и эрзац-кофе. Немцы высыпали на площадки у входа в доты, не спеша ели, разливали по кружкам кофе. И вдруг перед ними возникли молчаливо-стремительные тени! Бой был коротким. Без шума, правда, не обошлось. Кто-то успел схватиться за шмайсер, кто-то разрядил парабеллум, грохнула граната... Припав на колено, Седых веером бил в сторону удирающих по берегу немцев. Потом матюгнулся и досадливо сплюнул.

— Ушли, — доложил он подбежавшему Ларину. — Теперь жди гостей.

— Хозяев, — уточнил Ларин. — Ладно, Захар Иваныч, не расстраивайся. Главное — доты наши. Всех — внутрь! Задраить двери и приготовиться к бою. Радист! — крикнул он. — Сообщи «Березе», что «группа 7» на месте.

Если бы Ларин видел, какое ликование вызвала эта весть в блиндаже полковника Сажина! Загудели зуммеры телефонов, забегали посыльные, зашевелились плавни. Из кустов и камышей выплывали лодки, плоты, катера, баркасы, словом, все, что могло держаться на воде.

С вражеского берега взлетели ракеты, потянулись трассы пулеметов, взметнулись фонтаны разорвавшихся снарядов. Но огонь велся не прицельно. Артиллеристам и пулеметчикам что-то сильно мешало — какие-то трассы прошивали ночь вдоль реки, вынуждая немцев переносить огонь на цели, расположенные на своем берегу.

Заговорили наши пушки, создавая огневую завесу для десанта. Усилили огонь и немцы. Разбит один плот, другой. Прямое попадание в лодку. Разлетелся в щепки баркас.

А в дотах стояли насмерть оглушенные и чумазые от пороховой гари разведчики. Двери давно выбиты. Крыши сорваны. Стены продырявлены.. Немцы выкатили орудия на прямую наводку и расстреливали доты в упор. Пехота накатывалась вал за валом. Ее встречали гранатами, короткими очередями из автоматов, шмайсеров, полуразбитых пулеметов. У развалин дотов осталось по два-три человека. Одни не могли ходить, но могли стрелять. Другие уже не стреляли, но кое-как двигались и подносили боеприпасы.

И только один человек был без единой царапины — лейтенант Зуб. Он перебегал с места на место и косил из немецкого пулемета накатывающиеся цепи.

— Как там... наши? — свистящим шепотом спросил Ларин.

— Порядок! — бодро ответил Зуб. — Уже зацепились за берег. Сам видел, как с лодок на песок прыгали люди. Да куда же ты, падла, лезешь?! — рубанул он короткой очередью по бегущему на них немцу. — Ты-то как? — обернулся Зуб к командиру.

— Ни... ничего, — нехорошо бледнея, ответил Ларин.

— Ты это брось! — всполошился Зуб. — Не раскисай! Ты же наш командир. А командир — он командир!

— Я... конечно... если бы не... — оторвал он руку от раны на животе, сквозь которую проглядывали синевато-розовые кишки.

— Вот зараза, — вздрогнул Зуб. — И перевязать нечем. Слушай, так нельзя! — взмолился он. — Дай хоть рубахой, что ли!

— Не... нельзя... Грязная.

— А-а! Думаешь, твоя лапа чище? Погоди, командир, я сейчас, — начал он стаскивать с себя гимнастерку. — Вот, гады, опять лезут. Шарко, прикрой!

Истекающий кровью Шарко высунулся из-за бетонной глыбы и секанул по бегущей цепочке. Тем временем Зуб снял с себя рубаху, разорвал ее и туго перевязал распоротый живот Ларина.

«Вот ведь незадача, — сокрушался Зуб. — Умрет парень. Как пить дать, умрет. Совсем ведь мальчишка, ему бы жить да жить...»

Где-то внизу, у самого среза воды, гремело раскатистое «ура», на кручу карабкались бойцы, одна за другой приставали лодки, подтягивались плоты. А у разбитых дотов нет-нет да и раздавался выстрел.

«Значит, еще не все... Есть и живые, — подумал Зуб и отбросил умолкнувший пулемет. — Все, последняя граната, да и та немецкая... Шарко мертв. Командир не жилец. А я... Если немцы закрепятся у этих развалин, сколько наших ребят поляжет на откосе... Что же делать? Что я могу с одной-единственной гранатой, хоть и противотанковой? Могу! — вдруг решил он. — Могу! Лучше так, чем плен. И ребят спасу немало».

Когда на площадку возле дота высыпало десятка два автоматчиков, из-за развалин шагнул Зуб. В руках — граната с выдернутой чекой.

— Не стрелять! — крикнул офицер.

Но это не помогло. Лейтенант Зуб прыгнул в самую гущу немцев и разжал пальцы. Взрыва он уже не слышал. Но его слышал Седых. Он лежал с простреленными ногами у соседнего дота и видел, во что превратилась темно-зеленая куча немцев.

«Ну что ж, — подумал он, — Зуб поступил правильно. У меня нет гранаты, но последний патрон имеется».

Седых повернулся на бок и достал из кармашка-пистончика заветный патрон.

«Главное — не потерять сознания, — думал он, заряжая пистолет. — Главное, успеть... Не-е-т, живым меня не возьмете! — скрипнул он зубами, глядя на приближающиеся тени. — Нажму, как только подойдут», — решил он и приставил пистолет к виску.

XXIV

Поблескивающий лаком «опель-капитан» вырулил на дорогу и вскоре догнал идущую к передовой колонну. Солидно и сдержанно сигналя, «опель» обгонял набитые солдатами грузовики, длинноствольные пушки и танки. Надменный оберст едва обращал внимание на приветствия офицеров, а сидящий за рулем мрачный вахмайстер ловко лавировал между танками и машинами. Когда какой-нибудь водитель не уступал дорогу, из окна высовывалась свирепая

собачья морда и так облаивала нахала, что того мгновенно сметало к обочине.

Чем ближе к мосту, тем чаще встречались потрепанные колонны, идущие из-за Днепра. Покореженные грузовики, бредущие вдоль дороги раненые, волочащиеся на буксире бронетранспортеры...

Поворот, еще поворот, машина взлетела на гору — и вот он, Днепр. Шибануло таким свежим воздухом, что зазвенело в голове. Река была раздольно-широкой, тихой и спокойной — совсем не похожей на ту, какой запомнилась во время ночной переправы.

Виктор сбил пилотку на затылок и опустил стекло.

— Ахтунг! — послышалось сзади. — Не расслабляться!

— Яволь! — подтянулся Виктор и начал спускаться к воде.

«Опель» с ходу выскочил на мост и резко затормозил. Оберст вышел из машины и, не глядя на часового, рявкнул:

— Где комендант? Позвать!

Комендант прибежал грязный, небритый, на мундире не хватало пуговиц.

— Господин полковник... — начал он.

— Отставить! — взвизгнул Крайс. — Что за вид?! На кого вы похожи, обер-лейтенант?! Вы не офицер доблестной армии фюрера, а грязная партизанская свинья!

— Виноват, господин полковник, — смутился комендант. — Отступление... Я трое суток не спал.

— Это не объяснение! — кричал Крайс. — В любой ситуации немецкий офицер должен выглядеть образцово! Фюрер дал вам эту форму не для того, чтобы вы ее позорили!

— Та́к точно, господин полковник. Но я...

— Молча-а-а-ть! Еще вчера фюрер приказал мне поднять воинский дух в армии, и я это сделаю! Слышите, обер-лейтенант? Приказ фюрера будет выполнен! И прежде всего я остановлю это позорное отступление! Свежие части на подходе! Кто разрешил пропускать войска через мост? Не знаете? Так я и думал! Предатели! Кругом одни предатели! — совсем зашелся Крайс.— Немедленно закрыть переправу! Всех, кто перешел на правый берег, вернуть назад! Фюрер верит, что с этого рубежа мы начнем новое победоносное наступление!

Комендант испуганно козырнул и побежал выполнять приказание.

«Зачем? — недоумевал Громов. — Зачем закрывать переправу и возвращать войска назад? А-а, все понял! На

гладком левом берегу закрепиться невозможно. К тому же эта куча будет хорошей мишенью для бомбардировщиков. Но ведь наша-то задача — мост. Мост, мост и еще раз мост!»

Тем временем на мосту поднялась невообразимая суматоха. Разворачивались грузовики. Пятились танки. С правого берега тягачи тащили пушки и зенитки. Поспешно окапывалась пехота. Техника сбилась в кучу. А с востока напирали новые отступающие колонны, и все они получали приказ «личного представителя фюрера» закрепляться на левом берегу. Затоптались на месте и те, кто шел им на смену с запада.

— Пора вызывать авиацию, — шепнул Виктор Крайсу.

— Рано. Мы ничего не знаем о системе подрыва.

В этот момент подбежал комендант и доложил:

— Герр оберст, переправа закрыта. Войска закрепляются на левом берегу.

— Прекрасно. Теперь — не менее важное дело. Какие меры приняты на случай внезапного прорыва русских?

— Мы отойдем на правый берег, а мост взорвем.

— Как?

— Вон в том бункере, — показал комендант на бетонный колпак, врытый в кручу берега, — группа подрыва. Провода идут под настилом моста. А взрывчатка здесь, — топнул он ногой,— в районе третьей опоры.

— Отлично придумано! — похвалил его Крайс. — Провода под настилом — это замечательно. Что бы ни случилось, они будут целы. Какие они? Где? — перегнулся Крайс через перила. — Что-то не вижу.

— И не увидите, — довольно улыбнулся комендант. — Мы учли, что противник рано или поздно проявит любопытство, поэтому провода пустили почти под самой серединой моста. Сверху до них не добраться. Снизу — тем более.

— Благодарю за службу, обер-лейтенант! — пожал ему руку Крайс.— Мост нам нужен. Очень нужен! Но только до тех пор, пока на левом берегу будет хотя бы один немецкий солдат. Вам понятно?

— Так точно. Но у меня был другой приказ.

— Какой?

— А вы разве не знаете?

— Конечно знаю. Но я был в пути. Могли поступить уточнения.

— Уточнений не было.

— Значит, будете выполнять приказ... с моими уточнениями.

— Прошу прощения, господин полковник, но для этого нужно письменное подтверждение ваших чрезвычайных полномочий.

— Что-о?! — повысил голос Крайс. — Не забывайтесь! Вы всего лишь обер-лейтенант. Хватит с вас и этого...— Крайс достал удостоверение с переклеенной фотографией и помахал перед носом коменданта. — Так что будете действовать в соответствии с моими уточнениями!

— Яволь! — вытянулся комендант. — Разрешите идти?

— Идите.

Когда комендант скрылся в гуще машин, Крайс подошел к «опель-капитану».

— Ты все слышал? — спросил он у Громова.

— Да, — кивнул тот. — Но не все понял.

— До проводов не добраться — это раз. У коменданта есть какой-то хитрый приказ — это два.

— Нельзя узнать какой?

— По идее я должен его знать.

— М-да-а... Что будем делать?

— Вызывай авиацию. А там посмотрим по обстановке.

Виктор сел в машину, достал портативную рацию и передал короткий сигнал Собко. От него этот сигнал ушел к Галиулину.

Когда из-за леса вырвалась первая шестерка штурмовиков, Громов притер машину к застрявшему «фердинанду» и нырнул под гусеницы. Рядом примостился Рекс. И хотя хозяин ничего не приказывал, он так злобно облаивал каждого, кто норовил спрятаться рядом с ними, что немцы предпочитали оказаться под бомбами, нежели по соседству с этим псом.

За штурвалами самолетов сидели асы. Бомбы летели в двух-трех метрах от моста, вздымали огромные фонтаны воды, свистели осколки, ревели моторы, захлебывались пулеметы, рявкали пушки. Конечно же, летчики не удержались и несколько раз прошлись над колоннами, сбившимися на левом берегу. Горели машины. Взрывались снаряды...

Для того чтобы перерезать провода, обстановка сложилась самая что ни на есть благоприятная. Но до них не добраться. Виктор животом чувствовал их под настилом, но... Хоть зубами грызи, хоть ногтями рви это чертово перекрытие, но до проводов не добраться!

«Что же делать? Что делать? — лихорадочно думал Виктор. — Неужели все полетит в тартарары? Ведь по плану после бомбежки вперед двинутся танки. И никто не

знает, что ждет их на мосту. А если запасной вариант?— мелькнула мысль. — Опасно. Очень опасно».

Над головой фыркнул мотор, и Громова обдало чадом — «фердинанд» запустил двигатель. Виктор вылез наружу. Из-под соседнего танка выбрался Крайс.

— Что будем делать? — подошел он к Виктору.

— Воевать, — жестко ответил Громов и достал с сиденья автомат.

— Спокойно, Виктор, спокойно, — отряхивал мундир Крайс. — Я их отвлеку. А ты... реализуй свой запасной вариант.

— Так ты знал? — изумился Виктор.

— Конечно, знал. Неужели ты думаешь, что в отряде могут незаметно и неведомо куда исчезнуть два ящика взрывчатки? Не забывай, у тебя в запасе три секунды. Не одна, а три. Иногда — это целая жизнь.

— Прощай, Герман, — стиснул Громов его локоть.

— Не поминай лихом, — бросил Крайс и повернулся к группе эсэсовских офицеров, решительно идущих навстречу «оберсту из ставки».

Виктор хорошо понимал, что сейчас произойдет, но в данный момент у Германа была одна задача, а у него — другая.

«Ну что ж, — подумал он, — это не худший вариант. По крайней мере, быстро и без мучений... Машу жаль.— Неожиданно защемило в груди. — Трудно ей будет одной, да еще с ребенком. Ничего, пол-России несостоявшихся невест и молодых вдов. Одной больше, одной меньше... Лучше бы, конечно, меньше, но не получается. Прости меня, Маша, ничего не получается».

И вдруг Виктор услышал тонкое-тонкое поскуливание. Опустил глаза — и не узнал Рекса. Перед ним был не могучий, боевой пес, а какая-то изломанная, несчастная дворняжка. А в глазах такая тоска, такой укор, что у Громова перехватило дыхание и повлажнели глаза.

— Как я мог о тебе забыть?! — присел он на корточки и взял в руки его умную морду. — Извини, друг. Извини, но иначе нельзя. Такая судьба.

Рекс прижался к хозяину.

— Нет-нет, — покачал головой Виктор. — Ты в этом деле лишний. Ты — живи. Хорошо. Живи! Беги к нему! — приказал Виктор, показывая на Крайса. — У него шансов больше. Теперь он твой хозяин. Служи так же верно, как мне. Герман! — крикнул Виктор. — Герман, обожди!

Крайс обернулся.

— Возьми, — протянул ему Громов поводок Рекса.— Теперь он твой. Это — хороший друг. Если сможешь... потом... когда-нибудь разыщи жену и передай ей Рекса.

— Не беспокойся. Буду жив, сделаю, как просишь.

Рекс упирался изо всех сил, не хотел идти рядом с Крайсом. Но поводок передан из рук в руки, а каждая собака знает: это значит — теперь у нее новый хозяин.

— Рядом, Рекс! Рядом, — похлопал по бедру Крайс.

Рекс понимающе вильнул хвостом и поплелся за новым хозяином.

А Громов хлюпнул носом, скрипнул зубами, резко повернулся и бросился к своему «опелю».

Крайс опять стал необычайно надменным и строгим. Он заметил, как возбужден комендант, отметил и то, что у всех офицеров расстегнуты кобуры.

«Надо их встретить подальше от машины», — подумал Крайс и прибавил шагу.

— Господин полковник, — несколько развязно обратился к нему комендант, — вы видели, к чему привел ваш приказ? Не могли бы вы?..

— Что-о-о?! — взвился Крайс. — Мой приказ?! Это не мой приказ! Это приказ фюрера! Да как вы смеете?! Я велю вас арестовать!

— Я охотно подчинюсь любому вашему приказу, — не сдавался комендант. — Но прежде объясните, как понимать ваши уточнения? У меня приказ — взорвать мост в тот момент, когда по нему пойдут русские танки.

— Вот именно!

— Но вы говорите, что мост нельзя взрывать, пока на левом берегу будет хоть один немецкий солдат.

— Вот именно! — еще громче закричал Крайс.

Всполошившись от крика, подал голос и Рекс. Он так рыкнул на коменданта, что тот невольно сделал шаг назад, а в голосе мгновенно пропала развязность.

— Но мне велено этого не ждать, — продолжал комендант. — Мне велено взрывать мост вместе с русскими. А те, кто их пропустил, пусть перебираются на этот берег как могут.

— Вы с ума сошли! — неподдельно удивился Крайс.— Кто мог отдать такой бесчеловечный приказ?

— Командующий армией. А вас, господин полковник, прошу показать письменное подтверждение ваших полномочий.

— Вы же видели мое удостоверение.

— Этого мало. У вас должна быть бумага из штаба ар-

мии. Это как минимум. А раз вы из Берлина, то и бумага должна быть оттуда.

— Вот как! Значит, вас интересуют документы личного представителя фюрера? — усмехнулся Крайс.

— Так точно.

— Вы хотите знать, имею ли я право действовать от имени фюрера?

— Так точно.

— Ты слышал, Рекс, чего хочет этот наглец? Как думаешь, удовлетворим его любопытство или пожалеем?

Рекс обнажил желтоватый клык. Если бы комендант знал, что означает эта улыбка, он сразу сбежал бы подальше, и, вполне возможно, это было бы его спасением. Но он стоял на месте и ждал...

— Рекс считает, что ваша настойчивость заслуживает наказания, — жестко сказал Крайс и полез во внутренний карман.

Громов хорошо видел эту сцену.

«Все, хана», — подумал он и передернул затвор автомата.

Но Крайс вместо документов выхватил пистолет, не повышая голоса, процедил: «Именем фюрера!» — и пристрелил коменданта.

Эсэсовцы бросились к оберсту.

— Сдать оружие! — крикнул старший.

— Пожалуйста, — улыбнулся Крайс и протянул новенький вальтер с серебряной пластинкой, прикрепленной к рукоятке.

«Товарищу по партии — на дружбу! Гудериан», — прочитал эсэсовец выгравированную на пластинке надпись.

Все в изумлении переглянулись.

— Прошу прощения, — почтительно вытянулся эсэсовец, возвращая пистолет.

К этому моменту Крайс уже довольно далеко отошел от машины, и Виктор не слышал ни слова. Но он видел, что Германа окружили и разоружили.

«Все, теперь действительно хана, — решил он. — Германа мне не спасти. А мост надо сохранить».

Виктор открыл капот «опеля». Помотал головой, поцокал языком. Тут же подошли немцы и начали давать советы, как завести машину. Виктор решительно отказывался и повторял по-немецки только одно:

— Я сам. Я сам.

Кто-то отошел, кто-то стоял рядом, кто-то покуривал у перил. А время шло. И тогда Виктор открыл багажник.

Сверху лежали канистры. Под ними — два ящика взрывчатки. А между ящиками — граната. Чтобы выдернуть чеку, достаточно накинуть проволочную петлю на замок приоткрытой крышки багажника, а потом резко открыть ее до конца — чека вылетит мгновенно. Виктор не раз проверил это на гранате без взрывателя. Но сейчас... Он знал, какой силы будет взрыв, знал, что погибнет, но знал и другое — от проводов не останется и следа.

Виктор наклонился. Накинул проволочку. Скосил глаза влево... вправо...

«Три секунды — это целая жизнь», — вспомнил он слова Крайса. — А может, Герман прав? — мелькнула мысль. — Попробуем!» — решил Виктор и резко открыл крышку.

Щелчок — и чека выскочила. Прыжок! Второй! Третий! Еще прыжок — и Виктор за «фердинандом».

Именно в эту секунду Крайс вложил пистолет в кобуру, покровительственно улыбнулся и коротко бросил окружившим его эсэсовцам:

— Разойтись! Всем выполнять при...

И вдруг раздался такой страшный взрыв, что не осталось следа ни от «опеля», ни от стоящих рядом немцев. Даже «фердинанда» и то завалило набок.

Спасло Крайса только то, что он был достаточно далеко и основную силу взрывной волны приняли на себя окружившие его эсэсовцы. Когда он пришел в себя и выбрался из-под груды тел, не узнал моста. Перил — как не было. Пролом в середине перекрытия. Торчащие обрывки красных проводов. И такая чистота, будто по мосту прошлись веником — на тридцать метров от пролома ни людей, ни машин.

«Ну что ж, мы свое дело сделали. Потери минимальные: один погиб, другой слегка контужен. Если бы все мосты брали такой ценой!» — подумал Крайс и побрел навстречу подходящей к мосту колонне краснозвездных танков.

А рядом, припадая на ослабевшие лапы, тащился оглушенный Рекс. Через каждые два-три шага он останавливался, ложился на живот и тряс чугунной головой.

— Вперед, — тянул его за поводок Крайс. — Только вперед. Могут налететь немецкие самолеты.

Но Рекс останавливался все чаще и чаще. А потом вообще отказался идти.

— Что с тобой? — недоумевал Крайс. — Ты же цел. И оглушило не больше, чем меня.

Рекс и сам не знал, что с ним. Но какая-то неведомая

сила не просто держала его на месте, а тянула назад. Рекс подчинился ей и пополз к покосившемуся «фердинанду». Чем ближе железная махина, тем собраннее становился Рекс. Вот он приподнялся. Вот встал на ноги. Зажмурился! И вдруг так ликующе, так радостно залаял, так стремительно бросился к «фердинанду», что Крайс все понял — Рекс учуял запах хозяина!

Когда из подошедших тридцатьчетверок высыпали танкисты, они увидели более чем странную картину: привалившись к гусеницам «фердинанда», сидели два немца, а между ними прыгала здоровенная собака и, радостно повизгивая, лизала то одного, то другого. Но они удивились еще больше, когда из подлетевшей эмки выскочил черноглазо-раскосый подполковник и с распахнутыми объятиями бросился к фрицам.

— Живы! Все живы! — ликовал он.

— А как... плацдарм? Как мои ребята? — разлепил губы Виктор.

— Все в порядке. Получилось, как ты задумал. Вот только...

— Что? — встрепенулся Виктор.

— Потери большие. Нет Зуба. Не дался живым Седых. Тяжело ранен Ларин. Но то, что они сделали...

И тут Громов не выдержал.

— Да что же это такое?! — не скрывая слез, воскликнул он. — Когда же это кончится?! Два с лишним года я только и делаю, что хороню друзей! Так же некому будет жить!

— Я тебя понимаю, — топтался рядом Галиулин. — Но мы с них спросим! — яростно прищурился он. — Так спросим, что навеки забудут дорогу в Россию! А насчет того, что некому будет жить, не беспокойся, — улыбнулся он. — Тыл у нас надежный. Можешь убедиться сам, — раскрыл он планшет и достал фотографию.

Виктор взял снимок и в первый момент ничего не понял. На него смотрела молодая миловидная женщина с прелестным ребенком на руках.

— Это... кто? — спросил он, чувствуя, как где-то под сердцем сладко заныло.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Галиулин. — Просили передать, я и передал. Может, что-нибудь написано на обороте?

— Герман, я не могу. Что-то с глазами... Прочти, — протянул он фотографию.

— Давай-давай. Ого, да тут кинозвезда! Интересно, что

могут писать кинозвезды фронтовикам? Так, читаю. «Дорогому папуле! Ждем с победой. Скучаем, любим! Валя, Маша».

— Какая Валя? Какая Маша? — не верил ушам Виктор.

— Маша, как я понимаю, жена, — предположил Галиулин. — А Валя — дочь.

— Дочь? У меня — дочь? Не может быть. Ура-а-а, у меня до-о-очь! — закричал Виктор.

К нему бежали знакомые и незнакомые люди, обнимали, тискали, что-то совали в руки. А Виктор кричал на весь белый свет:

— До-о-очь! У меня родилась до-о-очь!

Тем временем саперы заделали пролом и танки двинулись по мосту. Лязгали гусеницы, ревели моторы, что-то кричали люди, но даже этот гул не мог заглушить ликующего лая Рекса и счастливого голоса капитана Громова:

— До-о-очь! У меня родилась до-о-очь!

XXV

Палата № 17 даже среди медперсонала пользовалась дурной славой, о раненых и говорить нечего. Рассчитана она на четверых, но лежало в ней семеро. Правда, трое здесь жили постоянно, а стоящие у стен четыре койки только успевали перестилать. Как ни старался полковник Дроздов вернуть палате доброе имя, ничего из этого не получалось: ни один раненый не вышел из палаты своим ходом— отсюда их только увозили, и только в морг.

Вот и сегодня, готовясь к утреннему обходу, профессор Дроздов снова и снова прикидывал, как хотя бы на день продлить жизнь обитателям злополучной палаты. Налево от входа лежал летчик. Он выбросился из горящего самолета, но два «фоккера» расстреливали его до тех пор, пока капитан не коснулся земли — в результате вместо легких решето и тяжелейший сепсис. Направо — закованный в гипс сапер. От разрыва мины его ноги превратились в кашу. Осколки кое-как склеили, но бороться с заражением крови нет никакой возможности. У одного окна — заживо сожженный танкист, у другого — молоденький лейтенант с распоротым животом.

— Здорово, богатыри! — шумно поздоровался Дроздов, распахивая дверь палаты.

— Здас-с-те, — свистяще ответил летчик.

Сапер приподнял руку, танкист кивнул, а лейтенант печально опустил веки.

— За окном минус десять, — продолжал профессор, — а на ваших термометрах... ну-ка, посмотрим. Так, ничего, жить можно, богатырь должен быть горячим человеком. Правильно я говорю, товарищ Муромец? — обратился он к висящей на стене картине. — Молчите... Дело ваше, но молчание, как известно, знак согласия. Та-ак, у летчиков, как поется в вашем гимне, вместо сердца пламенный мотор. Даже слушать не буду, — шутливо отмахнулся он от летчика, — уши не выдерживают. Мотор у вас в полном порядке! — «А вот температура тридцать девять и девять», — озабоченно отметил он про себя. — В танковых войсках тоже идеальный порядок, — перешел он к соседней койке. — Поспать-то удалось? — спросил Дроздов у танкиста.

— Даже сон видел, — разлепил спекшиеся губы танкист.

— Да ну, это интересно! — присел на край его койки Дроздов.

— Ничего интересного. Снова горел, но не один, а вместе с Гитлером. Меня тушат, а я ору, что не надо: раз нет другого способа уничтожить этого гада, готов сгореть вместе с ним.

— Пойдешь на поправку, — убежденно заметил Дроздов. — Раз чуть не спалил Гитлера, значит, будешь жить — это дело надо довести до конца, и не во сне, а наяву.

— Готов и наяву, — скрипнул зубами танкист.

— Ну а ты? — подошел Дроздов к саперу. — Что скажешь, Добрыня свет Никитич?

— А-а, — отмахнулся тот. — Какой там Добрыня?!

— Но ты же по отцу Никитич?

— Ну и что? Тот на коне, — кивнул он на картину, — а я на койке.

— Это сегодня ты на койке, а завтра снова будешь на коне. Они ведь тоже в ранах и шрамах — такая уж их богатырская доля, а ничего, подлечились — и снова на коне.

— Да я что, я не против, я хоть сейчас...

— Сейчас — рановато, а вот через недельку-другую... Нам бы только температуру сбить, — озабоченно продолжал Дроздов. — Но за этим дело не станет, — бодро закончил он.

Профессор продолжал балагурить, рассказал пару анекдотов, спросил, не тесно ли им всемером, да еще с лошадьми, не кормленными с тех самых пор, как художник Васне-

цов написал свою знаменитую картину, а сам все никак не мог подойти к лейтенанту, таящему на глазах. Лицо его заострилось, глаза нехорошо блестели, на веки легла желтизна, ногти посинели, а температура за сорок.

«Ай-ай-ай! — сокрушался про себя Дроздов. — Потеряем парнишку, как пить дать, потеряем. Да и немудрено, кишки были наполовину с землей».

Профессор все же нашел в себе силы, подошел к лейтенанту и тяжело опустился на табурет. Стал считать ускользающий пульс, поправил подушку, потрепал парнишку по щеке.

— Усы-то зачем сбрил? — поинтересовался он.

— Мать просила, — чуть слышно ответил лейтенант. — Сказала, что старят.

— Когда она была?

— Вчера.

— Счастливый ты, лейтенант, — легонько похлопал его по плечу Дроздов, — мать навещает, сестрички без ума.

Щеки лейтенанта чуть заметно порозовели.

— Ты не красней, твое дело молодое. Тайну я, конечно, не выдам, но есть у нас кое-кто, — покосился он на сопровождающую его свиту, — кто так и норовит вне очереди сделать тебе укол, а то и просто подежурить.

Дроздов знал, что говорил: одно девичье лицо залилось таким жарким румянцем, что, казалось, вот-вот вспыхнет марлевая повязка.

— Послушай, Игорь, — наклонился Дроздов к самому уху лейтенанта, — у тебя силы еще есть? Бороться за жизнь можешь?

— Сил нет... Но бороться буду!

— Молодец, разведка, так и надо! Бороться надо до конца. До самого конца! А шанс есть, неожиданный, но, как уверяет наука, верный. Друзья мои, — поднялся профессор, — то, что я сейчас скажу, военная тайна, но вам ее открою: в одной из наших лабораторий удалось получить лекарство, которое можно назвать живой водой. Самое странное, эта живая вода получена из... плесени. Да-да, из самой обычной плесени. По-латыни она называется пенициллиум курстозум, а лекарство — пенициллин. Лабораторные испытания позади, настало время испробовать его на людях. Короче говоря, нужны добровольцы, к тому же не с пустячными царапинами, а с ранениями вроде ваших. На размышления — ровно сутки. С ответом не спешите, все-таки дело новое, — после паузы закончил он. — Но я бы посоветовал такой шанс не упускать.

— Да что там думать, — приподнялся на локтях лейтенант и встретился с полным слез, умоляющим девичьим взглядом — зажмурился, тряхнул головой и решительно сказал: — Пишите меня первым: лейтенант Ларин.

— И меня.

— И меня.

— А я что, рыжий?! — донеслось с других коек.

— Вот и ладно. Вот и славно. Вот и хорошо, — топтался посреди палаты Дроздов. Потом подошел к картине и громогласно спросил: — Ну что скажете? Не одни вы — богатыри! Мы еще повоюем. Мы еще сядем на коней и напоим их из Эльбы. Попомните мое слово, напоим!

Когда профессор, как всегда аккуратно, прикрыл за собой дверь, зашевелился танкист.

— Ну что, мужики, кажется, попали в историю.

— В историю науки,— просвистел летчик.

— А я сомневаюсь, — рассудительно заметил сапер.

— Почему же тогда согласился?

— Человек я компанейский, вот почему. К тому же старший по званию: как-никак подполковник, значит, должен подавать пример. А сомневаюсь я по одной простой причине: уж очень не хочется быть морской свинкой, или кроликом, или... я уж и не знаю, на ком еще они испытывают лекарства.

— Раз предложили нам, значит, на кроликах уже испытали, — бросил Игорь.

— Не знаю, может, испытали, а может, нет. К тому же я слышал, что в старые времена врачи испробовали лекарства на себе.

— Ну да, по-твоему, сначала врачу надо стать под пулемет, сосчитать, сколько дырок в легких, а потом проглотить таблетку? — повысил голос летчик.

— Я так не говорил. В нашем положении пойдешь на что угодно, лишь бы выбраться из этой распроклятой палаты.

— Вот именно. Я где-то читал, — глядя на разрисованное морозом окно, продолжал Игорь, — что хороши только те традиции, которые не во вред обществу. Традицию семнадцатой палаты надо сломать! А в историю науки мы войдем, мы будем первыми, кого спасет живая вода из плесени.

— Или не спасет, — буркнул сапер.

— Или не спасет, — кивнул Игорь. — Тогда ученые будут продолжать опыты, пока не научатся вытаскивать с того света таких, как мы. Нет, вы как хотите, а я участ-

вовать в эксперименте буду. Я на все согласен, только бы вернуться в строй и отомстить за друзей. Последнего фрица хочу убить в Берлине. Обязательно в Берлине! Мечта у меня такая: последнего фашиста убить в Берлине! — сорвался на крик Ларин.

— Хорошая мечта, — вздохнул танкист. — Я бы тоже не прочь всадить снаряд в того «тигра», который поджег мою тридцатьчетверку, и хорошо бы это сделать в Берлине.

— А я бы... я бы таранил того «фоккера»! — послышался голос летчика. — Да так, чтобы над главной улицей и вместе с ним грохнуться на бункер Гитлера.

— Ну, вояки, ну, герои, — усмехнулся сапер. — Я бы... мне бы... Одно слово — богатыри. Вам бы доспехи, как у этих парней, — кивнул он на картину, — да человек пять слуг, чтобы придерживали в седле, цены бы не было таким рубакам в нашей славной кавалерии.

— Главное — не забыть костыли, — деланно-серьезно заметил танкист.

— И утку, — подхватил летчик.

— И судно, — давясь от смеха, бросил Игорь. — Без него я не согласен.

— Ну, без этих предметов первой необходимости ни один богатырь на коня не сядет, — глубокомысленно продолжал сапер. — Не учел товарищ Васнецов, оторвался от жизни.

— Точно. А может, дорисуем сами? — приподнялся Игорь.

— А что? И дорисуем! Встанем на ноги и дорисуем.

— А я предлагаю, я предлагаю, — торопился Игорь,— эмблему нашей палаты! Щит, меч и...

— И утку! — закончил летчик. — Через плечо вместо планшета.

— Нет, не так. Не вместо планшета, а вместо палицы,— поправил Игорь.

— А что, страшное орудие убийства, — заявил танкист.

И такой тут поднялся гвалт, смех, такие посыпались шуточки, что вошедшая с лекарствами медсестра растерянно замерла: чтобы в семнадцатой смеялись, такого здесь еще не было.

— Вот это да! — воскликнула она. — Да вас выписывать пора! Валяются, понимаешь, место занимают, а в коридоре не пройти из-за коек с ранеными.

— И верно, — подхватил танкист. — Выгоняй нас, сестричка, на морозец. Снег-то какой, а! Я раньше на лыжах

любил... Летишь с горы — дух захватывает! — мечтательно взглянул он за окно.

— И я любил, — не удержался Ларин. — Особенно на Ленинских горах. Мы туда всем классом выезжали. Ветер свистит, из глаз слезы, щеки горят. Красота!

— Да что вы понимаете, — вмешался в разговор сапер. — По первому снегу надо идти не спеша, с ружьишком в руках. Следы как отчеканенные. Что тебе заяц, что лиса, что кабан — все как на ладони: в какую сторону бежал, где задумался, где путал след.

— Вот-вот, — ворчливо заметила сестра. — Опять вы путаете. Лекарство надо пить до конца!

— Так горько же.

— Тем более. Хорошее лекарство вкусным не бывает.

— Вот именно, — заметил летчик. — Это тебе не водка.

— А что это такое? Я уж и вкус-то забыл, — грустно улыбнулся сапер.

— Ну и палата мне досталась! — всплеснула руками медсестра. — Одни филоны да пьянчужки.

— Филоны? — повернул голову танкист. — Ты слово-то это откуда знаешь?

— А что? — смутилась девушка. — Плохое слово? Все его говорят... в том смысле, что человек отлынивает от дела или делает вид, будто чем-то занят.

— Ты смотри, образованная, — откинулся на подушку танкист.

— Еще бы! Неполная средняя школа — это, брат, дело серьезное, это — почти университет, — подхватил сапер.

— Тогда она должна знать еще одно слово, — заявил летчик.

— Да ты что?! — воскликнул танкист. — Два слова для одного человека, да еще женского пола, это уже перебор. Если он, конечно, не академик.

Девушка замерла посередине палаты и не знала, как себя вести: то ли сердиться, то ли плакать. Она никак не могла понять: разыгрывают ее или откровенно потешаются. Выручил тихий голос от окна:

— Настя! Иди сюда, Настя! А на этих жеребцов не обращай внимания.

— Не обращать? — с надеждой переспросила девушка и подошла к Игорю.

— Конечно. Мы же дурачимся. Как только потеряем эту способность, пиши пропало.

— Не надо. Лучше дурачьтесь, я не обижаюсь. Ну как ты... вы сегодня? — вспыхнула Настя.

— На моем участке фронта без перемен. Это плохо? — робко спросил Игорь.

— Вообще-то... Почему же? — вскинулась Настя. — Совсем даже наоборот.

— Ладно уж, наоборот. Про себя я все наперед знаю. Обидно, конечно. Ничего, совсем ничего в жизни не успел! А сколько было задумано...

— Не надо, Игорь. Вы не должны. Надо бороться! — жарко зашептала Настя. — Я вас очень прошу, не сдавайтесь! О матери подумайте... Что я могу для вас сделать? Вы только скажите, я сделаю, честное слово, сделаю.

Игорь выпростал из-под одеяла исхудавшую руку, с трудом поднял и робко погладил тугую русую косу.

— Я думал... И не только о матери. Я все время думаю. И знаешь... Слушай, Настя, говори мне «ты», ладно?

— Нельзя. Не положено. Не имею права. С ранеными приказано только на «вы». Но... я нарушу приказ. Раз ты просишь, нарушу.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Игорь. — Ты всегда такая?

— Какая?

— Сговорчивая.

— Что ты, я ужасно упрямая! И вспыльчивая. На фронт прошусь, а меня не пускают. Три дня пробыла в десяти километрах от передовой, потом с эшелоном попала в Москву, а назад не пускают, — жалобно закончила она.

— И не надо тебе на передовую. Не женское это дело.

— Да?! А ты знаешь, сколько у нас раненых в женском отделении? И летчицы есть, и связистки, и санинструкторы, и... А одна прямо здесь родила. Представляешь, с перебитой ногой, вся в гипсе, а родила.

— Кого? — приподнялся на локтях Игорь. — Как ее зовут? — вцепился он в халат девушки.

— Родила девочку, — холодно ответила Настя. — А зовут... Имени я не помню, — почесала она лоб, — зато могу назвать новую фамилию. Здесь же была свадьба. Какая здесь была свадьба! Эх, такую бы свадьбу — и умереть! — мечтательно вскинула она руки.

— Погоди, умереть успеешь, — вытер Игорь свой влажный лоб. — Фамилия ее Громова?

— А откуда ты знаешь? — удивилась Настя.

— Знаю, — улыбнулся Игорь и откинулся на подуш-

ку. — Значит, у моего капитана дочь. Надо же! — взъерошил он волосы. — Все ждали сына, а Маша выдала дочь. И правильно сделала. Я бы тоже хотел дочь.

— Так ты с ней знаком?

— Еще бы! Она — жена моего командира. И как это мне в голову не пришло, что та знаменитая свадьба была именно здесь? Хорошая примета! — похлопал он по руке Настю.

— Почему? — покраснела она.

— Потому что потому, — заметно повеселел Игорь. — Не зря, ох, не зря гласит народная мудрость: лиха беда— начало. А как назвали девочку, не знаешь?

— Не знаю.

— Ну и ладно. Узнаем. Та-ак, с этим делом все, — слабо, но все же по-громовски тюкнул он кулаком стену.— Теперь о другом: ты о пенициллине что-нибудь знаешь? Что это за штука?

— Первый раз слышу, — удивилась Настя. — А что это такое?

— Ну, это такое...

В этот момент от кровати танкиста донесся такой громкий стон, что Настя сразу вскочила. Пока она бежала к койке, летчик показал кулак, а сапер выразительно приложил палец к губам. Игорь все понял, с досады крякнул— ведь чуть было не выдал военную тайну — и отвернулся к стене. Когда Настя успокоила танкиста и переспросила, что это такое, Игорь брякнул:

— Да еда такая. Жареного, понимаешь, захотелось А эта штука, да еще с лучком, — м-м-м!

— Я все узнаю, — с готовностью отозвалась Настя. — Если готовят у нас, сегодня же принесу, а если нет, так и сама пожарю. Так как эта штука называется? Пениц. .

— Да не слушай ты его, — вмешался сапер. — Книжек он начитался, вот и шпарит по-латыни. И все для того, чтобы тебе понравиться, — безжалостно чеканил подполковник. — А речь идет всего-навсего о сорте картошки. Есть белая, есть красная, а эта... Какая она, товарищ лейтенант?

— Серо-буро-малиновая, — сгорая от стыда, буркнул Игорь.

— Значит, красная, — тоном школьного учителя закончил сапер.

— Вот и ладно, — обрадовалась Настя. — Значит, с луком? А если немного сальца?

— Можно и сальца.

— Тогда я пошла. К обеду не обещаю, но на ужин принесу целую сковородку.

Когда Настя скрылась за дверью, летчик достал утку и заметил:

— По башке бы этой самой палицей...

— Велика честь, — хмуро бросил танкист. — В ведре надо было топить. Сразу, в день рождения.

— Ну, виноват! Ну, брякнул! Ну, дубина, ну, дурак! — взмолился Игорь. — Хотел как лучше, хотел разведать, что это за лекарство.

— Ладно, хоть понимает, что дурак, — сразу смягчился летчик.

— Болен, но не безнадежен, — вздохнул сапер. — Девчонку-то в какое положение поставил! Она же ради тебя весь подвал переворошит, пока не найдет красную картошку!

— Извините. Честное слово, хотел как лучше, — сокрушался Игорь.

— Все, баста. Лежачего не бьют, — подвел итог танкист.

— Тем более такой грозной палицей, — задвинул под кровать утку летчик.

— А картошку придется срубать, — вздохнул танкист.

— Виновнику — две порции, — заметно обмякая, закончил сапер. — Вот бестия, опять чего-то подмешала...

Через минуту вся палата дружно храпела.

А в кабинете профессора Дроздова шло совещание. Активнее всех вела себя невысокая средних лет женщина.

— Эти больные меня не устраивают, — постукивала она кулачком по столу. — Хоть вы и определили их в семнадцатую палату, безнадежными они стали не от характера ранений, а от врачебной недобросовестности.

Профессор Дроздов побагровел и набрал в легкие побольше воздуху, чтобы достойно ответить, но женщина прихлопнула рукой лежащие на столе бумаги и решительно встала.

— Прошу понять меня правильно: пенициллин надо испытать на абсолютно безнадежных пациентах, только тогда мы будем знать его подлинную силу.

— Или слабость, — вставил Дроздов. — Вы так много говорите о своем препарате, а мы даже не знаем, как он открыт, как прошли лабораторные испытания, и вообще что-то не верится, чтобы выжимка из какой-то плесени стопроцентно лечила тот же абсцесс легких. У капитана Кожухова одиннадцать сквозных ранений — и все в легких.

Нагноения вокруг ран, жесточайшее крупозное воспаление, а вы, Зинаида Виссарионовна, изволите говорить о моей недобросовестности.

— Не вашей лично, — смутилась женщина. — Я внимательно изучила историю болезни капитана Кожухова: вся беда в том, что он двое суток находился в холодной палатке — отсюда жесточайшая простуда и, как следствие, крупозное воспаление.

— И все же я настаиваю на включении капитана Кожухова в экспериментальную группу.

— Хорошо. Уговорили, — неожиданно обворожительно улыбнулась Зинаида Виссарионовна. — Далее, — перевернула она листочек. — Лейтенант Ларин сомнений не вызывает — он действительно на грани смерти. Старший лейтенант Парамонов... Я долго думала, брать ли его в экспериментальную группу, ведь кожу-то мы ему не вернем — это совсем не по нашей части. Хотя воспалительный процесс остановим, в этом я не сомневаюсь.

— Кожей займутся другие, — бросил Дроздов. — Все танкисты поклонятся вам до земли, если не дадите им умирать от ожогов.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему. А как быть с подполковником Ляшко? Гангренозные явления мы, конечно, ликвидируем, но ведь у него нет ни одного целого сустава. Не проще ли сразу ампутировать обе ноги?

— Нет, не проще, — недобро засопел Дроздов. — Вы делайте свое дело, а суставы — прерогатива хирургов.

— Согласна, — вздохнула Зинаида Виссарионовна. — Итак, одна экспериментальная группа сформирована, но ведь нужна вторая.

— Зачем? — вскинулся Дроздов.

— Дорогие коллеги, я не сказала вам самого главного: со своими ассистентами к нам прибыл один из создателей английского пенициллина доктор Флори. Он был страшно поражен, когда в ответ на его предложение испытать чудодейственное лекарство на наших солдатах мы сказали, что у нас есть свой пенициллин — мне удалось получить его из плесени, которая называется пенициллиум курстозум. Короче говоря, принято решение провести сравнительные испытания. Контроль за состоянием больных и вводимыми дозами лекарства будет двусторонний, но степень безнадежности раненых, прошу прощения за такую жесткую формулировку, и в той и в другой группе должна быть идентичной. Иначе вся задумка с испытаниями просто бессмысленна.

— Теперь все ясно, — вздохнул Дроздов. — Какие будут предложения?

— Доктор Ермольева говорила об идентичности состояния раненых, — донеслось из угла. — Означает ли это, что абсолютно одинаковыми должны быть и сами ранения?

— В принципе это был бы идеальный вариант, но найти второго человека с одиннадцатью ранениями легких, видимо, сложно, поэтому мы остановились на том, что в обеих группах должны быть люди с поражениями легких, с гангреной, ожогами и так далее.

— Это упрощает дело. Таких людей мы найдем.

XXVI

На утреннем обходе во главе небольшой свиты в семнадцатую палату вошла Зинаида Виссарионовна.

— Доктор Ермольева, — представилась она.

Летчик шевельнулся, пытаясь привстать.

— Лежите, лежите! — протестующе подняла руки Зинаида Виссарионовна. — Я о вас все знаю, так что представляться не надо. Мне сказали, что вы согласны пройти курс лечения новым препаратом. Это так? Никто не передумал?

Обитатели палаты переглянулись. Игорь в это утро чувствовал себя совсем плохо, поэтому в знак согласия только прикрыл веки. Танкист сдержанно кивнул. Летчик махнул рукой. А подполковник Ляшко подвел итог:

— Все согласны. Только у нас вопрос: как будете лечить? Что нам надо делать: таблетки глотать, порошки принимать или терпеть уколы?

— Боитесь уколов? — улыбнулась Ермольева.

— Не то чтобы боюсь, но радости от них мало.

— Придется потерпеть — будем делать уколы.

— Тогда у нас просьба, — просипел капитан Кожухов.

— Коллективная? — уточнила Ермольева.

— Коллективная, — твердо сказал летчик. — Пусть уколы делает Настя. У нее это получается лучше всех.

— Верно, — поддержал танкист. — Ее руку не чует даже моя кожа, — выпростал он из-под одеяла малиново-красную ногу.

— Хорошо, — согласилась Ермольева. — Настя так Настя. Позовите девушку! — обернулась она к свите.

Когда запыхавшаяся Настя появилась в проеме двери, Зинаида Виссарионовна придирчиво ее оглядела и сказала:

— По просьбе раненых включаю вас в нашу бригаду.

— А что надо делать? — смутилась Настя.

— Уколы. Говорят, у вас рука легкая.

Настя по самые уши залилась румянцем.

— Я согласна. Когда начинать?

— Чуть позже я все расскажу. А сейчас прошу минуту внимания. Друзья мои! Я обращаюсь к врачам, медсестрам и прежде всего к больным. Вы не удивляйтесь, я буду называть вас на гражданский манер — больными. Дело, которое мы начинаем, настолько важно, что я даже не знаю, с чем его можно сравнить. Не исключено, что с первого укола, который сделает Настя, начнется новая эпоха в медицине. Поэтому я прошу всех быть предельно собранными и внимательными, а больных — сообщать о малейших изменениях в самочувствии.

Тем временем в другом конце коридора чистили, белили и красили палату № 12, в которую должны были положить «английских» больных.

Через два дня в палате появился высокий сухопарый доктор с аккуратной щеточкой усов. Он внимательно осмотрел больных, проверил их анализы, изучил истории болезни, не преминув сравнить с теми, которые ему дали из семнадцатой палаты, и одобрительно хмыкнул.

— Мои люди через две недели будут на ногах,— заявил он через переводчика Зинаиде Виссарионовне.

— Дай-то бог, — улыбнулась она. — Надеюсь, и мои подопечные не подкачают.

Профессор Флори был проницательным человеком и в тоне Ермольевой уловил некоторую неуверенность.

— Если возникнут трудности, я всегда к вашим услугам, — галантно склонил он седеющую голову.

И вдруг Флори метнулся к окну. Минуты две он нервно пощипывал усы, а потом неожиданно жестко сказал:

— Сегодня я обошел все палаты и увидел столько горя, что... Я плохой оратор, я всего лишь скромный врач, но сейчас хотел бы выступить в парламенте и сказать, что, не дожидаясь решения правительства его величества, на свой страх и риск решил открыть второй фронт. Я прошу вас, уважаемые коллеги, — торжественно обратился он к советским врачам, — рассматривать меня как первого солдата британской армии, пересекшего Ла-Манш и вступившего в бой с нацистами.

Откуда-то из угла кабинета выскочил профессор Дроздов, сгреб Флори в объятия и так его стиснул, что тот даже вскрикнул.

— Мы их расколошматим! Вот увидите, расколошматим

и встретимся в Берлине! — взволнованно гудел он. — Мы врачи, и у нас своя линия фронта. Сейчас она проходит через семнадцатую и двенадцатую палаты. С одной стороны смерть, с другой — пенициллин. До сих пор побеждала смерть...

— А теперь победит пенициллин, — подхватила Зинаида Виссарионовна.

— Английский! — после небольшой паузы добавил Флори.

— Да хоть эскимосский, — крякнул Дроздов, — лишь бы подальше отогнать эту безглазую старуху.

Битва, которая началась наутро, проходила в полной тишине, под сдержанное звяканье шприцев и ампул. Ради чистоты эксперимента английская и русская бригады не общались друг с другом и результатами не обменивались, но по косвенным данным можно было судить и о победах, и о поражениях. Если из двенадцатой палаты на полном ходу неслась каталка в конец коридора, где находилась операционная, всем было ясно, что возникли осложнения. Ну а если профессор Флори появлялся небритым и в несвежем халате, все прятали глаза — не было более верного признака, что дела идут совсем плохо.

О ситуации в семнадцатой судили по Настиным глазам: если зареванные — больным хуже, если сияют голубизной — пошли на поправку.

К исходу первой недели врачи и медсестры валились с ног, зато за дверью семнадцатой и двенадцатой все чаще слышалась какая-то негоспитальная возня, доносился смех, с кухни начали носить остро пахнущие блюда. А однажды появился плотник и отодрал наглухо заколоченные окна — больным захотелось свежего воздуха.

Но самая большая сенсация произошла на рассвете тринадцатого дня. В углах стоящего в коридоре дивана прикорнули Зинаида Виссарионовна и Флори. Повалилась на столик и дежурившая в ту ночь Настя. И вдруг все трое как по команде проснулись. Чтобы не закричать, Настя зажала рот ладошкой. Флори щипал себя за щеку, думая, что еще спит. А Зинаида Виссарионовна плакала. Достал платок и невозмутимый Флори.

Им бы вскочить, бежать, но ноги не держали. А прямо на них двигалось полосатое привидение. Неуверенно, держась за стену, но двигалось, причем не по воздуху, а по красной ковровой дорожке. Около дивана привидение замерло, откашлялось и хрипловато попросило:

— Попить бы. Чайку, а? Так захотелось, что хоть вой.

Грохнула табуретка, и Настя взлетела как на крыльях.

— Игорь! Игоречек! Ты встал! Сам? Не может быть!

Игорь пожал плечами — чего, мол, особенного — и присел на диванный валик. Зинаида Виссарионовна как-то по-девчоночьи уткнулась в его острое плечо и заголосила пуще прежнего. Флори что-то говорил по-английски, размахивая руками, взволнованно бегал вокруг столика, а потом вдруг замер и приложил к губам палец.

— Тсс-сш! — зашипел он.

Послышался слабый скрип — и в противоположном конце коридора приоткрылась белая дверь. Кто-то воровато выглянул и, неловко переставляя костыли, двинулся к дивану. Надо было видеть реакцию сдержанного джентльмена! Флори подпрыгнул чуть ли не до потолка, как-то странно взбрыкнул, издал гортанный клич и бросился к полосатой фигуре, вывалившейся из двенадцатой палаты.

— Виктория! — кричал он. — Побэ-э-да! Ура-а-а!

Потом Флори кинулся к дивану, подхватил Зинаиду Виссарионовну и закружил ее по коридору. Где-то хлопали двери, откуда-то бежали люди в белых халатах, они обнимались, целовались, поздравляли друг друга. А на диване, критически поглядывая на всю эту суетню, сидели два русских солдата в полосатых пижамах. Они еще не поняли, что вернулись с того света, что с них началась эра пенициллина — живой воды из плесени, которая вернет жизнь многим миллионам людей в самых разных уголках планеты.

— Браток, ты из семнадцатой? — спросило привидение на костылях.

— А ты из двенадцатой?

— Так точно.

— Чего вскочил-то?

— Попить бы. Так чаю захотелось, ну прямо невтерпеж!

— С лимончиком?

— Хорошо бы! Как догадался?

— Так я тоже приволокся за чаем. А они... Чего это они, а? — кивнул Игорь на возбужденных врачей.

— Радуются. Видно, не очень-то верили в свое лекарство.

— Эк, загнул! В лекарство они верили. Мы могли подвести.

— Это точно. Особенно я. И как это я поднялся?! Ведь на мне живого места нет. А вообще-то здорово, что мы пришли сюда вместе. Значит, ничья, значит, победила дружба.

— В каком смысле?

— Англичане говорили, что их пенициллин лучше и двенадцатая поправится быстрее, чем семнадцатая. А мы — в одно время, день в день.

— Минута в минуту! Знаешь, мне что-то расхотелось пить, — поднялся Игорь. — Пойду посмотрю, как там наши.

— Я тоже побреду в свою палату. Надо будить остальных — им тоже пора в строй. Разлеживаться некогда, конца войны еще не видно.

XXVII

Опять этот сон! Опять налитые свинцом ноги, ставшие ватными руки, перехвативший горло крик. Снаряд все ближе! Он летит именно в ту воронку, на дне которой схоронился Громов. Надо выскакивать, надо бежать. Но совсем нет сил. Обычно Виктор просыпался за мгновение до того, как в воронку вонзался снаряд, на этот раз растормошили гораздо раньше.

— Товарищ капитан! — трясли его за плечо. — Проснитесь, товарищ капитан!

— А? Что? Куда? — вынырнул он из выматывающего душу сна.

— Вас вызывает генерал, — доложил посыльный. — Немедленно.

— Есть, — привычно подтянулся Громов. — Сейчас буду.

Он быстро разделся, выскочил из хаты, побежал к колодцу, достал ведро воды, окатил себя с головы до ног, издал воинственный клич и кинулся одеваться. Через минуту на пороге появился аккуратно причесанный, подтянутый офицер и деловито зашагал в сторону полуразрушенной церкви, где размещался штаб дивизии.

— Товарищ генерал, — козырнул он, — капитан Громов по вашему приказанию прибыл.

— Проходи-проходи, — встал из-за стола Сажин и шагнул навстречу Виктору. — Жив-здоров? Проблемы есть?

Виктор открыл было рот, но Сажин усадил его на лавку.

— О проблемах потом. Из дома пишут?

— Так точно, пишут.

— Как там Маша? Дочь не болеет?

— Все в порядке, — широко улыбнулся Виктор. — Живут у моей матери, по-моему, очень дружно, так что тыл в полном порядке.

— А Рекс? — лукаво прищурился еще не привыкший к генеральским погонам и потому время от времени поправляющий их Сажин. — Какие подвиги на его совести? Много ли задавил молоденьких кобельков?

— Черт его знает, что делать с этим сексуальным маньяком! — не выдержал Громов и с силой хлопнул пилоткой по голенищу.

— А ты как думал?! — захохотал Сажин. — Закон природы!

— Какой там, к дьяволу, закон! Он же на себя не похож. Глаза блудливые, воняет, как от козла, жрет, как тигр, а ребра выпирают. Вы не поверите, но даже ко мне он приходит только по утрам. Навернет пару котелков каши — и опять к своим сучкам.

— Не к сучкам, а к дамам, — смеясь, поправил Виктора Сажин. — Да, подкузьмили тебе саперы, здорово подкузьмили.

— Вот именно! Жили себе не тужили, женского общества знать не знали — и вдруг такая пакость: под боком появляется саперная рота с двадцатью собаками. Ладно бы, кобелей привезли, а то ведь пятнадцать сучек и пять доходяг-кобельков.

— Весна — она и на фронте весна,— вздохнул Сажин.— А здесь, на Украине! Ты посмотри, какие кругом сады! Жгли их, топтали, а они цветут.

— Вот я и говорю, — гнул свое Виктор. — Нельзя ли саперов перевести куда-нибудь подальше? А то ведь потеряем хорошего солдата.

— Тут я с тобой согласен. Солдат по кличке Рекс — вояка что надо! Будь это в моей власти, честное слово, представил бы его к награде. А саперов передислоцировать не могу, они нужны именно здесь. Слушай, неужели пятеро мужиков не могут справиться с одним? Ведь зубы-то у них есть.

— Где им! — махнул рукой Виктор. — Рекс этим мужикам задал такую трепку, что, завидев его, те прячутся по углам.

— А дальше?

— Дальше он ведет себя как султан в гареме. А сучки... Ведь среди них есть породистые овчарки, сам видел, так даже они, потеряв всякий стыд, грызутся из-за того, кому Рекс окажет знаки внимания.

— Да-а, а ты говоришь, нет проблем, — покачал головой Сажин.

— Я не говорю, что нет. Чего-чего, а проблем всегда предостаточно.

— Это верно, проблем предостаточно. И одна из них свалилась на мою голову, хоть и связана с тобой.

— Не понял, — приподнялся Виктор.

— Да сиди ты, сиди, — нажал на плечо Сажин. — Опять что-то затевает наш друг Галиулин. Кстати говоря, он теперь полковник. В общем, пришел приказ о твоем откомандировании в его распоряжение.

— Та-ак. Значит, опять в тыл?

— Тыл тылу рознь, — заметил Сажин, но Громов намека не понял и деловито спросил:

— Когда явиться?

— Сегодня. Дай-ка я тебя обниму, — поднялся Сажин, достал платок, отвернулся, трубно высморкался и, пряча глаза, закончил: — На войне дороги кривые, может, свидимся, а может, нет... Привык я к тебе. Да и воевали мы неплохо, правда? Недаром дивизия стала гвардейской, ты— Героем, я — генералом. В общем, я на тебя надеюсь. А если что не заладится, просись назад — здесь твой дом и здесь тебе всегда рады.

На этот раз Виктор уловил какие-то намеки, хотел переспросить, но генерал Сажин порывисто его обнял и подтолкнул к двери.

— Иди. Тебя ждут.

Через полчаса капитан Громов бодро шагал к поджидавшей его полуторке. Он закинул в кузов тощий вещмешок, потертый фибровый чемоданчик и сел в кабину.

— Давай к саперам, — бросил он водителю. — Километр по дороге, потом направо.

Саперная рота располагалась в чудом уцелевшем лабазе, обнесенном высоким забором. За этим забором слышались лай, поскуливание, грозное рычание...

— Вот вы где, голубчики, — шагнул во двор Виктор и остолбенел.

На небольшом холмике, возвышавшемся в центре двора, царственно возлежал Рекс. Чуть пониже — два остроухих кобелька, которые верноподданно облаивали всех, кто осмеливался приблизиться к «трону». А по лужайке, грациозно изгибаясь, ходили, бегали, прыгали и чуть ли не летали молоденькие сучки. Рекс благосклонно взирал на этот парад красоты, иногда ни с того ни с сего широко зевал, но стоило кому-то из кобельков сделать хотя бы шаг в сторону его подруг — и властелин издавал такое свирепое рычание, что нахал тут же прирастал к месту.

— Ну и дела-а, — усмехнулся Виктор.— Вот оно, оказывается, какое, собачье счастье. Нет, с этим надо кончать! Тоже мне феодал выискался. Рекс! — строго позвал он. — Ко мне!

Какая-то собачонка заливалась бестолковым лаем, и Рекс не расслышал команды, но что-то знакомое долетело до него, и он строго рыкнул. Собачонка на полувсхлипе оборвала лай.

— Рекс! — хлопнул себя по бедру Виктор. — Ко мне!

Рекс встал, с подвывом потянулся, как бы сбрасывая всю нашедшую на него блажь, хлестнул себя хвостом и гигантским прыжком подлетел к хозяину.

— Ну что, нагулялся? — спросил Виктор. — Пора, брат, за дело. Вперед! — взмахнул он рукой.

Рекс оглянулся на своих подруг, прощально взмахнул хвостом и стрелой бросился вперед. Когда Громов закрыл ворота, за спиной раздался такой горестный вопль пятнадцати покинутых жен, что Виктор хоть и расхохотался, но искренне им посочувствовал.

Полковник Галиулин крепко обнял Виктора, произнес загадочное: «Наконец-то ты мой!», показал ему комнату по соседству со своей, сказал, что через полчаса Виктор должен выглядеть как на параде, и исчез.

Прежде чем заняться собой, Виктор вычесал, а потом выкупал в небольшом озерце Рекса. Тот сразу стал прежней собакой-солдатом — поджарой, собранной, с навостренными ушами, чуткими ноздрями и готовыми к бою клыками.

Китель Виктор решил не надевать, но суконную гимнастерку достал. Подумав, прикрепил Звезду Героя, орден Ленина, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Когда в комнату вошел Галиулин, Виктор вытянулся по стойке «смирно». Так же строго сидел и Рекс.

— На поощрение тянете, — только и сказал Галиулин. — С хозяином все ясно, а вот что делать с тобой, ума не приложу,— обратился он к Рексу.— Что хоть ты любишь, а?

Рекс сдержанно гавкнул.

— Могу перевести, — предложил Громов.

— Валяй.

— Он сказал, что очень любит говяжьи кости, но только чтоб потолще и мяса на них побольше.

— Но скупердяй-хозяин мясо ест сам, а кости отдает собакам саперов, — подхватил Галиулин.

— И об этом доложили?! — изумился Громов.

— А как же! Окажешься на моем месте, тоже будешь все знать, — после паузы добавил он. — Вы готовы? Тогда вперед!

— Куда хоть идем-то? — поинтересовался Виктор.

— В штаб армии. Тебя хочет видеть командующий.

— Меня?! Зачем? — изумился Виктор.

— Значит, надо. Мне он не докладывал.

У старой школы, где размещался штаб армии, было довольно людно: одни входили, другие выходили, третьи чего-то ждали...

— Рекса придется оставить, — сказал Галиулин.

— Есть! — коротко бросил Громов и так же коротко приказал Рексу: — Сидеть!

Рекс подобрал хвост и примостился под цветущей вишней.

В классе ботаники, превращенном в кабинет командующего, со стен даже не сняли рисунки пестиков, тычинок, лютиков, васильков и других цветов. Почему-то именно на это обратил внимание Виктор, когда представлялся генерал-лейтенанту Скворцову. Тот посмотрел на Громова с высоты своего роста и добродушно сказал:

— Наслышан, капитан, наслышан. А где ваш верный помощник?

— У входа.

Генерал выглянул из окна и уважительно посмотрел на Рекса.

— Хорош, бродяга. Очень хорош. Сразу видно, не комнатная собачонка, а солдат!

Потом генерал подошел к столу, переложил какие-то бумаги и торжественно сказал:

— От имени командования и военного совета армии разрешите поздравить вас с присвоением очередного воинского звания.

От неожиданности Виктор на мгновение растерялся, взволнованно прочистил горло и громко отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Генерал крепко пожал ему руку, вручил майорские погоны и испытующе заглянул в глаза.

— Что чувствуете? Только честно!

— Честно? — переспросил Виктор. — Если честно, то ничего. Просто растерялся.

Генерал покосился на Галиулина, а тот почему-то удовлетворенно улыбался.

— Но это еще не все, — продолжал командарм. — За

операцию по захвату моста через Днепр вы награждены орденом Красного Знамени.

— Служу Советскому Союзу! — снова отчеканил Виктор.

Генерал вручил орден, а потом кивнул в сторону накрытого в углу столика.

— Прошу садиться. Примите, майор Громов, мои поздравления, — поднял он рюмку коньяка, — и... доживите до победы.

Виктор поблагодарил за поздравление и выпил коньяк.

— Что, нравится? — прищурился генерал.

— Так точно. Ничего подобного не пробовал.

— Привыкайте. Это ведь на передовой во фляжках бывает только водка, а тыловикам перепадает и марочный коньяк.

Виктор недоуменно вскинул брови.

— Он еще не в курсе? — обернулся генерал к Галиулину.

— Никак нет.

— Тогда самое время. Тем более что приказ уже подписан. Так вот, майор, с нынешнего дня вы — заместитель полковника Галиулина. Он так за вас просил, что мне ничего не оставалось, как подписать приказ.

Виктор сглотнул воздух и нечленораздельно выдавил:

— Но... Как же так? Ведь я...

— Приказы, как вы знаете, не обсуждаются, — мягко положил ладонь на его руку генерал. — Скажу больше, я рад, что подписал этот приказ. Больше всего на свете ценю в людях прямоту, — поднялся Скворцов. — А вы из таких... Ему вручают погоны майора, а он говорит, что ничего, кроме растерянности, не чувствует. Или нет никаких просьб?

— Есть, — как в омут кинулся Виктор.

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовался генерал.

— Я про награды... Мост — это, конечно, мост. Но я там был не один. Без Крайса я бы ничего не сделал... И еще. На плацдарме полегла вся моя разведрота. Если бы не они... Вы лучше меня знаете, что было бы, если б не они.

Генерал порывисто обнял Виктора.

— Правильно, майор! Только так. Русский человек иначе не может. Если он настоящий русский, то — только так. Давайте еще по одной! — разволновался командарм.— Давно не пил в такой хорошей компании.

Когда генерал успокоился и отошел к окну покурить, заговорил Галиулин:

— Крайсу присвоено звание капитана. Кроме того, как и ты, он награжден орденом Красного Знамени. Седых и Зуб стали Героями Советского Союза. Похоронили их в братской могиле на том самом плацдарме. Лейтенанту Ларину вручен орден Ленина, к тому же он теперь старший лейтенант.

— Из госпиталя Игорь вышел?

— Не только вышел, но уже занят формированием новой разведроты.

— Хороший парень. Умница. Интеллигент. И прекрасный солдат. У него дело пойдет.

— Пойдет, — кивнул Галиулин. — А теперь два слова о тебе. Прежде чем вступить в должность заместителя начальника разведотдела штаба армии, надо малость подучиться. Поэтому через три дня тебе надлежит быть в Москве.

— Да, — подошел к ним командарм. — Потери в офицерском составе огромные. После Орла, Белгорода и особенно Днепра толковый командир — на вес золота. Впереди еще более жестокие бои. На своей территории немцы будут сражаться с яростью обреченных. Значит, за каждый клочок земли придется платить большой кровью. Именно поэтому принято решение собрать в Москве боевых офицеров, причем прямо с передовой, подучить тому, что называется военным искусством, и на их плечи возложить ответственность за реализацию заключительных операций войны. Разведчикам на вражеской территории будет как никогда трудно, так что и вам, майор Громов, подучиться не грех.

— Но ведь я не один, — кивнул за окно Виктор.

— Ваш друг без дела не останется, — улыбнулся генерал. — До встречи, — протянул он руку. — Возвращайтесь — и за дело.

В ту же ночь с одного из фронтовых аэродромов поднялся транспортный самолет. Дребезжали заклепки. Постанывали раненые. Но даже самые тяжелые время от времени недоуменно нюхали воздух: откуда-то из самого хвоста, перекрывая запах карболки, крови и бензина, доносился аромат свежезажаренного мяса. Когда удавалось приподнять голову, они понимающе улыбались. На полу дремала большущая собака, а рядом крепко спал молодцеватый майор, из-под мышки которого торчал пакет с говяжьими костями.

XXVIII

Летели дни, мелькали недели, проходили месяцы... Лекции, семинары, зачеты, экзамены, груды конспектов, чертежи, схемы, графики... От всего этого голова пухла, и казалось, вот-вот лопнет. Спал Виктор урывками, но каждый вечер упаковывал в коляску дочь, подзывал Рекса, и они отправлялись в Сокольники. Светило ли солнце, накрапывал ли дождь, шел ли снег — Виктору было все равно. Он забирался в самую отдаленную аллею и где-нибудь у Олеьних прудов окончательно отходил душой. Забавно лопотала маленькая Валентина, шаг в шаг бежал Рекс, шуршали листья или поскрипывал снег, дома ждала удивительно похорошевшая Маша и оберегающая покой семьи Ирина Михайловна. Бабушка и свекровь из нее получилась прекрасная — она души не чаяла во внучке и стала верной подругой Маше.

Из-за постоянной занятости Виктору некогда было поговорить о житейских пустяках ни с матерью, ни с женой, но он всегда помнил, что на его попечении две взрослые и одна малюсенькая женщины. Как мог, он старался дать им знать, что очень их любит и никогда не забывает: то купит духи, то шарфик, а то просто возьмет и перемоет посуду.

Но два вечерних часа всегда принадлежали маленькой Валюшке. Она это знала и, если папка задерживался, начинала потихоньку скулить, да так жалобно, что Рекс не выдерживал и тут же ей подвывал... Но вот хлопала дверь, в три прыжка Виктор взлетал на второй этаж. На грудь бросался Рекс, заливисто смеялась дочь, нежно обнимала жена, ерошила волосы мать. С Виктора мгновенно слетал груз дневных забот, и так ему становилось легко и покойно, такая огромная волна счастья поднималась в его душе, что он с удивлением ловил себя на совершенно неожиданной мысли: потребуй сейчас у него за эти минуты счастья жизнь — он не задумываясь отдаст себя в руки судьбы.

Казалось бы, все было прекрасно, но все чаще приходили мысли о том, что это счастье не просто хрупкое, оно незаслуженное. На дворе конец сорок четвертого, его родная дивизия истекает кровью на сандомирском плацдарме, Ларин пишет, что разведрота снова нуждается в пополнении. Галиулин деликатно интересуется, когда последний экзамен, — словом, в каких-то сутках езды от Москвы полыхает война, а он, боевой офицер, прохлаждается в аудиториях, греется у семейного очага и гуляет по парку.

Однажды Виктор не выдержал и после того, как ус-

лышал сводку о наших потерях на подступах к Варшаве, без стука ворвался в кабинет начальника курса.

Пожилой, донельзя усталый генерал недоуменно вскинул брови.

— Майор Громов, — представился Виктор. — Разрешите обратиться?

Генерал все понял с первого взгляда, грустно усмехнулся и предложил сесть.

— Спасибо, я постою, — отказался Виктор. — Так быстрее. Прошу отправить на фронт, — выпалил он. — Вот рапорт.

— Садитесь, майор, садитесь, — мягко настоял на своем генерал. — Быстрее все равно не получится.

Виктор присел на край дивана, продолжая держать перед собой крупно исписанный лист.

Генерал встал, заметно прихрамывая, подошел к окну, побарабанил пальцами по стеклу и неожиданно спросил:

— Как вы думаете, почему немцы дошли до Москвы, блокировали Ленинград и едва не взяли Сталинград?

— Известное дело, — как по учебнику начал Виктор.— Внезапность нападения, превосходство в технике, опыт ведения войны в Европе.

— Все это так, — поморщился генерал. — Но главное все же не в этом. Гудериан не раз мне говорил: «У русских есть чему поучиться. А если к русским мозгам приложить немецкую исполнительность, получится непобедимый симбиоз гениальных идей и их практической реализации».

— К-как, Гудериан? — привстал Виктор. — В-вы с ним знакомы?

— Еще бы! Сидели за одной партой. Иногда он у меня списывал, — усмехнулся генерал.

— Значит, вы учились там? — куда-то за окно кивнул Виктор.

— Не я — там, а он — здесь, — жестко сказал генерал. — И не только он.

— Когда? Этого не может быть!

— Еще как может... Плохо, что вы этого не знаете. Впрочем, что вы вообще знаете? — вздохнул генерал. — Вы молоды, привыкли действовать не задумываясь, историю знаете по школьным учебникам, — безжалостно хлестал Виктора генерал. — Между тем в соответствии с межправительственным соглашением в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Советском Союзе училась большая группа немецких офицеров. Я был на предпоследнем кур-

се, когда прибыл Гудериан. Немецкий я знал неплохо, так что был у него кем-то вроде переводчика-наставника. И в одном танке поездили, и соли, то бишь каши, съели немало.

— Вот это да-а! — изумился Виктор.

— Ничего особенного в этом нет, — продолжал генерал. — В старые времена такая практика считалась обычным делом. Но на этот раз, — устало протер он глаза, — случилось так, что русские гениальные идеи в Красной Армии некому было осуществлять.

До Виктора что-то начало доходить, и он открыл рот, чтобы задать вопрос, но генерал протестующе поднял руку.

— Да и хранителей этих идей осталось мало. Очень мало. Вот мы и хотим передать их вам, — наклонился он к Виктору. — Чтобы было кому продолжать, чтобы не тускнела слава русского оружия, чтобы, следуя заветам Суворова, побеждали не числом, а умением.

Виктор вжался в угол дивана и затих. Он чувствовал себя таким глупым, нашкодившим мальчишкой, что готов был сквозь землю провалиться. К тому же бывший командир разведроты ужасающе ясно понял: в сравнении с этим седым больным человеком он дурак дураком, и ничего, кроме умения убивать, в его багаже нет.

— Нам скоро уходить, — продолжал генерал. — И из-за возраста, и вообще... Несколько лет назад, когда мы были далеко отсюда, — генерал как-то неопределенно махнул рукой, — Константин Константинович, уезжая на фронт в качестве командарма, взял с меня слово, что я буду искать, — вы уж меня извините, — обезоруживающе мягко улыбнулся он, — но я скажу так, как сформулировал он,— что я буду искать людей с мозгами и вдалбливать в эти мозги то, что на Руси чуть было не погибло навсегда, но крепко прижилось у супостата.

В голове Виктора закружилась такая карусель, что он рванул ворот гимнастерки, а потом, в нарушение всякой субординации, без разрешения схватил графин и залпом выпил стакан воды.

«Константин Константинович... — лихорадочно соображал он. — Это кто же?.. Кто из командармов Константин Константинович? Ба, да это же Рокоссовский, командующий Вторым Белорусским фронтом! Но ведь он... Точно, незадолго до войны он был арестован. Значит, они вместе сидели...»

— Должен вам сказать, слово, данное Константину Константиновичу, я сдержал, — с некоторой долей гордо-

сти заметил генерал. — Вначале я тоже рвался на фронт, а потом понял, что один сделаю не так уж много, а вот если совью гнездо, из которого будут вылетать орлы, вооруженные не только клювом и когтями, но и самыми современными знаниями в области военного искусства, проку будет больше. В самый трудный период, когда на фронте катастрофически не хватало офицеров, Константин Константинович и Георгий Константинович сумели настоять на том, чтобы академия имени Фрунзе работала, как и раньше, чтобы с передовой можно было отзывать наиболее талантливых офицеров, учить их уму-разуму и уже в новом качестве отправлять на фронт. Смею вас уверить, что наши победы под Сталинградом, Курском, на Днепре, да и все другие закладывались не только на Урале, в Сибири и Поволжье, откуда шла самая современная техника, но и в нашей академии. Поначалу мы это делали в Ташкенте, а после возвращения из эвакуации — в родных стенах. Курс обучения пока что ускоренный, поэтому не обессудьте, учим вас не всему, а самому необходимому. Думаю, после войны придется доучиваться — профессия защитника Родины еще долго не отомрет... Но это уже другая песня, — неожиданно оборвал себя генерал.

За окном стемнело. Разрисованные морозом стекла излучали какой-то таинственный свет, а на диване сидели два русских человека, волею судеб надевших погоны и связавших свою жизнь с одной из самых нужных и благородных профессий. Один этот крест нес давно, привык к нему и понимал, что будет нести до отмеренного судьбой конца, а другой только сейчас понял, какую огромную взваливает на себя ношу, понял — и твердо подставил плечо.

В первых числах января был сдан последний экзамен. По традиции сокурсники хотели это событие как следует обмыть, но им приказали немедленно явиться в войска. Ранним вьюжным утром майор Громов уже сидел в самолете, летевшем на фронт.

Ночь прошла в сборах. Ни мать, ни жена не сомкнули глаз, но ни одна из них не плакала, не рвала сердце, не кидалась на грудь. Но что самое удивительное — Валюшка тоже не спала. Она не ныла, не требовала внимания, а просто смотрела. Но как смотрела!

Всей своей шкурой, всем своим верным сердцем Рекс чувствовал состояние хозяина. Ему хотелось подойти к Виктору, потереться о его ногу, а еще лучше вскинуться на

грудь и лизнуть в щеку — не грусти, мол, хозяин, я с тобой, а вместе мы не пропадем, — но он не мог сделать ни шага: крохотные ручонки с неожиданной силой вцепились в его загривок и ни на секунду не отпускали. У Рекса закипала кровь от желания служить маленькой хозяйке и никогда с ней не расставаться. У него затекли ноги, одеревенел хвост, но он стоял, прижавшись к детской кроватке, и знал, что будет стоять до тех пор, пока не разожмутся эти маленькие детские ручки.

На рассвете Валюшка заснула, малюсенькие пальчики разжались, но ладошка все равно лежала на загривке Рекса. Когда появился хозяин и коротко кивнул, Рекс покосился на девочку, осторожно присел — нет, не проснулась — и шагнул вперед. Виктор вскинул вещмешок, порывисто обнял самых дорогих на свете людей, подхватил фибровый чемоданчик и шагнул за порог.

Через минуту дом, семья, учеба казались таким далеким прошлым, будто это приснилось, а теперь он проснулся и живет своей обычной жизнью — трясется в разбитой эмке, обсуждает с попутчиками сводку Совинформбюро, поругивает погоду и, самое главное, прикидывает, с чего начать свой первый после долгого перерыва фронтовой день.

Летели долго — с посадками, дозаправками, погрузками и выгрузками, но к концу дня дотянули до какого-то полностью разрушенного города и приземлились на уцелевшем отрезке шоссе, превращенном во взлетно-посадочную полосу.

— С прибытием! — обнял Виктора Галиулин.

— Где мы? — нетерпеливо спросил он. — Огромный город — и ни одного целого здания.

— Это Варшава, — ответил Галиулин. — О восстании ты, конечно, знаешь. О том, как жестоко его подавили, тоже писали. Но только сейчас стали известны кое-какие цифры. Кошмар какой-то, а не цифры! Честное слово, складывается впечатление, что это не восстание, а грандиозная провокация.

— Да ты что?! Ведь поляки сражались до последней капли крови.

— То-то и оно. Одни сражались, а другие... Вначале расклад был такой: против шестнадцати тысяч солдат и офицеров немецкого гарнизона — сорок тысяч повстанцев. Казалось бы, успех обеспечен? Но на эти сорок тысяч всего триста автоматов, тысяча семьсот пистолетов и тысяча винтовок. О боеприпасах не говорю, их практически не было.

— Ну а мы? Ведь наши части стояли на подступах к Висле.

— До Вислы мы дошли и даже кое-где ее форсировали, но развить наступление уже не было сил. Оружием, правда, помогали: автоматы, пулеметы и даже минометы сбрасывали с самолетов. Немцы, как понимаешь, тоже не сидели без дела: подтянули артиллерию, перебросили несколько дивизий, да и «юнкерсы» с утра до вечера висели над городом. Шестьдесят три дня продержались повстанцы, а потом сдались. По нашим данным, погибло около двухсот тысяч варшавян, столько же брошено в концлагеря. А город... сам видишь, во что превращен город.

«Виллис», в котором они ехали, с трудом пробирался по заваленным обломками зданий улицам. Но больше всего Виктора поразили не руины — на них он насмотрелся предостаточно, — а то, что на улицах не было ни души.

— Люди отсиживаются в подвалах, — упредил его вопрос Галиулин. — Одни не верят в освобождение, другие боятся попасть под рушащиеся стены. Но к вечеру почти все выбираются к нашим полковым кухням. Кроме миски каши, предложить ничего не можем, но в этой ситуации и каша идет на «ура».

Когда «виллис» выбрался из города и помчался куда-то на запад, Виктор откинулся на спинку сиденья, потрепал притихшего Рекса и виновато сказал:

— Отвык я малость. Из Москвы видно дальше, но как бы через бинокль: не слышно криков боли, не ощущается запах крови, да и люди кажутся картонными фигурками. Бежала фигурка, бежала, потом почему-то упала. Ну и что? Не стало человека! А до сознания это не доходит.

— Дойдет, — односложно бросил Галиулин. — Через полчаса будем на передовой — и все сразу дойдет. Имей в виду, немец сейчас другой, теперь он защищает родную хату. К тому же пропаганда обыгрывает и такой мотив: русские, мол, пришли мстить. Поэтому старые солдаты бьются до последнего патрона, а мальчишки один на один выходят против танков. Я уж не говорю о нашей работе — никогда разведке не было так трудно.

— Я понимаю, — кивнул Виктор. — Антифашисты перебиты, местное население видит в нас захватчиков, так что опоры практически никакой.

— Вот именно. А впереди Одер. Думаю, форсировать его будет посложнее, нежели Вислу.

— Но проще, чем Днепр?

— Не приведи бог за Одер платить такую же цену,

как за Днепр! Вам не говорили, сколько утонуло и сколько погибло на плацдармах?

— В академии? Нет.

— А мне довелось участвовать в работе одной комиссии... Ладно, об этом потом, — оборвал себя Галиулин.— Об этом — после победы.

Полчаса тряски по разбитой колее — и «виллис» резко затормозил на окраине жиденькой рощицы.

— Приехали, — выпрыгнул из машины Галиулин и шагнул в зияющий чернотой вход в штольню. — Еще неделю назад здесь работали военнопленные. Немцы хотели взорвать вход и заживо похоронить пять тысяч человек, но мы выбросили десант, перебили охрану и спасли обреченных на смерть людей. Теперь здесь штаб армии.

— Вот это да-а!.. — разглядывал высоченные своды Виктор. — Здесь можно пересидеть всю войну, такой блиндаж не взять ни бомбам, ни снарядам.

— И не мечтай, — сузил глаза Галиулин. — Долго здесь не засидимся. Кому-то надо и Берлин брать.

— Да я не о том, — смутился Виктор. — Я в том смысле, что блиндаж хорош.

Разговор происходил на ходу. Галиулин знал все повороты и завалы, поэтому шел уверенно и стремительно, а Виктор то отставал, то спотыкался, то вырывался вперед и потом смущенно топтался, поджидая Галиулина. Рекс держался рядом, но вел себя странновато: все к чему-то принюхивался, ни с того ни с сего скалился, а то вдруг замирал на месте и не хотел идти вперед.

— Что это с ним? — недоумевал Виктор.

— Взрывчатку чует, — бросил Галиулин. — И трупы... Да-да, трупы! У немцев здесь был снарядный завод. Здесь же испытывали новые сорта взрывчатки. Занимались этим только пленные. Если испытание было неудачным и раздавался незапланированный взрыв, камеру, где это происходило, еще раз подрывали — и люди оказывались в братской могиле.

— Ох, и заплатят они за это! Ох, заплатят! — грохнул кулаком по стене Виктор.

— Заплатят, — подтвердил Галиулин. — Но только те, кто не сложит оружия. И главари! А пленных и гражданское население — ни единым пальцем. Имей это в виду! Есть специальный приказ: за мародерство и жестокое обращение с населением — вплоть до расстрела. Несколько приговоров уже привели в исполнение, — после паузы добавил он. — Срываться на месть нельзя. Ни в коем слу-

чае! А вот и наша берлога, — открыл он массивную дверь. — Здесь была канцелярия, так что шкафы и стеллажи достались по наследству.

— Неплохо жили, — начал было Виктор, но тут же осекся: из-за стола выскочил невысокий, но очень юркий сержант и, не говоря ни слова, бросился к Рексу. Он сгреб в охапку растерявшегося от такого обращения пса, повалил его наземь и начал что было сил обнимать. Потом сержант выпотрошил карманы и вывалил перед Рексом груду трофейных галет, конфет и шоколада.

Рекс воротил нос, по возможности деликатно пытался вырваться, но сержант терся о его шею и, давясь словами, говорил:

— Ну надо же! Вот так встреча. Я замолил. Честное слово, все грехи замолил. Ты же мне всю душу перевернул! Я поклялся: если выживу, буду привечать каждую дворняжку. А тут ты! Ну надо же!

Растерявшийся от этой странной сцены Галиулин пришел в себя и строго спросил:

— Что это значит? Как понимать ваше поведение?

Сержант выпрямился, отряхнулся, круто повернулся — и тут, новое дело, к нему бросился майор Громов.

— Санька! — закричал он. — Жив?! Ай да Санька! А мы тебя... Ну надо же, ты жив! Товарищ полковник, это же Мирошников. Из моей роты. Это такой разведчик! А мы его чуть не списали.

Санька косил глазами, радостно улыбался и даже не пытался вырваться из крепких рук Громова. Наконец Виктор отпустил его, одобрительно оглядел и коротко бросил:

— Рассказывай!

— Если бы не он, — кивнул Санька на Рекса, — рассказывать было бы нечего. Живот мой стал как решето, живым сдаваться не хотелось, вот и решил утонуть в болоте...

— Ну да, — перебил его Виктор, — а Рекс тебя вытащил, хотя и... не очень-то любил.

— Да что там не любил! — согласно кивнул Санька. — Ненавидел! И было за что! Ведь я же до войны на живодерне работал, — обернулся он к Галиулину. — Собачьих душ загубил — не счесть.

Галиулин непроизвольно нахмурился.

— Тому были причины, — заступился за Саньку Громов. — Я эту историю знаю. Ладно, ты лучше расскажи, что было дальше.

— Дальше? Известное дело: госпитали, операции, хотели списать по чистой... Но я вернулся в строй, воевал, все время искал наших.

— Наших уже не найти, — тяжело вздохнул Громов. — Все там. — Он посмотрел на потолок. — От старого состава роты только мы с тобой и остались. Ну, Санька, прохиндейская твоя душа! — еще раз стиснул его Громов. — Теперь уж пойдем вместе. До Берлина! А помнишь, как в Сталинграде?

— А рукопашную в сорок первом?

— А под Курском?

— Стоп-стоп-стоп! — поднял руку Галиулин. — Вечер воспоминаний устроите в другой раз. А сейчас, сержант Мирошников, помогите устроиться вашему командиру, и ровно через час, — посмотрел он на часы, — прошу вас, товарищ майор, ко мне.

Час пролетел, как одна минута. Едва Виктор распаковал чемодан, прикрепил в своем закутке семейную фотографию и накормил Рекса, как прибежал посыльный. Он уважительно посмотрел на Рекса и, сильно окая, прохрипел:

— Просили поторопиться. Сказали, чтоб без собаки.

— Хор-рошо, — раскатисто ответил Виктор. — Без собаки так без собаки. Сидеть! — бросил он Рексу и обернулся к посыльному. — Ты чего хрипишь-то? Простыл?

— Так точно. Простыл, — безнадежно махнул он рукой.

— Под березкой стоял? Со связисточкой? — лукаво погрозил пальцем Виктор.

— Никак нет, — смутился посыльный. — Искупался. В Одере.

— В Одере? Вот это да! Неужели дошли?

— Дошли, товарищ майор. Разведка вовсю шурует на том берегу. На обратном пути напоролись на мину. Лодка — в щепки, а мы — вплавь.

— Доплыли все?

— Все. Только командира малость контузило. Еле слышит. И головой трясет.

— Кто такой? Может, знаю?

— Едва ли. Старший лейтенант Ларин...

— Ларин?! — тряхнул его Виктор. — Не врешь?

— Да вы что, товарищ майор, — поморщился от боли посыльный. — Зачем мне врать-то?

— А ну быстрей! — повернул его к двери Виктор. — Веди прямо к нему.

— За тем и пришел, — заторопился посыльный. — Сейчас он у полковника на докладе.

Давненько посыльный не видел таких бегунов. Майор Громов летел по штольне, как к олимпийской медали. Он вихрем ворвался к Галиулину, на ходу козырнул и бросился к вскочившему со стула молодцеватому офицеру.

— Игорь! Ларин! — стиснул его Виктор. — Ты?! Ну надо же! Нет, такое бывает только на войне: за один день две встречи. И какие!

— Ты забыл, кто такие встречи устраивает, — с улыбкой заметил Галиулин. — Надеюсь, помнишь, как я тебя свел с капитаном Мараловым?

— Еще бы.

— Ты с ним связь поддерживаешь?

— Конечно. Он где-то на нашем направлении.

Наконец Виктор выпустил Ларина, усадил на стул, сам пристроился напротив и, вглядываясь в измученное лицо Игоря, начал расспрашивать:

— Как ты? Что ты? Кто с тобой из наших?

Игорь виновато улыбнулся и показал на ухо.

— Громче. Пожалуйста, громче. Я очень рад! Честное слово!

Виктор прокричал вопросы в самое ухо.

— Из тех, кто был на Днепре, в роте никого нет. Но ребята пришли стоящие. Хорошо показали себя на Висле. Сейчас прощупываем левый берег Одера.

— Давайте об этом позже, — попросил Галиулин. — Надо перекусить и отметить встречу, — он сдернул со стола газету. — Как говорится, чем бог послал.

— Вот это да! — изумился Виктор, увидев бутылки с иностранными этикетками. — Контакты у вас, вижу, неплохие.

— А ты как думал! На то мы и разведка.

Когда отлегло на душе и друзья, отодвинув стаканы и тарелки, расстегнули воротнички, Галиулин с нажимом сказал:

— Так я — о контактах. Сейчас это самое главное. На левом берегу действует несколько наших разведгрупп. Некоторые — в немецкой форме. Но расчет на то, что в хаосе отступления им без труда удастся ловить рыбку в мутной воде, не оправдался. Оборона у немцев плотная. Дисциплина железная. За паникерство и пораженческие настроения вешают на телеграфных столбах. В войсках, да и в народе усиленно распространяется лозунг: «Мы были у стен Москвы, но города не взяли. И русским не

видать Берлина». Сопротивление действительно невиданное. Как следствие — большие потери с нашей стороны. Перед разведотделом армии поставлена задача снизить эти потери. Способ — древний как мир: своевременно сообщать об узлах сопротивления, минных полях, тайных аэродромах, районах максимального сосредоточения войск.

Неторопливую речь Галиулина прервал зуммер.

— Слушаю, — снял он трубку. — Да... да... Плохо!— побледнел Галиулин. — Очень плохо! Ни в коем случае. Пост не снимать! Будем искать. Будем думать.

Галиулин швырнул трубку. Встал. Рванулся к двери. Вернулся. Снова сел.

— Прокол, — посмотрел он на Виктора. — Серьезный прокол. Еще позавчера две группы должны были вернуться с западного берега Одера. Они работали в глубоком тылу, трижды выходили на связь, передали чрезвычайно важные сведения, а потом — будто в воду канули. Сейчас вот сообщили, — кивнул он на телефон, — что в эфире по-прежнему пусто, прошли все сроки выхода на связь, и предлагают снять пост. Я запретил. Снять пост — значит вычеркнуть их из списка живых. А в каждой группе по десять человек. Какие будут предложения?

Виктор облизнул разом пересохшие губы и решительно встал.

— Надо искать! Может, у них раненые, может, блокированы, может...

— Вот именно! Может, взяты в плен, может, погибли... Короче говоря, надо установить, что с нашими группами. По идее это задание надо поручить Ларину, но ты же видишь, в каком он состоянии — ни черта не слышит и на ногах еле держится.

— Все понял, — привычно передвинул пистолет на живот Виктор. — Я готов.

— Вот и ладно. Людей подбирай сам. Бери кого хочешь, но не больше взвода. Готовность — двадцать два ноль-ноль.

С помощью Ларина Виктор быстро сформировал группу поиска, своим заместителем назначил сержанта Мирошникова. В последний момент приказал принести что-нибудь из вещей пропавших солдат. Санька все понял и вскоре явился с двумя пилотками — офицерской и солдатской.

— То, что надо, — похвалил его Громов. — Береги как зеницу ока. На переправе старайся не замочить.

Санька кивнул и сунул пилотки за пазуху.

Переправа прошла спокойно. В кромешной тьме две резиновые лодки отчалили от берега и через полчаса ткнулись в густой кустарник на западном берегу. Встретили их промокшие до нитки саперы. Виктор знал, что небольшой плацдарм передовые подразделения уже захватили, но немцы беспрерывно атаковали вросшую в берег пехоту. Правда, по ночам саперы переправляли орудия, минометы и даже легкие танки.

«Хороший признак, — отметил про себя Виктор. — Раз есть артиллерия, да еще и танки, значит, десант не ложный — техникой зазря рисковать не будут. Поднакопят сил и через недельку-другую пойдут вперед. Вот только куда? Путь-то им должны указать мы...»

Накоротке посовещавшись с командиром десанта, уточнив места прохода и сигналы, Виктор вернулся к своим — и вскоре разведчики растворились в ночи. Когда Рексу дали понюхать офицерскую пилотку, извлеченную из-за пазухи Мирошникова, он тут же взял след и уверенно повел к синеющему вдали лесу.

— Разве это лес? — ворчал на ходу Санька. — Деревья торчат, как мачты, завалов нет, тропинки будто подметенные. Тут и спрятаться-то негде. То ли дело в Белоруссии или на Украине: нырнул в чащобу — и ищи-свищи. Нет, в таком лесу воевать нельзя. Это парк культуры и отдыха, а не лес.

— Не ворчи, — отмахнулся от него Громов. — Лучше следи за Рексом. Передай по цепочке, чтобы шли след в след — тут могут быть мины.

Уже было два коротких привала, уже обнаружен присыпанный мхом окурок «Беломора» — Рекс принес его, бережно зажав зубами, — уже никто не сомневался, что группа идет правильным путем, но следы вели все дальше и дальше на запад.

«Далеко забрались, — размышлял Виктор. — Не только армейской, но и фронтовой разведке это ни к чему. Значит, что-то их гнало. А может быть, не что-то, а кто-то?..»

Когда вышли к небольшой речонке и Рекс, вытянув поленом хвост, глухо зарычал, Громов все понял.

— Лежать! — передал он по цепочке, а сам подполз к Рексу и замер.

Журчит вода. Шелестят листья. Что-то шуршит. Вдруг Рекс повернул голову вправо и шумно втянул в себя воздух. Виктор благодарно кивнул и двинулся вправо. Рекс полз рядом. Шерсть вздыбилась, клык обнажился — вер-

ный признак, что чует человека. Вот только кого: русского или немца? Теперь уже и Громов чувствовал запах табачного дыма. Осторожно, стараясь не задеть ни веточки, ни травинки, Виктор снова двинулся вперед. И вот прямо перед ним заросшая высокой травой ложбина. Чуть дальше — река. А в траве бугрятся какие-то тени. Если бы они не перемещались, можно было бы подумать, что это обыкновенные пни или стожки сена. Но тени не только двигались, они переговаривались, правда, так тихо, что невозможно было понять, на каком языке. И тогда Виктор решил стать... еще одной тенью.

— Лежать, — шепнул он Рексу и ужом вполз в траву.

Около реденького кустика Виктор замер. Приподнял голову. Огляделся. Метрах в десяти — два нахохлившихся силуэта. Виктор осторожно привстал — никто ничего не заметил. Тогда он сел на корточки и замер, закутавшись в плащ-палатку. Прошла минута... другая... Вдали от Виктора силуэты изредка передвигались, а те, что рядом, то ли спали, то ли были слишком бдительны.

«Через полчаса рассвет, — лихорадочно соображал Виктор. — Что же делать? Меня все равно вычислят. Хорошо, если это наши. А если немцы? Нет, надо действовать! Пока темно, хоть один шанс, но есть. Придется брать «языка». Если русский — простит, если немец — разберемся».

Виктор уже приметил один силуэт, замерший чуть поодаль. Мягко привстав, он скользнул к этому силуэту, в последний момент услышал шелестящее: «Штиль!» — и, уже не сомневаясь, нанес такой сокрушающий удар в челюсть, что силуэт мгновенно исчез в траве. Виктор тут же занял его место.

Сидящие ближе к воде оглянулись и укоризненно покачали головами. Виктор виновато развел руками.

Когда все успокоилось, он забил немцу кляп и тихо-тихо, буквально по сантиметру, начал подтаскивать его к кустам. К счастью, его уже ждали: Мирошников и еще двое разведчиков подхватили немца и потащили в глубь леса.

Допрос был коротким. Немец сразу понял, с кем имеет дело, и без лишних слов сообщил, что два взвода автоматчиков окружили засевших в фольварке русских диверсантов. Вчера им предъявили ультиматум: если не сдадутся до рассвета, их сожгут огнеметами. Это проще простого: ведь патроны у русских давно кончились и отбиваются они лишь гранатами.

Как только из-за леса брызнули первые лучи солнца и стал хорошо виден расположенный за речонкой фольварк, на зябнувшие всю ночь силуэты обрушился такой яростный огонь, что они, так и не успев ничего понять, остались лежать на травянистом берегу. Приготовившиеся к последнему бою разведчики не сразу поверили в свое спасение: некоторые так и замерли с гранатами в руках, готовые подорваться, но не сдаться в плен.

— Пятнадцать человек, — быстро пересчитал Громов. — Вы лейтенат Ершов?

— Так точно.

— Где остальные?

— Там, — кивнул куда-то на запад лейтенант. — Мы их схоронили.

— Как случилось, что обе группы оказались в этом фольварке?

— Случайно. Здесь мелкая речка, можно перейти вброд.

— Что с рацией?

— Разбита.

— Что успели сделать?

— Все, что было приказано, — похлопал по планшету лейтенант.

— Отлично. Идти можете?

— Могу. Но трое не могут.

— Понесем. Вперед, быстро!

Когда перебрались через речку и углубились в лес, Санька достал из-за пазухи пилотку и протянул лейтенанту.

— Наденьте, а то застудитесь.

— Пилотка? Моя? — удивился лейтенант. — Откуда?

— Спросите у него, — кивнул Санька на бегущего рядом с Громовым Рекса. — Если бы не он, не видеть бы этой пилотке головы хозяина.

— Да ты что?! Ну, псина, век не забуду! — попытался он погладить Рекса, но тот увернулся и прибавил шагу. — Ишь ты какой... — растерялся лейтенант.

— Он — солдат, — на ходу бросил Громов, — и, как всякий солдат, не любит фамильярностей.

— Правильно, — убежденно кивнул лейтенант. — Я тоже не люблю, когда хлопают по плечу или, как мальчишке, ерошат волосы.

В этот миг солнце окончательно выбралось из-за туч и ярким золотом высветило вековые сосны.

— Рассвет, — сбил на затылок пилотку лейтенант. —

Надо же, дожил до еще одного рассвета. Вот уж о чем не думал, не гадал.

— Не о том вы думаете, товарищ лейтенант, — как бы между прочим заметил Санька. — Совсем не о том.

— Как это? — не понял лейтенант. — Я о жизни думаю.

— А надо — о тушенке. Или о куске хорошей колбасы.

— Да я вроде не голодный.

— Вы-то нет. А ваш спаситель? Смотрите, даже бока запали, да и язык — чуть не до земли. А еще говорили: век не забуду. Он ведь все понял. Собаки не люди, «спасибом» не отделаешься.

Лейтенант покраснел до кончиков ушей, начал рыться в карманах и неожиданно для всех извлек... карамельку.

— Надо же, завалялась, — еще больше покраснел он. — Я сладкое люблю. С детства. Может, возьмет?

— А вы предложите, — неожиданно остановился Громов и подозвал Рекса. — Вообще-то он ест только из моих рук, но иногда, в знак особого расположения...

Лейтенант сорвал бумажку, тщательно очистил конфету от прилипших лоскутков и просительно протянул Рексу.

— Пожалуйста. У меня больше ничего нет. Я и правда век не забуду, — прижал он к груди руку.

«Боже мой! — внутренне содрогнулся Виктор. — И таких посылают на войну. Ведь мальчишка же, совсем мальчишка. Правда, у этого мальчишки орден и две медали. Но все равно мальчишка».

А Рекс, умница Рекс, будто понимая, чего от него ждут, и, уж во всяком случае, безошибочно чувствуя состояние стоящего перед ним человека, посмотрел на хозяина и слизнул конфету.

— Будете друзьями, — неожиданно для себя взъерошил волосы лейтенанта Громов.

А тот, забыв обидеться, счастливо улыбнулся и, щурясь от солнца, чуть ли не вприпрыжку бросился догонять удаляющуюся цепочку разведчиков.

XXIX

Полтора месяца пролетели как один день. И хотя армия не выходила из боев, расширяя кюстринский плацдарм, штурмуя Зееловские высоты, форсируя Шпрее, сражаясь за каждый берлинский дом, лишь в тоннеле метро

до Виктора дошло, где он и какой пройден путь. Дорогой, очень дорогой ценой приходилось платить за улицы и площади Берлина. Снова самой дефицитной стала должность командира взвода, да и командиры рот были наперечет. И тогда командарм принял решение ставить во главе штурмовых групп штабных офицеров — другого выхода просто не было. Одну из таких групп возглавил майор Громов.

— Мы, кажется, здесь? — ткнул он в схему метро.

— Здесь, — подтвердил Мирошников. — Называется — Цоо. Это что же будет по-нашему?

— Ну и ленив же ты, братец, — пожурил его Громов. — Почти четыре года имеешь дело с немцами и ничего, кроме «Хенде хох!», не знаешь. Цоо — это зоопарк.

— Вот оно что, — смутился Санька.

— Ларин! — крикнул в темноту тоннеля Виктор.

— Я здесь, — вспрыгнул на платформу Игорь.

— Наша цель — Потсдамская площадь. Ты идешь тоннелями, я — поверху. В том районе — бункер Гитлера. Защищают его не мальчишки, а эсэсовцы из личной охраны фюрера. Так что береги людей. На рожон не лезь.

— Есть! — козырнул Ларин и исчез в темноте.

Когда группа Громова, забросав гранатами немецкий заслон, вырвалась из метро, в первый момент Виктор глазам не поверил: в прудах плавают лебеди, по газонам разгуливают жирафы, в кустах трубят слоны. Что за чертовщина?! Не сон ли это? Не мираж?! Нет, не мираж, решил он, увидев совсем рядом бегемота с застрявшей в боку неразорвавшейся минометной миной.

— Вперед! — скомандовал он.

Солдаты бросились вперед, но их встретил такой плотный пулеметный огонь, что пришлось залечь.

— Вон он, гад! Я его вижу, — жарко шептал Санька. — Надо обойти — и гранатами. Я сделаю. Разрешите?

— Не суетись, — приподнял голову Громов. — Видел за углом танки? Пулей — к ним и попроси подсобить огоньком.

— Лады, — ощерился Санька. — Это я мигом.

Через минуту на поляну выползла тридцатьчетверка. Снаряд. Второй. Кубообразной формы каменное сооружение рухнуло, и пулемет умолк.

— За мной! — поднялся Громов.

У самых развалин его опередил Санька и первым влетел в пролом. За ним ворвались еще трое. И вдруг Виктор услышал не крик, а детский визг! С перекошенным

лицом из развалин выскочил Санька, а за ним остальные.

— Т-туда н-нельзя, — выдавил Санька. — Там это... эти... как их...

Громов оттолкнул Саньку, нырнул в пролом и... тут же прирос к земле. Прямо на него шел огромный крокодил. Рядом волочил перебитый хвост серо-зеленый аллигатор. Виктор шагнул в сторону — и чуть не наступил на клубок змей.

— Мама родная, — ужаснулся он, — мы же расколошматили террариум.

Удавы, кобры, крокодилы, черепахи, устрашающе огромные ящерицы — чего здесь только не было! И все копошилось, шипело, извивалось, норовя выбраться на волю. Виктор юркнул в пролом и, вытирая холодный пот, выдавил:

— Да-а... Такого я еще не видел.

— Завалить бы, — кивнул на пролом Санька. — А то расползутся, перекусают.

— Надо бы. Только чем?

— Да вон, — показал Санька на разбитую легковушку. — Мы ее враз подкатим.

— Действуй, — махнул рукой Громов.

Санька свистнул и, прихватив шестерых солдат, кинулся к легковушке. А Громов двинулся в обход террариума. Шаг... другой... третий. И вдруг он услышал предупреждающе-грозное рычание. Оно было таким глубоким и мощным, будто разом загудела сотня орга́нов. Громов сделал еще шаг — и замер. В десяти метрах от него изготовился к прыжку... тигр. Сверкают яростью желто-зеленые глаза. Сечет бока длиннющий хвост. Из передней лапы сочится кровь.

«Ранен, — мелькнула мысль. — А раненый зверь бросается на первого, кого видит».

Автомат, как назло, за спиной. Виктор сделал шаг назад. Тигр шагнул вперед. Виктор потянулся к кобуре. Тигр угрожающе приподнялся. Чтобы достать автомат и передернуть затвор, нужно две секунды! Неужели не успеть?! Если прыгнуть за дерево, а потом... Прыжок! Яростный рев. Удар по спине. Визг. Лай. Хрип. Снова рев.

Когда Виктор приподнялся, прямо перед собой увидел вцепившегося в холку тигра Рекса. Хрипяще-визжащий клубок катался в пяти метрах от Виктора. Он понимал, что долго Рексу не продержаться, но убивать эту огромную кошку почему-то было жалко.

— Ладно, потом разберемся, — решил он и всадил пулю в заднюю ногу тигра.

Тот сразу выпустил Рекса и метнулся в кусты.

— Не трогать! — крикнул он прибежавшим на шум автоматчикам. — Раны пустяковые, он их залижет. А там посмотрим — может, отвезем в Москву, и я буду показывать его дочке.

Рекс был цел. Основательно помят, но цел. Громов еще и еще раз осмотрел его, плеснул из фляжки воды, прямо из ладоней дал попить и, гладя подрагивающий загривок, сказал:

— Да, Рекс, с такими кошками наверняка не имела дела ни одна собака. Ты хоть понимаешь, что шел на верную смерть? Этой киске даже такая псина, как ты, на один зуб. Молодчина, Рекс! Ты у меня парень что надо. Без тебя я бы давным-давно был на том свете. Ну что, оклемался? Идти можешь? Тогда вперед! — поднялся Громов и повел свою группу дальше.

Снова перебежки, яростные схватки, бои за каждый дом... И вдруг — тишина. Нет, не та тишина, которая бывает перед артналетом или сигналом к атаке. Это была та долгожданная тишина, за которую полегли миллионы русских солдат.

Разведчики сгрудились на чердаке дома, откуда только что выбили эсэсовцев, и завороженно смотрели на красное полотнище, развевающееся над куполом рейхстага.

— Что это? — спросил молоденький ефрейтор.

— Это? Это — победа! — устало ответил Громов.

Он понимал, что нужно сказать что-нибудь возвышенное, но не мог совладать с душившими его слезами. Как всегда, выручил Рекс — он вскинулся на грудь хозяина, и Виктор зарылся лицом в его пропахшую порохом шерсть.

XXX

На парадной площадке царила невообразимая суматоха. Гремели барабаны, пели трубы, звучали команды, но научить чеканить шаг вчерашних фронтовиков казалось делом невозможным. Солдаты — те помоложе и схватывали все на лету. А каково генералам? Но и они с утра до вечера тянули носок и вбивали ноги в асфальт.

Лишь поздним вечером площадка затихала. Одни расползались по палаткам, другие разъезжались по домам. В число этих счастливчиков попал и майор Громов. Как

ни гудели ноги, он почти бегом кидался в метро и минут через сорок влетал в свою квартиру. Стол уже накрыт, и вся семья ждет его к ужину. Коротко взлаивал Рекс, ерошила волосы мать, целовала в щеку Маша, вскарабкивалась на руки Валентина. Что еще нужно человеку? Это ли не счастье?

А после ужина всей семьей выбирались в парк — на этом решительно настаивала Маша.

— И Рексу надо погулять, и Валюшке перед сном подышать, и нам с мамой размяться.

— Вам-то размяться, — вздыхал Виктор, — а меня уже ноги не держат.

Но все равно безропотно переодевался «по гражданке» и вместе со всеми отправлялся в парк. У прудов спускал Рекса с поводка и валился на ближайшую скамейку. Здесь-то и брала его в оборот Маша. Она никак не могла смириться с тем, что в Параде Победы не будут участвовать женщины.

— Мы что, плохо воевали? — начинала она.

— В основном неплохо.

— В основном?! — вспыхивала Маша. — Ладно, допустим, вытащить из-под обстрела раненого — плевое дело, — суживала она глаза. — А что ты скажешь о летчицах? А на чьих плечах была связь? Может быть, женщин не было в танках? Были. А кто-нибудь считал, сколько немцев сняли девчонки-снайперы? А зенитчицы...

— Да были! Везде были, — соглашался Виктор.

— На фронте были, а на параде нет?! — наседала Маша. — Нет, это не дело. Я этого так не оставлю!

— Конечно, не дело, — соглашался Виктор. — Но я-то в чем виноват? Не я же принимал решение, кому идти по Красной площади, а кому стоять на трибунах. Рекс вон тоже воевал, однако его никто не приглашает.

— И зря! — топнула ногой Маша. — Я бы пригласила всех. И прежде всего искалеченных! Посадила бы их в машины и провезла по Красной площади. Кто-кто, а они-то это заслужили.

— А как быть с теми, кого... не посадишь в машины?— вздохнул Виктор. — Сколько их! Будь моя воля, я бы имена всех павших высек на огромной гранитной стене или напечатал в толстенной книге.

— Так ты, значит, на правом фланге? — меняла тему разговора Маша. — И все на тебя равняются?

— Вся шеренга, — улыбался Виктор. — А я — ем

глазами затылок генерала Скворцова: командармы идут шагов на двадцать впереди.

— И их гоняют вместе с вами?

— Еще как гоняют!

— Значит, ты будешь ближе всех к Мавзолею? — допытывалась Маша. — И увидишь всех-всех-всех? Счастливый, — прижималась к нему Маша. — Потом расскажешь, ладно?..

Но через день судьба так круто изменила все планы Виктора, что он долго не мог прийти в себя. Сразу после утреннего построения его и еще пятерых офицеров вызвали к генералу армии Соколовскому. Все знали, что колонну 1-го Белорусского фронта поведет он, а не маршал Жуков — Георгию Константиновичу поручили принимать парад. Заместитель командующего фронтом был крутоват, поэтому от вызова к нему не ждали ничего хорошего. Он придирчиво осмотрел прибывших офицеров и неожиданно растерянно улыбнулся.

— Что ж мне с вами делать? Все — Герои, все — красавцы, а нужен один. Знаете зачем? — строго спросил он. — Кому-то из вас будет оказана высочайшая честь — нести Знамя Победы. То самое знамя, которое было водружено над рейхстагом.

Все шестеро вытянулись во фрунт.

— То-то! — довольный произведенным эффектом, улыбнулся генерал армии. — Мы еще подумаем, кого из вас выбрать, но тренироваться будете все. Нести знамя — это вам не в шеренге топать. Знамя — это... это у всего мира на виду. Вы меня поняли? Кругом — марш! И гонять их до седьмого пота, — приказал он стоящему рядом полковнику.

Приказ Соколовского полковник выполнял истово. Не прошло и дня, а вся шестерка уже валилась с ног. Если бы не генерал Скворцов, объяснивший, что знаменосцы должны выглядеть браво, а не как мокрые курицы, их бы загоняли напрочь.

Это была первая неожиданность в судьбе майора Громова. Но его ждала и вторая. Однажды вечером, когда Виктор ушел в дальний угол парадной площадки и, разувшись, повалился на траву, до него донесся собачий лай. Прислушался. Нет, это не грызущиеся из-за костей дворняжки. Так лают серьезные, уважающие себя собаки. Виктор приподнялся. Барабанная дробь. Ритмичный шаг множества людей. Какие-то команды. Что за чертовщина?! И сдержанный лай, и уханье барабанов доносились из-за

высокого забора. Виктор заглянул в щель — и обомлел. Оказывается, за забором еще одна парадная площадка. В дальнем углу тренируются кавалеристы, а совсем рядом — солдаты с длинными шестами и собаками на поводках.

«Да это же саперы! — догадался Виктор. — Значит, они тоже пойдут по Красной площади, и не одни, а с собаками. Черт возьми, выходит, с собаками можно! Значит, их шавки пойдут, а Рекс будет сидеть дома?! Ну нет, этому не бывать!»

Виктор мгновенно натянул сапоги и бросился к штабной палатке. У входа столкнулся с генералом Скворцовым, извинился, но тут же совсем не по-уставному схватил его за руку.

— Что случилось, майор? — удивился генерал. — Я вас не узнаю.

— Прошу прощения... Извините... Тут такое дело, — не мог перевести дух Виктор. — Разрешите обратиться?

— Да вы уже обратились, — отвел его в сторону Скворцов. — Куда вы неслись?

— К вам! Теперь я понял, что именно к вам, — умоляюще приложил к груди руки Виктор.

— Хорошо, я вас слушаю.

— За забором тренируются саперы, — начал Виктор. — С собаками. Представляете, их Шарики и Жучки будут участвовать в Параде Победы! Они пройдут по Красной площади. А мой Рекс! Он столько сделал. Это же такая собака!.. Он достоин. Честное слово, достоин!

Генерал Скворцов вспомнил, как вручал Виктору орден и майорские погоны, как тронула его бесхитростность и искренность этого офицера, как он устроил ему небольшой экзамен. Генерал не удержался и устроил Виктору еще один.

— Вы хоть понимаете, о чем говорите?! — строго начал он. — Вы включены в группу знаменосцев. Не скрою, у вас больше всех шансов победить в этом конкурсе и именно вы понесете Знамя Победы. Вы войдете в историю. О вас будут писать газеты. Ваше имя будет на устах у всего мира.

Виктор зарделся. Вскинул подбородок. В глазах мелькнуло что-то похожее на значительность и горделивость. Но это продолжалось всего лишь мгновение. Виктор стряхнул нашедшую на него оторопь и убежденно сказал:

— Какое это имеет значение?! Я всю жизнь буду казниться, что обманул Рекса. Если говорить честно, то еще

надо разобраться, кто из нас — он или я — больше достоин участвовать в параде.

— Но он же немец, — напомнил генерал. — Представляете, какой будет скандал, если узнают, что в Параде Победы участвовал немец!

— Да какой он немец... — начал было Виктор, но тут же осекся, понимая, что этому аргументу противопоставить нечего.

— Правда, Рекс не просто немец, — пришел на выручку генерал, — он — антифашист.

— Точно, антифашист! — обрадовался Виктор. — Это такой антифашист! Он же порвал столько фашистских глоток, что...

— Ладно, сдаюсь, — поднял руки Скворцов. — Этот вопрос утрясли. Но неужели вы в самом деле ради собаки отказываетесь от чести нести Знамя Победы? — пытливо заглянул в глаза Виктора генерал. — Рекс же ничего не узнает, а если и узнает, то не поймет, чего лишился. А вот хозяин лишится многого!

— Он поймет, — убежденно сказал Виктор. — Мне он, конечно, ничего не скажет, вернее, не даст знать, но главное поймет — поймет, что я его обманул. И даже предал. А он этого не заслуживает. Он меня не предавал. Никогда! И потом, я это делаю не ради собаки, а ради друга — такого друга, каких и среди людей не так уж много.

Генерал Скворцов обнял Виктора и очень серьезно сказал:

— Спасибо, майор. Именно это я хотел от вас услышать. Рад, что не ошибся. Я хорошо помню, как еще в сорок третьем сказал, что вы настоящий русский человек. Совестливость, открытость и готовность к самопожертвованию — ведь это черты исконно русского характера. Я все сделаю. Ваш друг будет участвовать в параде.

Утро выдалось хмурым и дождливым. В восемь утра сводные полки десяти фронтов, полк Военно-Морского Флота и части Московского гарнизона уже стояли на Красной площади. Всюду плакаты, красные стяги, гербы союзных республик. На Лобном месте бьют струи 26-метрового фонтана. Ровно в десять, с боем Кремлевских курантов, на Красную площадь верхом на белом коне выехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Что говорил он, что отвечал командующий парадом К. К. Рокоссовский, стоящие на Красной площади и прилегающих улицах не слышали, но

когда состоящий из 1400 человек оркестр грянул «Славься!» — гимн русскому народу, написанный Глинкой, у многих поползли по спине мурашки, а кое-кто не мог скрыть слез.

И вот разнеслась команда:

— К церемониальному маршу-у!

За долгий месяц тренировок все хорошо выучили порядок прохождения фронтов: начинает Карельский, а заканчивает 3-й Украинский. Все известно, все отработано. Но когда в 10 часов 50 минут настал черед 1-го Белорусского фронта, сердце майора Громова дрогнуло — его друзья и соратники уже печатают шаг по Красной площади, и Знамя Победы несет кто-то другой, а он стоит среди совсем незнакомых людей на дальних подступах к легендарной брусчатке.

Будто чувствуя состояние хозяина, Рекс потерся о его ногу. Виктор погладил Рекса и заметил, как того трясет.

— Волнуешься? — тихо спросил он. — Я, брат, сам того и гляди свалюсь — такая дрожь в коленках. Мы-то что, мы еще ничего, — успокаивал он Рекса, — а ты посмотри вперед, на суворовцев. Бодрятся, петушатся, а сами того и гляди разревутся. Сзади — вообще трясучка. Кавалерия и секунды не может стоять спокойно: от музыки и всего этого грома лошади так и пляшут. Ничего, главное, и ты, и все остальные собаки поняли, что от вас требуется не лаять, не кидаться друг на друга, а гордо и достойно идти рядом с хозяином... Все, войска действующей армии прошли, теперь — академии, а потом — мы.

В одиннадцать тридцать колыхнулась колонна суворовцев. Секунда... другая... И — раз! Ребята четко взяли шаг и под рукоплескания трибун начали вбивать брусчатку в земной шар.

«Теперь — мы», — успел подумать Виктор и в каком-то беспамятстве сделал первый шаг.

Перехватило дыхание, пело в душе, звенело в висках... Мелькали поверженные фашистские штандарты, проплывали незнакомые лица. Где-то в глубине трибуны, как ему показалось, он заметил Машу, Валентину и даже неожиданно объявившегося накануне Маралова. Мавзолей. Виктор скосил глаза. Как близко все эти люди! Каждый из них легенда, а они что-то обсуждают, смеются, азартно рукоплещут.

Гремела музыка, пела душа, но Виктора уже охватывала какая-то странная грусть. Он понимал, что этим парадом заканчивается не только война, заканчивается та жизнь, к

которой он так привык, которая дала ему любовь, семью, друзей... и, как это ни странно, уверенность в завтрашнем дне. Какой будет новая жизнь и что он в ней станет делать, Виктор не знал, но в одном был уверен: с теми людьми, которые рядом с ним, он добьется чего угодно. А если будет трудно, всегда поможет бывший солдат по кличке Рекс.

ПОВЕСТИ

Багровая земля

Кто живет, на жизнь
не жалуясь, не ноя,
Видит будущее лучше,
чем былое,
Кто борьбе отдаться рад,
кто не пугается преград,
Только тот достоин имени
героя.

Сулейман Лаек

I

орода росла преступно медленно. Каждое утро Рашид с отвращением подходил к зеркалу, неприязненно разглядывал свое бледное с пугающе злыми глазами лицо и яростно тер редкую, колючую щетину. А злиться было отчего. Ежедневно Рашид узнавал о новых жертвах — жертвах, которые он мог бы предотвратить, если бы... родился с бородой.

— А что, — невесело шутил он с близким другом Саидакбаром, — душман без бороды — не душман, значит, хадовец[1] должен явиться на свет с бородой и, чтобы его не расшифровали, быть правовернее самого Аллаха.

— Если бы я не знал тебя как облупленного, мог бы подумать, что имею дело с неврастеником, — удовлетворенно покручивая пышные усы, заметил Саидакбар. — Как врач тебе говорю: ускорить рост бороды невозможно. А фантастическое везение с удостоверениями предусмотреть заранее не могли. Ты вспомни, как мы выбирались из Метерлама — в пистолетах осталось по одному патрону.

— Да-а, — вздохнул Рашид. — По одному патрону и по одному другу. Скажи честно, — сузил он глаза, — смог бы ты сперва меня, потом себя?

---

[1] ХАД — служба государственной информации, ныне Министерство государственной безопасности. *Здесь и далее прим. автора.*

— Нет. Это не по мне. Я врач, должен спасать людей, а не убивать.

— А я инженер! Думаешь, у меня все внутри не переворачивается, когда приходится ставить к стене земляков?

И вдруг спокойный, собранный Саидакбар трахнул кулаком по столу и закричал:

— Зверье! Шакалы! Трусливые ублюдки! На, читай последнюю сводку, — бросил он на стол несколько листков. — В провинции Баглан взорвана школа.

— Пострадало только здание? — с надеждой в голосе спросил Рашид.

— Если бы! Заживо сгорело двести учеников и пять учителей! Слушай дальше. На базар Мазари-Шарифа привели навьюченного ишака. В хурджунах — мины. Ишак и двадцать горожан — в клочья, сорок человек попали в госпиталь.

— Хватит! — вскочил Рашид. — Я и так словно раскаленный кинжал. За все спросим. У-ух как спросим! А теперь к делу. Давай-ка трофейные газеты, журналы, листовки, приказы — будем изучать врага.

Саидакбар вышел в соседнюю комнату. Рашид пометался по кабинету, зачем-то проверил лежащий на столе пистолет, с некоторой долей удивления увидел меня, что-то вспомнил и виновато приложил руку к сердцу:

— Извини, совсем зашился. Слушай, а тебе это интересно? Может, пока не поздно, откажешься от своей затеи?

— Нет, не откажусь. Мы же договорились: я ни во что не вмешиваюсь, буду только твоей тенью. Поэтому мне интересно все, что интересно тебе.

— С тенью ничего не выйдет. Дней через десять я уйду. Без тени! А чтобы ты не скучал, предлагаю побывать в договорных бандах.

— Договорных?

— Ну да. Есть такие банды. Мы их даже подкармливаем.

— Чем?

— И продуктами, и оружием.

— Зачем? — изумился я.

— Чтобы они перешли на нашу сторону.

— И переходят?

— Переходят. И даже сражаются с другими бандами.

— Просто не верится. Ведь несколько банд могут объединиться и так наказать перебежчиков, что не останется ни стариков, ни детей.

— То-то и оно, что не могут. Ладно, придет время —

убедишься в этом сам. Как думаешь, Азиз, — обратился он к вернувшемуся Саидакбару, раскрыв псевдоним, под которым тот действовал в бандах, — куда его направить?

— А стоит ли? — усомнился Азиз. — Ведь стопроцентных гарантий душманы не дают. Хорошо еще, если просто убьют. А если переправят в Пакистан? Если придется нашему другу отрабатывать хлеб и воду, сочиняя пасквили?

Пауза была длинной. Я так и не понял: испытывают меня или проигрывают возможные варианты? Если испытывают, надо заорать, запустить в Азиза стулом или на худой конец послать по матушке. А если это серьезно? Тогда на кой черт вся эта затея?! Впрочем, винить некого. Сам ввязался в историю, которая на грани дозволенного.

...Этот день я буду помнить до гробовой доски. И хотя на моих глазах никто не умер, подлеца не объявили героем, а ближайший друг не оказался мерзавцем, именно этот день, если можно так выразиться, стал днем большой стирки. Сколько накипи, гари и сажи, сколько многозначительного пустословия и глубокомысленной ерунды смыл я в тот день с души!

Есть в Кабуле Центральный госпиталь Вооруженных сил Афганистана, построенный в 1975 году при содействии Советского Союза. Он был рассчитан на четыреста коек, это название — «Четыреста коек» — почему-то прижилось, и афганцы называют его именно так. Отлично спроектированное семиэтажное здание фасадом выходит в большой парк. Мы шли по нему, любовались фонтаном, бассейном, цветами. Но чем ближе подходили к зданию госпиталя, тем сильнее охватывала меня какая-то тревога. Я не мог понять, что происходит со мной, но шаг становился короче, а оживленная беседа затухала. Порхали птицы, из репродуктора неслась музыка, сновали туда-сюда миловидные медсестры, пробегали озабоченные врачи, а на лоджиях, тянущихся вдоль всего фасада, — ряды полосатых пижам.

— Загорают ребята, — бросил кто-то.

— Сфотографирую, — решил я и поднял аппарат с телеобъективом.

Когда навел на резкость, потемнело в глазах и сжалось сердце. На лоджиях — сотни молодых ребят. Я вижу их шевелящиеся губы, вижу улыбки и... бесчисленные ряды обрубков ног и рук. Вот на стуле совсем молодой паренек — он выставил на солнце сразу две культи: ноги оторваны выше колен. Вот руки без кистей. Нога без ступни. Снова руки, отрезанные выше локтей. Остатки ног, рук, обезобра-

женные лица и опять розовые культи. Мне бы остановиться, вернуться назад, но я решил поговорить с этими ребятами.

Вот их рассказы. Слово в слово.

Баймухаммад, девятнадцатилетний солдат из кишлака Хушдаред.

— Я таджик. У меня есть жена, мать и сестра. Кормить их теперь некому. В армию пошел добровольно. Два года воевал — и ни одной царапины. А тут... Не повезло. Атака. Нас прижали пулеметами. Кому-то надо встать. Обычно это делает командир, но его убило. Тогда поднялся я. Бегу, лавирую между очередями, до душманов — рукой подать. И вдруг взрыв! Наступил на мину. Ребята потом рассказывали, что я бежал и без ноги. Понимаю, что это невозможно, но подорвался я метрах в тридцати от душманов, а подобрали меня в их расположении.

— Тебя навещали?

— Нет. Домашние о моем ранении не знают.

— Почему?

— А я неграмотный. Женщины тем более. Так что нет худа без добра. Но одну бумагу я написал, вернее, подписал, а сочинили ее соседи по палате. Это — письмо командиру части. Я просил его оставить меня в войсках. Для одноногого тоже найдется дело. Пока не отомщу, не успокоюсь. Пусть посадят у пулемета, а уж там-то я справлюсь. Ни одна гнида не проползет, всех раздавлю!

Имам Назар.

— Я из кишлака Хами Бахар. Мне восемнадцать. В семье — единственный кормилец. Служил в погранвойсках в провинции Гельманд. Из Ирана прорвалась крупная банда. Мы ее встретили. Бой был неравный. Нас осталось совсем мало. Тогда командир решил ударить с тыла. Сели втроем на танк, по руслу ручья вышли в тыл душманам и начали их косить! Но они быстро перегруппировались и открыли ответный огонь. Пришлось спрыгнуть с брони. Я прыгал последним. Приземлился прямо на душманскую мину... Почему-то я был в сознании и все пытался снять ботинки с оторванных ног. Ребята отнимали, а я говорил им: «Отдайте ботинки, они совсем новые, еще пригодятся».

— Домашние о тебе... о твоем ранении знают?

— Нет. Я же неграмотный. Дождусь, когда сделают протезы, тогда и явлюсь в родной кишлак.

— А если там «духи»?

— Тем лучше. Калеку не тронут. А я возьму пару гранат, проберусь в их штаб и подорвусь вместе с ними.

Мухаммад Захер, старший лейтенант.

В палате на шесть коек — единственный грамотный человек. Он сидел в кресле-каталке, выставив на солнце обрубок правой ноги, а левую, закованную в гипс, неловко вытянул вдоль стены. Мухаммад громко читал газету. Иногда отрывался от страницы и что-то объяснял.

О себе рассказывал скупо:

— Мне двадцать пять. Воюю уже семь лет. Член НДПА. На окраине Герата был очень тяжелый бой. Нас окружили. Надо прорываться. Огонь такой плотный, что подняться невозможно. И тогда раздался клич: «Партийцы, вперед!» Я встал. Поднялись и солдаты. Из окружения мы вышли, но последние метры я скакал на левой ноге — правую оторвало. Когда ее принесли, я был в сознании. Подержал, повертел в руках и велел закопать. Левая нога тоже дырявая, но врачи обещают сохранить. А с одним протезом можно воевать. Так что я обязательно вернусь в строй. И не одному душману перегрызу глотку! — закончил он. — Мы ладно, мы солдаты, как говорится, кто кого. Но при чем здесь они? — кивнул Мухаммад в сторону соседнего балкона.

Смотреть на крохотные детские культи страшно. Глаза стекленеют, в горле комок, и, кажется, вот-вот разорвется сердце. Закричать бы на весь белый свет: «Люди-и! Что же вы делаете?! Ведь на такое и звери не способны!» Но из горла идет какой-то сип, и все силы тратишь на то, чтобы не расплакаться на глазах у детей. А они, будто ничего не понимая, неловко перекатываются на подстилке, грызут яблоки, разговаривают, иногда их губы растягивает гримаса улыбки. Но глаза! Боже, какие у них глаза! Сколько в них муки, боли, немого недоумения — за что?

Мухаммад Сарвар.

Он пошел со своим братом на кладбище, чтобы побыть на могиле дяди. Мину заложили у самой могилы. Оба мальчика теперь калеки.

Шестилетний Ахмад шел в детсад. На территории детсада наступил на мину. Теперь на всю жизнь прикован к костылям. Здесь же ребятишки без рук: кто поднял на кишлачной улице авторучку, кто заводную машинку, кто куклу. Что за выродки, что за нелюди делают такое оружие! Какими же черными душами, какими деформированными мозгами надо обладать, чтобы конструировать и производить такое оружие! Причем заряд взрывчатки в той же, к примеру, кукле такой, что убить не убьет, а вот искалечит наверняка.

Да, теперь я понял, почему все раненые рвутся в бой. Более стойких солдат, чем они, не сыскать. Уж они-то будут мстить беспощадно.

Потом я был в операционной, видел жуткие человеческие страдания, смерть. Поверьте, вынести такое не просто, но пройти через это надо, иначе будешь иметь о войне кинематографически-лакированное представление. И это не мои слова. Они принадлежат полковнику медицинской службы Сухайле Седдик. Недавно доктору Седдик присвоено звание генерал-майора медицинской службы. В Афганистане она первая женщина генерал.

— Выросла я в интеллигентной обеспеченной семье, — устало разминая пальцы, вспоминает она. — Потом уехала в Москву, окончила Первый мединститут, там же защитила диссертацию и стала первой в Афганистане женщиной кандидатом медицинских наук. Вернулась в Кабул на крыльях... и оказалась без практики. В семьдесят шестом — семьдесят седьмом годах наши четыреста коек были пустыми: фактически не было работы. А я хирург, мне скальпель надо держать в руках каждый день. Заскучала я, начала подумывать о возвращении в Москву. Но вот грянула Апрельская революция. Бескровных революций не бывает, а это значит, что прибавилось работы и хирургам. Сперва мы не уходили из операционных часами, потом сменами, а теперь сутками. Иногда говорят, что врач ко всему привыкает и режет хладнокровно. Не верьте. Вы бы знали, как я переживаю, как нервничаю, когда предстоит делать ампутацию, когда, возвращая молодому человеку жизнь, делаю его калекой. Сейчас, когда идет минная война, таких операций особенно много.— Сухайла помолчала, протерла очки и продолжила: — А недавно мы открыли новое отделение — ожоговое. Бандиты стали применять фосфорные снаряды, напалм — и нам пришлось учиться новому делу: лечить заживо сожженных людей. Идемте, покажу, — предложила она.

Мы поднялись на седьмой этаж и направились в левое крыло. Запах карболки и йода перекрывал тошнотворный дух заживо гниющей плоти. Я понял, что надо готовиться к встрече с чем-то особенно страшным, понял, но подготовиться не успел. Дверь в палату оказалась настежь открытой. На кровати лежало что-то коричнево-черное, похожее на обгоревший пенек. Но это «что-то» дышало, к нему тянулись трубочки капельницы. Человек! Неужели это человек?! Неужели человека можно довести до такого состояния?! Неужели он жив?!

— Жив, — прочитала мои мысли Сухайла. — Он даже может говорить. Сегодня впервые пришел в себя.

— Чем говорить? — не верил я. — У него же нет лица. Нет даже губ.

— Зато есть язык. Спрашивайте, я переведу.

Я проглотил ставший вдруг плотным воздух и спросил:

— Как тебя зовут?

Похожая на кору старого дуба короста разлепилась, показались неестественно белые зубы и сухой фиолетовый язык.

— Барот, — прошелестело от подушки.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Как... это случилось?

— Мы наступали... Фосфорный снаряд... А... а кишлак взяли? — обеспокоенно спросил Барот.

— Конечно взяли, — кивнула Сухайла. — А тебя представили к награде. Молодец, Барот! Ты настоящий коммандос!

Там, где были веки, что-то заблестело, и по шероховатостям коросты скатилась слеза. Эта слеза у заживо сожженного десантника выкатилась не из-за жалости к себе, а из чувства гордости, из-за того. что его, рядового солдата, прилюдно похвалила женщина которую знает весь Афганистан.

На соседней койке лежал пехотинец Динмухаммад. Он смог сказать, что ему двадцать два года, что он охранял бензиновые цистерны, а когда в них попал снаряд, он, Динмухаммад, живым факелом бросился к речке. Больше ничего не помнит.

Тридцатипятилетний Самад добавил, что это случилось в провинции Пактия, что они с Динмухаммадом пытались тушить друг друга...

Разговор всем троим давался трудно. Буквально через две минуты они обмякли, и им пришлось делать уколы.

А потом была встреча с начальником госпиталя генерал-майором Валаятом Хабиби. Он рассказывал о своих коллегах, вспоминал годы учебы в Ленинградской военно-медицинской академии, я что-то записывал, что-то уточнял, но все делал в состоянии какого-то транса: перед глазами стояли искалеченные дети, сожженные солдаты...

Из госпиталя я уходил совершенно раздавленный. Думал только об одном: я должен, я просто обязан увидеть нелюдей, которые сеют такие страдания. И не просто увидеть, а поговорить с ними, показать им фотографии, сделан-

ные в палатах! Эта мысль не давала мне покоя до самого вечера. Но как ее реализовать? Как встретиться с душманами, да так, чтобы говорили они, а не их автоматы, я не представлял.

После посещения госпиталя я думал, что теперь меня уже ничто не тронет, что отныне буду ходить со спекшимся сердцем и от потрясений застрахован. Но ближе к закату я увидел такое... Нет, об этом позже. Сейчас — не могу. Но я расскажу, обязательно расскажу. Об этом люди просто обязаны знать.

А пока о другом. О том, как закончился этот врезавшийся в душу день. Я разыскал товарищей, которые свели меня с сотрудниками пятого управления МГБ. Именно эти люди ведут работу в бандах, именно они, ежеминутно рискуя жизнью, добывают сведения о путях следования караванов с оружием, месте и времени нападения на посты, кишлаки и автомобильные колонны. Ведут эти люди и более глубокую и тонкую работу. Как раз одну из таких операций готовили Рашид и Саидакбар, когда меня с ними познакомили.

II

Однажды утром Рашид в очередной раз скептически оглядел свою клочковатую бороду и решительно заявил:

— В самый раз. Сегодня ночью уйду. Отныне меня зовут Идрис. А Саидакбара — Азиз. Запомнил? Если встретимся, ты нас не знаешь. Я договорился с Шемалем. Настоящее имя этого главаря банды другое, но для нас он Шемаль, то есть Север. Так вот, Шемаль обещал подумать.

— О чем?

— О том, как обеспечить твою безопасность. Ты же хотел побывать в банде?

— Хотел.

— Шемаль на встречу согласен. Но ведь ты шурави, а русских в его банде не любят. Слово главаря у них закон, не дай бог нарушить — вырежут весь род от мала до велика. Но все-таки Шемаль прав: вдруг найдется какой-нибудь накурившийся анаши фанатик и полоснет из автомата в спину? Такие случаи были, и не раз... Ладно, Шемаль что-нибудь придумает. Но для страховки я забросил удочку и в банду Ашрафа.

Саидакбар, то есть Азиз, удивленно поднял брови.

— Ничего-ничего, пусть поерзает. Удочку я забрасывал через его заместителя Канд-агу. А этот парень сам мечтает стать главарем. Он типичный экстремист, за ним идут лю-

ди без роду и племени: руки у них по локоть в крови и терять им нечего. Представляешь, как пошатнется авторитет Канд-аги, когда выяснится, что у него контакт с хадовцами?! Ашраф это оценит, вот увидишь...

И тут я брякнул:

— А нельзя Шемаля пригласить к Ашрафу и поговорить втроем?

Идрис даже побледнел.

— Да ты что?! Ашраф — таджик, а Шемаль — пуштун. Они же перестреляют друг друга! Никогда, запомни, никогда пуштун не сядет за один стол с таджиком или хазарейцем. А если, разговаривая с Ашрафом, ты ляпнешь, что был у Шемаля, жить тебе ровно две секунды: именно столько нужно, чтобы передернуть затвор и нажать на спуск.

Теперь уже я побледнел.

— Я же говорил, — поднялся Азиз, — нельзя его посылать в банду. Он не готов.

— А мы на что?! Ничего, дадим толкового переводчика, предупредим, чтобы глупые вопросы не переводил, и все обойдется. Но ты прав: к этим встречам надо готовиться. Давайте-ка еще раз все вместе посмотрим захваченные у бандитов документы, их газеты, журналы, листовки...

Об этом я не мог и мечтать.

— Вот удостоверение Исламского общества Афганистана и значок с надписью «Аллах Акбар». Документ ценный: можно вписать любую фамилию, приклеить фотографию — и прямиком в банду, сойдешь за своего. Когда были помоложе, мы с Азизом не раз пользовались такими пропусками.

— Дай-ка посмотрю, — протянул руку заметно погрустневший Азиз.

— А это фотографии Гульбеддина, Раббани, Гиляни, муллы Халеса — это главари различных партий и злейшие враги демократического Афганистана. Правда, друг к другу они относятся тоже с откровенной антипатией.

— Что так?

— Грызутся из-за денег. Текущая из-за океана долларовая река в Пакистане превращается в мелкие ручейки, но если умело их направлять, они потекут в нужный карман. Тот же Гульбеддин бежал из Афганистана без гроша в кармане, а теперь у него нефтеперерабатывающие заводы в Кувейте, сеть магазинов в Пешаваре, солидные вклады в западноевропейских банках. У Раббани или Гиляни заводов нет, зато есть острое желание их иметь. А мулла Халес недавно выступал в Бонне; раньше он, кстати, работал на радио Кабула, так что профессиональной демагогией владеет

в совершенстве. Так вот, рассказав о «победах» своих сторонников, он призвал оказывать финансовую помощь не всему движению, а именно ему, Халесу. За границей действует около семидесяти контрреволюционных обществ, партий и организаций, и все норовят урвать побольше со стола своих благодетелей.

— Но ведь перед ними нужно отчитываться, рапортовать о победоносных сражениях, приводить впечатляющие цифры о пленных и убитых.

— Вот-вот! Мы как-то не поленились и суммировали эти цифры: оказывается, одна половина жителей Афганистана давным-давно в плену, а другая в могиле. Иногда эти лжецы подписывают совместные заявления, призывы и приказы, побуждая главарей крупных и мелких банд объединиться и действовать вместе. Как правило, из этого ничего не получается. Частенько не без нашей помощи. Так, Азиз?

— Так-так, — кивнул тот.

— Ты чего? Устал? Иди поспи.

— Нет, я не устал. Я сына вспомнил... Ты же знаешь, когда-то я был неплохим анестезиологом. В партию вступил еще при шахе, не один год работал в подполье, а при Амине попал в тюрьму. Из-за такой же вот бумажки, только с портретом Мао. Откуда она взялась в моем столе, гадаю до сих пор. Когда за мной пришли, я собирался в аптеку: сильно простыл сынишка. Что с нами делали аминовцы, страшно вспомнить! Через полгода меня вышвырнули за ворота тюрьмы: подохнет, мол, и так. Но я выжил. Выжил! — Он грохнул кулаком по столу. — А сына схоронили. Без меня. И тогда я поклялся...

Рашид обнял Саидакбара. Тот уронил голову ему на грудь...

Завтра этим людям идти в логово врага, завтра им могут выпустить кишки, отрезать голову, посадить на кол, но сегодня у Рашида есть Саидакбар, а у Саидакбара — Рашид. Это очень много — иметь друга, вместе с которым можно не только жить, но и умереть.

Потом Рашида куда-то вызвали, и Саидакбар рассказал, как они подружились.

— Знакомы мы еще с университетских времен, вместе участвовали в студенческом движении. В восьмидесятом сложилась очень тяжелая обстановка в провинции Лагман. Партия сказала, что туда должны поехать молодые, сильные люди, умеющие стрелять. Мы стрелять не умели, но поехали: думали, научимся на месте. Нас было шестьдесят чело-

век, казалось, большая сила, но местные власти распределили нас по шести постам. Я оказался в десятке, которой командовал Рашид. Ох и досталось же нам тогда! Но мы держались... Пост находился на окраине кишлака, он прикрывал дорогу в ущелье, по которому пролегал путь за кордон. Душманам это ущелье требовалось позарез, но ключ от него держали мы. И подкупить нашу группу пытались, и перевербовать, и выжечь, и перестрелять — ничего не получилось. Ущелье на замке! Однажды перед вечером погиб один наш товарищ Кладбище — рядом. Мы решили похоронить его по-людски. Но душманы устроили засаду. Огонь открыли в тот самый момент, когда труп опускали в могилу. Пришлось залечь рядом с убитым и отстреливаться. А душманы выпустят несколько очередей — и ждут, что мы будем делать дальше. Путь отхода свободен, но уйти, не выполнив священного долга, мы не могли. Но и приблизиться к могиле нам не давали. Тогда поднялся отец этого парня. Он взял сына на руки и понес к могиле. Эти сволочи подождали, пока он подошел к самому краю, и ударили ему в спину.

Больше Саидакбар говорить не мог. Пытался, но не мог: спазм перехватил горло. Он глотнул зеленого чая, потом еще.

— Отец упал в могилу, не выпуская сына, — закончил Саидакбар. — Так их и закопали... А на следующий день мы сделали вылазку и вырезали всех, кто был в засаде. Придумал эту операцию Рашид. Накануне мы убили душмана, у которого обнаружили пачку удостоверений Исламского общества Афганистана и полный карман значков. Рашид предложил нацепить эти значки, запастись удостоверениями и явиться со стороны ущелья, будто бы мы пришли из-за кордона. Фотографий на удостоверениях не было, вид у нас самый затрапезный, глаза злые, вооружены кто чем, словом, нас приняли как самых дорогих гостей. Днем мы побродили по кишлаку, а вечером предложили организовать новую засаду. Душманы согласились. Порешили мы их тихо, ножами.

— А потом чуть было не порешили нас, — продолжил незаметно вернувшийся Рашид. — Когда душманы из другой, более крупной банды окружили пост, когда нас осталось двое, а в пистолетах по одному патрону, я понял, что это конец. Сдаваться нельзя — смерть будет мучительной, поэтому мы решили застрелиться. А чтобы не надругались над трупами, я предложил спуститься в старый, вонючий арык. Саидакбар согласился. Мы уже были по пояс в воде,

когда наверху появились душманы. Я инстинктивно нырнул.

— А я юркнул за корягу, — пояснил Саидакбар.

— И вот ведь как устроен человек: жить осталось считанные секунды, а я вдруг вспомнил, что вчера получил свою первую в жизни зарплату и теперь деньги размокнут и пропадут. Сунул руку за пазуху, чтобы достать деньги и выставить их наружу,— мама родная, комок! Да еще какой-то ребристый. И тут до меня дошло: граната! Когда я ее сунул в карман, не помню, но, ощутив в руках лимонку, понял, что мои похороны откладываются. Вынырнул, показал гранату Саидакбару. Тот все понял. А душманы тем временем столпились на берегу и громко обсуждали, где нас искать — в воде или на суше. Одних взрывом разметало в разные стороны, других изрешетило, третьих оглушило. Но главное — поднялось облако пыли. Мы ринулись в это спасительное облако!

Рашид плеснул чаю, залпом выпил целую чашку, взъерошил и без того растрепанную шевелюру, подергал бороду, прыгнул во вращающееся кресло, крутанулся пару раз вокруг оси, успокоился и не спеша, чуточку растягивая слова, продолжал:

— Как добирались до Кабула, это уже другая история. Тогда ХАДом руководил Наджиб. Он выслушал доклад о действиях нашей студенческой группы и... предложил нам связать свою жизнь с работой в органах безопасности. Мы согласились. И вот теперь появилась фантастическая возможность проникнуть в банду Алим-хана. Мы перехватили одного из его курьеров по имени Идрис. Парень шел из Пакистана, клянется, что в банде его никто не знает. В хурджуне — пачка удостоверений и приличная сумма денег. Решили так. Деньги и часть удостоверений отдадим Алим-хану. Я пойду с документами Идриса: борода к этому времени отросла, и я был на него похож. Азиз и другие ребята вклеят в удостоверения свои фотографии и придут чуть позже по моему сигналу: я должен показать, что у меня надежная связь с Пакистаном. Больше всего у «духов» ценятся деньги и оружие. Деньги принесу я, а оружие доставит Азиз. Наша задача — парализовать банду, разложить ее изнутри. А еще лучше — стравить с другой. Пусть враги убивают врагов!

— Дерзкая задумка. Если получится...

— Получится. Никаких «если»! Все продумано, все учтено...

— Кроме страховки.

— Работаем без лонжи! — неожиданно расхохотался Ра-

шид. — Не удивляйся, это не мои слова. Тебе предстоит познакомиться с одним душманом, бывшим канатоходцем. Чего мне стоило посеять сомнения в его душе! Но парень начал думать, значит, будет наш. Иногда я, правда, сомневаюсь: он из породы экстремистов и окружил себя такими же головорезами. Но все же на контакт со мной пошел. Когда я спросил, не боится ли он иметь со мной дело, ведь свои же вздернут на дереве, канатоходец гордо ответил: «Работаем без лонжи!» Это значит, что он абсолютно в себе уверен.

— Кто такой? Что за циркач? — загорелся я.

— Всему свое время, — предостерегающе поднял руку Рашид. — Что в нашем деле враг номер один, так это спешка. Ну, ладно, давай прощаться.

Мы троекратно расцеловались, и Рашид исчез.

Вскоре меня поглотили другие дела, но я всегда ощущал заботу Рашида: как только возникали трудности, рядом оказывались его сотрудники — и проблемы решались сами собой.

III

Одна из таких проблем возникла во время поездки в Джелалабад. Накануне я встретился с министром по делам племен и народов, известным афганским поэтом Сулейманом Лаеком. Поскольку Лаек был болен и мы встретились в госпитальной палате, я хотел все свести к обычному визиту вежливости, сказать, что москвичи помнят его выступления и ждут новых стихов.

Какой же радостью вспыхнули глаза этого далеко не первой молодости человека! Он засыпал меня вопросами о Москве. Оказалось, что у нас немало общих знакомых. Лаек тут же начал строчить им письма, потом заявил, что всем не написать — для этого надо не меньше суток, а кому-то одному негоже, это значит обидеть других.

— Давайте сделаем так, — предложил Лаек. — Я пошлю друзьям поэтический привет.

— Напишете поэму? Мы ее переведем и напечатаем,— предложил я.

— Нет! Прямо сейчас я прочту несколько новых стихов. Одни уже переведены, другие переведем вместе.

— Готов, — отозвался я, доставая блокнот.

Лаек откинулся на спинку кресла, устремил взгляд куда-то в горы и, не скрывая грусти, сказал:

— Я прожил достаточно долгую жизнь. Меня так било,

ломало, коверкало, поднимало к небесам и швыряло оземь, что я разучился писать стихи о цветочках, птичках и томных взглядах. Моя поэзия всегда служила народу и революции. Тем более сейчас! Говоря словами моего кумира Маяковского, свое перо я приравнял к штыку и тем горжусь. Недавно я был в одной воинской части, хотел поговорить о жизни, быте, пытался расспросить о нуждах, а солдаты в один голос требовали от меня стихов. Это в нашей-то стране повальной неграмотности! Начал я со стихов нашего известного поэта Асадуллы Хабиба. Есть у него строки, которые выстраданы не только им, но и каждым афганцем:

Я иду туда, где бои,
Где земля от крови багрова,
Где коварная тишина
Громче самого грома.

А потом прочел свое четверостишие, которое мне очень дорого.

Если сердцу отчизна в беде не мила,
Если сердце любовь к ней не грело, не жгло, —
Киньте в землю его, пусть займутся им черви,
А не то оно станет орудием зла!

Я — пуштун, но пишу и на пушту, и на дари. Правда, пушту мне ближе. К тому же я убежден, что только на этом языке можно по-настоящему ярко рассказать о проблемах пуштунских племен. А не решив их, мы не решим задач революции. Пуштуны составляют пятьдесят пять процентов жителей нашей многонациональной страны. Мои земляки есть практически во всех провинциях, но больше всего их на юге и особенно на востоке страны. Здесь сложилась чрезвычайно сложная ситуация.

В свое время границу между Афганистаном и Пакистаном провели так коварно, что тринадцать миллионов пуштунов оказались на территории Пакистана. Добавьте еще два с половиной миллиона кочевых племен. А между тем все эти земли исконно пуштунские. Мы никогда не признавали этой искусственной границы и всегда свободно ходили из кишлака в кишлак, с пастбища на пастбище, ни у кого не спрашивая разрешения. А если нас пытались остановить, брались за оружие.

Теперь вы понимаете, что ни о каком закрытии границы не может быть и речи: она проходит через пуштунское сердце. Его можно разрубить, но покорить — никог-

да. Как член Политбюро ЦК НДПА, я часто встречаюсь с Наджибуллой, мы много думали о том, как собрать пуштунов в одном доме, под одной крышей, и, знаете, кое-что придумали. Это «кое-что» я обязательно вам покажу. Вот выберусь из палаты и покажу. Сейчас это мое главное дело, оно важнее всех книг. Один я конечно же ничего бы не сделал. Но меня окружают люди, готовые на все ради осуществления этой идеи. О них я написал такие слова:

Кто живет, на жизнь не жалуясь, не ноя,
Видит будущее лучше, чем былое,
Кто борьбе отдаться рад, кто не пугается преград,
Только тот достоин имени героя!

— Рафик (товарищ) Лаек, — подал голос переводчик, — дело прошлое, но лет десять назад одним своим стихотворением вы смутили мою юную душу.

— Смутил? Не может быть!

— Помните ваши знаменитые «Караваны»? Весь Кабул зачитывался ими.

Караваны, караваны — путь у каждого отдельный,
Караваны, караваны — нет у них единой цели.
...Проводник нам нужен смелый,
Чтоб на путь нас вывел верный.

— Да-а, караваны... После них я угодил в тюрьму,— вздохнул Лаек. — Но проводник нашелся! Вы знаете, какие строки я написал, выйдя на волю:

Эй, ветер новой эры, дуй, крепчай!
Эй, солнце животворное, сияй!

Туч много, — продолжал Лаек. — Дующие из-за океана ветры пытаются нагнать их столько, чтобы закрыть солнце над нашим народом, сломать его, согнуть, поставить на колени. Пустое дело! Вся история нашего народа — это борьба за свободу, и уж чему-чему, а умению постоять за себя мы обучены. Об этом, кстати, поется в ландыях — коротких стихах, сочиняемых в народе. Вот, например, что говорится о пуштунах:

Все пуштуны — дерзостные тигры.

Или вот это:

Пуштун родился рядом с саблей,
Он вместе с саблей вырос
И с саблею в руке умрет.

А вот что поют девушки:

Влюбленная в свободу изрекла:
«Кто рабству предан,
Того уж я не поцелую».

И еще.

Мне саблю принеси, окрашенную кровью,
Чтоб алыми губами могла я для тебя ее очистить.

А девушки какого народа поют такое?

Пуштун погиб на поле боя.
И девушки-пуштунки из крови его
Родинки ставят себе.

Девушки из другого племени поют иначе:

Мой милый за родину голову сложил,
Из ресниц своих сплету ему я саван.

Есть и такой ландый:

Никогда я тебе не прощу,
Если кровью врага не обагришь свои руки.

И вот ответ героя!

Пожертвую собой ради свободы,
Чтоб девушки всегда спешили по утрам
К святой для них моей могиле.

Это надо знать: ведь в ландыях — душа народа, его сердце. Это не стишки на забаву, а своеобразный кодекс жизни.

Я заметил, что Лаек время от времени поглядывает на часы, и поднялся, чтобы попрощаться. Но Лаек решительным жестом усадил меня в кресло.

— Вы торопитесь?

— Нет. Но...

— Я тоже не спешу. Просто мне пора на процедуры,— поморщился он. — Хоть это и не очень приятно, но надо. Врачи — народ строгий. Через полчаса я вернусь, — уже на ходу бросил он и вышел из палаты.

Следом за ним тенью выскользнул невысокий парень с заметно оттопыренным карманом.

— Телохранитель, — пояснил переводчик. — От Лаека он ни на шаг.

— Телохранитель? Здесь? — удивился я. — Охрана у ворот, охрана у входа, охрана на этаже.

— Охрана нужна и в палате. Не забывайте, где мы и кто такой Лаек. Для одних он — духовный вождь, для других — смертельный враг.

Ровно через полчаса в палату влетел посвежевший Лаек.

— Ну вот, а вы говорили — неприятная процедура, — заметил я.

— Процедура действительно не очень. Зато потом чувствуешь себя как влюбленный юноша. Кстати, о юноше,— оживленно продолжал Лаек, наливая в стакан свежезаваренный чай. — Пока меня мытарили, я вспомнил одну пуштунскую легенду. Я слышал ее от отца, и он уверял, что эта история действительно произошла на его веку. Так что легенда совсем молодая. Но суть не в возрасте. Суть в том, что в ней рассказывается о благородной, противоречивой и порой необъяснимой пуштунской душе. Ведь есть же такое понятие — русская душа? Есть. Сколько ни бьются на Западе, никак не могут постичь ее тайны. Так и у нас. Пуштуна нужно либо принимать таким, каков он есть, либо... никогда не станешь его другом.

Лаек подошел к окну, глянул на близкие горы и начал свой рассказ:

— Это случилось в провинции Пактия. Она — за этими горами, на юго-востоке моей многострадальной родины. Природа в тех местах суровая: отвесные скалы, бурные реки, густые леса. Народ там под стать природе: гордый, отважный, терпеливый, готовый к самым серьезным испытаниям. Лес — главное богатство провинции. Лето там жаркое, а зима суровая, снежная, без дров не обойтись. Вот крестьяне и валят арчу, из которой делают древесный уголь.

В Пактии живут одни пуштуны, так что врагов вроде бы нет. Но вот беда: два самых сильных племени — зази и мангал уже много лет враждовали из-за трех джерибов земли. Это всего-навсего два гектара, и стоили они не больше ста тысяч афгани, но оба племени каждый год тратили на войну по три миллиона и хоронили шесть-семь юношей. Наконец вожди договорились, как разделить эту землю. Старики с этим согласились, а молодежь — нет. Не все, конечно, но экстремисты были и тогда.

Однажды молодой парень из племени зази по имени Ахмад узнал, что на селение Асмар налетела буря, сель разрушил мост через речку, а его друг Махмуд, пытавшийся отстоять мост, сильно пострадал. Ахмад решил навестить друга и отнести лекарства. Путь из селения Алихель, где жил Ахмад, лежал через мост. Но он разрушен. И тогда Ахмад решил идти кружным путем, через земли мангалов, в том числе и через те злосчастные три джери-

ба. Ахмад знал, что не все мангалы дружелюбно относятся к зази, что среди них есть кровники, то есть люди, поклявшиеся отомстить за гибель близких, но выхода не было — друг нуждался в его помощи.

Ахмад захватил хурджун с подарками и едой, вскинул на плечо безотказный «лиенфильд» и на рассвете вышел из дома. В этот же час из главного селения мангалов Мануквай на черном арабском жеребце в окружении друзей на охоту отправился сын вождя племени Зарин-хан. Он был единственным сыном престарелого Джелад-хана и с нетерпением ждал, когда сам станет вождем. Но старик был на удивление живуч, и Зарин-хану не оставалось ничего, кроме охоты и пиров с друзьями.

Всем хорош был Зарин-хан: высок, строен, одет в белый партуг [1] и голубой камис [2], на голове — роскошный хвалей [3] с шелковым лонгаем [4]. Я уж не говорю об отделанном золотой нитью васкате [5]. А как воинственно раскачивался над хвалеем яркий фаш [6]! Как сверкали изумруды драгоценных перстней, украшающих холеные пальцы! Но вот беда: не росла у Зарин-хана борода. Да и усишки были реденькие, обвисшие. А у настоящего пуштуна они должны быть пышные, с закрученными вверх концами. Можно, правда, носить и небольшие усы, но тогда их надо настолько аккуратно подравнивать, чтобы пища ни в коем случае не касалась усов. Это — закон. О бороде Зарин-хан даже не мечтал. А ведь пророк когда-то сказал, что борода — украшение мужчины. По нынешним временам можно было бы считать, что Зарин-хан страдал своеобразным комплексом неполноценности, который он старался компенсировать показной удалью и безрассудством.

И вот Аллаху было угодно сделать так, чтобы на одной тропе встретились сын крестьянина Ахмад и Зарин-хан. К тому же произошло это на той спорной земле, из-за которой было пролито много крови. Зарин-хан первым увидел Ахмада. Он вздыбил жеребца и недобро спросил:

— Кто ты такой? И что делаешь на земле славных мангалов?

---

[1] Партуг — брюки.
[2] Камис — рубаха.
[3] Хвалей — шапка.
[4] Лонгай — чалма.
[5] Васкат — жилет.
[6] Фаш — торчащий вроде гребня петуха конец чалмы высотой пятнадцать—двадцать сантиметров.

— Меня зовут Ахмад. Я иду в Асмар проведать друга.

— Так ты зази?!

— Да. Я сын этого достойного племени и нахожусь на нашей земле.

— На вашей?! Ты думаешь, если старики решили поделить эти три джериба пополам, мы с этим смирились?! Нет! Никогда! Эта земля принадлежит мангалам!

— Не знаю, как мангалы, а зази привыкли уважать слово старейшин.

— Ты номард [1]! Как смеешь говорить так о мангалах?! Ты хоть знаешь, кто перед тобой?

— Ты на черном коне, значит, сын уважаемого Джелад-хана. Но зачем ищешь ссоры? Зачем оскорбляешь прохожего?

— Оскорбляю? Я просто называю вещи своими именами. Думаешь, если закрутил усы чуть не до ушей, значит, ты храбрец? Из ослиного хвоста твои усы! Вот так!— завистливо-зло захохотал он. — Ты не просто номард, ты мурдаган [2]!

Ахмад побледнел и шевельнул плечом — ружье оказалось в руках. По законам предков Ахмад должен был стрелять: то, что сказал Зарин-хан, для пуштуна немыслимое оскорбление. Но, во-первых, на Ахмада было направлено пять стволов, а во-вторых, он понимал, что, спусти он курок, опять начнется бесконечная война между племенами. Ахмад поставил приклад к ноге и, погасив гнев, сказал:

— Не надо, Зарин-хан. На этой земле и так пролито много крови. Пропусти с миром. Меня ждет друг. Ему плохо, я несу лекарства.

— Нет, вы послушайте, что он говорит! — обернулся Зарин-хан к друзьям. — Он просит, чтобы я его пропустил. А может, и вправду пропустить? Пусть только хорошо попросит. На колени, сын шакала и волчицы! Вот сюда! — И Зарин-хан выстрелил в землю.

Пуля взвизгнула у ног Ахмада.

— Не хочешь?! Тогда останешься на этой земле навсегда! — передернул затвор Зарин-хан.

Но выстрелить он не успел. Ахмад это сделал быстрее. Ствол «лиенфильда» еще дымился, а Ахмад уже кубарем катился вниз по ущелью. Друзья Зарин-хана открыли бешеный огонь, но попасть в Ахмада так и не смогли. И тог-

---

[1] Номард — подонок.

[2] Мурдагав — мужчина, который торгует своей женой.

да трое всадников развернули коней и поскакали по тропе, ведущей на дно ущелья, а четвертый, положив тело Зарин-хана поперек седла, повел черного жеребца в селение.

Оборванный, весь в синяках и шишках, Ахмад скатился в долину. Он понимал, что находится на земле мангалов и его ждет верная смерть. Спрятаться, дождаться темноты и под покровом ночи пробраться домой — другого выхода не было. Но спрятаться негде. Каменистое ущелье превратилось в широкую долину, где видна каждая травинка. Куда же бежать? Вдруг сзади послышался топот копыт. Ахмад остановился. В запасе пять патронов. Можно сразиться. А что потом? И тут Ахмад увидел дувалы какого-то селения. «К людям,—мелькнула мысль.— Надо бежать к людям, они спрячут».

Из последних сил Ахмад рванулся к дувалам. У ворот заметил седобородого старика.

— Что с тобой? От кого бежишь? — спросил аксакал.

— За мной гонятся. Хотят убить.

— Убить? За что?

— В меня стреляли. Но я попал первым. Теперь за мной гонятся друзья убитого. Спаси меня, спрячь! А ночью я уйду.

— Ну что ж, гость — посланец Аллаха. Я тебя спрячу. Проходи в мой дом и ничего не бойся. Здесь ни один волос не упадет с твоей головы. Так учит пуштунвалай [1].

Ахмад перешагнул порог дома и облегченно вздохнул. Когда смыл с себя грязь и переоделся в чистый костюм, который дал старик, раздался сильный стук в ворота.

— Джелад-хан! — звучали возбужденные голоса. — Открой, Джелад-хан!

Ахмад обмер. «Ла-илаха-илаллах [2]! За что такое испытание?! Зачем Аллах привел меня именно в этот дом?!»

— Что случилось? — степенно спросил Джелад-хан и открыл ворота.

— Мы гнались за человеком! — кричали запаленные всадники. — Он вошел сюда. Мы видели.

— Ну и что? Вошел. Аллах послал в мой дом гостя. Это большое счастье.

— Это большое несчастье, уважаемый Джелад-хан. Твой гость — убийца. Он убил твоего сына!

— Сына? — отшатнулся Джелад-хан.

---

[1] Пуштунвалай — свод неписаных законов чести.
[2] Ла-илаха-илаллах! — Нет бога, кроме Аллаха!

— Да, он убил твоего единственного сына.

— Не может быть!

— Это произошло на наших глазах.

— Где же? Где?! Вы бросили его одного?! — сверкнул глазами старик.

— Мы погнались за убийцей. А вот и Зарин-хан, — показали они на черного жеребца с телом молодого хана. — Отдай гостя! — требовали всадники. — Ты же не знал, что он убил человека.

— Знал, — прошептал старик.

— Но не знал, что твоего сына, — настаивали друзья Зарин-хана.

— Не знал. Но он — гость.

— К тому же этот парень из племени зази.

— Тем более. Опять начнется война. Пусть кровь моего сына будет последней. А... а за что он его?

— Если по правде, — замялись всадники, — Зарин-хан сам виноват. Парень шел в Асмар, Зарин-хан начал его оскорблять, а потом и стрелять. Зази стрелял лучше. Но все равно его надо убить! За молодого хана надо отомстить!

— Нет. Не могу. Нельзя. Нет большего греха, чем нарушить пуштунвалай. Оставьте меня. Нет, стойте! Зарин-хан убит в грудь?

— Да. Прямо в сердце.

— Значит, он шахид[1]. Значит, хоронить надо сегодня же и в его одежде.

Когда всадники удалились, Ахмад вышел из дома и направился к воротам.

— Ты куда? — остановил его хозяин.

— К ним, — кивнул он в сторону друзей Зарин-хана.

— Нельзя. Они убьют тебя.

— Какая разница — сегодня или завтра? Ты ведь не хочешь, чтобы кровь гостя пролилась в твоем доме — все пуштуны уважают этот обычай. И чтобы проклятие Аллаха не пало на твою голову, я выйду за ворота. Там друзья твоего сына могут за него отомстить. Благодарю тебя, Джелад-хан, за гостеприимство, но находиться в твоем доме больше не могу: я убил твоего сына, и ты вправе требовать моей крови.

— Конечно, вправе! — свел брови Джелад-хан. — Конечно, твой труп надо бросить собакам! Ты лишил меня

---

[1] Шахид — человек, погибший за правое дело. Все погибшие на войне — шахиды. Но если убит в спину — уже не шахид.

самого дорогого — единственного продолжателя рода. Ах, сынок, сынок, — горестно склонился он над телом Зарин-хана, — я хотел тебя видеть Рустамом[1], мечтал возиться с внуками, видел наш род могучим и ветвистым, как горная арча, но этот зази лишил меня всех надежд.

Вдруг старик резко выпрямился и властно позвал:

— Гульзарин!

— Я здесь, отец, — появилась на пороге девушка, закутанная в черную шаль.

— Тут я должен заметить, — назидательно поднял палец Лаек, — что Пактия — одна из немногих провинций, где женщины не носят паранджу и ходят с открытым лицом. Поэтому Ахмад ничуть не удивился, увидев сверкающие гневом агатовые глаза и плотно сжатые коралловые губы.

— Отведи гостя на женскую половину. Сиди и не показывайся на глаза! — строго приказал он Ахмаду. — Что с тобой делать, решим через три дня. А сейчас не до тебя. Сейчас мне надо прощаться с сыном.

Похоронили Зарин-хана в тот же день. Как и полагается, его положили лицом к Мекке, а раз он шахид, на могиле установили шест с красным флажком — знаком пролитой крови — и зеленым, означающим, что он мусульманин. Если покойник не шахид, на шесте укрепляют только зеленый флаг.

Три дня в доме Джелад-хана продолжалась фатыха[2]. Причем первые два дня пищу в доме покойника готовить нельзя, поэтому еду приносили соседи. Зато на третий день большой заключительный обед готовится в доме умершего.

Три дня Ахмад сидел за занавеской на женской половине дома, три дня жена и дочери Джелад-хана не замечали постороннего. Только Гульзарин время от времени подсовывала под занавеску пиалу с водой и черствую лепешку. Ахмад за эти дни совсем потух: глаза потускнели, усы обвисли, могучие плечи обмякли, а руки стали словно плети. Нет для пуштуна большего унижения, нежели презрение женщины! Ахмад испил эту чашу до дна.

И вот настал третий, последний в жизни Ахмада день. По крайней мере, он в этом ни секунды не сомневался. «Ну что ж, смерть так смерть, — решил Ахмад. — Надо

---

[1] Рустам — имя легендарного героя, олицетворяющее храбрость и героизм.

[2] Фатыха — поминки.

встретить ее достойно». С утра он тщательно побрился, закрутил усы, привел в порядок одежду и замер в своем углу.

— Иди. Зовут, — бросила на ходу Гульзарин.

Гнева в ее голосе уже не было. Чуткое ухо уловило бы в нем нечто вроде жалости.

— Прощай, Гульзарин, — нарочито бодро улыбнулся Ахмад. — Не держи на меня зла. Поверь, я не хотел причинить горе вашей семье. Спасибо за хлеб и воду.

И тут деланно-бодрая улыбка Ахмада стала такой виновато-нежной и беспомощно-открытой, что Гульзарин не выдержала и запахнула шаль по самую макушку.

— Никогда не думал, — склонив голову, тихо закончил Ахмад, — что хлеб из рук девушки во сто крат вкуснее, чем даже из рук матери.

Ахмад вышел во двор и... обмер. Сотни полторы людей сидели на коврах, ели плов, шурпу, пили чай.

— А вот и мой гость, — заметил почерневший от горя Джелад-хан.

Мангалы тут же отложили еду и недобрыми глазами впились в Ахмада.

— Это человек из племени зази,— продолжал Джелад-хан. — Он попросил у меня убежища, и я впустил его в свой дом.

— Но ты не знал, что он убийца твоего сына! — раздался чей-то гневный голос.

— Не знал. А если бы знал, убил бы его на пороге своего дома!

— Смерть ему! Смерть! — закричали молодые мангалы.

Старики молчали. Они чувствовали, что Джелад-хан затеял что-то необычное. Но что?

— Я не спал три ночи, — поднял руку Джелад-хан.— Просил у Аллаха разрешения забыть закон гостеприимства, ждал какого-нибудь знака, подтверждающего это разрешение. Но его не последовало. Аллах мудр, он знает, что нельзя менять законы только потому, что кому-то они неугодны или доставляют лишние хлопоты. И тогда я решил...

Джелад-хан сглотнул воздух. Протянул пиалу. Ему плеснули чаю.

— И тогда я решил...

Джелад-хан никак не мог произнести то, что выстрадал долгими ночами. Он понимал: принятое решение настолько чудовищно, что соплеменники не поймут его, и не

просто не поймут, а осудят. Но Джелад-хан был вождем, вождем мужественных и благородных мангалов, поэтому в глубине души надеялся, что присущее пуштунам здравомыслие возьмет верх.

— Я стар, — продолжал Джелад-хан. — Сына у меня не стало. А дочери — они и есть дочери, рано или поздно уйдут в другие дома. Значит, мой род прервется... И тогда я решил выдать Гульзарин за этого зази. Нет сына, так пусть будет зять, — выпалил Джелад-хан.

Кто-то охнул, кто-то вскрикнул, кто-то схватился за кинжал... А потом над мангалами повисла тревожная, опасная тишина. Чего только не было в многовековой истории пуштунов, но чтобы отец отдавал дочь за убийцу единственного сына, такого не припомнят даже самые старые спингиры [1]. Решение Джелад-хана было настолько неожиданным и противоестественным, что даже крикуны прикусили язык: чувствовали, что в словах вождя есть какая-то высшая, непонятная им мудрость. И тогда поднялся самый старый и самый уважаемый аксакал.

— Я прожил сто десять лет, трижды ходил в Мекку, схоронил всех своих детей, — устремив взгляд в одному ему памятное прошлое, начал он. — Великий и всемогущий Аллах, даровав мне такие суровые испытания, все же ниспослал одну из величайших милостей — не отнял у меня разума. Я думал, мое имя войдет в историю не только мангалов, но и всех пуштунов, а теперь вижу: по сравнению с Джелад-ханом я неразумный ребенок. Трудно понять, а тем более принять его слова, но поверьте старому Рахиму: о поступке Джелад-хана наши внуки и правнуки будут петь песни и слагать легенды. Слава мудрейшему из мудрых и благороднейшему из благородных на этой прекрасной земле! Слава Джелад-хану!

Все вскочили и радостно зашумели. Сосед смотрел на соседа, брат на брата и со счастливым изумлением обнаруживал, что более широкого, милосердного, гордого, благородного, честного и открытого человека никогда не видел. Скажи сейчас кто-нибудь: умри во благо других, и каждый, не задумываясь, приставил бы ствол к виску.

Чего угодно ждал Ахмад, но только не этого... Он приготовился к мучительной смерти, а оказывается, надо готовиться к счастливой жизни. Зардевшаяся Гульзарин тут же убежала к матери. Старики начали снаряжать всадников в Алихель, чтобы привезти родителей и ближайших

---

[1] Спингир — белобородый, чаще всего — старейшина.

родственников Ахмада. Джелад-хан отдавал распоряжения, чтобы готовили свадебный пир... И тут кто-то произнес слово «калым». Джелад-хан брезгливо отвернулся.

Ахмад знал, что отец невесты вправе отказаться от выкупа за дочь, но для жениха в этом есть нечто унизительное. Он метнулся в дом, пошарил в закутке, где провел три дня и три ночи, и тут же выскочил во двор.

— Уважаемый Джелад-хан, — склонился он перед хозяином. — Сперва вы подарили мне жизнь, а потом и прекрасную дочь. Аллах, только он, великий и всемогущий, знает, как я вам благодарен! Отныне моя жизнь — ваша. Берите и распоряжайтесь ею как хотите. Но позвольте мне не нарушать обычая предков. Я человек бедный, у меня нет ни денег, ни баранов, чтобы заплатить калым. Но есть у меня бесценная вещь, дороже которой нет ничего в нашем роду. Посмотрите на этот «лиенфильд». Видите, какая прекрасная гравировка, какая богатая инкрустация! Его добыл в бою с англичанами мой дед, добыл ценой собственной жизни. Вы лучше меня знаете, что значит для пуштуна оружие, недаром говорят, что пуштун с саблей родился и с саблей в руке умрет. Примите, Джелад-хан, это ружье. И пусть оно стреляет только на праздниках!

Потрясенный Джелад-хан взял из рук Ахмада роскошный «лиенфильд», осмотрел гравировку, не удержался, вскинул приклад к плечу, прицелился и восторженно вздохнул:

— Да-а, это ружье! Настоящее ружье!

А потом приехали родственники Ахмада, мулла в присутствии трех свидетелей с той и другой стороны, которые дали клятву в порядочности жениха и невесты, спросил, хочет ли Гульзарин видеть Ахмада своим мужем, и, пока она три раза не сказала «Да», не объявлял их мужем и женой. После этого подвели коня. Одетый во все белое, Ахмад взлетел в седло, сзади села облаченная в красное платье Гульзарин, и под пение зурны и гром праздничных выстрелов они уехали в Алихель. Дело в том, что брачную ночь молодожены обязательно должны провести в доме жениха. Таков закон.

Наутро они вернулись к Джелад-хану. Пир продолжался еще три дня и три ночи. Ахмад стал называть Джелад-хана отцом, а племена зази и мангал на веки вечные породнились.

Лаек ткнул в гору окурков последнюю сигарету, устало откинулся на спинку кресла и спросил:

— Ну, как вам легенда?

— По-моему, это никакая не легенда. Мне кажется, что все это случилось на прошлой неделе! — восхищенно ответил я.

— Может быть, и так, — усмехнулся Лаек. — В том-то и сила этой легенды, что она будет жива, понятна и близка во все времена. Думаю, что теперь вы будете лучше знать, какие они, вернее, мы — пуштуны. А без этого, извините, лучше не соваться с наставлениями и поучениями, как нам разрешить наши непростые проблемы.

— Я все понял. Спасибо за урок. Все это я должен был прочесть и узнать дома. Я просто не имел права ступать на землю Афганистана, не познакомившись с ландыями, легендами и многовековой историей страны.

— Ну, это вы уж слишком, — лукаво глядя сквозь очки, заметил Лаек. — Ничего, это поправимо. Я дам вам книги, познакомлю с людьми, которые знают историю лучше меня. Но для начала вам нужно поехать в Джелалабад. Впрочем, поехать не удастся, — нахмурился Лаек,— в некоторых местах дорога контролируется душманами. Но полететь можно. Там увидите то, чем я сейчас живу, мое любимое детище — Культурный центр пуштунов. Идея такова: пуштуны разобщены, одни в Афганистане, другие в Пакистане, третьи вообще кочуют. Где им собраться, где обсудить свои проблемы, где просто пообщаться и поговорить? Вот мы и строим в Джелалабаде просторный клуб. Он почти готов. Потом появится гостиница, мечеть, школа для взрослых, поликлиника, больница, библиотека. Каково, а?! Через год-другой построим такие же центры для таджиков, хазарейцев, белуджей и других народов.

— Когда летим? — поднялся я.

— Завтра! — блеснул очками Лаек.

IV

Но назавтра мы не улетели. К утру Лаеку стало хуже, и врачи категорически отказались его выписывать. Я заметался. На самолет не попасть, к кому обращаться за помощью — не знаю. Хотел пробраться через Хост, но, просидев полдня в аэропорту, так и не улетел. Отчаявшись, позвонил Рашиду. Меня попросили позвонить через полчаса. Позвонил. Сказали, что все в порядке: за мной заедут завтра в пять утра.

Когда приехали в аэропорт, сразу обратили внимание на молчаливую толпу, стоящую на краю летного поля.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Душманы сбили самолет.

— Прямо здесь?

— Да. На подходе к аэродрому. У них теперь «Стингеры», а от них спастись трудно.

Это я знаю. Испытал на себе. Несколько дней назад мы провожали из Шинданда советский танковый полк, который возвращался на Родину. Митинги, речи, цветы, награждения, прощальные поцелуи, лавина танков, движущихся перед трибуной. Но вот прошла последняя машина, отдалился рев двигателей, опало облако пыли — и как будто ничего не было: перед нами чистое поле.

А потом произошло событие, заставившее почувствовать, что мы не на учениях, а в стране, где идет жестокая война. От Шинданда до Кабула два часа лета, но случилось так, что из-за плохой погоды Кабул не принимал. Устроители поездки предусмотрели и такой вариант, и, чтобы журналистская ватага из полусотни стран не слонялась без дела, нас пригласили в клуб и показали все серии «Ну, погоди!». Посмеялись мы от души, а через два часа расселись по самолетам. Наша группа, состоящая из советских, польских, чехословацких, австрийских и испанских журналистов, вылетала последним, пятым, самолетом. Взлетели, как и положено, штопором ввинчиваясь в небо. Набирать высоту по прямой нельзя, так как в горах засели душманы и можно попасть под ракетный или пулеметный огонь.

Когда самолет поднялся на семь тысяч метров и взял курс на Кабул, я попросил разрешения пройти в кабину, чтобы поговорить с экипажем. Командиром оказался очень симпатичный и разговорчивый капитан Георгий Шестаков, в правом кресле второго пилота сидел совсем молодой лейтенант Сергей Волков. Я пристроился между ними, достал блокнот — и потекла спокойная беседа под монотонный гул моторов. Но чем дальше удалялись мы от Шинданда и чем быстрее темнело, тем сильнее я ощущал нарастание в кабине неясной для меня тревоги. Наконец не выдержал и спросил:

— В чем дело? Что-нибудь с моторами? Или с шасси?

— С этим полный порядок, — ответил командир. — Темнеет быстро, вот в чем закавыка. Засветло до Кабула не дотянем.

— Ну и что? Разве вы не умеете сажать самолет ночью?

— Мы-то умеем, — переглянувшись со штурманом, заметил командир. — Главное, чтобы нам позволили это сделать.

— Кто?

— Душманы. Вы что, первый раз летите над Афганистаном?

— Да.

— Ну, тогда ваша неосведомленность простительна. Беда в том, что сейчас у душманов появились переносные ракеты «Стингер». Мы летим на высоте семь тысяч метров, а душманы сидят на вершине трех-четырехкилометровых гор. Короче говоря, достать нас проще простого. Днем-то они не высовываются, а вот ночью наглеют. Да и ночь, как назло, лунная.

— А вот сверкнул какой-то огонек. И еще один. Что это?

— Они. Поджидают! — сквозь зубы процедил командир и резко изменил курс.

Дальше полет проходил спокойно. Но когда до Кабула оставалось совсем немного, каких-нибудь десять минут лета, и мы потихоньку начали снижаться, на одной из вершин не сверкнул, а полыхнул сноп огня!

— Вижу пуск ракеты! — доложил бортмеханик. — Направление — правый двигатель.

— Понял. Отстрелять ловушки!

И тут же от нашего левого борта полетели ярко-огненные шары. Дело в том, что ракеты наводятся по тепловому принципу, то есть на самое горячее место самолета — на двигатель. А ложные ловушки тепла излучают гораздо больше, чем моторы, и уводят ракеты за собой. Так случилось и на этот раз. Вовремя, очень вовремя бортмеханик заметил пуск ракеты.

Бортмеханик афганского пассажирского самолета пуск ракеты не заметил. Она угодила в левый двигатель. Тут же вспыхнул пожар и самолет начал терять управление. Чего стоило удержать АН-24 в воздухе, дотянуть до аэродрома и вопреки всем законам посадить пылающий факел на бетонную полосу, знают только летчики. Пилот не выпускал штурвала до последней секунды, он так обгорел, что его тут же отправили в ожоговое отделение госпиталя. В ужасном состоянии были и пассажиры. Из самолета их вытаскивали, срывая тлеющую одежду вместе с кожей. В основном это были женщины и дети.

Я влился в толпу, стоящую у самолета. Люди молчали. Никто не произнес ни слова. Обо всем говорили их глаза. Они сузились в такой холодной решимости мстить, что уже сейчас видели врага сквозь прорезь прицела.

Кто-то тронул меня за локоть.

— Пора. Самолет на рулежной дорожке.

Я поднял глаза: передо мной афганский летчик в звании капитана. Знакомое лицо. Тонкий нос, гвардейские усы, пронзительный взгляд. Нет, не встречались, но лицо знакомо. Теперь я буду мучиться, пока не вспомню, где видел этого летчика. Но вспоминать некогда. Когда сели в самолет, нам раздали парашюты, подогнали ремни, сказали, что по первой команде надо прыгать за борт, не забыв сосчитать до трех, а потом дергать за кольцо.

Разбег. Взлет. И мы начали ввинчиваться в небо прямо над улицами Кабула. Голубизна, ширь, островерхие горы — красота! Просто не верится, что где-то за камнем сидит душман и сопровождает нас своим «Стингером», выжидая, когда можно будет пустить ракету.

Но вот самолет поднялся на семь с половиной километров и лег курсом на Джелалабад. Из кабины вышел тот самый капитан, спросил, как мы себя чувствуем, предупредил, что снижаться и садиться будем по-истребительному, то есть на большой скорости, так что возможны перегрузки.

— А зачем все это? — спросил кто-то.

— Глиссада идет над «зеленкой». А от зеленой зоны можно ждать любых сюрпризов. Ничего, сядем, — успокоил капитан и вернулся в кабину.

— Раз за штурвалом Шерзамин, все будет в порядке! — убежденно сказал сосед.

— Шерзамин? Это он? — вскочил я.

— А вы не узнали?

— Узнал! Теперь узнал! — обрадовался я и, путаясь в ремнях и лямках, двинулся к кабине.

Как я извинялся, что не узнал одного из четырех живых Героев РА, как валил вину на некачественные фотографии и плохо отпечатанные плакаты, как просил найти для меня хотя бы часик, рассказывать не буду. И что самое интересное — Шерзамин смутился еще больше меня: видно, не успел привыкнуть к популярности.

— Вы говорите, часик? — переспросил он. — Как раз столько будем в воздухе. Задавайте ваши вопросы, — повернулся он ко мне, передавая управление второму пилоту.

Шерзамин отлично говорит по-русски. За час в небе я

узнал столько, сколько на земле не узнал бы и за сутки. Шерзамину всего двадцать шесть. Родился и вырос в кишлаке Сорх-кала, что под Кундузом. Отца почти не помнит. А вот старшего брата...

— Ему я обязан жизнью, — тихо говорит Шерзамин.— Когда в кишлак пришли душманы, я был в школе. Нас выгнали на улицу, сбили в кучу и сказали, что сейчас расстреляют. Девчонки зарыдали, первоклашки, ничего не понимая, открыли рты, а мы, старшеклассники, решили умереть стоя. Чтобы пуштун опустился на колени и просил пощады — да ни в жизнь! Душманы дали несколько очередей поверх голов, посмеялись, крикнули, что займутся нами позже, и принялись за учителей. Их растерзали на наших глазах. Не расстреляли, а именно растерзали. Потом взорвали и сожгли школу. Особенно веселились, когда бросали в огонь книги и наши тетради. А глобус не горел! Душманы его пинали, швыряли в самое горячее место, а он не горел. Хороший был глобус, его прислали из Советского Союза. Как мы любили путешествовать по этому разноцветному шару! А теперь его пытались сжечь. Но не горел наш глобус, и все тут! Тогда «духи» остервенели окончательно и, не жалея патронов, расстреляли его из автоматов. — Шерзамин бросил взгляд на приборы, ободряюще кивнул второму пилоту и снова обернулся ко мне. — Школа была не в нашем кишлаке, а в соседнем. Пока решалась наша судьба, другая банда громила Сорх-калу. По-русски — Красная крепость. Да какая там крепость, глинобитные домишки и такие же дувалы. Но и их сожгли. Старшего брата пытались затащить в банду и сделать душманом. Он отказался. Тогда предложили выбор: вместо себя отдать двух младших братьев, то есть меня и Абдул-Сады. Брат снова отказался. А выбор был такой: в случае отказа — смерть. Брат знал, что мы в школе, но не подозревал, что мы на волосок от гибели. Его зверски избили и снова предложили выбор: или смерть, или приведи братьев. Он выбрал смерть.

А нам повезло. Откуда-то появились малиши — люди из отряда защиты революции, — и душманы отступили в горы. Мы похоронили учителей и попросили дать нам оружие. Я получил автомат Калашникова. Здорово он мне тогда послужил, очень здорово! Когда отбили Сорх-калу, мне сказали о гибели брата.

И все равно в банду никто не вступил. Сорок подростков и мужчин убили душманы за отказ воевать на их стороне. Мои земляки предпочли измене смерть! — с гордо-

стью закончил Шерзамин и обернулся ко второму пилоту: — Скорость? Курс?

Тот ответил.

— Порядок. Давай-ка чуток повыше, а то впереди трехтысячник, с него нас могут достать.

Потом Шерзамин рассказал, с какими тяжелыми боями их группа пробивалась в Кундуз, как горел он жаждой мести, как написал рапорт, что хочет стать военным и посвятить свою жизнь борьбе за революцию, как направили его в военное училище на пехотный факультет, как был рад, что станет именно пехотным офицером и сможет своими руками убивать душманов.

— И вдруг неожиданный поворот судьбы, — улыбается Шерзамин. — Пришли врачи и стали отбирать самых здоровых ребят для авиационных училищ. Я далеко не богатырь, но... Медицинскую комиссию прошли всего три человека, в их числе и я. Вскоре нас отправили в Советский Союз. Ни за что бы не поверил, если бы год назад мне сказали, что я буду учиться летать, и не где-нибудь, а в училище имени Героя Советского Союза Серова, семьдесят питомцев которого стали Героями Советского Союза, а четверо — дважды Героями Советского Союза, где стали на крыло космонавты Комаров, Горбатко, Хрунов, Фам Туан и Берталан Фаркаш, а в довоенные годы его окончил легендарный Алексей Маресьев. И вот ведь как бывает в жизни: мечтал о сверхзвуковых скоростях, о полетах в космос, а повторить пришлось — хоть и не во всем, но во многом — путь Маресьева. На мне ведь живого места нет. А то, что веду самолет, пусть не истребитель, а транспортный АН-26, — самое настоящее чудо, которое совершили врачи. Восемь месяцев в госпитале, четыре сложнейшие операции, хождения по кабинетам полковников и генералов — пришлось мне пройти и через это, но зато я в небе.

— А что было до госпиталя?

— Меня сбили. Восемьсот тридцать девять часов налетал без единой царапины, а на восемьсот сороковом в мой СУ-22 угодила ракета. За два года больше тысячи боевых вылетов, сотни успешных бомбежек в Панджшере, Кунаре, Газни, а вот у Хоста не повезло. Мы работали звеном. Четыре самолета бомбили ущелье, в котором засела банда. Там же был огромный склад оружия. При выходе из пике я получил ракету прямо в кабину. Ноги — в кровь, кисть правой руки — в осколки. Начался пожар. Высота всего восемьдесят метров. Решил катапультироваться. Потянулся

к красной ручке, а схватить-то нечем. Рванул левой! Очень вовремя — через мгновенье самолет взорвался.

Приземлился в ста пятидесяти метрах от душманской базы. Они меня видели, но понимали, что никуда не денусь, и продолжали вести бой с самолетами. Первое, что я сделал, нашел между камнями щель и засунул туда документы и карты. В щель побольше забрался сам: самолеты вели такой сильный огонь, что мог погибнуть от своих. В десяти метрах от меня работал душманский пулемет, а я лишь глазел и ругался: вылет был таким молниеносным, что в спешке я забыл пистолет.

Шерзамин потер заметно побелевшую кисть правой руки и спросил:

— Может быть, хватит? То, что было дальше, очень невеселая история. Я ее никому не рассказывал. Начинал, и не раз, но закончить не мог.

— Волнуешься?

— Нет, не то... Видно, в душе все это еще не отболело. Как вспомню, как начну прокручивать эту историю в голове заново — раны и шрамы горят огнем, осколки бродят под кожей, а сердце закипает такой нечеловеческой злостью, что, кажется, вот-вот разорвется. В такие минуты я сам себя боюсь.

— Ты начни, — как можно мягче попросил я. — Начни. А там будет видно. Почувствуешь, что трудно, остановишься.

— Не-ет! Нет, нет и еще раз нет! — стиснув совсем уже белую кисть, яростно прошипел Шерзамин. — Я должен перешагнуть через это. Должен! Иначе я не пуштун... Так вот, крупнокалиберный пулемет бьет по моим товарищам, я в десяти метрах от него, но беспомощен, как годовалый ребенок. Осмотрелся... Из ног течет кровь, из руки просто хлещет, комбинезон иссечен осколками, но самое скверное — потерялись ботинки. Левой рукой кое-как перевязал раны и выбрался из щели. Лучше смерть, чем плен, решил я и пополз прямо под пулеметными очередями. Не задело. Судьба. Добрел до кустов и пополз на холм: хотел осмотреться, чтобы решить, куда идти. Взглянул на часы — на эти самые, ходят до сих пор, только стекло заменил — девять ноль-ноль. Хост на западе, значит, тянуть нужно на запад. Пошел... Острые камни, колючки, сучья, а я босиком. Боль адская, но идти надо. И кровь не останавливается. Оглянулся — за мной красный след. Душманов подвела самоуверенность, иначе они меня взяли бы сразу. Видимо, делили деньги, потому и не спешили.

— Какие деньги?

— У каждого душмана в кармане прейскурант на человеческие души. Летчик стоит миллион афгани, пехотный полковник — восемьсот тысяч, подполковник — пятьсот, капитан — двести, лейтенант — сто тысяч.

— А кто платит?

— Те же, кто дает оружие. Через три часа я пересек ущелье и забрался на Черную гору. Смотрю, кружит самолет: ребята ищут мой труп. Я содрал остатки комбинезона и начал махать, как флагом. Не заметили. Правая рука стала темно-синей с сизоватым отливом, в глазах — круги, ноги не держат, ступни превратились в кровавое месиво. Подошел к краю пропасти, постоял, подумал: прыгнуть — и конец всем мучениям. Но потом зло взяло: умереть, не захватив с собой ни одного «духа»!.. Нет уж, черта с два, не дождутся! Спустился вниз. Трава выше пояса, острая, как бритва. К боли притерпелся, а вот змей боялся: их в траве видимо-невидимо. Чуть позже появились шакалы — почуяли, гады, легкую добычу.

Часа через два наткнулся на караван: шесть верблюдов тащили тюки с оружием. Встречались какие-то люди, до сих пор не знаю, в бреду или нет, но на очень красивой поляне увидел очень красивую девушку. Потом появился капитан Фролович — именно он в Краснодаре поставил меня на крыло, его сменила мать, погибший брат, майор Лопатин, научивший летать на СУ-22. В общем, я потихоньку сходил с ума... А тут еще раскаленное солнце и дикая жажда. Я старался держаться зелени, думал, раз есть трава, должна быть и вода. В шестнадцать десять набрел на русло речки. Обрадовался несказанно. Но это было русло пересохшей речки. Раскопал песок — он еще хранил влагу. Брал этот песок в рот, клал на сердце. А ноги от песка горели, будто на раны сыпали перец.

Побрел дальше... К этому времени я был в каком-то полуобморочном состоянии, чувство осторожности и самосохранения покинуло меня окончательно, и, видимо, поэтому я напоролся на душманский лагерь. Обойти его было невозможно — везде скалы. Решил дождаться темноты и, будь что будет, идти прямо через лагерь. Идти не смог, пришлось ползти. В палатках шумно ужинали, копошились у костров, ходили туда-сюда. Бывает же такое везение — не заметили! Прямо за лагерем я свалился в глубокую яму и потерял сознание. Как выбрался, не помню. А вот колючки, по которым полз, и совсем близкие глаза шакалов помню. Когда в очередной раз потерял сознание, шакалы

осмелели: я чувствовал, как они обнюхивали меня. Открыл глаза и понял: я спятил. Фиолетовое небо и яркие звезды не наверху, а подо мной, внизу. Но тут до меня дошло: это же отражение, значит, рядом вода! Встряхнулся, раскрыл глаза пошире — мама родная, я лежу на животе у самой воды! Забрался прямо в здоровенную лужу и пил, пока снова не потерял сознание. Когда начал захлебываться, пришел в себя и попытался выбраться. Не могу. Будто вмерз. И трясучка напала. Так колотит, что зуб на зуб не попадает.

Если бы опять не подошли шакалы, наверное, ни за что бы оттуда не выбрался: уж очень не хотелось достаться на ужин этим тварям. Снова полз, перекатывался с боку на бок, от боли и потери крови совсем отупел, будто деревянный стал. И вдруг голос: «Внимание! Не спи!» Так говорят часовые. Вскарабкался на пригорок: вдали огни Хоста, а совсем рядом погранпост. Хотел крикнуть — не получилось: язык распух и не умещался во рту. «Ну, — приказал я себе, — последний бросок!» Хорошо, что вовремя остановился: отупеть-то отупел, но, как видно, не до конца — вспомнил, что вокруг погранпостов всегда ставятся минные поля. Не хватало еще подорваться на своей мине. Решил ждать рассвета... Через полчаса почувствовал: конец, умираю. Хорошо так стало, покойно, а это верный признак смерти. Шакалы это тоже почуяли и обступили меня со всех сторон. Что оставалось? Лучше подорваться, чем достаться шакалам! И я пополз по минному полю.

Мать за меня молилась или жена, не знаю, но ведь не бывает же таких чудес, чтобы не задеть ни одной мины! У самого поста как мог громко засипел: «Солдаты, я свой!» В ответ — автоматная очередь. Спрятался за камень и оттуда снова: «Я ранен. Я свой». На этот раз стрелять не стали, а громко приказали: «Руки вверх! Иди к нам!» Надо подниматься, надо идти, а сил уже нет. Пошел на четвереньках. Около дерева поднялся и прислонился к стволу. «Кто ты такой?» Я прошептал: «Летчик» — и на целый месяц провалился в небытие... Потом мне рассказывали, как бесились душманы, потеряв свой миллион. Об этом сообщил пленный. Оказывается, они обшарили всю округу. То шли по моим следам, то теряли. К минному полю мы подошли почти одновременно. Помедли я еще пять минут, болтаться бы мне в петле... Абдулла, пора снижаться, — тем же тоном сказал Шерзамин второму пилоту. — Управление беру на себя.

Я смотрел, как спокойно и уверенно ведет самолет Шер-

замин, и не понимал, почему он не вернулся в истребительную авиацию. Когда спросил, у Шерзамина вздулись желваки, но ответил он довольно спокойно:

— У летчика-истребителя главный инструмент — правая рука. А у меня она склеена из десятков осколков, все мышцы, нервы и сухожилия шиты-перешиты. Говоря откровенно, кисть я вообще не чувствую, даже рукопожатие не ощущаю. Я же говорил, это чудо, что вообще веду самолет, хоть и транспортный, но все же самолет.

Шерзамин скромничал. Надо было видеть, как смело он совершил противозенитный маневр, как лихо притер самолет к полосе, как стремительно вывел его на рулежку и решительно, но по-кошачьи мягко остановил.

Эти действия Шерзамина оказались далеко не лишними: на окраине поля стояли остовы двух вертолетов, сбитых два дня назад.

Прощаясь с Шерзамином, я хотел произнести высокие слова о подвиге, долге и мужестве, о том, что как Маресьев для него, так и он сам для тысяч юношей стал образцом для подражания, что его пример будет вдохновлять других... Но когда увидел, как к самолету подъехали санитарные машины, как из них стали выгружать раненых и вносить в самолет, как Шерзамин помогал их укладывать, как первым хватался за носилки, как ругался, если санитар оступался и раненый вскрикивал, я понял, что говорить ничего не надо. Здесь в чести не слова, а дела. Я бросил свой чемодан и взялся за носилки...

V

Несколько дней я провел в Джелалабаде. Здание Культурного центра уже было готово, осталось вставить окна, навесить двери, ну и, само собой, привести в порядок территорию. Здесь-то и возникли проблемы: не хватало рабочих рук. Позвонили Лаеку. Он подумал и сказал: «Обратитесь от моего имени к старейшинам кочевых племен». Сделали, как посоветовал Лаек. Прошли всего сутки — и строительная площадка была запружена загорелыми и, к сожалению, неразговорчивыми людьми. И все же кое с кем из них я познакомился. Гуль-хан сообщил, что в их племени три тысячи человек. «И две с половиной тысячи верблюдов и овец», — добавил Шамай. «У каждой семьи своя палатка», — гордо заметил Мир-ахай.

— А оружие? — поинтересовался я. — У каждого ли мужчины есть оружие?

Собеседники сделали вид, что не поняли моего вопроса, и стали жаловаться: на стройке, мол, маловато носилок и лопат.

Но больше всего меня поразило то, что ни один из кочевников не смог назвать своего возраста. Никакой тайны они из этого не делали, просто никто не знал, сколько ему лет.

Работа шла своим чередом, а я заскучал: кочевники явно избегали бесед. И тогда один из руководителей стройки посоветовал съездить на контрольно-пропускной пункт Сорх-Диваль.

— Это совсем близко от границы, и посмотреть там есть на что, — сказал он. — Заодно передадите привет моему земляку Абдулсаттару.

Я с радостью ухватился за это предложение. Когда мы приехали на КПП, капитан царандоя Абдулсаттар только проснулся.

Будильник, который не надо ни заводить, ни подпитывать свежими батарейками, сработал, как всегда, четко: в четыре тридцать начала ныть и конвульсивно дергаться нога.

— Но почему только в пятницу? — недоумевал Абдулсаттар. — В день джумы, когда все тянутся на базар? В другие дни бегаю, как горный козел, а как только пятница, нестерпимо ноют раны и начинают шевелиться осколки. Нет, с этим надо кончать! — Он решительно встал. — Так можно стать суеверным. Завтра же съезжу к врачу, — в сотый раз приказал он себе. — А не поможет, к мулле: люди говорят, что он умеет заговаривать боль.

Капитан выбрался из дота, недобро посмотрел на восток, куда убегала молочная лента шоссе, проверил посты, растормошил кутающихся в одеяла солдат, покосился на остов обгорелой машины, заглянул к танкистам, пулеметчикам и только после этого облегченно вздохнул — еще одна ночь прошла спокойно, нападения на контрольно-пропускной пункт Сорх-Диваль не было. Этот КПП — последний перед Джелалабадом. Если душманы обойдут пограничный Турхам и проскочат Марко, единственным барьером будет Сорх-Диваль. Этот барьер им еще ни разу не удавалось брать, хотя попытки были, и попытки весьма дерзкие.

В обычные дни по дороге проходит не более ста машин, а в пятницу — около четырехсот грузовиков, да автобусы, да личные машины, и в каждой могут быть наркотики, диверсанты, оружие. Народу в этих автомобилях — не счесть,

но сколько бы их ни было, у каждого надо проверить документы, осмотреть тайные закутки грузовиков, заглянуть в узлы и чемоданы, а времени в обрез — все спешат на базар, чтобы дотемна вернуться обратно. После захода солнца дорога во многих местах контролируется душманами. Абдулсаттар снова покосился в сторону огромного «Бедфора», сожженного в прошлую пятницу.

А вот и первый автобус. Это свои, даже флаг выставили.

— Ашукулла! — кликнул он контролера. — Откуда они?

— Из кишлака Батикут.

— Кого знаешь в лицо, оформляй по-быстрому. Незнакомцев — ко мне.

— Есть, рафик капитан! — козырнул рядовой Ашукулла.

Каждый пассажир получил въездную карту. Грамотные заполнили ее сами, неграмотным помог Ашукулла. Потом он проверил удостоверения личности, багаж и совсем уже было дал зеленый свет, как вдруг к автобусу подошел капитан.

— Хасанджан, выйди-ка,— пригласил он бородатого пассажира.

Тот вышел.

— Как на ферме? — поинтересовался капитан.

— Спокойно.

— Урожай?

— Хороший урожай. Скоро повезем на базар.

— Душманы не суются?

— Последний раз мы им так дали по заднице, что больше не лезут. Но ты же их знаешь: рано или поздно придут снова. Нам бы пару пулеметов, а, капитан? Помоги. Тогда не надо ни одного солдата, малиши сами защитят и ферму и кишлак.

— Поможем. А кто сидит у окна? Что-то я его не знаю.

— Так это Рахим. Он из кишлака Гушта. Наш человек, не бойся.

— Я?! Боюсь?! — сверкнул глазами Абдулсаттар. — Работа такая, проверить надо.

— Извини, командир, — приложил к груди руку Хасанджан. — Не подумал. Глупость ляпнул. Я в том смысле, что парень он хороший, семейный. Мы его знаем.

— Все, Хасанджан, — хлопнул его по плечу капитан.—

Твои слова надежней любого пропуска. Счастливого пути. Возвращайтесь засветло! — крикнул он вдогонку.

А потом подкатил огромный, расписанный всевозможными рисунками грузовик из Пешавара. В кузове какие-то ящики, мешки, тюки, а на них — десятка три пассажиров. Тут уж досмотр был куда придирчивей. Представители госавтоинспекции Саид Хусейн и Саид Имам занялись шофером, Ашукулла — пассажирами, а другие контролеры — грузом.

Владелец грузовика Садразам рассказал, что он из кишлака Хафридай, что десять лет копил деньги, чтобы купить грузовик, что все его благополучие зависит от того, наймут его торговцы или не наймут, будет груз или нет. Сейчас его подрядил купец из Пешавара Гульназир.

— Что везете? — спросил я Гульназира.

— Шерсть. Продам шерсть, куплю одежду и немного обуви.

— Разве этого нет в Пакистане?

— Есть. Но очень дорого. К тому же пакистанские купцы норовят ободрать пуштунов. Чтобы выжить, нам приходится держаться вместе, помогать друг другу, давать работу. Мне, например, и в голову не придет нанять непуштунскую машину или слишком дорого продать ботинки соплеменнику.

— Так что же вас держит? Возвращайтесь на родину.

— Это не так просто, — вздохнул Гульназир. — Мы окружены не только добрыми людьми. К тому же наши матери, сестры, дети и жены — самые настоящие заложники. Попробуй кто-нибудь из нас не вернуться к завтрашнему утру домой, вырежут всю семью. Такие случаи уже бывали.

Вот так. И жить по-людски не дают, и на родину не отпускают.

Грузовики, автобусы, блестящие «мерседесы» и допотопные колымаги шли одна за другой. Особенно живописно выглядели грузовики: люди сидели на кабине, капоте, висели на крыльях. И вдруг промелькнуло знакомое лицо! Тонкий нос, пронзительные глаза, клочковатая борода. Неужели он? Не может быть! Ведь машина из Пешавара, а он... Но кто знает, что он задумал? Нет, неразумно: сперва туда, потом обратно — огромный риск. Зачем? Да и рядом какие-то мрачные типы. Нет, это просто похожий на него человек, решил я, провожая медленно удаляющийся грузовик. Но где-то у виска билась тонюсенькая жилка: а вдруг все-таки он?

Кто знает, к чему привели бы дальнейшие размышления, если бы ко мне не подошел пуштун в национальной одежде. Одной рукой он придерживал автомат, другой поглаживал усы. Некоторое время он решал, от какого занятия отказаться, потом оставил в покое усы и протянул руку.

— Меня зовут Махмуд, — сказал он, улыбаясь. — Я секретарь уездного комитета партии. Приглашаю в мой родной кишлак Рудат. Увидите настоящий восточный базар.

— Это далеко? — поинтересовался переводчик.

— Километров двадцать.

— А дорога?

— Днем она наша.

И вот мы мчимся по пыльной дороге, петляющей среди холмов. Все сидят на броне. Пыль, чад, жара, но внутрь никто не спускается. Раньше ездили внутри, но после того как несколько бэтээров напоролись на фугасы — так называют заложенные вместе две-три мины — и мощным взрывом людей разорвало в клочья, ездить стали на броне. Конечно, увеличилась опасность попасть под пулеметную очередь, но всех сразу срезать нельзя, а уцелевшие могут броситься врассыпную. Мы тоже не дремали. Каждый выбрал сектор наблюдения, направил туда автомат и был готов мгновенно открыть огонь.

Наконец показались дувалы, глинобитные дома. Потом мы пересекли неширокую, но очень быструю речку — и стоп! Улицы так узки, что бэтээру не проехать. Мы соскочили на землю и углубились в кишлачные переулки. Все, от бэтээра отрезаны, теперь нас в случае чего огнем не поддержать и рассчитывать придется только на самих себя. Еще несколько шагов, улица стала шире, а вот и довольно просторная площадь. Народу — тьма! Все кричат, торгуются, орут ишаки, хрипят верблюды, потерянно бекают овцы, кудахчут куры, плачут дети... На каждом шагу люди с автоматами.

Шестнадцатилетние Гулага и Редван-алла стояли на небольшом взгорке, старательно делали суровые лица, но надолго их не хватало — ребята начинали откровенно счастливо улыбаться. Еще бы, сегодня взамен старых «буров» они получили новенькие автоматы. Теперь Гулага и Редван-алла полноправные малиши, и на пост их поставил сам туран, то есть капитан Гулабзал.

А Гулабзал больше всего был озабочен безопасностью кишлака. В день джумы люди могут потерять бдитель-

ность, а душманы только этого и ждут. Случалось уже такое, ох, случалось... Полгода назад душманы ворвались в кишлак, взорвали несколько домов, но так увлеклись грабежом, что не заметили, как малиши отрезали им путь к отступлению. Бойня была страшная! Больше «духи» сюда не суются, но, конечно же, затаили злобу и ждут момента отомстить. Жаждут мести и жители Рудата: двести односельчан лежат на кладбище. На каждой второй могиле нет флажка, означающего, что погибший отомщен. Так что агитировать в малиши никого не надо: все мальчишки с нетерпением ждут, когда подрастут и им дадут автомат.

А базар кипел! Когда закончились занятия в школе, шум стал еще сильнее — десятка три ребятишек ворвались на площадь. До чего же они любят фотографироваться! Лалпур, Абдулла, Хожаной, Вафи, Салим, Фазил окружили меня и требовали, чтобы я их сфотографировал. Я щелкнул — и ребята разошлись. Что интересно, никто даже не намекнул на возможность получить фотокарточку.

И тут со мной приключилась беда. Ну, может быть, не беда, но дикая нелепица. А всему виной любопытство. В двух шагах от меня продавали верблюдов. Я познакомился с продавцом.

— Шах-Вали, — протянул он руку.

— Очень приятно, — церемонно ответил я и, чтобы избежать долгой паузы, спросил: — Почем товар?

— Шутур[1]? Он совсем молодой.

— Да я не о возрасте, а о цене.

— Пять лет. Всего пять лет живет этот шутур под благословенным небом, — гнул свое Шах-Вали. — А протянет до сорока, от силы до сорока пяти.

— Каких там пять?! Ему лет десять! — клюнул я.— Зубы вон какие желтые.

— Желтые?! — взвился хозяин. — Разве это желтые? Смотри! — Он раскрыл верблюжью пасть до самого горла. — Все зубы на месте. Все до единого. А желтые они оттого, что колючка в наших краях пыльная. Зато горб! Ты смотри, какой у него горб! Как акулий плавник! Нет, ты потрогай, потрогай...

Я подпрыгнул и шлепнул верблюда по довольно рыхлому горбу.

— Ну что?! — торжествующе завопил Шах-Вали. — И как я буду жить без тебя, кормилец ты мой ненаглядный?! — запричитал хозяин, вполглаза наблюдая за

---

[1] Шутур — верблюд.

мной. — Все, бери! — протянул он уздечку. — Отдаю за пятьдесят тысяч афгани.

— Что-о?! — теперь уже взвился я. — Пятьдесят тысяч за этого дромадера?! Был бы хоть двугорбый, а то инвалид какой-то!

— Инвали-и-ид?! Это мой-то шутур инвалид?—зашипел Шах-Вали.— Да он богатырь! Он бегает быстрее арабского скакуна, когда чует еду. Ну ладно,— крякнул Шах-Вали,— раз ты такой привереда, раз для тебя главное не благородство животного, а количество горбов, бери за сорок пять.

— Да будь он хоть трехгорбый, сорока пяти тысяч этот шутур не стоит. Лодыжки вон все сбитые, — кивнул я на ноги.

— У меня тоже сбитые, — задрал штаны Шах-Вали. — У нас тут кругом камни, а сапоги верблюдам не дают.

Вокруг нас собралась толпа: шурави торгуется из-за верблюда — такого здесь еще не видели. А меня будто черт за ниточку дергал, и я продолжал торг. То глаза мне не нравились, то хвост, то облезлая шкура. В конце концов я сбил цену до тридцати пяти тысяч.

— Сдаюсь, — махнул рукой Шах-Вали. — Дети меня проклянут, жена выгонит из дома. Но пусть радуется твоя жена и поют от счастья твои дети.

Я представил, как поднимаю в лифте верблюда, как веду через квартиру на балкон и знакомлю его с высоты десятого этажа с родными Сокольниками. Но когда представил реакцию жены и детей, понял, что придется мне жить с верблюдом где-нибудь под мостом через Яузу.

— А чем его кормить?

— Ничем! — гордо бросил Шах-Вали. — Он сам найдет еду.

— А если кругом асфальт?

— Асфальт? Что за трава? Не знаю. Но он съест. Тверже нашей колючки ничего нет, а он ест.

— Да нет, асфальт — это вроде камня. Дорогу на Джелалабад видел?

— Ну и что? Ты хочешь сказать, что в твоем кишлаке такая же дорога?

— Не дорога. Весь кишлак такой.

— Не верю. Это плохо.

— Плохо, — вздохнул я. — Верблюд околеет.

— Ни-ког-да! Разроет твой асфальт и добудет корм из-под земли. Все! По рукам! Я ухожу, — протянул Шах-Вали уздечку.

Слава богу, подбежал Гулабзал и шепнул, чтобы я ни в

коем случае не брал уздечку: если взял, значит, сделка совершена. Я с грустью смотрел на верблюда. Кажется, он уже начал признавать во мне хозяина. В конце концов тридцать пять тысяч не такие уж большие деньги, что-то около тысячи рублей. Можно бы и взять. И тут до меня дошло, что игра зашла слишком далеко. Пошутили — и хватит. Но Шах-Вали было явно не до шуток. И тогда я нашел решающий аргумент.

— У нас есть пословица: за морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Доставка, дорогой Шах-Вали. Все дело в доставке. До моего кишлака верблюд не дойдет, а в самолет его не возьмут.

— В самолет? Не возьмут. Я однажды летал, знаю. Не уместится там шутур, никак не уместится.

— Вот видишь. А пешком не дойдет.

— Далеко?

— Очень далеко.

— Тогда будь здоров. Извинись перед женой. Скажи, что не я, а ты виноват в том, что любимую женщину лишил такого подарка. Ни у кого такого нет, а у нее мог быть. Так и скажи.

Потом мы почти до вечера бродили по кишлаку, съездили на прекрасно оборудованный пост, который прикрывает подходы к Рудату со стороны ущелья. Солнце стремительно катилось за горы. Темнеет здесь почти сразу после захода, поэтому Махмуд, как бы извиняясь, сказал:

— Если гости хотят, они могут здесь заночевать. Но если думают уезжать, то сейчас самое время, чтобы засветло добраться до КПП.

Через пять секунд мы были на броне. И тут подошел Гулабзал. Он вел за руки двух грустных мальчиков лет семи.

— Сыновья? — спросил я.

— Сыновья. Но не мои. Друга моего сыновья! Он погиб. И жена его погибла. Так что эти ребята сироты. Я договорился, чтобы их взяли в «Ватан» — есть в Кабуле такой детский дом. Мне уезжать нельзя — надо мстить за друга, а в Джелалабаде их ждут, чтобы отправить в Кабул. Может, подвезете?

Мы подхватили легоньких мальчишек на руки, закутали в бушлаты, порывшись в карманах, завалили леденцами и сдвинулись поплотнее, чтобы шальная душманская пуля не достала ребят. Бэтээр пылил по дороге, а я вспоминал тот самый день, о котором обещал рассказать. Теперь — самое время.

«Ватан» — это родина. Для многих сотен ребят родиной стал детский дом с таким названием. Сначала мы пошли в детсад — здесь дети от двухмесячного до годовалого возраста. Крохотные малыши сопят в кроватках, сладко чмокают во сне. Они еще ничего не понимают, не знают, что круглые сироты, что имена им давали не родители, и вообще они не знают и никогда не узнают, что такое родители. Они никогда не почувствуют сильных рук отца, взметнувших сына к небу, не ощутят материнской ласки. Сыты ребята будут, одеты будут, образование им дадут, ремеслу научат, но... они никогда не произнесут слов, с которых начинают все дети, они никогда не скажут «папа» и «мама».

А вот ребята постарше, им года по два. Они чинно сидят возле своих кроваток и слушают маму Хафизу. Воспитательница не столько читала, сколько показывала им смешную сказку про муравья. Страшных сказок про волков и Кащеев здесь не читают — дети и так напуганы на всю жизнь. Я пришел с двумя офицерами, сильными и мужественными людьми, но когда ребятишки увидели гостей, когда они, не обращая внимания на запрет Хафизы, вскочили с ковра, неуклюже переваливаясь, спотыкаясь и падая, бросились к нам и непостижимым образом вскарабкались на руки, не раз глядевшие в глаза смерти офицеры беспомощно заморгали покрасневшими глазами. Вытереть невозможно — заняты руки. Но чтобы пуштун показал слезы — это немыслимо. Офицеры нашли выход: сгребли в охапку всю ватагу и понесли на лужайку.

Пяти — семилетние ребята спали, был тихий час. По крайней мере, нам так сказали. В спальню мы вошли на цыпочках. И разом раскрылись двадцать пар карих и черных глаз. Мальчики лежали тихо, некоторые по двое: чтобы было не страшно, некоторые перебрались со своей кроватки к соседу. Никто не вскочил, не побежал навстречу, порядок они уже знают. Я подошел ближе.

Ребята молчали. Но как они смотрели! Это были глаза столетних стариков, переживших потерю близких, видевших пепел родного очага, перенесших побои и издевательства. Глаза источали такую боль, что все закипало в душе. Довести детей до такого состояния! Да за это не убивать, за это надо... Нет такой казни, которую бы не заслужили мерзавцы, искалечившие души этих маленьких людей, крохотные, надорванные болью души!

Тринадцати — пятнадцатилетние подростки держатся по-мужски сдержанно, говорят скупо. Пятнадцатилетний Абдул Насер довольно прилично объясняется по-русски. У

него умное красивое лицо, он ухожен, аккуратен. Говорит не спеша. Вот только руки выдают. Он все время ломает пальцы и словно что-то с них стряхивает.

— Мой отец Фаиз Мухаммад — мулла. Вернее, был мулла. Мы жили в кишлаке Фич. Ночью пришли душманы, стащили отца с постели и начали пытать: где старшие сыновья? Отец говорит: «Не знаю, где-то в Кабуле». «Врешь, свинья! Они офицеры и воюют против нас!» «Но я-то при чем, — недоумевал отец, — они взрослые мужчины и сами выбрали свой путь. А я служу Аллаху!» «Сейчас мы тебе покажем Аллаха!» — закричали бандиты и начали его бить. Он кричал, плакал, просил пощады... Мы с мамой тоже кричали, плакали и просили пощады. Увидев нас, бандиты обрадовались: «Будешь кричать, убьем последнего щенка». Тогда отец замолчал, встал и вышел из дома. Застрелили его во дворе. Я бросился к отцу. Раны огромные. Я пытался их зажать, но кровь лилась сквозь пальцы. Быстрее бы вырасти! — тонко закричал Абдул. — Быстрее бы получить автомат!

— А в лицо ты тех бандитов помнишь? — спросил я.

— Еще бы! Они из нашего кишлака. Я и братьям о них рассказал. Нас семеро, мы создадим свой отряд и перебьем этих бандитов.

Тринадцатилетний Нек Мухаммад родом из Герата. У него красноватые белки и неправдоподобно огромные зрачки.

— Здесь я чуть больше года, — рассказывает он. — У отца бандиты отняли жизнь, у меня — глаза.

— Ты ничего не видишь?

— Немного вижу. Силуэты, крупные предметы. Но это — после операции, а раньше ничего не видел.

— Как... как это случилось? — с трудом сглотнул я воздух.

— Отец работал в поле. Пришли душманы и потребовали деньги. Отец сказал, что денег у него нет, что он бедный дехканин. Тогда его загнали в дом и открыли огонь из гранатомета. Я был в одной комнате с отцом и видел, как его насквозь прожгло огненной струей. Это последнее, что я четко видел...

— А как ты учишься? Как пишешь и читаешь?

— Ребята помогают, — впервые улыбнулся Нек. — Мы все братишки и сестренки. Здоровые помогают больным, старшие — младшим, иначе в нашем доме нельзя, мы же сироты. Почти все... — закончил он после паузы.

Я не сразу понял смысл последней фразы, но когда понял, честное слово, мне стало не по себе.

— Мухаммад Азам, — назвал себя щуплый и какой-то очень взвинченный мальчик. — Я узбек из кишлака Чукур-Гузар. Мой отец душман.

— Душман? — не поверил я.

— Мой отец душман, — продолжал Мухаммад. — После смерти мамы он хотел забрать меня с собой, но бабушка не отдала, сказала, что я слабенький и в горах умру. «Не умрет! — кричал отец. — Я из него сделаю борца за веру!» Тогда бабушка сказала, чтобы он приходил завтра, надо, мол, собрать ребенка. А сама отвела в соседний кишлак. Оттуда меня переправили в Кабул.

— Мухаммад, — осторожно спросил я, — а если встретишься с отцом, что будешь делать?

— Скажу, что он мне не отец! Я буду с ним воевать! — сорвался на фальцет Мухаммад.

Потом пришли девочки: Шарифа, Шахбиби, Митра, Макат. Им по двенадцать-тринадцать, а выглядят лет на восемь. Измученные, старушечьи лица, потухшие глаза, опущенные плечи. Девочкам труднее. Мальчики живут жаждой мести, считают дни, когда получат оружие, а девочки— они и есть девочки.

Перед уходом я увидел в коридоре троих на редкость красивых мальчишек. Они что-то деловито обсуждали; заметив меня, вежливо поздоровались. Я погладил одного из них по голове. Мальчик вспыхнул и так горячо прижался к ладони, что мне стало неловко.

— Как тебя зовут?

— Муджиб Рахман.

— Откуда ты приехал?

— Я не приехал, меня привезли. И братьев тоже. — Он кивнул на стоящих рядом ребят. — А вообще мы из кишлака Займани.

— Мать жива?

— Жива.

— А отец?

— Тоже жив.

— Тогда... почему вы здесь?

— Наш отец — душман, — сузились глаза Муджиба.

— И что же... И как же? — растерялся я. — И друзья не интересуются, не упрекают, что ваш отец душман?

— Он нам не отец! Мы станем офицерами и будем против него бороться. Мы убьем его!

Братья кивнули.

Вот вам и братишки... Как усложнила, как страшно все запутала жизнь! Фаиз мечтает перебить отцов и братьев своих кишлачных друзей, Нек будет мстить отцу Мухаммада, а Муджиб хочет убить своего собственного отца... А кому будут мстить эти крохотные ребятишки, которых мы везем на бэтээре, прикрыв собой от шальной душманской пули? Пока они этого не знают. Но мстить будут! Они будут жестоко мстить всем бандитам, поднявшим руку на их отцов, матерей, братьев и сестер, замахнувшимся на самое святое — на их многострадальную родину.

Как ни ходко пылил бронетранспортер, мы поняли, что от темноты нам не уйти. Воздух постепенно стал сиреневым, потом фиолетовым, а вскоре водителю пришлось включить фары. Теперь мы у душманов как на ладони. Выстрел из базуки — и нам конец. Но до поры до времени бог, как говорится, миловал. Когда выбрались на асфальт и до Джелалабада оставалось километров пятнадцать, двигатель начал кашлять, а бэтээр — дергаться и вздрагивать.

— Горючее на нуле, — пояснил водитель. — До города не дотянем.

— Что делать? Не ночевать же на дороге!

— Надо свернуть к нашим. Неподалеку мотострелковая часть. И бэтээр заправим, и сами подзаправимся.

Ледяное молчание было ответом. Водитель понял, что его осуждают за головотяпство, и нашел аргумент, который сразил нас наповал:

— Хоть детей пожалейте...

VI

Командир части искренне обрадовался гостям. Здесь вообще охотно распахивают души, а о тех, кто недавно из Советского Союза, и говорить нечего. Когда помылись и поужинали, хозяева предложили заночевать. Мы слабо посопротивлялись и сдались. До чего же сладко спится на чистых простынях, да еще после настоящей русской бани! На дворе плюс пятьдесят, в парилке плюс сто, зато в бассейне вода ледяная. Выскакиваешь оттуда молодым и полным сил, хоть сейчас — снова на броню!

Только положили головы на подушки, как загрохотала артиллерийская канонада. Оказывается, уже рассвело, на часах пять тридцать, а завтрак по распорядку в шесть.

— Что за стрельба? — спросил я.

— В «зеленке» зашевелились душманы. Артиллеристы засекли их миномет и тут же дали прикурить.

Конечно же, через пять минут я был у артиллеристов. Батарея стояла на берегу широкой бурной реки Кабул. Она стремительно несет через пороги свои бирюзовые воды. Эти же воды поят всю долину. До самых неблизких гор — буйная тропическая растительность. Это и есть печально известная «зеленка». Душманы спускаются в нее с гор — спрятаться там проще простого — и обстреливают кишлаки, дороги, подкарауливают заходящие на посадку самолеты и вертолеты.

— В «зеленке» душманам, конечно, вольготно, — заметил загорелый до черноты командир батареи. — Но мы ведем за ней постоянное наблюдение. Видите, как обгорели стволы орудий, — значит, стрелять приходится много. А понапрасну снаряды не расходуем.

— Миномет накрыли?

— Конечно. Можете посмотреть. — Командир батареи протянул мне бинокль.

Мощный артиллерийский бинокль сделал все неправдоподобно близким. Совсем рядом — брошенный кишлак. Разрушенные дома, вывернутые с корнем деревья, глубокие воронки. А вот и куча покореженного железа. Видимо, это и есть то, что называлось минометом.

— Командир, к телефону! — раздался голос из окопа.

— Бегу.

Вернулся командир сильно расстроенный. Почертыхавшись, хлопнул себя по бедрам, воскликнул: «Ну надо же!» — и извиняющимся тоном сказал:

— Нужен ваш «уазик».

— А что случилось?

— Чепе! Самое натуральное чепе! В соседнем подразделении один ефрейтор снаряжал гранаты. Как это произошло, не знаю, но взрыватель сработал в руках.

— Он жив?! — закричал я. Мне казалось, что если я оглушен канонадой, то и другие ничего не слышат.

— Жив. Но надо побыстрее доставить его в медроту. Потому и просят машину: других поблизости нет.

Через секунду мы мчались за раненым. Ефрейтора звали Володей. Он сидел на камне и на отлете держал левую руку. Кисть — кровавое месиво. Пальцы — будто бритвой отсекло.

— К-как же это ты? — выдавил я.

— А черт его знает! — совершенно спокойно, я бы даже сказал — беспечно, ответил ефрейтор. Потом помолчал и добавил: — Хорошо, хоть гранаты не рвануло.

Я присмотрелся к Володе. Глаза ясные, лицо не пере-

кошено, губы не дрожат, речь четкая — то ли он в шоке, то ли не чувствует боли, то ли не осознал, что произошло, то ли у него такая невероятная сила воли... Он без всякой суетни сел в машину, не забыл прихватить автомат и как-то буднично бросил знакомому шоферу:

— Давай, Санек, трогай.

Побледневший Санек так рванул по ухабам, что, казалось, через секунду мы были в медроте. Володей тут же занялись врачи.

Представьте чистый уютный дворик, закрытый от жары маскировочной сетью. А на скамеечке чинно сидят три богини в хрустящих белых халатах и кокетливых шапочках.

— Девушки, кто вы?

— Медсестры.

Мы познакомились. Эти прекрасные, веселые девушки, если надо, сутками не выходят из операционной, неделями дежурят у коек раненых, охотно отдают свою кровь.

— Если бы вы знали, какие замечательные у нас ребята! — восклицает Люда Вьюшкова. — Раньше я жила во Фрунзе, работала в НИИ кардиологии, возилась в основном с сердечниками — тихими, пожилыми людьми, надорвавшими сердце на руководящей работе. Разговоры только об одном: кого куда назначат и что это даст. Надоело! Пошла в военкомат и сказала: хочу в Афганистан, хочу помогать тем, кто ранен в бою...

— А я работала в больнице города Рудного, — подхватывает Наташа Ещанова. — Лежал у нас офицер, который побывал в Афганистане. Слушала я его, слушала и поняла, что мое место здесь.

— Правильно говорит Наташа, — поддерживает подругу Катя Журавская. — Здесь мы чувствуем себя по-настоящему нужными.

— А чего стоит отвечать на письма родителей и друзей тех ребят, которые здесь лежат, — вздыхает Люда. — Они сочиняют бодрые письма, выдумывают всевозможные небылицы, чтобы объяснить, почему написано не их рукой: занозил палец и трудно держать ручку, или играл в волейбол и повредил кисть.

Сейчас в таком положении один сержант. Зовут его Сергеем.

— В моей практике это первый случай, — рассказывает капитан медслужбы Валерий Колесник. — Парня привезли с ранением в подколенную впадину — пустяк вроде бы, а он весь белый, пульс нитевидный. Делаем перели-

вание крови, а она куда-то девается. Картина такая, будто у сержанта внутреннее кровотечение. Снаружи — ни единой царапины. И все же я решился на операцию. Вскрыл брюшную полость, а там полным-полно крови и вот этот осколок. — Он протянул мне железяку величиной со спичечный коробок. — Как он туда попал? Оказалось, дело было так. Сережа сидел в бэтээре, который напоролся на мину. Осколок пробил днище, попал в ногу, внутри бедра прошел через таз и в брюшной полости натворил таких бед, что я долго не знал, спасем ли парня. Теперь уверен: спасем! Самое трудное, как и всегда,— послеоперационный период. Мы перелили двенадцать литров крови. Часть дали другие раненые, часть — наши медсестры.

— Да, теперь Сережа наш кровный брат, — улыбается Люда Вьюшкова.

— А поговорить с Сережей можно?

— Конечно. Только он вас не услышит.

— Потерял слух?

— Что вы! Со слухом у него все в порядке. Просто сейчас он в барокамере.

И все же я пообщался с Сергеем. Через толстое стекло увидел только его лицо. Измученное, несчастное лицо девятнадцатилетнего паренька. Я писал свои вопросы на бумаге, причем такие, на которые можно ответить кивком головы. Хорошо ли себя чувствует? Да. Навещают ли друзья? Да. Есть ли аппетит? Да. Хочет ли домой? Энергичное нет! И крепко сжатый кулак. Я понял, Сергей хочет вернуться в строй. И он это сделает. Я верю! Если человек, лежа в барокамере, думает не о том, сколько он протянет, а считает дни до того момента, когда снова возьмет в руки автомат, значит, ему жить.

Сестру-анестезиолога Таню Исаенко я застал в слезах. Как ни успокаивал, в ответ — рыдания.

— Что-нибудь дома? — спросил я.

Таня отрицательно помотала головой.

— Кто-нибудь погиб?

— Не погиб, а у-умер! — снова зарыдала Таня.

— Друг?

— Ирочка... Наша доня.

Наконец Таня совладала с собой и рассказала, как месяц назад в соседнем кишлаке молодая женщина шла по улице с двухгодовалой дочкой и наступила на мину. Мать — в клочья, а девочку так изрешетило осколками, что живого места не осталось. Врачи и медсестры ночей не спали: операции, переливания крови, снова операции.

Девочку назвали Ирой. Иногда она приходила в себя, что-то лепетала, улыбалась. Раненые, взглянув на нее, уходили с почерневшими лицами и вздутыми желваками, а у медсестер не просыхали глаза... И вот сегодня Ирочки не стало...

Вдруг Таня насторожилась и подняла палец.

— Тихо. Кажется, поют...

— Поют, — подтвердил я. — Только не в лад и тональность какая-то странная.

— Тут не до тональности. Раз поют, значит, терпэть боль нет никакой возможности. Пошли! — решительно встала она. — Подпоем.

В соседней палате в гипсе и бинтах лежало трое солдат. «По До-ону гуляет казак мо-ло-дой», — хрипло выводил паренек у окна. «О чем... дева... плачешь?» — часто сглатывая воздух, выговаривал сосед. «О че-ем слезы льеешь?» — сильным голосом подхватила Таня.

Что-то вроде улыбок появилось на измученных лицах ребят. Нестройный хор стал сильнее, слаженнее. Таня ходила от кровати к кровати — одному поправит одеяло, другому повязку, третьего погладит по голове.

Когда я вышел во двор, увидел Володю. Его руку уже обработали. Бинты намотали так щедро, что кисть превратилась в боксерскую перчатку.

— Ничего, — успокоил он меня. — Доктор сказал, что в строй вернусь. Верно?

— Конечно, вернешься, — подтвердил сидевший рядом с ним капитан Колесник. — Но какова наша Татьяна, а?!— обернулся он ко мне. — Когда больные или раненые кричали от боли, она их стыдила, говорила, что таких нытиков ни одна девушка не полюбит. «Но ведь больно же! — говорили ребята. — Что делать?» «Пой!» — предлагала она и тут же начинала что-нибудь лихое, раздольное. Вы не поверите, но наши парни так к этому привыкли, что даже во время операции, когда совсем невтерпеж, нет-нет да и выдавят что-нибудь про степь или про бродягу, который подходит к Байкалу.

В тот же день меня познакомили с любимцем части, командиром разведвзвода. В свои двадцать два года лейтенант только что черта не держал за бороду, а через все остальное прошел. Но этот бравый вояка с юношески-наивным взглядом как-то мялся и рассказывал о себе неохотно. Потом вдруг решительно встал.

— Нет, не обо мне надо писать, а вот об этом сержанте. — Он показал на щуплого застенчивого паренька. —

Он мне жизнь спас. Дважды! Представляете, бой идет в кишлаке. Я бегу по узкой улочке. Вдруг — пулеметная очередь. Я — носом в землю. А через мгновение на меня грохнулся сержант. Все, думаю, убили парня. Прислушался: живой, дышит. Потом за дувалом грохнул взрыв. Оказалось, когда я упал, из-за дувала душманы бросили гранату. Виктор, так зовут сержанта, увидел это и с разбегу плюхнулся на меня. Прикрыл собой. Граната упала прямо на него, но так как она взрывается через три секунды, Виктор успел схватить гранату и швырнуть за дувал — прямо к душманам. Там она и рванула. Другой бой — в ущелье. В спешке я не надел бронежилет. Чтобы оценить обстановку, высунулся из-за камня — душман тут же выпустил очередь. Виктор стал на пути очереди. К счастью, он был в бронежилете. Такой вот у меня сержант. А ведь обычный московский паренек, пэтэушник, бренчал на гитаре, ошивался в подъездах. Теперь у него орден, две медали и два ранения. Так что пишите о нем.

Ну что тут скажешь! Поэтому я просто обнял и лейтенанта, и сержанта и... попросился на очередную операцию вместе с ними.

— Мы-то что, мы — пожалуйста, — извиняющимся тоном сказал лейтенант. — Нужно, чтобы разрешило командование.

Но командование части решило иначе. Так как я не давал покоя и настаивал на разрешении пойти с разведчиками, как здесь говорят, на реализацию, командир придумал прекрасный вариант. Поздно вечером он пригласил меня к себе и сказал:

— Как вы знаете, у нас есть агитотряд. Из части он выходит не так уж часто — раза два в месяц. Дело в том, что идет он в самые отдаленные кишлаки, а такой выход нуждается в подготовке и согласовании с местными властями. Не случайно поход агитотряда приравниваем к боевому выходу. В колонне, как правило, боевая машина пехоты, два бэтээра, взвод охраны и несколько грузовиков с продовольствием, медикаментами, а также кинопередвижка. Так вот, завтра в пять ноль-ноль агитотряд направляется в кишлак Чарбах. Не скрою, район беспокойный, от Джелалабада километров тридцать по разбитому проселку. Если хотите, могу внести вас в список...

— Но ведь я договорился с разведчиками.

— Разведчики работают каждый день, агитотряд — раз в две недели. Воля ваша, но следующий выход не заста-

нете: насколько мне известно, через три дня вам надо быть в Кабуле.

Мне ничего не оставалось, как попросить дежурного разбудить в четыре тридцать.

— Но когда вернусь, у меня в запасе будет два дня, и я обязательно пойду на реализацию, — сказал я на прощание.

— Сперва надо вернуться, — бросил командир. — А разведчики работают каждый день.

Не знал тогда ни командир, ни я, что никаких трех дней у меня не будет. Ситуация сложится так, что день превратится в несколько часов, да и те могли быть последними.

Ни свет ни заря мы взобрались на еще прохладную броню, проверили оружие, боеприпасы, связь — и колонна двинулась в сторону Чарбаха. Как раз в это время в мечети соседнего кишлака мулла призвал правоверных к первой молитве. Крепкое горло современному мулле не нужно, к его услугам мощный мегафон, так что призыв слышен был далеко окрест.

Когда проскочили Джелалабад и свернули на проселок, командир агитотряда капитан Виктор Лознев приказал быть внимательнее, оружие привести в боевое положение и не терять друг друга из поля зрения. Еще час неимоверной тряски в густом пыльном облаке — и мы въехали на окраину кишлака Чарбах, что означает «Четыре сада». Садов я, правда, не заметил. И никто не помнит, когда они здесь были. Председатель кооператива Мухаммад Хусейн Каландари рассказал, что в кишлаке 1200 домов, около девяти тысяч жителей, три школы, поликлиника, несколько магазинов.

— У нас более пятидесяти гектаров земли, — продолжал он.— До революции половина жителей вообще не имела земли, а теперь безземельных дехкан нет. Земля-то есть, — вздохнул он, — а обрабатывать ее некому. Во многих семьях одни женщины да дети. Мужчины погибли от рук бандитов. Недавно был новый налет — взорвали школу. К счастью, это произошло ночью, когда в здании никого не было. Теперь на ее месте строим новую. Хотите посмотреть?

По нашим меркам здание более чем скромное: всего один этаж на двадцать классных комнат, но в уезде Сорхруд это будет самая большая школа.

А потом состоялся митинг. На открытой площадке, прямо на земле, сидело все мужское население кишлака. Солн-

це пекло немилосердно, поэтому выступления были короткими и предельно емкими. Всех интересовало, что будет с кишлаком, уездом и вообще со страной после вывода шести советских полков.

— Не беспокойтесь, — успокоил первый секретарь уездного комитета НДПА Саид Ахмад. — Беззащитными мы не останемся. Во-первых, окрепли афганские вооруженные силы, во-вторых, везде созданы отряды малишей, ну и, в-третьих, друзья-шурави в беде нас никогда не оставят.

— Я хочу напомнить слова Аллаха, — сказал председатель совета улемов мулла Султанджан. — «Я не могу менять жизнь человека к лучшему. Это должен делать каждый сам для себя». Так что не сидите сложа руки, не ждите, что все блага свалятся с неба. Что сделаете сами, то и получите. Я знаю: среди вас немало родственников душманов, знаю, что они подбивают вас уйти с ними и бороться против своих односельчан, больше того, знаю, что такие оборотни нашлись. Одумайтесь, люди! Взорванная школа, переполненное кладбище, дети, ставшие сиротами. Зачем все это? Во имя чего? Что это дало напившимся человеческой крови шакалам? Они говорят, что защищают веру. От кого? Кто покушается на наши святыни? Спросите любого из правоверных: взорвали хоть одну мечеть шурави? Сожгли хоть одну школу афганские солдаты? Не было этого. Не было и не будет! Это говорю я, мулла Султанджан, отец и дядя которого сражались против англичан. Тех колонизаторов мы прогнали, а кто не хотел уйти, оставили в нашей земле. Так нет же, теперь из-за океана лезут другие. Вы только задумайтесь: кто стравил мусульман Ирана и Ирака? Кто вынуждает нас убивать друг друга? Кому это выгодно? Только нашим врагам! А с врагом разговор один: нет более святого дела, чем обнажить против него кинжал.

Пока шел митинг, в недостроенной школе вовсю работали медики агитотряда. Фельдшер Валерий Гребенюк, медсестра Светлана Михайлова и врач-терапевт Владимир Шкундецкий приняли более семидесяти человек, в основном женщин и детей. Почти все страдали желудочными и простудными заболеваниями. Как только ставился диагноз, больной тут же получал лекарство.

А ребята постарше собрались около кинопередвижки.

Но самая большая группа столпилась около машин с продовольствием. Наши солдаты раздавали муку, рис, спички, мыло. В первую очередь все это получали вдовы. Их было много, очень много. Вот седая, совсем старая Нифа — у нее ни мужа, ни детей, все на кладбище. За ней

Биби — ей всего сорок, а выглядит на шестьдесят: на ее руках четверо детей. Потом пришли Алия и Сайра — они соседки, их мужья тоже лежат рядом. То, что осталось, отдали немощным старикам — их в кишлаке тоже немало: сыновья погибли и помогать им некому.

А школьники налетели на книги! И тут меня позвали к бэтээру, причем срочно.

— Что случилось?

— Просят на связь, — протянул мне шлемофон водитель.

— Вам телефонограмма, — услышал я сквозь треск голос дежурного по части.

— Читайте.

— Шемаль согласен встречу нейтральной территории. Выезд завтра десять ноль-ноль. Подпись: Азиз.

— Понял. Спасибо. Значит, мне надо немедленно вылетать в Кабул?

— Так точно. Вертолетная пара уже заказана. Успеете в часть дотемна — улетите сегодня.

Но мы не успели. Когда, оставив колонну, помчались в часть, в совершенно безлюдном месте наш бэтээр напоролся на толстенный гвоздь. Запасного колеса не оказалось. Вот и пришлось нам загорать на обочине до тех пор, пока не подошли остальные машины. Пока пересаживались, пока цепляли на буксир бэтээр, пока добрались до части — стемнело.

В аэропорт выехали на рассвете. Водитель выжимал из потрепанного «уазика» все возможное. Вдруг машину швырнуло влево, вправо, подбросило вверх! Странное дело, взрыва не было, но машину бросало как пушинку. Когда, клюнув носом в кювет, она остановилась, мы выскочили на обочину и... почувствовали себя раздетыми догола. На пятерых — один автомат и один пистолет. Вокруг — ни души. До ближайшего поста топать и топать, а мы на освещенном восходящим солнцем асфальте — самая что ни на есть идеальная мишень. Чтобы не сняли одной очередью, рассредоточились. Тем временем водитель вылез из-под «уазика».

— Кардан полетел, — объявил он.

Я заглянул под машину. Как нас не перевернуло, одному богу ведомо! Метров сто мы ехали с оторванным валом, который чудом не воткнулся в какую-нибудь ямку. На скорости под девяносто нас бы зашвырнуло в придорожный арык и разбило о деревья. Но... судьба лишь припугнула. Главное было впереди.

Водитель возился с валом, а сопровождающий нас офицер прислушивался к далекому лязгу.

— Бээмпэ. А может, танки, — сообщил он. — Вот только не пойму: к нам идут или от нас.

Минуты через три он снова приложил ладонь к уху и радостно возвестил:

— К нам! Так что не тушуйтесь, успеем.

Если бы мы знали, что спешить-то как раз и не надо, что неожиданная поломка кардана в самом прямом смысле слова спасла нас от смерти, мы бы не метались по асфальту и не костерили незадачливого водителя. Но мы этого не знали, ругали молоденького ефрейтора и запрыгали от радости, когда из-за поворота показалась БМП, облепленная солдатами. Оставив ефрейтору автомат, мы взобрались на броню и помчались в аэропорт. А когда подъехали, сразу поняли, что нас здесь ждали, но... чуть раньше.

Аэропорт под Джелалабадом — это довольно большой аэродром, обнесенный оградой и тщательно охраняемый. Здания аэровокзала нет, поэтому все пассажиры ждут свои самолеты прямо у дороги, в тени деревьев. Особенно много народу под ветвями огромного карагача. По какому-то негласному уговору здесь собираются наиболее уважаемые люди и, конечно же, советские специалисты, солдаты и офицеры, отправляющиеся в отпуска и командировки. Мы подошли к дереву и увидели, что оно расщеплено. А прямо под ним — дымящаяся воронка. Пострадавших, а убило и ранило около двадцати человек, уже увезли.

Оказывается, душманы ночью заложили под карагач мину с часовым механизмом. Часы были хорошие, и мина взорвалась точно в то самое время, когда подъезжают пассажиры, улетающие на вертолете. Но пассажиры опоздали, на их машине полетел карданный вал. Вместо нас погибли другие, те, кто расположился в тени карагача.

VII

Нейтральной территорией был кишлак в шести километрах от Кабула. Шемаль прибыл со своей охраной, мы — со своей. По договоренности в каждой группе было по пять человек. Все, кроме Шемаля, переводчика и меня, остались на улице. Так что разговор был доверительный. Шемаль Шемалем, но меня интересовало, что с Идрисом и Азизом. Где они?

— Оба в банде Алим-хана, — шепнул переводчик. —

Идет крупная игра. Идрис приехал к ним из Пакистана и настаивает на чрезвычайных полномочиях.

— Так это был он! — воскликнул я. — Идрис ехал через Сорх-Диваль?

— Откуда ты знаешь? — оторопел офицер ХАДа. — Это величайшая тайна.

— Я там был! Я видел его. Понимаешь, видел!

— Ну и как он?

— Еле узнал. Если бы не видел, как он маялся с бородой, ни за что бы не признал.

— Это хорошо. Все, молчим. Идет Шемаль.

Распахнулась дверь — и в комнату вошел подвижный, гибкий человек лет семидесяти. Рука тонкая, мягкая, рукопожатие короткое, сдержанное. Никак не сочетались живые, быстрые глаза орехового цвета с седой окладистой бородой. Одет Шемаль в национальный пуштунский костюм с белой рубахой. Это хороший признак: белую рубаху надевают в дни больших праздников и для встреч с друзьями, к тому же в своем доме. Эта деталь, пожалуй, самая важная: Шемаль дал понять, что хоть территория и нейтральная, но это его дом и за встречу отвечает он. Это значит, что где-то за камнями и в ближайших ущельях — его люди. Правда, он не знает, где наши люди, но лучше, чтобы Шемаль чувствовал себя хозяином — тогда он будет откровеннее.

Минут десять мы интересовались здоровьем друг друга, успехами детей, сетовали на сушь, на высокие цены в дуканах. Я рассказал историю про верблюда. Шемаль долго смеялся и обстоятельно советовал, чем можно заменить этот несостоявшийся подарок.

Голос у него мягкий, негромкий, манеры сдержанные, ни одного лишнего жеста. Чай пьет так изящно, будто этой церемонии его учили в Токио. Но глаза! Глаза постоянно прощупывали меня. А то вдруг начинали работать, как рентгеновский аппарат, норовя просветить насквозь.

— Вы — второй русский, с которым я разговариваю,— заметил Шемаль. — Тот, первый, к сожалению, исчез.

— Как это — исчез?

— Пропал, — развел руками Шемаль. — Я поднял все племя, мои люди прочесали все окрестности, но так и не нашли. Его звали Александром, — вздохнул Шемаль.

— Звали или зовут? — уточнил я.

— Надеюсь, он жив и его благородные родители обняли любимого сына на пороге своего дома. А если он погиб и я узнаю, от чьих рук, вырежу весь шакалий род убий-

цы, до седьмого колена вырежу! — Глаза Шемаля сузились, и он ударил себя по колену.

— Так кто же этот Александр? Может быть, я его знаю?

— Он воин. Русский солдат. Он распахнул ворота тюрьмы и выпустил меня на волю. Первый человек, которого я увидел, выйдя из камеры смертников, был русский. И этот русский дал мне жизнь.

На языке так и вертелся вопрос: «Как же вы могли потом воевать против русских? Кто знает, жив ли этот Александр, и не ваши ли снайперы его убили?» Но я решил не спешить: потихоньку выйдем и на эту тему.

— Поэтому я не просто друг, а близкий друг Советского Союза, — неожиданно заявил Шемаль.

Видимо, что-то полыхнуло в моих глазах, или Шемаль почувствовал вертевшийся у меня на языке вопрос. Опустив голову, он закончил:

— К сожалению, эта дружба не всегда выдерживала испытания. Поверьте, я не оправдываюсь. У меня и моего племени есть кровный враг, его зовут Башир. Он вор и бандит, он убил много моих соплеменников. Мы будем мстить, пока не бросим его грязный труп собакам. Но до него можно добраться, лишь уничтожив его банду, а банду поддерживают люди из Пакистана. Поэтому мне приходится хитрить.

Шемаль отхлебнул чаю, погладил бороду и как-то беспомощно улыбнулся.

— Я ведь не такой старый, как вы думаете. Мне всего сорок пять, а выгляжу на семьдесят. Верно? Что же вы хотите?! С семи лет в поле, сперва погонял волов, а потом стал к плугу. Кое-как окончил девять классов, но голова работала. Постепенно выбился в люди и стал одним из вождей клана. По доносу Башира всех вождей при Амине арестовали. Тогда почти все племя снялось с насиженных мест и ушло в Пакистан. А вождей приговорили к смертной казни. Тридцать человек расстреляли, восемь не успели: на рассвете пришел Александр и распахнул двери камеры. Я вернулся в родной кишлак, а там владычествует Башир. Что делать? У меня ни оружия, ни людей. Башир это знал и от безнаказанности совсем озверел. Тогда я сделал вид, что признаю его власть. Решил использовать и еще одну деталь. Пока я был в тюрьме, все племя записали в Национальный исламский фронт Афганистана. Руководители в Пакистане, а мы — здесь. Я съездил в Пакистан и заявил, что согласен воевать на стороне НИФА, но у меня

нет оружия. Те обрадовались и дали винтовки, автоматы, пулеметы. Заодно я вернул на родину несколько сот семей. Пока был в отлучке, Башир убил восемьдесят моих воинов. Теперь нам было чем воевать, и мы убили сто восемьдесят его бандитов.

— Но ведь пакистанские руководители давали оружие не для этого, не так ли? — уточнил я.

— Разумеется, — усмехнулся Шемаль. — Они хотели, чтобы мы боролись против народной власти. К тому же через территорию нашего племени проходит автомобильная дорога в Советский Союз. Тридцать километров перевала через Саланг контролируем мы. Дело прошлое, но три-четыре года назад мои люди останавливали машины и отбирали груз.

— А если машины не останавливались?

— Тогда стреляли. Я этого не отрицаю. Было и такое. Но когда мы окрепли, когда каждый мужчина получил оружие, когда мы прогнали Башира из всех наших кишлаков, я задумался: а что дальше? На пятьдесят тысяч моих соплеменников ни одной школы, ни одной больницы. Об электричестве или водопроводе никто и понятия не имеет. Я много думал. Седой стал, морщинистый, а все думал. На мне ответственность за все племя. Когда говорил с верными людьми, не все и не сразу меня поняли и поддержали. И все же мы решили так: народную власть признаем, но войска вводить не позволяем. Пусть дадут нам более современное оружие — и мы сами себя защитим. Не только себя, но и дорогу. Что же касается пакистанских начальников, им я сказал, что мужчин в племени катастрофически мало, женщины не успевают рожать, так что воевать некому. Правительственные войска к нам не идут, так что зона перевала наша. То, что везут по дороге, нужно и нам: продовольствие из Пакистана не присылают. А с Баширом мы справимся сами. Не успокоимся, пока не перебьем всех его головорезов!

«Это и есть то, о чем мечтал Рашид, — подумал я. — Стравить между собой банды, поддерживать те, которые готовы признать народную власть, и их руками задавить откровенно враждебные группировки».

— Шемаль, — начал я. Но он протестующе поднял руки.

— Знаете что, надоел мне этот псевдоним: Шемаль да Шемаль. Теперь уже можно не таиться, тем более что подкупить меня пытались, убить старались. Враги мое имя

знают, пусть узнают и друзья. Мое полное имя Хаджи Султан Мухаммад.

Мы познакомились заново: встали, пожали друг другу руки и троекратно расцеловались.

— Если бы не Башир, я бы пригласил вас в свой родной кишлак, — расчувствовался Хаджи Султан. — Но дорога к нам лежит через ущелье, которое контролирует этот бандит. Мы-то пробьемся, а гостем рисковать нельзя. Знаете что, к весне я Башира убью. Приезжайте весной! Обещаете?

— Обещаю, — охотно согласился я. — Но меня вот что волнует: вдруг пакистанские начальники дадут команду другим бандам помочь Баширу. Что тогда будет?

— А ничего не будет! — засмеялся Хаджи Султан. — Таких приказов были сотни. Получал их и я, но даже не думал выполнять. Судите сами: чего ради я уведу своих воинов неведомо куда, чтобы помогать неведомо кому, а родные места оставлю беззащитными?! Так же рассуждают и другие вожди. Нет уж, и мы никуда не пойдем, и нас громить никто не придет. А Башир обречен, к весне я его убью! Потом верну из Пакистана оставшихся людей моего племени и, если на то будет воля Аллаха, мы поднимем государственный флаг. То есть полностью признаем народную власть.

— А сейчас нельзя?

— Сейчас нельзя. Народная власть пока что не может гарантировать нам безопасность, а врагов вокруг предостаточно. Мы с ними справимся и сами, тем более что Кабул обещал подбросить партию новейшего оружия. У нас ведь многие воюют с кремневыми ружьями. А когда каждый подружится с «калашниковым» — так мы называем русский автомат,— баширам конец!

Закончился разговор, как и начинался, пожеланиями здоровья близким и знакомым. Исчез Хаджи Султан так же стремительно, как появился. Но перед этим я попросил его написать несколько слов советским читателям. Хаджи Султан задумался

— Может, прочтет Александр и откликнется,— использовал я последний аргумент.

Хаджи Султан взял ручку, раскрыл чистую страницу моего блокнота и написал на пушту. Вот перевод его обращения:

«Ко всем советским читателям и моему брату Александру! Мое слово таково. Пусть империализм и международная реакция оставят нашу страну в покое для строительства но-

вой жизни и мира! Это необходимо для развития экономики, прекращения кровопролития и спокойной жизни.

Республика Афганистан имеет все права и возможности для этого!

С уважением —
Хаджи Султан Мухаммад».

На обратном пути один из офицеров нашей группы пошептался о чем-то с водителем, потом обернулся ко мне.

— Есть просьба. Вернее, предложение. Мы будем ехать мимо военного лицея. Там учится мой младший брат. Не виделись месяца два. Может, заскочим? Я навещу брата, а вы посмотрите лицей.

— Прекрасно! — согласился я.

— Тогда по газам! — приказал офицер шоферу.

Но разогнаться мы так и не успели: за ближайшим поворотом остановил военный патруль.

— Что случилось? — спросил шофер.

— Работают саперы. Дорога заминирована.

— Как, опять? Мы же здесь ехали утром. Когда они успели?

— Успели. Вон доказательство. — Начальник патруля кивнул на обгоревший остов грузовика.

Саперы шли по дороге. Шли медленно, оглядывая и ощупывая каждый сантиметр. Впереди сержант Михаил Щербатый с красавицей Дингой. Чуть сзади, уступом вправо, сержант Сергей Балабин с поджарой Тайгой. За ним — рядовой Михаил Лутак с миноискателем, потом младший сержант Сергей Фомичев со щупом. Командир роты старший лейтенант Вячеслав Станиславский внимательно наблюдал за работой подчиненных, но держался поближе к вожатым собак.

— Смотреть внимательней! Искать растяжки! — время от времени повторял он.

Когда командир оказался в хвосте группы, я спросил, о каких растяжках речь.

— О проволочных. Собаки ищут крупные мины, те, которые ставят против танков и автомашин. А противопехотные они не чуют. Душманы часто ставят рядом и те и другие. Особенно коварны китайские К-69. Задел за проволочку — мина вылетает из гнезда и тысячью осколков взрывается на уровне живота. Стоп! Динга села.

Но как она села! Динга уткнулась носом в землю, постояла, взглянула на хозяина — заметил? Миша кивнул. Тогда Динга сделала шаг назад и, подобрав хвост, села.

Миша опустился на колени и мягкими, неторопливыми движениями начал разгребать пыль. Добрался до земли — она сухая, каменистая. Из под ногтей показалась кровь. Миша ничего не замечал. А вот и мина — «итальянка». Пластмассовая, ребристая «кастрюля» желтоватого цвета. Но в этой «кастрюле» шесть килограммов тротила. Когда две мины ставят вместе — это уже фугас. Взрыв от него страшный — запросто пробивает днище танка, бэтээр сбрасывает с дороги, а от грузовика вообще ничего не остается.

Миша тщательно окапывал мину с боков. Показались веревочки, предназначенные для переноски мины.

— Потянуть бы за них! — заметил я.

— Нельзя! Внизу может быть элемент неизвлекаемости, — отверг мое предложение командир.

— Что за элемент?

— Обыкновенная граната. Потянешь мину на себя — выдернешь чеку и граната сработает. А от детонации, само собой, и мина.

— Такое бывало?

— Раз мы живы, значит, нет. Сапер ошибается один раз в жизни.

Тем временем Миша забрался под днище мины.

— Есть проволочка. Мина неизвлекаема, — доложил он.

— Всем назад! — приказал командир. — Будем взрывать.

Миша зацепил мину «кошкой», прикрепленной к длинной веревке, все ушли за камни — и он дернул. Сноп огня! Град камней! Звон в ушах!

Когда пыль осела, саперы снова вышли на дорогу. На этот раз отличилась Тайга. Ее вожатый Сергей Балабин уже успел рассказать мне, что «мы пскопские», что до армии работал машинистом тепловоза и, когда направляли в Центральную школу военного собаководства, сопротивлялся изо всех сил. Что угодно, только не гулять с собачкой! А прогулки-то вон какие, без собаки здесь ни шагу.

— Но ведь собака может устать, схалтурить, а то и подорваться, — засомневался я.

— Схалтурить — никогда! Собаки не люди, они халтурить не умеют, — обиделся Миша Щербатый. — А подорваться... До Динги я работал с Тедди. В прошлом году были серьезные бои за Хайберский проход. Мы с Тедди работали ночью. Он задел за растяжку... и погиб, но спас меня: если бы за растяжку зацепился я, от меня бы ничего не осталось.

В течение часа собаки нашли еще три мины. Их спокой-

но сняли. Вожатые с собаками отдыхали в тени скалы, а ребята с миноискателями и щупами продолжали работу. Командир отделения Сергей Фомичев объяснил, зачем это нужно.

— Собаки чуют только большие мины. Если тротила мало, они пройдут мимо. К тому же душманы начали хитрить: то завернут мину в целлофан — тогда запах гораздо слабее, то рядом с миной закопают смоченную керосином тряпку. Так что миноискатель нужен. К тому же он радиоволновый: грунт волна проходит быстро, а от твердых предметов отражается. Тут главное — научиться по тональности щелчков отличать камень от металла или пластмассы. Вы думаете, почему «итальянка» ребристая? Для эстетики? Нетушки! Ребра — это рассеиватели радиоволн.

— Поэтому у всех саперов идеальный музыкальный слух, — заметил подошедший командир роты. — Когда отбираю ребят из пополнения, всегда предпочитаю певцов, гитаристов, пианистов и скрипачей.

— Вы это серьезно? — не поверил я.

— Абсолютно серьезно. Мы даже тренируем слух. Видели бы вы нашу утреннюю зарядку: все бегают, а мы надеваем наушники и слушаем щелчки. «До»—камень, «ре»—платмасса, «фа» — чистый металл.

Пока не сняли оцепление и было немного времени, я попросил показать устройство мины. Сергей Фомичев взял «итальянку» и начал рассказывать:

— Полный вес девять с половиной килограммов, тротила — шесть килограммов Взрыватель — пневмомеханический. Видите, наверху резиновая крышка. В ней все коварство. Смотрите, нажал на резину — крышка подсосала немного воздуха но взрыва нет. Значит, первый танк или грузовик пройдут спокойно Нажмем еще раз — воздуха больше. Третий раз нажимать не будем — рванет. В этом все дело.

— Понял. А как ее обезвредить?

— Очень просто. Вот так: осторожненько, аккуратненько вывинчиваем крышку, слегка придерживая резиновую мембрану.

— И все? Попробовать можно?

Сергей испытующе посмотрел мне в глаза, секунду подумал и разрешающе кивнул.

Это была моя первая мина. Я знал, что воздуха в крышке мало, что рвануть не должно, что, будь риск велик, мину мне не дали бы. Но «итальянка» не учебная, и тротил настоящий. А что, если внутри какой-нибудь душманский

секрет?! Но отступать поздно: ребристая смерть в моих руках. Вначале все шло нормально: я не спеша вывинчивал крышку, стараясь не делать резких движений и не касаться мембраны. Когда крышка была вывернута и я победоносно разогнулся, острая боль внезапно пронзила живот! Где-то в районе печени полоснуло таким огнем, что я взвыл и инстинктивно шлепнул себя по больному месту. И чем? Крышкой от мины! Какая-то расплющенная тварь отвалилась от живота.

— Оса, — бросил Сергей.

— Оса?! Эта гадина величиной с воробья — оса?! Она же меня хватанула сквозь рубашку!

— Такие здесь осы. Болеть будет дня три, — успокоил Сергей. — Старайтесь не тереть. А на красноту не обращайте внимания.

Легко сказать — не тереть: печет, будто приложили раскаленный утюг.

Наконец саперы убрали красные треугольные флажки с буквой «М», патруль снял оцепление — и мы помчались в Кабул. У самых ворот военного лицея офицер, который хотел навестить брата, разволновался.

— Вы понимаете, я в семье за старшего. Абдулла меня слушает, учится прилично, но все равно я боюсь, как бы он не сбежал.

— Не сбежал?!

— Ну да! Ведь отец погиб на его глазах. Абдулла хочет мстить.

— Он хоть знает кому?

— Всем! Душманы пригнали на базар Мазари-Шарифа ишака с двумя «итальянками» в хурджунах. Как они взрываются, вы только что видели. Ишака и двадцать человек — в клочья, сорок горожан — в госпитале.

— Я слышал об этой ужасной истории... А что произошло с вашим отцом?

— От него ничего не осталось. Абдулла не пострадал, его лишь слегка оглушило. Но он все видел. Парень рвется в бой. Сначала хотел стать летчиком, потом — артиллеристом, а теперь — коммандос, чтобы с врагами быть накоротке и давить их своими руками.

Найти Абдуллу сказалось не так-то просто. Он и пятеро его друзей ушли в ближайший лес.

— Отрабатывают организацию засады, — объяснили нам. — С ними — Джумахан.

— Джумахан? Тот самый? — обрадовался я.

— Да, старший лейтенант Джумахан, Герой РА.

— Тогда мы к ним!

Нам объяснили, где ребята, сколько их, как выглядят, во что одеты, но найти их так и не удалось. Вот что значит настоящая засада! А потом нас без единого звука взяли в плен, на всякий случай разоружили, и если бы не брат Абдуллы, который прикрикнул на меньшого, нас могли бы сдать в комендатуру.

Невысокий, гибкий и легкий Джумахан довольно жмурился: ученики оказались толковые. А ребята влюбленно поглядывали на учителя и готовы были выполнить любой его приказ. Еще бы, их наставник — легендарный Джумахан, командир роты коммандос, которого как огня боятся душманы. И прежде всего потому, что он прекрасно знает все их хитрости и повадки.

— Ничего удивительного, — пожимает плечами Джумахан. — Я сам был душманом. Да-да, был. — Он недобро прищурил левый глаз. — Темной осенней ночью душманы ворвались в наш кишлак, вытолкали на улицу всех мужчин и, как баранов, угнали в горы. Был среди этих мужчин и я. Когда взорвали несколько мечетей, школ, а потом и мост, который на моих глазах строили почти пять лет, я подошел к главарю и сказал: «Ведь мы же защитники ислама. Зачем убиваем, зачем взрываем и сжигаем?» Ответил он палкой. Избил. Жестоко избил. А ночью я сбежал, пришел в уездный центр и все рассказал. Мне поверили, оставили оружие и призвали в армию. Два года я воевал рядовым солдатом, а потом добровольно остался на сверхсрочную. Ох и поработал я своим пулеметом! Особенно после того, как узнал, что бандиты в отместку за мою «измену» убили отца и младшего брата, а сестренку взяли в плен. Что с ней, не знаю до сих пор...

— А у меня убили мать, — тихо сказал восемнадцатилетний Залмай. — В лицее мы учимся пять лет, а потом направляют в военные училища. Долго...

— Что долго?

— Долго ждать, когда можно будет бить врага!

— Ты уже решил, где учиться дальше?

— Решил. Но сперва повоюю... вместе с Джумаханом,— закончил он.

— А потом?

— Потом стану военным врачом.

— Если попадется раненый душман, помощь окажешь?

— Ни за что! — Залмай вскочил. — Я знаю, что врач должен... Но этим?! Это все равно что больной змее лечить ядовитые зубы.

Джумахан понимающе кивнул.

— После боя в ущелье Жувара я думал точно так же. Как-то случилось, что из-за ошибки вертолетчиков мы десантировались не выше, а ниже душманов. Нас двести пятьдесят человек, а их гораздо больше. Бой был жестокий! Погибли почти все мои солдаты. Когда стемнело, я влез на дерево разведать обстановку. Под арчой лежало восемьдесят пять раненых товарищей. И тут душманы перешли в наступление. У меня всего три патрона. Затаился, жду, что будет дальше. Эти звери расстреляли всех моих друзей, а потом обнаружили меня. Хотели взять живым, предлагали сдаться. Но я решил застрелиться. И тут пришла мысль: а какого черта?! Три патрона — это три душмана. Себя же прикончу иначе — прыгну в ущелье. Так и сделал. Почему не разбился, почему не переломал руки и ноги, не знаю. Четверо суток пробирался к своим. Пришел, собрал добровольцев и нагрянул в то самое ущелье. Пленных мы не брали. Камня на камне не оставили от их лагеря.

— И я не буду брать в плен! — сверкнул глазами Фазил. — Моего отца убили в центре Кабула, на троллейбусной остановке. Подкараулили и убили.

— А моего — когда он шел с работы,— вздохнул Махмуд.— Он был рабочим на текстильной фабрике. Работал — и все. А ему говорили: не работай на народную власть. Но отец все равно ходил на фабрику. Тоже подкараулили и убили. Ничего, я до них доберусь! В лицее нас кое-чему научили. А если Джумахан возьмет к себе...

— Возьму, обязательно возьму, — потрепал его по голове Джумахан. — Но сначала надо закончить учебу. Я ведь здесь тоже вроде курсанта, — обернулся он ко мне.— Хоть я и офицер, а военного образования не имею. То, что ребята узнают за пять лет я должен осилить за пять месяцев.

— А потом?

— Потом в родную бригаду коммандос. Звание Героя надо оправдывать! Кому, как не мне, быть впереди? А пойду я, пойдут и другие. Верно, ребята?

— Хоть сейчас!

Часа через два, когда все почистились и помылись, Джумахан пригласил меня в гости. Я вошел в его тесную каморку и... нос к носу столкнулся со своим давним другом Героем Советского Союза Александром Солуяновым. Чуть прищурившись, тот сдержанно улыбался с цветной фотографии, напечатанной на обложке журнала.

— Как он сюда попал? — спросил я.

— Что значит как? — невозмутимо ответил Джумахан. — Саша — мой боевой друг. И хотя познакомились в Москве, когда разговорились, оказалось, что не раз поддерживали друг друга огнем.

— Так ты был в Москве?

— И в Москве, и в Фергане, и в Ташкенте! Дело прошлое, но долгое время я сам не мог поверить: действительно ли я там был, не сон ли это? Представляешь, прямо во время боя получаю по рации приказ передать командование заместителю, а самому явиться к командиру батальона. Зачем, почему — ничего не понимаю. Оказалось, что и комбат ничего не знает: пришел, мол, приказ из штаба бригады — старшему лейтенанту Джумахану срочно явиться в Кабул, самолет уже ждет.

Ну, думаю, влип! Просто так самолет посылать не станут, да еще в такое опасное место, как Герат. Пока летел, всю свою жизнь вспомнил. Особых грехов вроде бы не было, разумеется, кроме того, что воевал в душманской банде. Но на это можно посмотреть по-разному. «Не иначе как будут судить», — решил я и задремал. Проснулся уже в Кабуле. Сразу же пересел в другой самолет и в тот же день оказался в Москве, и не где-нибудь, а в Лужниках. Вокруг — тысячи нарядно одетых людей, песни, музыка, смех, а я так ничего и не пойму, наяву ли это — ведь еще утром был в бою. Но когда вспыхнул факел, поверил, что в самом деле нахожусь в Москве на открытии фестиваля молодежи и студентов.

Сижу на трибуне потерянный и какой-то ошалевший от счастья — и вдруг кто-то приветствует меня на пушту. Обернулся — передо мной худощавый светлоглазый офицер с типично афганским загаром. Разговорились. Оказалось, что воевали бок о бок, что я прекрасно знаю его радиопозывной, а он — мой. Надо же такому случиться: два года бегать с автоматом по одним и тем же горам, а встретиться в Лужниках!

— Джумахан, — осторожно спросил я, — а весь журнал у тебя не сохранился?

— Нет. А что?

— Ты не поверишь, но эту съемку организовывал я, и я же писал очерк, который был опубликован в этом журнале.

— Да ну! Выходит, ты тоже друг Солуянова? Вот так встреча!

Что и говорить, встреча действительно неожиданная. Впрочем, моя первая встреча с Солуяновым тоже была не

совсем обычной. Это случилось... на лыжне. Дело в том, что Саша прекрасный лыжник. Я тоже когда-то был неплохим гонщиком. Нетрудно представить мое недоумение, когда однажды кто-то обогнал на дистанции. Я решил не отставать и «прицепился» к шустрому гонщику. Он прибавил. Я тоже. И так мы выматывали друг друга километров десять. После финиша разговорились. Когда я узнал, что мой соперник Герой Советского Союза, к тому же недавно вернувшийся из Афганистана, решил написать о нем очерк.

— Приходите в академию, — пригласил он. — Там и поговорим.

Я пришел. Меня не покидало чувство, что Саша все время приглядывается ко мне, примеривается, прислушивается. Пока он рассказывал о деревенском детстве, о годах учебы в суворовском, а потом воздушно-десантном училище, улыбка не сходила с его лица, но стоило завести речь об Афганистане, сразу появился этакий оценивающий прищур. Это и понятно. Иной раз своими расспросами мы вызываем в памяти такие эпизоды, которые и так спать не дают. Видимо, поэтому Александр о себе почти ничего не рассказывал, больше — о своих товарищах. Когда я посетовал на это, он как отрубил:

— А что я? Я командир. Моя задача — организовать бой и довести его до победного конца. Другое дело — солдаты. Ведь я посылаю их порой в самое пекло. И они идут. Идут и выполняют приказ. Иногда ценой собственной жизни. Какие же у меня прекрасные были ребята! Именно о таких говорят: с ними хоть в огонь, хоть в воду.

Александр встал. Походил по комнате. Попросил сигарету. Потом вспомнил, что давно бросил курить. Сел. Он так и не позволил себе разволноваться, не дал дрогнуть голосу. Только глаза повлажнели. Выдержка, конечно, железная. Когда он снова заговорил, голос звучал ровно, спокойно, правда, фразы стали короткими: порой ему явно не хватало дыхания.

— В Афганистан я пробивался долго, написал не менее десятка рапортов — и все отказывали. Наконец повезло — мою просьбу удовлетворили и даже назначили день вылета. Представляете, еще утром гулял по Москве — солнце, весна, красивые девушки, а вечером я уже под Кабулом. Вхожу в штабную палатку, вижу — в углу лежит мой замполит Виктор Голубь. Весь в бинтах. Оказывается, пока я летел, был бой и Виктора серьезно ранило. Не успел толком освоиться, приходит посыльный, принимайте, говорит, ваших. Я думал, пополнение, а вышло наоборот: из вертолета

выгружали раненых. Были и убитые. Так я принял батальон. Конечно, хотелось сразу же рвануться в горы, туда, где сражаются ребята, но мое боевое крещение было впереди. Разведка сообщила, что за перевалом скопилось около ста пятидесяти душманов. Нужно было отрезать им пути отступления и либо вынудить сдаться, либо столкнуть в долину, где их ждали афганские коммандос. Чаще всего десантников выбрасывают с вертолетов, а их и видно, и слышно издалека, следовательно, элемент внезапности пропадает. Поэтому мы решили идти пешком, причем не по тропам — за ними тоже наблюдают, а напрямую, через горы. Вот где пригодилась альпинистская подготовка! Когда повалил сильный снег, риск свалиться в пропасть стал еще больше. Но мы шли. Утром оказались в тылу банды, в пятидесяти метрах от их лагеря. Почти все сдались в плен. Ну а тех, кто пытался бежать, встретили внизу.

Боевое крещение у комбата было удачным, а вот следующая операция могла оказаться последней. Когда Солуянов о ней рассказывал, все время досадливо морщился.

— Ну и вляпались мы тогда! Представляете, десантировались прямо на заминированную душманами площадку. Да и встретили нас перекрестным огнем. Решили перебежками по одному, причем след в след, уходить за камни. Только я поднялся, гляжу, в пяти метрах от меня стоит душман и целится точно мне в голову. Я нырнул под очередь. Но еще раньше вскочил один из моих десантников и срезал бандита. Правда, душманская очередь малость задела его.

— Нырнул под очередь.. Разве такое возможно? — с сомнением спросил я.

— Еще как возможно. Со временем мы научились лавировать между очередями, как на слаломной трассе. Только не думайте, что у меня в батальоне служили какие-то супермены. Ничего подобного. Приезжали самые обыкновенные ребята, но я их, конечно, как следует учил, а потом отправлялся с ними на самые серьезные операции. И вообще, я убежден, что только дело, настоящее, серьезное дело, может превратить юношу в мужчину, а робкого новобранца в надежного бойца. Ведь солдат, которому я обязан жизнью, первогодок, радист по специальности, его дело — сидеть в закутке и поддерживать связь, но он увидел, что командир в опасности, и не задумываясь бросился под пули.

Саша замолчал. Надолго замолчал. Я не торопил его, не задавал никаких вопросов: было видно, что в нем идет какая-то борьба. Наконец он поднял глаза, как-то очень

внимательно и, я бы сказал, строго посмотрел на меня и спросил:

— Скажите, а можно в вашем очерке помянуть добрым словом одного моего друга? Его уже нет. Но я бы хотел, чтобы все знали, что это был за человек.

— Конечно.

— Понимаете, хожу ли я, сплю, читаю книгу или сижу в театре, а передо мной его лицо — белое-белое. Ничего не видел белее. Разве что облако, когда в него сваливаешься сверху, а парашют еще не раскрыт. Геннадий еще был жив, он даже успел сказать: «Саня, как же хочется жить!» А лицо уже было маской, посмертной алебастровой маской. Я сразу понял, что ему не жить: три разрывные пули в живот. Я тоже получил свое: одна пуля в бедро, другая отсекла большой палец руки. Но не напрочь — лоскут кожи обрубок не отпускал. Как я этот палец примотал, не помню. Кровь хлещет, оторвать бы то, что было пальцем, а на это место жгут. Но командир минометного взвода старший лейтенант Геннадий Гришин сказал: «Не разбрасывайся конечностями, комбат. Пригодятся». «Да ну ее к дьяволу, эту культяпку! Парашютное кольцо можно дергать и четырьмя!» Это потом мне сказали, что в запале я орал именно так. «Примотай. Сгодится», — настаивал Генка.

Я примотал. Послушался своего взводного. Тогда он еще был цел, а я уже ранен. А когда к нам прорвался вертолет, нужно было прикрывать эвакуацию раненых. Этим занимался Гришин. Тогда-то он и получил три пули в живот. Увезли нас вместе. И оперировали на соседних столах. Хирург у нас был отличный — Сергей Шиянов, палец он мне пришил и рану в бедре заштопал. А вот с Генкой было худо. Я тоже выглядел не блестяще, постанывал. Так Генка меня успокаивал: «Держись, Саня. Держись. Мы еще на моей свадьбе погуляем». Потом долго молчал и стал совсем белый. Мы лежали рядом, в одной палатке. От боли я не мог заснуть и все время смотрел на Гришина. Когда он очнулся, наши глаза встретились... Умирать буду, не забуду эти глаза! А потом он очень четко сказал: «Саня, как же хочется жить!» И все. И умолк. Навсегда.

Совсем ведь молодой был парень — двадцать три года, а какая сила духа! Посмертно Геннадия Гришина наградили орденом Красного Знамени.

— А вообще, в вашем батальоне много награжденных?— спросил я.

— Много. Практически все офицеры и солдаты имеют либо ордена, либо медали. Так что десантники выполняют

интернациональный долг достойно... Не сочтите меня нескромным, но у меня есть одна награда, которая не значится в личном деле, а я ею очень дорожу и никогда с ней не расстаюсь. Это стихи. Быть может, неумелые, но искренние строки, которые посвятили мне солдаты родного батальона. Их мне вручили перед отъездом в академию имени Фрунзе, вручили вместе с голубым беретом, который у десантников такой же символ, как у матросов тельняшка.

С этими словами Александр достал из бумажника аккуратно сложенный листок и протянул мне.

— Только не надо вслух. Читайте про себя, — попросил он.

Тогда я выполнил его просьбу, а теперь решил обнародовать то, что сказали солдаты о своем командире.

Две капли алые застыли на груди,
То Знамени советского кусочек
Россия приказала вам носить
За жизнь ее, за каждый лепесточек.

Вы Родине служили до конца,
И золота она не пожалеет
Для своего солдата и бойца
К тем орденам, что на груди алеют.

На вас равняясь, крепнут те солдаты,
Что с вами поднимались в бой...
Пока у нас такие есть комбаты,
Не будет крепче армии родной!

Слова солдат оказались пророческими: Золотая Звезда Героя Советского Союза догнала Александра Солуянова уже в Москве.

Всю историю моего знакомства с майором Солуяновым Джумахану я рассказывать не стал, но посвященные ему стихи прочитал.

— Все правильно, — согласно кивнул Джумахан. — Пока будут такие комбаты, никакой враг не страшен.

И вдруг Джумахан наклонился к моему уху и заговорщически шепнул:

— Только ему ни слова. Ладно? Но ты не представляешь, как я ему завидую!

— Кому?

— Александру.

— Почему?

— Стихов мне никто не посвящал, вот почему.

— Ты серьезно?

— Абсолютно! Чтобы солдаты написали стихи о коман-

дире, это надо заслужить. И не только победами. Тут нужно кое-что еще. Я-то знаю. Нет, такого командира, как Солуянов, из меня не получится.

— Ну, это ты зря. Я же знаю, был случай, когда солдат принял на себя предназначенную тебе автоматную очередь.

Джумахан сразу помрачнел. Встал. Плеснул чаю. Мучительно откашлялся и каким-то надтреснутым голосом сказал:

— Рядовой Ханиф. Это был он. Как говорят шурави, буду помнить его до гробовой доски. Я вот все думаю: виноват ли я, что мы угодили в засаду? В принципе, конечно, виноват. Командир должен предусмотреть все. Но ведь и враг не дурак. Перехитрил меня главарь банды, начисто перехитрил. Вначале все шло нормально. Нас пятьдесят человек, душманов примерно столько же, но открытого боя они не принимали, а уходили все выше в горы. Мы сидели, что называется, на хвосте, но вцепиться в загривок не могли. Наконец мы загнали их к ледникам. Впереди — маленький кишлак, речка, а дальше узкое ущелье, упирающееся в ледник. По льду душманам не уйти, поэтому я решил занять кишлак, захватить мост и таким образом отрезать банде все пути отхода. Тем более что жители кишлака настроены дружественно, над одним из домов даже развевается государственный флаг. Откуда я мог знать, что это дом главаря банды, что кишлак полностью душманский, что весь этот камуфляж с флагом они придумали специально, чтобы заманить нас в засаду? Мы вошли в кишлак, спросили, где банда. Нам ответили, что ушла в сторону ледника, а три старика охотно согласились показать тропу, по которой отступили душманы.

Когда перешли мост, я отправил вперед головной дозор вместе с проводниками. Не прошли и ста метров, как ударили пулеметы. Старики сразу же сбежали, а мои ребята залегли на совершенно открытом месте. Через несколько минут с головным дозором было покончено, а мы отстреливались из-за камней. Но душманы вели прицельный огонь из пещер, со скал, даже из кишлака. И только тогда я понял, что мы попали в тщательно подготовленную засаду. В принципе наша судьба была предопределена. Душманы даже перестали стрелять и кричали, что, если мы добровольно сложим оружие, они нас, может быть, помилуют. Я ввязался в переговоры, а радисту велел связаться с русскими десантниками, а заодно и с вертолетчиками — только они могли выручить нас. Часа через три показались первые «вертушки». Душманы, видимо, поняли, что им надо ухо-

дить, причем не вверх, а вниз. Но на их пути были остатки моей группы. Они решили нас просто смять, стереть с лица земли и поднялись в атаку. Завязалась рукопашная. Когда у меня кончились патроны и осталась последняя граната, я решил прыгнуть в гущу схватки и подорваться вместе с врагами. Для этого надо было пробежать метров двадцать. Я бросился вперед, но передо мной вырос душман с автоматом: он понял, что я задумал, и решил пристрелить меня подальше от своих. Но в самый последний момент, когда он уже нажал на спуск, когда пули уже вырвались из ствола, на их пути оказался мой боец рядовой Ханиф. Автомат Ханифа был разбит, стрелять он не мог, поэтому просто выскочил из-за моей спины и стал на пути очереди. Ну, а я... Я успел заметить, что над нами зависли вертолеты и оттуда посыпались шурави в голубых беретах. Это было наше спасение! Поэтому подрываться я не стал, а аккуратненько бросил гранату в сгрудившихся душманов. Через полчаса банда перестала существовать.

И вот ведь как бывает в жизни, — благодарно глядя на фотографию Солуянова, закончил Джумахан. — После той встречи в Москве мы с Сашей не виделись и даже не переписывались, но я раздобыл его портрет и каждый день начинаю со слов: «Ташакор[1], барадар[2] Александр!» Ведь спасли нас тогда десантники из его батальона.

VIII

В тот же вечер я встретился с Азизом, который пришел из банды Алим-хана. Оказывается, Идрис завоевал у главаря такое доверие, что появилась возможность внедрить в банду еще человек десять. За сутки надо подобрать и подготовить людей, а потом кружным путем, якобы через Пакистан, явиться в лагерь.

— У Алим-хана две тысячи стволов. Это полнокровный полк, — продолжал Азиз. — Идрис задумал сократить численность банды хотя бы наполовину.

— Каким образом?

— С помощью другой банды. Дело в том, что родной кишлак Алим-хана занимает Муса. У него около тысячи стволов. Идрис играет на честолюбии Алим-хана: ты, мол, пуштун, как же ты можешь позволить топтать твой род и твою землю какому-то безродному Мусе? Ведь он берет с

---

[1] Ташакор — спасибо.
[2] Барадар — брат.

твоих соплеменников опсор, то есть дань, забирает самых красивых девушек, не исключено, что и твоих сестер. Где твоя гордость, пуштунский орел? Алим-хан на это клюнул, но говорит, что маловато оружия, а хороших пулеметчиков вообще нет. Поэтому я и пришел.

— Когда начало операции?

— Пока не знаю.

— А если Алим-хан передумает?

— Не передумает. У Идриса хороший контакт с его ближайшим окружением. А самые доверенные лица — Бадама и Мирзагуль закуплены на корню: обо всех планах Алим-хана Идрис узнает через пять минут.

— Ты уверен, что Алим-хан ничего не подозревает?

— То-то и оно, что не уверен. На днях через Мирзагуля узнали, что Алим-хан тайно послал в Пакистан гонцов. Двоих я перехватил. А вдруг их было трое или четверо? Короче говоря, откладывать нападение на кишлак нельзя. В случае успеха убьем двух зайцев: и банду Мусы разобьем, и от банды Алим-хана мало что останется — в наступательном бою потери всегда большие. Да, а как прошла встреча с Шемалем?

— По-моему, успешно. Он даже расшифровался, назвал свое имя и пригласил меня в гости.

— Сейчас? Да ты что?! Там же Башир.

— Вот-вот, из-за Башира визит назначен на весну.

— Тогда другое дело. До весны он его дожмет. Баширу не жить. Так же как и Мусе. Теперь вот что. Наши ребята говорили с предводителем таджикской банды Ашрафом. Он согласен на встречу, но на своей территории. Поедешь?

— Гарантии он дает?

— Предлагает заложником своего заместителя. Это значит, если что-то случится с тобой, мы можем убить заместителя.

— Слабое утешение. Что посоветуешь?

— Мухаммад Ашраф вообще не видел русских. А если и видел, то лишь сквозь прорезь прицела. Но он принял от нас гарантийное письмо, мы не трогаем его кишлак, больше того, он обещал поднять государственный флаг. Правда, на этом контакты заканчиваются. Но он дал слово никого не трогать и пока что слово держит. Я бы поехал.

— Тогда так: никаких заложников. Давай доверимся ему полностью, и пусть все будет на его совести. Не может быть, чтобы он этого не оценил.

— Одобряю. Решение правильное, другого я не ждал. Но ты должен знать: страховки не будет. Ближайший пост

в пяти километрах. Так что в логово полезете вчетвером: переводчик, ты и два человека охраны.

— Когда? — поднялся я.

— Тебе сообщат. Прощай.

— Привет Идрису.

— Передам. В случае успеха я застряну там надолго: у операции есть продолжение. Но я беру рацию, так что связь будет.

Когда Азиз исчез, мы начали подготовку к поездке в банду Ашрафа. Прежде всего нужно было выполнить одну из его просьб. На весь кишлак два дукана, обеспечить жителей мылом, спичками, тканями, одеждой и продовольствием они не в состоянии. Есть люди, которые хотели бы открыть новые дуканы, но где брать товары, они не знают. Просьба заключалась в том, чтобы кто-то из крупных предпринимателей согласился снабжать эти дуканы, разумеется за определенный процент от прибыли. Кроме того, в кишлаке скопилось довольно много сухофруктов, а выхода на рынок нет. Есть и другой товар — ковры. Делают их издревле, а сырья все меньше, да и покупателей нет.

Пока думали, к кому обратиться, я решил использовать свои журналистские возможности и позвонил министру торговли с просьбой дать небольшое интервью. Мухаммад Хан Джалалар согласился принять меня... через десять минут. По-русски он говорил довольно прилично, но, правда, время от времени вставлял узбекские словечки. Тогда он сам их переводил и смущенно извинялся.

— Не удивляйтесь, ведь я узбек. К тому же узбек ферганский — у меня и сейчас там множество родственников. Мой отец был мелким купцом. В свое время с ним несправедливо обошлись, и он сбежал в Афганистан.

— А вы родились и выросли здесь?

— Да, я коренной кабулец. После окончания университета пригласили в Госплан, а через некоторое время вошел в состав правительства.

— Репрессиям не подвергались?

— И да и нет. В тюрьмах не сидел, но безработным был. Спасло, наверное, то, что я беспартийный. Да-да, не удивляйтесь, в нынешнем правительстве два беспартийных министра и шесть таких же советников в ранге министра. Это — четвертая часть кабинета.

— Никаких неудобств из-за этого не чувствуете?

— Наоборот! Партийная дисциплина обязывает выполнять принятые решения, я же могу спорить, отстаивать свою точку зрения и даже подать в отставку.

— В отставку? Зачем?

— А затем, чтобы настоять на своем. Я десять раз подавал в отставку, ее ни разу не приняли, зато я вынуждал принимать мои проекты. Как показало время, они были правильные и своевременные.

Потом у нас был довольно длинный разговор на экономические темы — с цифрами, графиками и диаграммами. Скажу главное: афганским купцам разрешено выходить на внешний рынок, сейчас их вклад во внешнеэкономические связи составляет сорок — пятьдесят процентов. Кроме того, купцы могут проникать на рынки, куда государственному сектору не пробиться. Такие страны, как США, Япония, Пакистан, Китай, с Афганистаном не торгуют, а с афганскими купцами — охотно. Так что они частенько выполняют государственные заказы и закупают то, что нужно стране.

Когда мы объяснили, куда и зачем едем, а потом передали просьбу Ашрафа, министр надолго задумался. После серии коротких телефонных разговоров Джалалар назвал мне два адреса.

— Сперва зайдите к Нейматулле — это один из крупнейших предпринимателей страны. Потом — к Бадгиси: он занимается коврами. Потолкуйте, посоветуйтесь: если не помогут сами, скажут, к кому обратиться.

Нейматулла принял нас в своей небольшой, но уютной конторе. Оказалось, что с Советским Союзом он торгует уже более двадцати лет, что он владелец или совладелец четырех экспортно-импортных фирм, что почти весь текстиль, металл, маргарин, холодильники, легковые автомашины, чайники, обувь, швейные машины, лампы и многое другое, поступающее на афганский рынок из Советского Союза, закупает Нейматулла.

— А что продаете нам? — поинтересовался я.

— Орехи, миндаль, маслины, кунжут, сухофрукты, шерсть. Экономическая ситуация в стране сейчас сложная, во многих провинциях бесчинствуют душманские банды, люди не уверены, что смогут вырастить и собрать урожай. А чем им расплачиваться за мыло, керосин и обувь, за одежду для детей и жен? Но мы нашли выход. Бандитам ведь нужен не виноград, а изюм, не сырые орехи, а высушенные, поэтому я организовал очень быструю переработку сырья на местах — такую быструю, что душманы не успевают конфисковать продукцию, и она попадает в Кабул. Правда, на днях они мне отомстили: остановили грузовики

«Афсотра» и забрали двадцать тонн мыла, которое я закупил для отдаленных кишлаков.

Когда мы обсудили, как и чем можно помочь Ашрафу, я набрался смелости и спросил:

— Нейматулла, а как вы распоряжаетесь прибылями?

— Расширяю производство, открываю новые филиалы, закупаю оборудование.

— Я не об этом. В традициях ли афганских предпринимателей благотворительность?

— Конечно. Еще мой дед, который начал торговать с Советским Союзом, помогал строить школы, больницы и мечети. Завещал он это и мне. Думаю, дед был бы удовлетворен, если бы узнал, что при моей финансовой помощи построено двадцать семь школ и одна мечеть. Есть и другие планы, но я человек суеверный: говорю о планах лишь тогда, когда они выполнены.

Бадгиси моему предложению установить контакт с ковроделами кишлака Ашрафа откровенно обрадовался.

— Каждый уезд, каждый кишлак имеют свои традиции, свои рисунки и орнаменты. Пять веков занимаются в Афганистане ковроткачеством. И у каждой народности что-то свое. Я — туркмен и поэтому о туркменских коврах знаю все. А хазарейские, пуштунские, узбекские, таджикские знаю хуже. Но вы посмотрите на эти краски, на эту бегущую нить. — Он разложил передо мной несколько ковров. — Как они мягки, как бархатно-шелковисты! Погладьте, погладьте! И что интересно, ни моль, ни какая другая мелкота их не берет. Как вы думаете, сколько лет этим коврам?

— Лет пять — десять.

— А двести не хотите?!

— Но краски! Уж очень свежи краски.

— То-то и оно! Сколько лет я потратил, чтобы раскрыть секрет красок! Идите сюда, — позвал он меня во двор. — Покажу и кровь рубина, и синь лазури, и зелень малахита.

Двор — это, собственно, не двор, а мастерская. В чанах дымится какое-то варево, на шестах сохнут мотки пряжи, у станков на корточках сидят люди.

— А вот и краски, — кивнул Бадгиси на груды кореньев и веток, пучки листьев и травы. — Все берем от природы, измельчаем, варим, смешиваем, разбавляем — и получаем несмываемые и невыгораемые краски. Вечные краски! — закончил он с нескрываемой гордостью мастерового.

Но меня интересовали не столько краски, сколько люди. Я обратил внимание, что одни с трудом ходят, у других что-то со спиной, третьи как-то странно держат руки.

— Что с ними? — спросил я. — От непосильного труда они стали калеками?

— Калеками они стали либо на войне, либо такими родились, — с грустью ответил Бадгиси. — В прошлом я педагог, жил и учительствовал в кишлаке Моричак. Пятнадцать лет назад наши края поразила засуха. Много детей умерло. А тех, кто уцелел, я с великим трудом перевез в Кабул. Почти все выжили, но стали инвалидами. И тогда я поклялся, что не брошу их. Мои родители занимались ковроткачеством, поэтому я в этом деле разбирался. Чтобы прокормить подросших ребят, я, моя жена и дочери обучили их немудреным операциям, открыли небольшую мастерскую — и дело пошло. Теперь все они прекрасные мастера. Мои ковры побывали на выставках в Австрии, Швейцарии, ФРГ, США, Турции, Италии, Франции, Бельгии, Советском Союзе — и всюду получали грамоты, дипломы и медали. А вообще-то ковроткачество — дело семейное. Я заключаю с семьями договоры, иногда даю сырье, но никогда не вмешиваюсь в творческий процесс. Я охотно помогу людям из кишлака... как он называется?

— А действительно, как он называется? — обернулся я к хадовцу, который все эти дни не отходил от меня.

— Теперь можно сказать, — посмотрел он на часы. — Через полчаса выезжаем. Кишлак называется Танги Сайдан.

Никаких особых сборов не было. Проверили оружие: один автомат и три пистолета, сели в «уазик» и поехали. Совсем молодые хадовцы немного нервничали — обычно улыбчивые, разговорчивые, они сейчас молчали. Я их понимал: ехать в банду, доверившись слову главаря, руки которого по локоть в крови, как-то не очень привычно... Миновали довольно большой поселок Дарол-аман, потом — Дехдана, в кишлаке Духабад перебросились двумя словами с ребятами из царандоя, а вот и Гольбах.

— Здесь наш последний пост, — заметил переводчик.— Въезжаем в зону банды.

Узкая дорога петляла между скалами, огромными валунами и разрушенными дувалами. Вокруг — ни души. Неожиданно за очередным поворотом мелькнули босые пятки: прямо по карабкающейся вверх дороге стрелой ле-

тел подросток. Когда его догнали, он остановился за деревом, а впереди мелькали уже другие пятки: весть о нашем прибытии гонцы передавали, как эстафетную палочку. Наконец «уазик» ткнулся в завал, и мы вышли из машины. Заливаются птицы, журчит арык, благоухают мандариновые деревья — идиллия, да и только. Но мы знали, что за нами следят десятки глаз. Эти же глаза держат нас на мушке.

Стараясь выглядеть по возможности непринужденно, мы двинулись в сторону кишлака. Поворот, другой — и мы на небольшой площади. Нас встречают. Улыбки, рукопожатия, дружеские похлопывания по плечам. Все увешаны оружием. Автоматы, пулеметы, запасные рожки, гранаты, длиннющие «буры», пистолеты разных систем — все на виду, все тщательно вычищено и смазано. Но оружие не новое, им явно пользовались. И только один человек подчеркнуто безоружен — это Ашраф. Он пригласил нас в свой штаб — просторную комнату на втором этаже глинобитного дома. Четыре тюфяка, застланных серыми одеялами, низенький столик, уставленный яблоками с капельками воды на янтарных боках, в углу — государственный флаг Афганистана, на полке — несколько книг, на стене — портрет Ленина. Совсем новый цветной портрет. Видимо, его приклеили сегодня.

Как водится, разговор начался с расспросов о здоровье, потом перешли на погоду, обсудили виды на урожай. И тут я заметил, что побывал у Нейматуллы и Бадгиси — оказалось, их имена здесь хорошо известны, — сообщил об их готовности торговать с местными купцами и поддержать увядающее ковроткачество. Ашраф довольно погладил бороду, приложил руку к сердцу и долго благодарил «за оказанное благодеяние, которое не пройдет мимо внимания Аллаха». Я не перебивал. Мне было важно, чтобы он втянулся в беседу, чтобы пропала напряженность в глазах, чтобы сидящий рядом красивый, кудрявый парень снял руку со скобы автомата, чтобы с крыши дома напротив исчезли два силуэта с «бурами».

— Танги Сайдан — моя родина, — рассказывал между тем Ашраф. — Здесь могилы моих дедов и прадедов, здесь родились и проживем, что нам отпущено. В кишлаке сто семей, то есть полторы тысячи человек. Построили больницу, школу, мечеть, у всех есть земля, воды достаточно, так что живем неплохо. Могли бы и лучше, — вздохнул он, — но начинать приходится с нуля. Да и старые друзья не дают покоя.

Я заметил на правой руке Ашрафа медный браслет: то ли дань моде, то ли от какой-то болезни.

— Подарок? — кивнул я на браслет.

— Подарок, — поморщился Ашраф. — Только не друга, а врача. Суставы замучили, особенно по ночам. Я ведь много лет работал на заводе, так что принадлежу к рабочему классу. Электросварщик высшей квалификации — вот как называется моя профессия. Но работал в основном на открытом воздухе — вот и продуло всего насквозь. Пять лет в горах тоже чего-то значат.

— А как вы оказались в горах? — как можно мягче спросил я.

Благодушное лицо Ашрафа сразу стало жестким. Рука привычно легла на пояс, но, не найдя оружия, стиснула ремень.

— Это случилось после Апрельской революции. С гор спустились люди, сказали, что правительственные войска убивают всех правоверных, что нужно защищать ислам. Все мужчины кишлака ушли с ними. Потом появились посланцы из Пакистана, дали нам оружие и потребовали не отсиживаться в пещерах, а воевать.

Ашраф помолчал, скомкал бороду, стрельнул глазами за окно — силуэты с «бурами» исчезли, и он, видимо приняв решение, продолжал:

— И мы воевали.

— С кем?

— Со всеми, кто оказывал сопротивление. Взрывали школы, сжигали мечети, убивали активистов. Под нашим контролем было девять кишлаков. Девять! Но не Танги Сайдан. А в нем наши жены и дети. Сюда мы сунуться не могли: слишком много советских и афганских солдат. Зато мы хозяйничали на дорогах Кабул — Лугар и Кабул — Кандагар.

— Что значит хозяйничали?

— Уничтожали мосты, подрывали танки, останавливали колонны, забирали груз, а машины сжигали. Со временем мы так окрепли, что начали подумывать об освобождении Танги Сайдана. Если бы не Ахмад — тогда мы его звали Канд-ага, — он кивнул на кудрявого парня, — из этой затеи ничего не вышло бы. Расскажи...

Канд-ага отложил автомат и с видимым удовольствием начал свой рассказ:

— Ашраф назначил меня своим заместителем и сказал, что действовать могу самостоятельно, но людей не дал. Найди, говорит, сам. Я сходил в Иран, уговорил

шестьдесят парней вступить в мою группу, и мы подошли к Танги Сайдану с тыла.

— А я ударил в лоб! — подхватил Ашраф. — Бой был жестокий. Мы потеряли двадцать человек. Но из кишлака никого не выпустили.

— Тех, кто пытался отступать, встречал я, — удовлетворенно заметил Канд-ага.

Я слушал этот самодовольный рассказ с оторопью. Передо мной два главаря душманских банд. Они без тени смущения вспоминают, как взрывали школы, жгли мечети, как уничтожили всех защитников кишлака, в том числе и советских солдат, а я сижу и расспрашиваю, будто речь идет о спортивном матче. Да еще записываю и уточняю детали зверств. Вот так. Профессия, как говорится, обязывает.

Видимо, Ашраф почувствовал перемену в моем настроении и пододвинул яблоки. Я механически взял. Но сидевший рядом хадовец перехватил яблоко, достал нож, тщательно очистил кожуру, разрезал на дольки, срезал семена и только после этого пододвинул мне его на тарелке. Я тут же вспомнил: известны случаи, когда душманы отравляли фрукты каким-то крошечным жучком. Сами они тоже ели эти фрукты, но у них было противоядие, а гость заболевал и через три-четыре дня умирал.

Пока ели яблоки, я взял себя в руки. «Ладно, хотел узнать лицо врага, узнавай, — сказал я себе. — А заодно заберись и в душу».

— И что же случилось после захвата Танги Сайдана? Что заставило вас искать контакты с народной властью?— решился спросить я.

Ашраф быстро взглянул на Канд-агу и презрительно бросил:

— Не я искал, меня искали.

Но когда Канд-ага вышел, чтобы дать распоряжение приготовить чай, Ашраф резко наклонился ко мне и тихо сказал:

— Ерунда все это. Я искал контакты. Я! Но при нем этого не скажу. Ахмад еще молод, горяч, не понимает, что нашей вольнице конец, что за пролитую кровь придется отвечать.

— А чего он хочет?

— Жить подачками и грабежом. Не те уже времена! Если правительственные войска захотят, раздавят нас, как клопов. У нас же около двухсот стволов и десяток гранатометов. Три часа хорошего боя — и от нас ничего не ос-

танется. А если кишлак обработает авиация, не продержимся и часа. Кончать со всем этим надо. Совершенно бессмысленное кровопролитие. Да и люди роптать начали: до каких пор спать в обнимку с автоматом? У нас же богатейшая земля, можно снимать по два урожая в год! А мы, вместо того чтобы обрабатывать поля, торчим на постах: не дай бог, придет отряд из Пакистана, чтобы наказать отщепенцев, или того хуже — нагрянут коммандос во главе с Джумаханом. Тогда уж точно всем нам крышка... Нет, только мир и сотрудничество с народной властью, другого пути у нас нет.

Вернулся Канд-ага — стремительный, ловкий, живой, как ртуть.

— Ахмад, — назвал я его по имени, — в твоем отряде старики есть?

— Есть! — засмеялся он. — Самый старый — я, мне двадцать восемь лет.

— А самому младшему?

— Семнадцать. Мы работаем без лонжи, у нас старикам делать нечего! — вызывающе закончил он.

«Без лонжи...» — вспомнил я слова Рашида. Так вот о ком он говорил!

— Не понимаю. Что значит работать без лонжи? — сделал я вид, что мне незнакома эта фраза.

— Одно дело — ходить по канату с поясом, к которому прицеплен страховочный тросик, и совсем другое — плясать на канате без страховки, — наставительно сказал он. — Только абсолютно уверенные в себе канатоходцы работают без лонжи. Ведь малейшая оплошность — это смерть.

— Так ты умеешь плясать на канате?

— Умел. Но это в прошлом. Теперь я борец за веру!

И тогда я достал фотографии, сделанные в госпитале. Молодые парни без ног и рук, выставленные на солнце культи, сожженные напалмом лица, ребятишки на костылях.

— У тебя есть дети? — поинтересовался я.

— Да. Две жены и четверо детей, — как-то растерянно произнес Ахмад.

— Хороший артобстрел или налет авиации — и мы и наши дети будем такими же, — кивнул Ашраф на фотографии.

— Будем, — согласился Ахмад. — Мы-то ладно, мы пострадаем за веру — Аллах возьмет нас за это в рай. А вот дети...

— Никто не должен пострадать, — приступил к выполнению своих основных обязанностей переводчик. — Вы приняли гарантийное письмо и обещали поднять государственный флаг.

— Уже подняли, — посмотрел за окно Ашраф.

— Это формальный акт. Пора забыть о работе без лонжи, — обернулся он к Ахмаду. — Рано или поздно нога соскользнет с каната — и ты разобьешься. Две жены, четверо детей — ты о них подумал? Это не мои слова. Это слова Рашида. И еще. Представь, что будет, если твои головорезы узнают, что их обожаемый главарь имеет контакты с ХАДом, и не с кем-нибудь, а с самим Рашидом. Ваши пакистанские лидеры его хорошо знают: уж очень много причинил он им неприятностей. А длинные языки всегда найдутся — это ты знаешь не хуже меня.

— Чего вы от меня хотите? — затравленно огрызнулся Ахмад.

— Забудь, что ты Канд-ага. Забудь навсегда. Распусти своих волчат. Я же знаю: почти все они из других кишлаков. Пусть идут домой. А там их встретят... Конечно, если не сложат оружие добровольно.

Ахмад задумался. Потом поднял глаза на Ашрафа.

— Твое слово, командир?

— Для тебя я не только командир, но и близкий родственник. Наши гости говорят правильные слова, но их надо обдумать. Мы же всегда принимали важные решения вместе, — подыграл он Ахмаду. — Так же делаем и на этот раз. А с каната пора спускаться на землю, с этим я согласен. Пока цела голова, а?.. Что же касается твоих заграничных боевиков... Я молчал. Но ты сам знаешь, их у нас не любят. Тем более что наш кишлак таджикский, а в нем кого только нет.

— Я это знаю. Подумаю.

— А пока что убери их подальше от дороги. Дай гостям спокойно уехать.

Когда мы вышли на улицу и сфотографировались на память, Ашраф прилюдно преподнес мне хлеб. Мы с разных сторон отломили от большой лепешки и съели по кусочку. То же сделал Ахмад и молодые хадовцы. Это означало, что теперь проклятие Аллаха падет на голову каждого, кто преломил хлеб, а потом поднял руку на того, с кем этот хлеб разделил.

Вздохнули мы и отпустили до предела скрученную пружину напряжения, лишь когда миновали пост у кишлака Гольбах.

— Все, теперь они наши, — откинулся на спинку сиденья переводчик и вытащил из кармана гранату. — Наверняка на бедре будет синяк — все время сидел на лимонке.

«Наша лонжа, — вяло подумал я, — страховка от мучительной смерти».

— А за фотографии спасибо, — обернулся он ко мне.— Канд-агу, то бишь Ахмада, они доконали. Ну, может, не доконали, но были той каплей, которая перетянула чашу весов.

— И что с ними будет? — спросил я.

— Ничего. Мы гарантировали им жизнь. Главное — они будут контролировать всю округу и не пустят туда ни одной другой банды. Это очень важно. Немаловажно и другое: мы сохраним жизни сотен молодых солдат, которые наверняка погибли бы, вздумай мы брать кишлак штурмом. Я заметил: оборона у них организована отлично, перекрестным огнем простреливается каждый клочок земли на подходе к кишлаку. Рашид будет доволен: его задание выполнено.

IX

Но сам Рашид, вернее, Идрис попал в очень сложное положение. Алим-хан что-то заподозрил и пришедших с Азизом хадовцев распределил по разным группам. Ударный кулак из пулеметчиков распался, а Идрис очень рассчитывал на этих ребят.

— И все же нет худа без добра, — рассуждал он. — Если атака на кишлак захлебнется, Алим-хан наверняка бросит вперед пулеметчиков. Так они сами могут попасть под плотный огонь и погибнут. Хуже другое: я так и не знаю, сколько гонцов посылал Алим-хан в Пакистан. Если двоих, все в порядке — их перехватил Азиз. А если больше? Если они доберутся до Ахмад-шаха, тот пришлет своего человека и меня мгновенно расшифруют? Возможно и другое: Алим-хан послал гонцов с одной-единственной целью — получить разрешение напасть на банду Мусы и освободить свой родной кишлак. Нет, это исключено! Алим-хан не дурак и прекрасно знает, что такого разрешения никто не даст: заграничные лидеры издали кучу приказов, запрещающих проливать кровь борцов за веру руками других борцов. Тогда зачем гонцы?

Не знал тогда Идрис, что с него давно не спускают глаз, что Бадама и Мирзагуль его предали, что Алим-хан

затеял двойную игру. Когда он окончательно убедился, что Идрис хадовец, Алим-хан решил его не трогать: в случае неудачного наступления или, хуже того, провала всей этой затеи с джихадом, то есть священной войной, неплохо заручиться гарантийным письмом и затеять переговоры о переходе на сторону правительства. В этой игре главный козырь — Идрис. Но если об этом узнает Ахмад-шах, он найдет возможность расправиться с изменником. Поэтому Алим-хан послал в Пакистан четверых гонцов с известием, что установил контакт с ХАДом, что ему обещают сто автоматов и десять пулеметов, что, как только получит оружие, перебьет хадовцев и всех тех, кто попал под их влияние. О нападении на кишлак Алим-хан помалкивал, он решил поставить своего начальника перед свершившимся фактом.

Это то, чего не знал Идрис. А вот то, чего не знал Алим-хан. Каждую ночь люди Идриса ходили на крупный советский пост, расположенный в нескольких километрах от ущелья, где скрывалась банда. Там хадовцы получали оружие и передавали его надежным людям, там была разработана система сигнализации и страховки на случай, если понадобится срочная помощь.

Наконец Алим-хан решился. На кишлак он задумал напасть ночью. Один человек из людей Идриса успел шепнуть об этом знакомому из банды Мусы. Бой был яростный. Душманы убивали друг друга до рассвета. С первыми лучами солнца, потеряв более ста человек убитыми и около трехсот ранеными, Алим-хан приказал отступать. Потери другой банды были не меньшими. И на той, и на другой стороне звучали исступленные клятвы отомстить за убитых. А в лагере Алим-хана раздавался откровенный ропот: оставшиеся в живых осуждали бездарного командира. Вот если бы их вел в атаку Идрис...

Алим-хан не на шутку испугался. Он знал, к чему может привести бунт: его просто-напросто повесят, а для мусульманина нет ничего страшнее, чем смерть от веревки, — это значит, что в рай не попасть. И тогда Алим-хан объявил, что отныне Идрис его заместитель. Услышав одобрительный гул, тут же предложил перебраться в соседнее ущелье — там будет спокойнее. «А кишлак никуда не денется, все равно он будет наш», — заявил Алим-хан.

По старой привычке бандиты подчинились главарю, тем более что рядом стоял и одобрительно кивал Идрис. Но покоя не было. Банда превратилась в стаю волков и

опять начала жечь школы и мечети, нападать на автоколонны. Алим-хан не терял надежды получить оружие и при всех разоблачить Идриса. Но он опоздал. Идрис уже принял решение. Когда Алим-хан сообщил, что их группе надлежит перейти из провинции Кабул в провинцию Парван, Идрис его поддержал, но предложил устроить общее собрание, чтобы обсудить маршрут и решить, куда деть раненых.

И вот на большой поляне собралась вся банда. Часовых и дозорных расставил Идрис. На этот раз ему удалось сделать так, что на постах были только его люди. Сделал Идрис и еще одно чрезвычайно важное дело: накануне связался с командованием советской воинской части. Он потому и выставил своих часовых, чтобы батальоны незаметно окружили поляну.

Обо всем этом похудевший, измученный, но свежевыбритый Рашид рассказывал мне в своем кабинете.

— Часть бандитов сложила оружие сразу. А тех, кто сопротивлялся, перебили. В горячке боя я так увлекся, что потерял из поля зрения Алим-хана. Сколько потом его ни искали — ни среди живых, ни среди мертвых так и не нашли. Сбежал! Но лучше бы он этого не делал. Сегодня утром мне сообщили, что Алим-хан пробрался в Пакистан и предстал перед Ахмад-шахом. Тот выслушал его рассказ и... пристрелил. Так что операция закончена, — улыбнулся Рашид, с удовольствием поглаживая гладкий подбородок. — Но пока меня не было, накопилось множество новых дел...

— Погоди-погоди, — перебил я его, — а что с кишлаком, что с людьми из разгромленной банды?

— Кишлак мы освободили и подняли государственный флаг. А защищать его теперь будут бывшие бандиты, разумеется те, кому можно доверять. Но самые отъявленные враги в тюрьме. Их будут судить.

— В тюрьме... Знаешь что, Рашид, я, конечно, нахал — ты столько для меня сделал, но есть еще одна просьба, быть может излишне дерзкая...

— Не финти, выкладывай. Тем более что я у тебя в долгу.

— Ты? В долгу?!

— Мне рассказали, как вовремя ты подложил Кандаге фотографии. Отличный ход.

Услышать похвалу от такого человека, как Рашид,— дорого стоит.

— Помнишь, я говорил, что хочу увидеть лицо врага?

Я видел лицо врага. Но это был враг, либо задумавший перейти на сторону народной власти, либо уже сделавший это. А вот нераскаявшегося, убежденного, несломленного головореза я не видел. В тюрьме такие есть?

— Там только такие. Тюрьма «Пули-Чархи» предназначена для крупных контрреволюционеров. Чего же ты хочешь?

— Попасть в тюрьму.

— Попасть в тюрьму — не проблема, — усмехнулся Рашид. — А вот как выйти?

— Возьмешь на поруки, — подыграл я.

— Тебя?! Да ни за что! Слишком много знаешь! Обеспечим отдельную камеру, то бишь отдельный кабинет, — и сиди пиши на здоровье.

— Мысль, конечно, интересная, но...

— Ладно, уговорил, — великодушно согласился Рашид. — С тобой поедет Азиз — тьфу ты, привык к псевдониму! — с тобой поедет Саидакбар. Но придется подождать. Там строгие порядки. Да и дорога в «Пули-Чархи» неспокойная.

...Прошло три дня. Я уже начал терять надежду, как вдруг ни свет ни заря позвонил Саидакбар и пригласил в пятое управление ХАДа.

— Разрешение на посещение тюрьмы получено, — сообщил он. — Выезд через полчаса, в «Пули-Чархи» нас ждут. Кстати, «Пули-Чархи» — это название местности, где расположена тюрьма, но уж как-то так повелось, что, когда говорят: «Пули-Чархи», все понимают — речь идет о тюрьме. Этот комплекс зданий в форме круга, обнесенного высоченной стеной, построен еще при шахе. Дорога туда довольно приличная: километров двадцать по асфальту, а потом километров пять по проселку. Днем здесь спокойно, но по ночам движение прекращается. И хотя в горах усиленные посты, хотя кишлаки вроде бы мирные, а густой кустарник постоянно прочесывается, время от времени на дороге происходят чепе... Мы приняли кое-какие меры, но самая главная — неожиданный выезд на неприметной серой «Волге». Ты готов?

— Как всегда.

В тюрьме нас действительно ждали, но все равно несколько раз придирчиво проверяли документы и осматривали машину. Эта процедура довольно неприятная: пока двое охранников занимаются осмотром, трое держат тебя под дулами автоматов. Предосторожность понятная, в

тюрьме особо опасные преступники, за их спасение или молчание многие разведки готовы отдать любые деньги.

Наконец за нами захлопнулись последние ворота и мы оказались во внутреннем дворе одного из секторов, где сидят осужденные душманы, но пока еще не знающие приговора.

— Минимальный срок для них — двадцать лет строгого режима, — рассказывает начальник тюрьмы подполковник Абдуразак Ариф. — Но мечтать об этом могут немногие, большинство получит высшую меру наказания — расстрел.

— И сколько их на вашем попечении?

— Двести девяносто два человека ждут оглашения приговора, пятьсот его уже знают.

— А где его приводят в исполнение?

— Во времена Амина это делалось прямо здесь. — Он кивнул на металлическую дверь своего кабинета. — Видите кое-как заваренные отверстия? Это следы пуль. Начальник тюрьмы расстреливал людей сам, причем в своем кабинете. Я это помню. Сам когда-то был заключенным и чудом избежал последнего визита в этот кабинет.

— Вот так судьба! Бывший заключенный — начальник тюрьмы!

— Случается, — развел руками Ариф. — Некоторое время после освобождения я работал на селе, но мне приказали — и я стал начальником тюрьмы. Что касается второй части вашего вопроса, — замялся он, — скажу только одно: смертный приговор приводится в исполнение в соответствии со специальной инструкцией.

— Побеги не случались?

— Это исключено. Говорю вам как бывший заключенный, перебравший все возможные и невозможные варианты. А если и заметил какие-то щели, став начальником тюрьмы, заткнул их.

Потом мы осмотрели камеры — везде чистота, порядок, прекрасно оборудованную спортивную площадку. Во время ежедневной часовой прогулки можно поиграть в футбол, волейбол, поупражняться со штангой и гантелями. Заглянули на кухню, где в огромных чанах варились бараньи туши. Но больше всего меня поразил бассейн. Да-да, в тюрьме прекрасный плавательный бассейн. В принципе он построен для обслуживающего персонала, но если заключенный ведет себя хорошо, разрешают поплавать и ему.

Когда вернулись в кабинет, подполковник Ариф сказал:

— Нам сообщили, что вы хотите поговорить с убежденными врагами народной власти. Наверняка вам сказали, что здесь все такие. Может быть, лет через двадцать кто-нибудь из них изменит свои взгляды, но сейчас — это самые страшные враги. Об этом говорят их дела. В разговоре они будут юлить, изворачиваться, откровенно лгать, но их преступления доказаны в ходе следствия: люди, с которыми я вас познакомлю, по уши в крови. Пусть вас не удивляет их разговорчивость и готовность ответить на любой вопрос: их заветное желание — избежать расстрела, ради этого они готовы на все.

Первым вошел невысокого роста худощавый, интеллигентного вида молодой человек. Одет в прекрасный костюм. На руке — дорогие часы. Держится нормально. Вот только глаза. В них — и надежда, и лютая злоба, и страх: «С чего это мной заинтересовался шурави? Может, это поможет получить двадцатку? Только бы лишнего не сболтнуть, а то свои же прикончат. У них руки длинные».

— Меня зовут Абдул Кудуз. Псевдоним — Надыр. По национальности таджик. Образование высшее: окончил кабульский пединститут.

Учитель — бандит?! Такого я еще не слышал.

— На путь борьбы стал еще в студенческие годы, — продолжал он. — В Кабуле действовала группа «Ахгяр». Ее руководящий центр в Гамбурге.

— Кто входит в группу? — спросил я, решив в разговоре, как и он, называть банду группой.

— Студенты и представители интеллигенции. Нашими врагами были рабочие, крестьяне и руководящие работники.

— Программа?

— Террор.

— Точнее!

— Перевербовывать на свою сторону. В случае отказа — убивать.

— Если перевербовывать, значит, нужна идеологическая платформа и, следовательно, пропагандистские материалы.

— Именно этим я и занимался, — нервно теребя пальцы, признался Абдул. — Я сочинял листовки, воззвания, отправлял нашему руководству в ФРГ, Иран, Пакистан, США, там их одобряли и печатали.

— Где именно?

— В основном в ФРГ. Но потом мы заимели собственную печатную машину.

— Группа была большая?

— Лично я знал семьдесят человек.

— Вы входили в состав руководства?

— Да, я входил в состав высшего руководящего центра! — Он гордо выпрямился.

— Конечная цель вашей группы?

— Убить всех руководителей НДПА и захватить власть.

— Что успели сделать?

— Очень мало, — замялся он. — Оказалось, что террористы из нас плохие. Поэтому мы объединились с группой «Халез», там были настоящие боевики. После этого дела пошли лучше. До высшего руководства НДПА мы добраться не смогли, но кое-кого из уездного и провинциального начальства убрали.

— Меру своей вины сознаете?

— Я воевал не оружием, а карандашом. Я никого не убил. Во время ареста сопротивления не оказал. Поэтому рассчитываю на мягкий приговор.

— Если освободят, чем займетесь?

— Буду учить детей.

Вот так. Он хочет учить детей! Чему? Способам убийства?

Когда я достал фотоаппарат, Абдул постарался придать лицу достаточно благообразное выражение. Метров с пяти, да еще на фоне тюремной решетки, он выглядел печальным, размышляющим о своем нелегком прошлом человеком. Но телеобъектив приблизил глаза. В уголках был такой яростный прищур, а в глубине зрачков затаился такой беспощадно-злобный огонь, что я окончательно понял: этот человек был и до последней минуты будет врагом. Оптика позволила увидеть и другое: у него мелко-мелко дрожали веки. Абдул отчаянно трусил, он знал, что вот-вот объявят приговор, который обжалованию не подлежит.

Потом привели Гуламхайдара. Он начал с того, что категорически отказался фотографироваться.

— Почему? — спросил я.

— Это может мне повредить.

— Повредить?

— Ну да. Когда выйду из тюрьмы, Гульбеддин этого не одобрит.

— Так вы из партии Гульбеддина?

— Да, я член Исламской партии Афганистана, — гордо ответил он.

— Ваше образование?

— Двенадцать классов. А вообще я представитель рабочего класса: пять лет трудился на кирпичном заводе.

Я присмотрелся к Гуламхайдару. Высокий, подтянутый, опрятный, руки крепкие, рабочие, но мягкие, белые— видимо, давно не держали молотка или мастерка, привыкли сжимать цевье автомата.

— Как стали на путь террора?

— Случайно. Купил у одного человека автомат. Когда его арестовали, он сказал, кому продал оружие. Но я успел сбежать в горы. А там, сами понимаете, не мог быть белой вороной: делал то же, что и все.

— Все время так и были рядовым?

Гуламхайдар вскинул голову.

— У меня в подчинении было сорок человек!

— Так мало?

— Зато это были специалисты. Может быть, слышали, недавно ракетами обстреляли посольство Чехословакии? Это были мы.

— А посольство Пакистана?

Гуламхайдар злобно прищурился.

— Тоже мы.

— Что же вы своих благодетелей-то не пожалели?

— А-а! — протянул с досады бандит. — Инструктора такого прислали. Дурной какой-то, хоть и пакистанец. Не мог научить как следует целиться, вот и жахнули по своим.

— Не попало потом от Гульбеддина?

— Было дело, — поморщился Гуламхайдар.

— Ну, а в боях участвовали?

— Конечно. Но только с афганскими войсками. На шурави мы не нападали.

— И чем заканчивались эти бои?

— Мы старались расширить зону влияния. Если мешали, мы стреляли. Чаще всего этим и заканчивалось: правительственные войска сдавались в плен.

— Что делали с пленными?

— Предлагали воевать вместе с нами.

— А если отказывались?

Гуламхайдар хрустнул пальцами и опустил глаза.

— Отпускали домой.

— Потери у вас бывали?

— Бывали.

— Как пополняли ряды?
— О пленных я уже сказал. Но в основном так: приходили в кишлак, собирали стариков и говорили, что для защиты веры нам нужны их сыновья. Старики тут же благословляли сыновей и отпускали к нам.
— А если отказывались?
Опять хруст пальцев.
— Такого не было.
Я видел, как побледнел начальник тюрьмы, как вздулись желваки у следователя, слышал, как до хрипа сел голос переводчика, но продолжал расспрашивать бандита.
— Дорогами ваша группа не занималась?
— А как же! Подрывники у меня были хорошие. Но дороги и мосты — это мелочь, это каждый может. А вот электростанцию или плотину — такие объекты рвануть не каждый сумеет. Снять охрану, заложить взрывчатку, уйти на безопасное расстояние. Уничтожение электростанции в Калай-Заманхане — работа моей группы.
— По вашим рассказам у вас все так лихо получалось, что даже странно как-то видеть вас здесь. Как это случилось?
— Перехитрили. В моей группе оказался хадовец. Однажды он сделал так, что мы заночевали в стороне от основных сил. Там и схватили.
— Банду уничтожили?
— Э нет! — зло ощерился он. — Мои люди ушли. Они еще повоюют. Одно плохо: хадовец ушел вместе с ними, заманит в засаду или еще что-нибудь придумает.
— Семья у вас есть?
— Нет, — вздрогнул Гуламхайдар. — Я борец за веру, за свободный Афганистан. Не до семьи. Потом, когда победим, — он неопределенно махнул рукой, украшенной великолепным перстнем, — обзаведусь и женами, и детьми.
— Давайте все-таки сфотографируемся.
— Нет-нет! Это может мне повредить.
Когда Гуламхайдара увели, начальник тюрьмы так треснул кулаком по столу, что подпрыгнули чашки с чаем.
— Ни черта ему не повредит! Он будет расстрелян!
Следователь оказался сдержаннее.
— Каков мерзавец, а?! Афганские солдаты добровольно сдавались ему в плен! У меня есть неопровержимые доказательства тех, кто чудом остался жив. Солдаты сражались до последнего патрона. Раненых Гуламхайдар пристреливал. А пленные к нему не переходили — это то-

же сегодня доказано. Доказано и другое — этих пленных, как правило, ставили к стенке. Так же поступали со стариками, которые не отдавали в банду своих сыновей. Гуламхайдар зверь, страшный зверь! Так что его участь решена.

— А что же он, говоря по-русски, ломает этакого ваньку?

— Гульбеддин внушил своим отчаянным главарям, что не оставит их в беде: выкупит, обменяет или устроит побег.

— Такие примеры были?

— Не было и не будет! — сверкнул глазами подполковник Ариф.— Если кто и выходит из «Пули-Чархи», то только потому, что сегодня народная власть считает возможным того или иного преступника помиловать. Ведь среди них есть люди совершенно запуганные, одураченные — пока их еще можно вернуть нашему обществу. А есть убежденные головорезы, такие, как Гуламхайдар. С ними разговор короток! Хотели их видеть — получайте. Еще хотите?

— Хочу. Только, если можно, из одураченных, сбитых с толку такими, как тот бывший учитель.

— Есть и такие. Приведите Кабира! — приказал он.

Мухаммад Кабир оказался очень крепким, кряжистым парнем, одетым в национальный пуштунский костюм. На вопросы Кабир отвечал охотно, подробно и очень быстро.

— Родом я из кишлака Халази провинции Парван, — начал он. — У меня два брата и три сестры. Когда к власти пришел Амин, мне было шестнадцать лет, как раз окончил восьмой класс. Аминовские репрессии обрушились и на наш кишлак. Тогда мы снялись всем родом с места и ушли в Иран. Там меня сразу же определили в учебный центр.

— Военный? — уточнил я.

— Конечно, военный.

— Чему учили?

— Стрелять, резать, взрывать, пытать...

— Инструкторы были афганские?

— Что вы! Афганцы тогда ничего не умели, поэтому нас учили иранские и китайские инструкторы. По окончании учебы был парад. Принимали его какие-то афганцы и военные в иранской форме. Через неделю нам устроили экзамен на политическую зрелость. В тот день, когда в Афганистан вошли советские войска, была организована демонстрация протеста около советского посольства в Тегеране. Руководил нами инженер Надим. Сначала мы выкри-

кивали антисоветские лозунги, размахивали флагами и транспарантами, а потом взялись за камни. Перебили стекла, вытоптали клумбы, сожгли портреты советских лидеров, а если бы дали команду, разнесли бы и само здание.

— Значит, проверку на «политическую зрелость» прошли успешно?

— Да, нас хвалили. А что еще нужно шестнадцатилетнему нетерпеливому пареньку?! Стрелять я уже умел и рвался в бой. Но инструкторы отобрали из нас сорок пять самых способных ребят и переправили в Пакистан. Был в их числе и я. Там мы изучали американское и зачем-то советское оружие. Гораздо позже я понял, зачем мы стреляли из «калашникова», зачем учились ругаться и командовать по-русски.

Кажется, я тоже начал кое о чем догадываться, но не перебивал словоохотливого Кабира.

— Сформировали группу из трехсот шестидесяти человек. Одну половину переодели в советскую форму, а другую — в афганскую. В районе кишлака Исталеф мы перешли границу и начали боевые действия. Наш командир Гафар на русском языке приказывал взрывать школы, сжигать мечети — иногда вместе с молящимися, — убивать учителей и мулл. Мы бодро отвечали «Есть!» и выполняли приказ. С нами были теле- и кинооператоры из каких-то западных стран. Они во всех деталях снимали зверства «советских» и «афганских» солдат, а мы отчаянно веселились, радуясь, что весь мир получит неопровержимые доказательства этих зверств. Жителей кишлаков иногда оставляли в живых, чтобы они тоже разнесли весть о том, что видели своими глазами.

— Так. С этим ясно. Но не всегда же вы были «артистами»?

— Конечно, нет. Потом мы сбросили ненавистную советскую форму и стали громить посты и кишлаки уже от своего имени.

— Были серьезные бои?

— Были. Одно время нам здорово везло: разгромили несколько колонн, взорвали сто школ, взяли около шестидесяти пленных.

— После допроса их отпустили домой?

— Да вы что?! Кто же отпускает пленных?! За них деньги большие платят, как и за убитых. Расстреливали всех пленных, всегда расстреливали. Для проформы предлагали перейти на нашу сторону. Но кому они здесь нуж-

ны! Им же никогда нельзя верить, они же поголовно, как один, коммунисты и предатели ислама. Так что мы их без лишних слов убивали.

— А шурави в плен попадали? — с замиранием сердца спросил я.

— Нет, шурави в плен не сдавались. Они либо стрелялись, либо подрывали себя гранатой.

— Вы об амнистии что-нибудь слышали? О том, что вам сегодня совершенно ничего не будет, если добровольно сложите оружие?

— Знали. Больше того, находились люди, которые переходили на сторону народной власти.

— Их пример не заражал?

— Не заражал. Потому что мы тогда полностью вырезали их семьи, всех — отцов, матерей, братьев, сестер, жен, детей.

— Ты хоть понимаешь, что натворил?! — не сдержался я.— Понимаешь, что тебя, сукин сын, мало убить?! Стоп! Последнюю фразу не переводите,— обернулся я к переводчику.

— Понимаю,— резко опустил голову Кабир.— У меня было время подумать. Я не дурак. Конечно, я весь в крови, конечно, родственники убитых не простят и будут мне постоянно мстить. Они в этом правы. Но мне сейчас всего двадцать четыре года. Восемь лет я бегал с автоматом и не знал, что происходит в стране. Я очень рассчитываю на двадцатку. Отсюда выйду в сорок четыре. Еще не старик,— слабо улыбнулся он.— Еще можно начать жизнь заново...

X

Два дня я находился под впечатлением поездки в «Пули-Чархи». А когда перелистал блокнот, вспомнил посещение госпиталя, детского дома, встречи с главарями банд, стало настолько не по себе, что я решил немедленно встретиться с Рашидом и спросить: «Когда же конец? Когда перестанет литься кровь? Когда многострадальный Афганистан залечит кровоточащие раны и станет мирной, процветающей страной?» Я понимал глобальность этих насущных вопросов, понимал, что ответить на них трудно, но не задать не мог.

Когда мы встретились, Рашид с нескрываемым отвращением смотрел на себя в зеркало и яростно тер редкую щетину.

— Опять? — спросил я.

— Опять! И так будет до тех пор, пока не исчезнет последний душман, пока твои глобальные вопросы не отпадут сами собой.

Пять раскаленных дней

День первый

орка подбросил бутылку, на лету сорвал пробку и потянулся к стакану. Тяжело булькая, «Пшеничная» билась о дно, а горлышко бутылки мелко дребезжало, подпрыгивая на щербатом крае стакана.

— Вот так заваливают хорошие дела, — раздался сиплый тенор. — Вбей в свою нечесаную башку: в нашем деле нужны твердые руки и ясная голова!

Жорка ухмыльнулся, вытер плоские пальцы с татуировкой «Жора» о пиджак и взялся за стакан. Жилистая рука уверенно перехватила стакан и выплеснула водку на пол.

— Ты чего?! — взвился Жорка. — Чего лапы распустил?! Тоже мне — командир. Интеллигента корчишь, гражданин Сырцов, а на мокрое дело — слабак. Жорка свое дело знает, и нечего тут огород городить! Я убираю шофера, ты — инкассатора. И ходу!

— Каменный век, — усмехнулся Сырцов. — Наследить — это, брат, проще простого. Только по этим следам пойдут мильтоны. Да и о себе подумать надо: в случае чего, десять лет отсидки лучше вышки. Повтори задачу! — жестко потребовал Сырцов.

— Угнать грузовик, — угрюмо забубнил Жорка, — и ждать у развилки на седьмом километре бетонки.

— Все! — поднялся Сырцов. — Жду ровно в одиннадцать.

День только начинался, а жара уже под тридцать. Как и велел Сырцов, Жорка отправился к пивному ларьку у выезда из города. Напротив — больница, рядом — детский сад. Видимо, поэтому ларек и прилегающий к нему скверик стыдливо спрятали за оградой из цветного пластика. Загон плотно забит людьми. У обочины дороги — вереница машин.

Жорка стал в очередь и через полчаса получил свою

кружку разбавленного пива. Поморщился, но все же выпил. Потом вышел из скверика и закурил. В десять тридцать у ларька остановился грузовик с мебелью. Водитель было сунулся без очереди, но братья-шоферы так его шуганули, что он мигом оказался в самом хвосте... В десять тридцать пять из заляпанного бетоном бензовоза вылез пожилой дядька и пристроился последним. Жорка чуточку переждал, уверенно влез в кабину бензовоза, достал из кармана связку ключей зажигания, быстро подобрал подходящий, завел мотор и помчался за город. Без трех одиннадцать был на месте.

Из кустов вышел Сырцов.

— Молодец! — хлопнул он Жорку по плечу. — Открой капот. Водитель хватится не скоро?

— Минут через двадцать, а то и позже. Уж очень длинная очередь, — ухмыльнулся Жорка.

— Значит, так... Слушай внимательно. Как только появится серая «Волга», ты должен выскочить с боковой дороги и врезаться в правую переднюю дверцу — там сидит инкассатор. Он вооружен, так что его надо сразу вывести из строя. Шофер тоже оклемается не скоро. Я беру мешок с деньгами — и ходу через лес. Рюкзаки и лукошки я захватил, так что сойдем за грибников.

— А... а люди? — сглотнул Жорка.

— Погибнут или тяжко пострадают во время катастрофы. Так что никакого насилия! Но газуй как следует. Чем дольше будут думать, что это дорожное происшествие, тем лучше. Понял?

— Понял... А я думал, ты на это дело слабак.

— Еще не раз передумаешь! — хохотнул Сырцов и приказал: — По местам!

Из-за поворота показалась серая «Волга». Скорость — около ста. За рулем молодцеватый шофер, рядом — подремывающий немолодой инкассатор. Из приемника льется музыка, шофер подпевает, поглядывая на фотографию хорошенькой девушки, прикрепленную к стеклу. И вдруг на дороге показался человек с лукошком. Шофер резко нажал на педаль тормоза. Инкассатор проснулся и чуть не ударился о стекло.

— Эй ты, грибник хренов! — кричали они на топчущегося посреди дороги человека. — Тебе что, жить надоело? А ну мотай отсюда!

Сырцов виновато разводил руками, суетился, метался, отвлекая на себя внимание. Шофер приоткрыл дверцу и хотел было вылезти. В этот момент Сырцов уронил лукош-

ко — это был сигнал, — и Жорка на предельной скорости выскочил с боковой дороги. Удар был страшен! «Волгу» подбросило, перевернуло, снова стукнуло!

— Тормози-и! — крикнул Сырцов.

Жорка выскочил с монтировкой в руках и кинулся к легковушке.

— Лихо сработал, профессионально! — похвалил Сырцов. — Поддень-ка дверцу, заклинило.

Инкассатор был мертв. Сырцов схватил мешки с деньгами, отнес в кусты, кликнул Жорку. Потом вдруг остановился, хлопнул себя по лбу и быстро вернулся к машине.

— Как шофер?

— Дышит, — прохрипел Жорка.

— Садись в бензовоз. Ну! — взвизгнул он, заметив Жоркино замешательство. — Гони в лес прямо по просеке. Километра через полтора сверни в кусты и жди меня.

— А ты... не того? — подозрительно зыркнул Жорка, помахивая монтировкой. — Не слиняешь?

— Я же говорил, что ты дуб, — презрительно сплюнул сквозь зубы Сырцов, одновременно обыскивая инкассатора.

— Но-но, ты не очень-то! — повысил голос Жорка, как шашкой, смахнув монтировкой молоденькую березку. — А то...

— А то что? — обернулся Сырцов, нарочито медленно перекладывая в свой карман пистолет, вытащенный из кобуры инкассатора.

Жорка разом сник, вобрал голову в плечи и побрел к бензовозу.

— Ну, я того... я поехал, — выдавил он, стараясь не подставлять спину.

— Валяй-валяй! — отмахнулся от него Сырцов. — Жди за тем поворотом, там кусты погуще.

Переваливаясь на ухабах, бензовоз двинулся по просеке. А Сырцов еще раз обыскал машину, приоткрыл остекленевший глаз инкассатора, подумал, прислушался к редкому дыханию шофера, достал пистолет и резко ударил его в висок. Тот сразу обмяк и безжизненно привалился к инкассатору, задев рукой фотографию девушки.

Сырцов отошел на пару шагов, деловито осмотрел покореженную «Волгу» и, прихватив мешки с деньгами, побежал по просеке.

— Теперь так, — сказал он, когда подошел к сидевшему в кабине бензовоза Жорке. — Облей машину бензином и подожги.

Жорка схватил ведро, зачерпнул из цистерны, облил

кабину, капот, колеса... Потом достал зажигалку, нажал на рычажок — вылетел огонек, и... вспыхнули Жоркины пальцы.

— Тьфу, черт, все руки в бензине! — ругнулся он и выронил зажигалку.

Огонь лизнул колеса, перекинулся на кабину и потянулся к горловине цистерны... Не меньше километра пробежали Жорка и Сырцов, прежде чем грохнул взрыв и пять тонн бензина выплеснулись на лес.

— Порядо-ок! — удовлетворенно пропел Сырцов и как-то странно оживился. — Все концы в огне! А это понадежнее, чем в воде. Теперь нам не страшен сам Шерлок Холмс. Заживем, Жорка, сладко заживем! Только не здесь, — назидательно поднял он палец. — Знаешь, на чем горели профессора нашего дела? Терпения не хватало: держали при себе все деньги и начинали их транжирить. Мы сделаем иначе: оставим по тысчонке, а остальные спрячем. Положим в сейф, несгораемый и непробиваемый даже из трехдюймовки. Не тушуйся, есть тут один такой, я его давно на примете держу... А когда шум стихнет, сходим по грибы. Ладно, на этом треп заканчиваем! Давай-ка, парень, ноги в руки, а то тут паленым пахнет.

Из сверкающего лаком новенького «мерседеса» вывалился толстый, рыхлый, но чрезвычайно модно одетый человек. Он раздраженно хлопнул дверцей машины, небрежно кивнул услужливому старичку, распахнувшему дверь подъезда, и неожиданно легко взбежал на второй этаж.

В роскошной приемной — кокетливая секретарша. Она зазывно улыбнулась, но тут же осеклась — шеф так на нее зыркнул, что секретарша сжалась в комок. А он рванул на себя обитую красной кожей дверь с надписью «Директор Озерецкого торфопредприятия Ножкин А. Л.» и, как разгневанный слон, ввалился в свой кабинет.

Ананий Лукич с размаху швырнул в угол папку, рывком нацепил на олений рог похожую на сомбреро соломенную шляпу и рухнул в специально изготовленное для семипудовой фигуры кресло. Его унизанные перстнями сарделькообразные пальцы привычно поглаживали русалок и нимф, вырезанных в подлокотниках, а губы кривились гримасой проклятий и ругательств. Потом он нажал на вмонтированную в стол кнопку — и за спиной распахнулись дверцы сказочного бара. Ананий Лукич окинул взглядом

батарею бутылок, плеснул «Наполеона», залпом осушил целый фужер и расслабленно оплыл в кресле.

— Сволочи! Недоноски! Шлюхи! — продолжал он цедить сквозь зубы. — План им подавай! Показатели треста горят! А хрен с ним, с вашим трестом! Я-то без вас проживу, а вот вы, голубчики, без меня — нуль. Что там нуль?! Два нуля! Вы же на одном окладе по миру пойдете! А я хоть и дойная корова, но не рекордистка. План... Что я вам, рожу этот чертов план?! Это же торф — понимать надо, его детской лопаткой не наскребешь. Экскаваторы нужны, бульдозеры, самосвалы... А где я их возьму?! Половина всей техники в ремонте! Сам, мол, виноват, не надо было отдавать трактора кооператорам. Во народ, а?! Язык как помело! Ведь кооператив рассчитался по-купечески: и мы, грешные, не в накладе, и в трест кое-что ушло. Так нет же, — хрястнул он кулаком по столу, — нашлась какая-то сука и стукнула куда надо. Хорошо, что поручили разобраться управляющему трестом, а то бы-ы...

Ножкин вскочил, побегал по кабинету, приоткрыл окно, покрутил носом.

— Гм-м, вроде что-то горит. Зинуля! — крикнул он. — Вплыви!

Приоткрылась дверь, и в кабинет действительно не вошла, а вплыла секретарша, одетая в сверхмини-сарафанчик. Ножкин расцвел!

— Ну, ты даешь! Прямо хоть запирай дверь и опускай шторы.

— Шторы? — невинно улыбнулась Зина. — А чем вам мешают шторы? Мы же на втором этаже.

— Вот это ответ! — похлопал он девушку по туго обтянутому заду. — Молодец, Зинуля! Всегда ставь мужика в такое положение, что ему надо либо немедленно переходить к действиям, либо делать вид, что ничего не понял. Увы, чаще с нашим братом бывает второе...

— Я бы не сказала, — цинично усмехнулась секретарша. — По-моему, вы, Ананий Лукич, вообще не знаете о существовании второго варианта, — закончила Зина и шагнула к Ножкину.

— Зи-на! — выставил он веснушчатые руки. — Не здесь и не сейчас! Чего я тебя звал-то?

— Может, соскучились? — игриво спросила Зина.

— Это — само собой, — подыграл ей Ножкин. — Но что-то еще. Ах да! Что это за запах? У нас горит или где?

— У нас, как всегда, все в ажуре! А дым нанесло с торфяников. Они же понемногу тлеют.

— Тлеют-то тлеют... В жару всегда так. Но это другой дым, не торфяной.

— Не знаю,— пожала плечиком Зина. — По мне — дым как дым.

— Ладно, черт с ним, с дымом, — махнул рукой Ножкин. — Ты вот что, найди-ка телефонограмму, запрещающую выпускать трактора без искрогасителей.

— Это я мигом. Что еще?

— Пока все. Только быстро! — жестко закончил Ножкин и упал в кресло.

Он довольно долго мучительно морщил свой узенький лобик и время от времени приговаривал:

— Думай, Ананий, думай...

Левая рука по-прежнему любовно поглаживала интимные места русалок, а правая решительно выдвинула ящик стола. На свет появилась сверкающая никелем небольшая счетная машинка.

— Та-ак... Чтобы выполнить план, нужно заготовить пятьдесят караванов[1] торфа. В каждой такой горе шесть тысяч тонн — итого,— пальцы пробежали по кнопкам,— триста тысяч тонн сухого торфа. Столько мы отродясь не добывали, хотя по отчету за прошлый год,— он нажал на другую кнопку, — заготовлено триста двадцать тысяч.

Ножкин опять обернулся к бару, выхватил банку голландского пива и залпом осушил. Лицо сразу размякло, в глазах появилась хитринка и какая-то непробиваемая самоуверенность.

— Управляющий трестом свой мужик, он поймет. Так что придется действовать проверенным методом. Зинуля?— поднял он голову на стук. — Войди. Давай-давай эту бумаженцию. Все, свободна, — погладил он ее руку.

Ножкин заглянул в телефонограмму, сразу повеселел и резко крутанулся в кресле.

— Пор-рядочек! Бумага отправлена пятнадцатого июля, а сегодня двадцатое. Значит? Значит, так. Для плана нужно пятьдесят караванов, а у меня всего тридцать. Поля тлеют? Тлеют. Караваны загореться могут? Могут. Значит, так и пишем: десять караванов погибло в огне стихии. А еще десять плюс мои тридцать я всегда предъявлю. Где возьму десять? Ба-альшой секрет! Хотя почему секрет? Гениальные идеи должны быть достоянием масс. С моей техникой и моими людьми триста тысяч тонн заготовить просто невозможно — это и ежу ясно. Но товарищ Ножкин, как че-

---

[1] Караван — хранилище сухого торфа.

ловек инициативный и истинный прораб перестройки, изыскал резервы и... заключил договор на заготовку торфа с председателем соседнего колхоза. Ай да я! Ай да молодец! Вязьмину выгодно? Выгодно: хлеб убран и техника стоит без дела. Деньги ему нужны? Еще как нужны. А как же, социальные нужды трудящихся — первая забота руководителя. Об искрогасителях, само собой, ни гугу, а то будет валандаться целую неделю. Теперь надо обеспечить тылы: договор заключим задним числом, скажем, десятым июля. Так что в случае чего я ни при чем: трактора не мои, а бегать с телефонограммой в дыму и чаде, чтобы вернуть трактора в мастерские, нет никакой возможности. Вот такто! Как я их, а?! Зинуля, — нажал он на кнопку, — соедини меня с Вязьминым. А потом зайди. Дело к полудню, жара. Надо бы... опустить шторы, — плотоядно ухмыльнулся он.

Начальник управления лесного хозяйства области Василий Николаевич Козлов застрял в поселке Озерецком. Проснулся поздно, да еще с дикой жаждой. Вышел в сени— в ведре ни капли воды. Не надевая ботинок, босиком, с непривычки поджимая пальцы, побрел к колодцу. У сруба стоял крепкий загорелый парень, покрытый синими мурашками.

— Д-давайте еще! — стуча зубами, попросил он.

Пышноусый директор леспромхоза поднял ведро и с размаху окатил парня.

— У-ух! Бр-рр! — повизгивал от удовольствия крепыш.

— Простудишься, — улыбнулся Козлов.

— Н-ничего! Зато как огурчик!

Козлов потоптался, попыхтел и решительно снял рубашку.

— Давай, Мироныч, топи начальство! А ты, Тушин, — обернулся он к парню, — сообрази завтрак.

— Не-е, — отмахнулся Мироныч. — Топить такого большого начальника я не могу. Все-таки на тебе все лесное хозяйство области.

— Топи, тебе говорят! — шутливо топнул ногой Козлов. — Не то сниму с директорства! Лишу леспромхоза — по миру пойдешь.

— А-а, была не была! Получай, товарищ Козлов, по заслугам! — отчаянно крикнул Мироныч и окатил начальника ледяной водой.

Василий Николаевич охал, фыркал, а Тушин не мог отвести глаз от его широкой, уже оплывшей спины. Она была

в рубцах и шрамах, а красноватая кожа казалась спекшейся.

— Горел я, — пояснил Козлов, заметив взгляд Тушина. — Пять раз горел. Последний танк сменил у самого рейхстага. Там и расстались с Петром Миронычем...

— Ненадолго же, — бросил директор.

— Надолго нам нельзя, старший сержант Черных! Из всей роты только мы и уцелели. А ведь было нам всего по двадцать лет.

— Значит, вы вместе воевали? — уточнил Тушин.

— Всю войну в одном экипаже, — разглаживая усы, ответил Мироныч. — А потом я съездил на Енисей, собрал манатки — и сюда, поближе к командиру.

— Вот это да! Вот так сразу уехать из дома... У вас же, наверное, была семья, родители... Все бросить и махнуть к другу — я бы так не смог, — восхищенно сказал Тушин.

Черных как-то сразу сник, болезненно поморщился и тусклым голосом заметил:

— Некого было бросать... Отец и два брата погибли под Москвой. Слышал, наверное, кто гнал немца от столицы — сибирские полки. А мать...

Черных скомкал лицо, коротко всхлипнул и отвернулся. Потом взял себя в руки и закончил:

— Мужиков-то не было, а плоты гнать нужно — вот и пошла она в плотогоны. У Казачинского порога... то ли оступилась, то ли... В общем, взял ее к себе Енисей-батюшка. Так что вернулся я с войны к похоронкам да кресту на погосте.

Козлов молча обнял друга, усадил на бревно, достал пачку «Беломора», сосредоточенно размял три папиросы, выудил из кармана клочок газеты, соорудил длиннющую самокрутку и отдал ее Миронычу.

Словно чуя, что хозяину не по себе, из-за дома прибежала крупная и, похоже, очень смышленая сибирская лайка. Она положила морду на колени хозяина и преданно заглянула в глаза. Черных гладил ее умную морду и старательно выдыхал махорочный дым в сторону, хорошо зная, что собаки не любят дыма.

— Пира-а-тка, — ласково протянул он. — Дружище.

Выждав паузу, Козлов похлопал друга по колену и лукаво бросил:

— Ты ведь рассказал не всю правду.

— Как это? — поднял голову Черных. — Все так и было...

— Э-э нет, Петр Мироныч, так — да не так! Дело прошлое, но ведь в наш Знаменск ты ехал не ради меня, вернее, не только ради меня.

И тут Черных так смутился, так покраснел, что даже Тушину стало неловко.

— Ты молодой кадр, хоть и начальник технологического отдела леспромхоза, а наверняка впервые слышишь, что твой директор — лучший в полку механик-водитель, кавалер трех орденов Славы, — обратился Козлов к Тушину.

— Да ну-у! — искренне удивился Тушин.

— Вот тебе и «да ну»! Но это еще не все. Главное его достоинство не в этом. Чтоб ты знал, этот усатый знаток карбюраторов и фрикционов — известный всей дивизии сердцеед!

— Да будет тебе, — отмахнулся Черных.

— А-а, заело! Совесть гложет, да? Знает кошка, чье мясо съела! — продолжал подначивать Козлов. — Короче говоря, положили мы с ним глаз на одну и ту же девушку. Связисточка у нас была, — мечтательно поднял он глаза. — Дина Дурбин, а не хозяйка телефонной трубки — вот что это была за девушка! К тому же моя землячка. Сам понимаешь, я считал, что, раз мы из одного города, мои шансы предпочтительнее. Наверное, поэтому после демобилизации особой активности я не проявлял, хотя время от времени мы встречались. И вдруг налетает этот сибирский коршун с кошачьими усами, выхватывает добычу из-под носа да еще... Нет, Петька, нахал ты, конечно, невиданный, — обернулся он к блаженно щурящемуся другу. — Да еще приглашает шафером, или, как теперь говорят, свидетелем на свадьбу: я, мол, тут никого не знаю, а с тобой три года мерз и потел в одном железном сундуке... Вот так, фланговой атакой, старший сержант победил старшего лейтенанта. Эге, — взглянул Козлов на часы, — время-то идет. Что там с завтраком?

— Порядок. Давно на столе, — восхищенно глядя на Мироныча и Козлова, ответил Тушин.

Когда вошли в дом и сели за стол, Тушин обратил внимание на большую фотографию в красном углу комнаты: пышноусый бравый богатырь и большеглазая улыбчивая девушка в свадебной фате. Он невольно засмотрелся на фотографию и даже подошел поближе. Вдруг за спиной раздался резкий голос хозяина:

— Сядь, парень! Сядь и не мельтеши!

Тушин вспыхнул, хотел сказать что-нибудь резкое, но, обернувшись, наткнулся на полные слез глаза Мироныча.

— Да, Петруха, — грустно вздохнул Козлов. — Значит, такая судьба. Выпало тебе, конечно, не дай бог... Умерла Наташа, — обернулся он к Тушину. — Во время родов. Нужен был пенициллин. А где его взять?.. Мотались по всем аптекам, я даже собрался в Москву. Но Наталья не дождалась...

— А-а? — сглотнул воздух Тушин.

— И девочка вместе с ней... Я тоже бобыль, — после паузы продолжал Козлов. И была в этой паузе и этих словах какая-то недосказанность, какая-то тайна, о которую споткнулся Тушин и которую боялся трогать. — Короче говоря, с той поры мы — не разлей водой! — деланно-бодро закончил Козлов.

— Ладно, — решительно тряхнул головой Черных, — давайте к делу. Лето жаркое, торфяники опять тлеют, а Ножкин не чешется. Каждый год одно и то же! Торф-то в караванах как порох. Пока не поздно, их надо вывезти. А то, не ровен час, сильный ветер, да еще в нашу сторону, — так и до беды недалеко. Представляешь, лесной пожар в такую сушь?!

— Да уж, радости мало. На Ножкина я попробую нажать через управляющего трестом. А пока суд да дело, давай отрежем лес от торфяников. Взрывников я пришлю, но ты им скажи, чтобы тол не жалели: если канавы будут мелкие, огонь все равно пробьется. Каждый метр траншеи принимай сам или поручи Тушину. Надо обязательно добраться до глины или песка. Ты на пожарах бывал? — обратился он к Тушину.

— Лесной даже тушил. Практика у нас была, на Тунгуске.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Козлов. — Но с торфом сложнее. Здесь, кстати, и леса, и деревни стоят на торфе. Можно идти по торфянику и не знать, что под тобой жар, как в доменной печи. Если толщина пласта, скажем, полметра — все просто: он постепенно выгорит, и останется одна зола. А если пласт метров пять-шесть, тогда беда. В воронке накапливается раскаленная масса, а потом она вырывается огненным смерчем... Не нравится мне это лето, ох, не нравится!

Старики продолжали обсуждать дела, а Тушин залюбовался Пиратом. Вот только вел он себя странно: скулил, скребся в дверь, судорожно зевал, а то вдруг начинал дрожать. Тушин встал, чтобы выпустить собаку, но Пират забился в угол и ни с того ни с сего со всхлипом завыл.

— Что это с ним? — удивился Тушин.

Он обернулся к старикам и не узнал их лиц: оба смотрели на собаку и бледнели.

— Что с вами? Что случилось? — встревоженно спросил Тушин.

— Пока ничего, — облизнул пересохшие губы Козлов. — Но сейчас случится...

Где-то высоко раздался гул. По вершинам деревьев пробежал ветерок. Потом он стал плотнее, тяжелее...

Черных захлопнул ставни, на крюк запер дверь. Гул перешел в рев. Качнулся лес. Вздрогнули сосны. Затрепетали березы. Зашумели дубы... Пронзительно-синим стало небо, багрово-красным — солнце. Несколько секунд свинцовой тишины — и разразился ураган! Он с корнем выворачивал деревья, выплескивал из озер воду, срывал крыши домов, переворачивал автомобили, обрушивал мачты электропередач.

Закончился ураган так же неожиданно, как и начался. Когда Тушин, Черных и Козлов выбрались из полуразрушенного дома, по ноздрям шибанул запах дыма.

— Что это? Откуда? — спросил Тушин.

— Горим, — односложно бросил Черных. — В контору? — обернулся он к Козлову.

— Да. И быстрее! Конечно, если она уцелела.

— Здание вообще-то кирпичное, — на ходу заметил Черных. — Ты смотри, стоит! Без крыши, но стоит! — обрадовался он, заметив осанистый одноэтажный дом из красного кирпича.

— Нужна связь! Немедленно! А-а, черт, провода оборваны, столбы — на земле. Что же делать? Я должен знать, что творится в других леспромхозах.

— Может, по рации?

— А она в порядке?

— Сейчас проверим. А вот, кстати, и радист, — протянул он руку бегущему в контору растрепанному человеку. — Ты чего хромаешь? Зашибся?

— Крышкой придавило. Я как раз в погребе был... Вылез — ни дома, ни сарая. И корова куда-то пропала. Неужели унесло?

— Скажешь тоже. Бродит где-нибудь. Рация нужна, Серегин. Позарез нужна рация! Как она у тебя, на ходу?

— А чего ей сделается? Она у меня в сейфе. А сейф— пудов на двадцать, старинный.

Через несколько минут на столе попискивала портативная рация.

— Кого вызывать? — деловито спросил Серегин.

— Сначала — все наши кордоны. А потом — другие леспромхозы.

Вскоре стол был завален радиограммами. Ежеминутно Серегин приносил новые. Черных развернул карту угодий леспромхоза и красным карандашом отмечал очаги пожара. Вскоре карта была как бы обсыпана шрапнелью.

— Видишь какая картина, — доложил он Козлову. — Очаги в пятнадцати северных кварталах. Все граничат с торфяниками. Так что огонь пришел оттуда.

— Оттуда-то оттуда, но тлеющий торф не мог запалить сразу пятнадцать кварталов. Нет, тут что-то не то... Смотри сюда. Самый сильный очаг у бетонки, всего в семи километрах от города. Откуда он взялся? До торфяников отсюда — будь здоров!

— Зато совсем рядом семенной сосняк! Мать твою так! Мы же двадцать лет создавали этот питомник!

— Что сосняк?! На окраине города — химкомбинат! Ты представляешь, что будет, если туда залетит хотя бы одна головешка?! От восьмисоттысячного Знаменска ничего не останется... Что думаешь делать, танкист?

— Тушить бесполезно. Для этого у меня нет ни техники, ни людей. Отступлю южнее и буду бить просеку, чтобы огонь напоролся на пустоту.

— Правильно. Все силы — на просеку!

— Не забудь прислать взрывников.

— Пришлю. И еще: подключу ребят из авиаохраны. В нашей области ни самолетов, ни парашютно-десантных команд пока что нет, но в соседней парашютно-десантная служба создана. Думаю, не откажут.

— Конечно, не откажут. Лес — он ведь один и областных границ не признает. Тем более огонь...

— А я этих ребят видел в деле, — заметил Тушин. — Как раз на Тунгуске. Здорово работают!

— Вот и хорошо. А теперь так, — озабоченно продолжал Козлов, — вертолет я уже вызвал: посмотрю на пожар сверху. Пока не поднялись самолеты авиаохраны, попробую определить, куда и как движется огонь. А потом — в город. Думаю, придется создавать областной штаб по ликвидации пожара. Своими силами нам не справиться, это ясно. А тебе, Тушин, будет особое задание. Серегин,— позвал он радиста,— по инструкции у тебя должна быть запасная рация. Так?

— Так, — неохотно откликнулся радист.

— Выдай ее Тушину.

— Еще чего! А вдруг моя выйдет из строя?

— Не выйдет, — жестко сказал Козлов. — Выдай рацию Тушину, он летит со мной. А задание тебе будет такое, — обернулся он к Тушину, — выяснить причину загорания у бетонки. Я тебя высажу у дороги, и ты там как следует пошуруй. Обо всем, что обнаружишь, докладывать немедленно! Ясно?

— Так точно, — по-военному ответил Тушин.

Козлов поднял голову и прислушался.

— Вертолет?

— Не слышу.

— А я слышу! Пошли, это за нами.

И действительно, откуда-то из-за дымного леса выскочил вертолет, сделал круг и сел на поляне. Первой из вертолета выпрыгнула высокая блондинка с клетчатым чемоданом.

— Доктор Матисон, — представилась она. — По распределению из Риги.

Козлов втянул живот. Черных молодецки распушил усы. А Тушин, как в пропасть, шагнул вперед и протянул руку.

— Андрей Тушин, начальник технологического отдела леспромхоза! — отчеканил он.

— Майга, — улыбнулась девушка, сделала книксен, смутилась и густо покраснела.

Черных оттер плечом Андрея.

— Рад. Очень рад, доктор Майга, — умеряя гулкий бас, зарокотал он. — Врачи нам вот как нужны! — провел он рукой по горлу. — А вы по какой части?

— По всем! — храбро бухнула Майга.

— Вот это по-нашему, — одобрительно крякнул Черных.

И тут в разговор вмешался Козлов.

— С ожогами дело имели? — спросил он.

— А что, уже есть пострадавшие? — посерьезнела девушка, и в ее речи появился заметный прибалтийский акцент. — Я с вертольота виделя-а... как это... большой пожар.

— Пострадавших пока нет. Но будут, обязательно будут. Так что готовьтесь.

— Но у меня ничего нет, — растерянно развела она руками. — Ни инструмента, ни лекарств.

— У нас тоже мало что найдется, — вздохнул Черных. — Не ждали пожара-то.

— Тогда сделаем так, — деловито решил Козлов. — Летим в город, снабжаем вас всем необходимым и снова забрасываем сюда. Годится?

— Годится, — тряхнула янтарной копной волос Майга и поднялась в вертолет.

Ни самолетов, ни вертолетов Козлов не переносил: его так сильно укачивало, что после каждого полета он дня два приходил в себя. Вот и сейчас, едва вертолет оторвался от земли, его начало тошнить, да так сильно, что судорогой сводило живот. Василий Николаевич стыдливо отворачивался, с омерзением подставлял полиэтиленовый пакет и трясся в приступе тошноты. Но больше всего он страдал от того, что свидетелем его слабости была женщина.

Когда чуток отпустило, Козлов подозвал Тушина.

— Сядь рядом. Возьми карту и отмечай очаги пожара. Если я отключусь, не обращай внимания.

— А может... как-то можно помочь?

— Я сказал, не обращай внимания и делай свое дело! — сквозь зубы процедил Козлов, схватил пакет и отвернулся.

Андрей прильнул к иллюминатору. Дымились сотни гектаров торфяных полей, полыхал лес. Несильный, но устойчивый ветер гнал огонь в глубь массива. Мелькали небольшие озера, узенькие речки — для огня они не препятствие. А вот и гордость Мироныча — семенной питомник. Да, такую сосну поискать...

Как ни занят был Андрей раскрашиванием карты, время от времени бросал взгляд на сидевшую у соседнего иллюминатора Майгу. Девушка, казалось, ничего не замечала: она сладко подремывала, улыбаясь во сне. Но стоило Андрею отвернуться к иллюминатору, Майга понимающе-лукаво косилась на него. Наконец Тушин не выдержал и тронул Майгу за плечо.

— Что такое? — якобы просыпаясь, недовольно спросила она.

— Помогите, — попросил Андрей, протягивая ей уголок карты. — Стола нет, а очагов все больше...

Майга подставила колени, расправила карту, и Тушин красным карандашом начал заштриховывать очередной квартал горящего леса. Сперва он делал это осторожно, едва касаясь карты, но вертолет закладывал виражи, проваливался в ямы — и вскоре Андрей работал, плотно прижав карту к коленям Майги. Через некоторое время Тушин заметил, что руки стали вычерчивать какие-то кривые линии, в ушах появился звон, а сердце бухало так гулко, что, казалось, вот-вот раздробит ребра.

Майга все это видела и сама еле сдерживалась, борясь с желанием погладить рыжеватую шевелюру. И тут вер-

толет так резко провалился вниз, что Майга рухнула на Андрея, а он, чтобы не упасть, крепко обхватил ее ноги.

— Все, прилетели, — подал голос Козлов.

— К-как, уже? — после паузы выдавил Тушин.

— Так быстро? — недовольно бросила Майга.

— На выход, Тушин. На выход! — вернул Андрея к жизни резкий голос Козлова.

Андрей кое-как поднялся и двинулся к выходу... Потом рванулся назад.

— До свидания! — крикнул он и тронул Майгу за руку.

— Что? — не расслышала она.

— До сви-да-ни-я! — наклонился к ее уху Тушин и зажмурился. Андрей чувствовал: еще мгновение — и он не сдержится и зароется в гриву ее волос.

— Да-да, — улыбнулась Майга. — Непременно. До свидания!

Вертолет снова взмыл в небо, а Тушин, взвалив за спину рюкзак, двинулся в сторону бетонки.

Жорка не на шутку струхнул.

— Ни фига себе запалили! — хрустя пальцами, повторял он. — Ни фига себе...

Ураган застал их в «сейфе» — старом, заросшем по макушку доте. Снаружи казалось, что это небольшой холмик, увенчанный муравейником, но внутри дот хорошо сохранился — время бетон не тронуло.

— Не канючь! — оборвал Жорку Сырцов. — Такая удача и не снилась: взять полтора миллиона и не оставить никаких следов. Думай лучше, как отсюда выбраться.

— Как-как? Дать крюка и выйти на дорогу.

— Ну да, чтобы тут же попасть в руки ментов! Думаешь, они не хватились серой «Волги»? Нет, на дорогу нельзя. Да и не пробиться: видишь, как полыхает. Надо топать вперед, только вперед. Там огня нету. В Озерецком не бывал? Я тоже. Ничего, сориентируемся. Говорят, большой поселок, оттуда ходят автобусы в город. Когда шум стихнет, сходим по грибы и заберем из «сейфа» всю добычу. А пока — по тысчонке. Договорились?

— Давно договорились! — огрызнулся Жорка. — Давай быстрее сматываться, а то пятки спалим.

Шагалось легко. Высоченные желтоствольные сосны, росшие правильными рядами, не задерживали солнца, но и жары не чувствовалось. Пахло хвоей, медом и... дымом. Все

чаще стали попадаться завалы: здесь росли деревья помоложе, которые не могли противостоять урагану.

Вдруг Сырцов прижался к сосне и крикнул:

— Ложись!

Жорка замер посреди лужайки.

— Ложись! — рявкнул Сырцов и выхватил пистолет.

Жорка шлепнулся на живот и, раздирая кожу хвоей, пополз в сторону.

— Не двигайся, падла! Замри! — остервенело орал Сырцов.

Послышался рев мотора, и прямо над Жоркой пронесся вертолет.

«Все, хана! — обреченно решил он.— Сейчас сядут».

Скосил глаза на Сырцова. Тот стоял, прижавшись к сосне, и проверял обойму пистолета.

«Отстреливаться будет, — подумал Жорка. — Ну, уложит пару сыскарей. А что потом? Все равно возьмут. Доказывай потом, что ты не верблюд и что стрелял один Сырцов. Вышка обеспечена обоим...»

Вертолет сделал круг и скрылся в дымном небе.

— Уф-ф, пронесло, — расслабленно улыбнулся Сырцов и почти ласково добавил: — Не будешь слушаться, пришью. Понял? Ты же дуб, карманник. У тебя вместо мозгов кошачье дерьмо. Сам пропадешь и меня погубишь. Так что не рыпайся. Делай, что велю. Понял?

Жорка прикрыл рукой мгновенно пожелтевшие глаза и хмуро кивнул. Он сам не понимал, как сдержался и не бросился на Сырцова: Жорка совершенно не переносил угроз. Уж сколько за это били дружки, не помогало. Стоило услышать угрозу, Жорка наливался злобой и кидался в драку. «Ничего, — решил он про себя, — придет время — и этот фрайер за все заплатит».

— Пойдешь впереди, — скривил рот Сырцов, словно разгадав Жоркины мысли. — А то потеряешься или еще чего надумаешь.

День второй

Пять колхозных тракторов отрезало огнем. Они долго ползали по полю, натыкаясь на горящие караваны, пятились назад, съезжали в канавы, наполненные раскаленным торфом. А там, где проходил трактор, тут же возникал новый очаг пожара: у выхлопных труб не было искрогасителей.

Трактористы совсем отчаялись. Сбились в круг. Остановились. Все на одно лицо: обожженные, чумазые, со слезящимися от едкого дыма глазами.

— Так дело не пойдет, — рассудительно сказал один.— Мечемся, мечемся, а горючего все меньше.

— А как пойдет? Как?! — сорвался на крик другой. — Тебе что, два дня до пенсии! А я, может, жениться собрался!

— Цены не будет такому мужу, — хмыкнул третий. — Огни, можно сказать, прошел. Остался пустяк — воды да медные трубы.

— Что ты хихикаешь?! Сгорим ведь! Или задохнемся...

Парень нервно провел по лицу — и остолбенел: брови и ресницы остались на руке.

— Да не расстраивайся, Леха! До свадьбы брови отрастут. Ты, главное, женилку береги — тут уж, если подпалишь, все пропало.

— Ты смотри, а дымок-то уже идет, — деланно-безразлично заметил кто-то.

Леха непроизвольно схватился за ширинку — и трактористы грохнули таким смехом, будто разговор происходил на берегу речки и рядом стоял бидон холодного пива.

— Вот так-то лучше, — прикуривая от раскаленного капота, заметил самый рассудительный. — Главное, ребята, без паники. А то помрем раньше времени. Выход у нас один: надо пробиваться. Вот только в какую сторону?

— Я думаю, на север. Оттуда ветер, — предложил тот, кто подначивал Леху. — Хоть там и самый сильный огонь, за ним — чистая земля, торф-то уже выгорел.

Помолчали. Подумали. Сели в кабины и двинулись на север.

Переночевал Тушин под старой елью. А на рассвете развернул рацию.

— «Клен», «Клен», я — «Кедр». Как слышишь? Прием...

— Я — «Клен», — тут же отозвался Серегин. — Слышу хорошо. Погоди, «Кедр», тут начальник трубку рвет!

— Тушин, где ты? Тушин! — раздался голос Мироныча.

— Недалеко от бетонки.

— Как питомник?

— Горит. Сильно горит. Боюсь, как бы огонь не перекинулся через дорогу.

— Ты там не бойся, — подбодрил Черных. — С твоей фамилией бояться нельзя. Козлов сообщил, что уже создан штаб по ликвидации пожара. Из города выехало несколько пожарных машин и много добровольцев. Иди им навстречу, присоединяйся и руководи. А то ведь они с лесными пожарами дела не имели, растеряются...

— Есть, руководить! — отчеканил Тушин.

— Ну вот, другой разговор. А то — боюсь.

Андрей выбрался на дорогу и пошел в сторону города. На повороте наткнулся на милицейскую машину. Четверо в форме топтались около покореженной «Волги», что-то обмеряли, фотографировали...

— Здрасьте! — остановился Тушин.

— Проходите, проходите, — отмахнулись от него. — Не мешайте.

— А мне спешить некуда! — разозлился Андрей. — Мне пожар тушить! Пожарных тут не видели?

— Видели. Они ближе к городу, напротив химкомбината. Капитан Савинов, инспектор угрозыска, — представился один из милиционеров — высокий жилистый парень со шрамом на лбу. Он внимательно посмотрел на Андрея и, как бы извиняясь, спросил: — Документ какой-нибудь есть?

— Есть. Понимаю, служба.

Савинов взглянул на удостоверение Тушина, вернул и снова спросил:

— В лесу никого не встречали?

— Там же огонь, — пожал плечами Тушин. — А меня еще вчера выбросили на вертолете, — упредил он вопрос Савинова.

— А каких-нибудь тракторов, машин с вертолета не видели?

— Нет. На многие километры — огонь и дым. Если что и окажется в этом аду, тут же превратится в пепел.

— Понял, — почесал переносицу капитан. — Ладно, счастливо, — протянул он руку. — Удачи!

— И вам... А что здесь случилось-то? — не удержался от вопроса Андрей.

— Разбойное нападение. И убийство.

— Ого! А я думал, дорожное происшествие.

— Все, Тушин, иди туши... А мы тут повозимся.

Андрей кивнул и быстро пошел в сторону города.

А капитан снова и снова осматривал покореженные дверцы, превращенный в гармошку капот, чудом уцелевшее заднее стекло.

— Не то, — бросил он молоденькому лейтенанту. — Не

там ищешь. На колесах следов не останется. Ты, Крохин, вылижи дверцы: может, найдешь кусочек краски, бетона или чего другого — для нас это ниточка.

Потом он подошел к врачу, который помогал перекладывать трупы в подъехавший «рафик».

— Ну, Сан Саныч, что скажешь?

— Пока только одно, — поправив неправдоподобно массивные очки, ответил пожилой доктор, — инкассатор умер сразу: грудная клетка у него — сплошное месиво. А вот шофер был жив... некоторое время. Он умер от удара тупым предметом в левую височную часть головы.

— Та-а-ак, — задумался Савинов. — Грузовик врезался в «Волгу» справа, а шофер погиб от удара в левый висок. Что-то тут не так, а? — оживился капитан. — Сан Саныч, — а ведь это не дорожно-транспортное происшествие, и мешок с деньгами водитель грузовика прихватил не как случайную находку! Как ты считаешь? — спросил он.

Сан Саныч нахмурился, водрузил на место постоянно сползающие очки и недовольно бросил:

— Опять за свое! Сколько можно на мне проверять детские версии?! Я, между прочим, тридцать лет только и делаю, что определяю, от чего погиб человек.

— А спасти хоть одного довелось? — подал голос Крохин.

— Нет, не довелось! Но это, молодой человек, не ваша забота. Врач в угрозыске — такая же необходимая профессия, как и...

В этот момент из кустов вынырнул сержант с взъерошенной, уныло плетущейся овчаркой. Капитан нетерпеливо шагнул навстречу.

— Ну что? Говори быстрее! Хотя и так видно: Раскат достаточно красноречив.

Собака виновато тыкалась мордой в сапог хозяина, а он, страдая и за нее и за себя, доложил:

— След он взял. Вон по той просеке не просто шел, а бежал человек в кроссовках сорок третьего размера. На этой же просеке — четкие следы протектора шин, явно ЗИЛа. Мы прошли около километра. Дальше не пробиться — сплошная стена огня.

— Молодец, Гордеев! Молодец! И Раскат молодчина, — снова оживился Савинов. — Значит, кто-то вел машину, а кто-то за ней бежал. Почему бежал, а не ехал? От него пытались удрать? Он преследовал? Сколько человек было в кабине? По этому поводу Раскат ничего не сказал? А жаль, очень жаль!

Савинов снова подошел к «Волге», а Сан Саныч ворчливо обратился к Гордееву:

— Не нравится мне его веселость, ох не нравится! Десять лет работаю с капитаном, в каких только переделках не бывал, всяким его знаю, а вот когда он оживлен и весел, ей-богу, хочется нарушить указ и плеснуть ему мензурку спирта.

— Не понял, — вычесывая репейники из шерсти собаки, откликнулся Гордеев. — Что же тут плохого, если человек веселый?

— Если он веселый, когда весело всем, — это прекрасно. А вот если он, извините, лыбится, когда у других кошки на душе скребут, если рядом, вот как сейчас, два трупа, — это предмет особой заинтересованности моих коллег психоаналитиков.

— Что-о-о?! — гневно выпрямился сержант. — Капитан — псих?! Да я за него! Я с ним три раза ходил на задержание! Вот с этими пукалками, — похлопал он по кобуре, — против двух автоматов. Шрам-то у него на лбу до сих пор не зажил. А вы?!

Тут и Раскат поддержал хозяина, так гавкнув на Сан Саныча, что тот даже уронил очки.

— Ничего себе, дружная парочка, — понимающе улыбнулся он, шаря по земле. — Правильно, так и должно быть. Да пропадите вы пропадом! — разозлился он, не находя очков, и начал топтать каблуками землю.

Брызнули стекла, разлетелась оправа, а Сан Саныч, удовлетворенно улыбаясь, достал из кармана старенькие, в металлической оправе очочки, привычно водрузил их на нос и победно сказал:

— Ну вот, другое дело! А то, понимаешь, совсем извелся.

— Да-а, лихо вы их, — улыбнулся Гордеев, а Раскат виновато вильнул хвостом.

— Жена, понимаешь, за границей побывала. Привезла этот чертов велосипед и заставила носить: в старых очках, мол, неприлично появляться в обществе — такие носят только пенсионеры-бухгалтеры. А я к ним привык, мне в них хорошо! — потрогал он свои старые очки. — О Савинове... Ты меня неправильно понял. Дело в том, что если капитан весел, это значит, что дело швах, что он просто не знает, с какой стороны к нему подступиться, и в башке у него полная сумятица. Помнишь дело Краба?

— Нет. Тогда мы с Раскатом были в командировке.

— Шесть судимостей у этого Краба, и все за разбой-

ные нападения. Полгода назад он сбежал из лагеря. Не знаю как, но Савинов установил, что скрывается этот зверь у своей марухи. Дело было проще простого: взять его тепленьким прямо из постели, потому и послал капитан двух лейтенантов. Краб не сопротивлялся, только перед уходом попросился в туалет. Наши на радостях расслабились и разрешили ему прикрыть дверь изнутри: неловко, мол, справлять нужду на людях. А тот достал из бачка пистолет, расстрелял ребят в упор и смылся. Никогда не забуду, как хоронили лейтенантов. Отцы, матери... У одного — молоденькая жена с ребенком на руках. Глаза — в пол-лица, ничего не понимает, дрожит и все норовит покормить ребенка: молоко, мол, может перегореть, а сыночек голодный. Парнишка гугукает, лезет под кофту, а мы... А Савинов кривит губы и, я-то знаю, последними словами проклинает себя, что отпустил ребят одних.

— А этот... Краб, он что, так и ушел? И с концами? — сузил глаза Гордеев.

— Ушел... Но не с концами. Судя по тому, как сосредоточен был Савинов последнее время, какая-то ниточка в его руки попала. А теперь вот... снова веселится.

Из-за поворота показался подъемный кран с прицепом. Из кабины выскочили какие-то люди, подбежали к «Волге», Савинов им что-то объяснял, люди размахивали руками, суетились. Наконец машину погрузили в прицеп, и кран уехал.

— Все, здесь нам больше делать нечего. Едем в управление, — скомандовал Савинов и нырнул в милицейский «жигуленок».

Шофер тут же поднял стекла и закрыл ветровичок.

— Жарко же, — недовольно заметил капитан.

— Зато не так дымно.

— Да, натянуло будь здоров. Значит, так, — обернулся он к Крохину. — «Волгу» в лабораторию, пусть исследуют каждый миллиметр: любой, даже микроскопический, след краски или чего другого — для нас ниточка. Это — во-первых. Во-вторых, запроси в ГАИ справку обо всех угнанных машинах, особенно ЗИЛах. Водителей вызвать к нам.

— Есть, — коротко ответил Крохин, делая пометки в блокноте.

Тем временем Тушин сражался за дорогу. Еще утром вместе с пожарными и добровольцами приехал Козлов.

— Принимай командование, — сказал он. — Задача: не пропустить огонь к городу и сохранить дорогу. Это как на войне: кто оседлал дорогу, тот и хозяин положения. А

городу без бетонки нельзя. Кроме того, она последний рубеж на пути к химкомбинату. Поэтому сделаем так: пожарные остаются в районе химкомбината — это будет своеобразный резерв, — а ты бери добровольцев и копай заградительный ров. И вот что еще учти, — шепнул он ему доверительно. — Если раньше ветер дул от дороги в глубь леса, то теперь он повернул и тянет вдоль дороги.

— Да вы что?!

— Да-да, семенному сосняку приговор вынесен. Теперь надо молить бога, чтобы ветер не повернул прямо на город. Поэтому заградительный ров и мертвая зона вокруг него — без единого деревца — задача номер один. Все, Тушин, действуй!

Человек двести добровольцев кучками жались на дороге и испуганно поглядывали то на Андрея, то на зловеще дымный лес.

— Елки-палки, что с ними делать? — растерялся Тушин и неожиданно для себя гаркнул: — Слушай мою команду!

Добровольцы встрепенулись.

— В одну шеренгу станови-ись! Быстра-а! — еще громче закричал Андрей.

Люди забегали, засуетились: слава богу, нашелся человек, который знает, что надо делать.

Андрей продолжал:

— Положение крайне серьезное. Огонь уничтожил сотни гектаров леса. Горят торфяники. Под угрозой и эта дорога, а значит, и Знаменск. Наша задача — выкопать заградительный ров и вырубить вокруг него лес. Если огонь не будет иметь пищи, он выдохнется. Все. За работу!

Добровольцы разобрали лопаты и начали ковырять землю у обочины дороги. Андрей смотрел какое-то время на эту беспомощную и бесполезную возню и все больше убеждался, что жалкие потуги энтузиастов никакой пользы не принесут. И тогда решил рискнуть.

— Ну, размялись? Разогрелись? — громко спросил он. — Вот и хорошо. А теперь по-настоящему примемся за дело. Нужно подобраться поближе к огню, но с подветренной стороны, выкопать метровые ямы, заложить в них тол и рвануть — вот вам и ров. Да и часть деревьев рухнет. Если их оттащить в сторону, получится мертвая зона. Ясно? Тогда вперед.

Сперва сняли дерн. Потом начали копать ямы. Непривычные к такой работе, люди сразу же набили мозоли. Одни жалостливо разглядывали свои ладони, другие чертыха-

лись, третьи кривились от боли. Но никто не бросил лопату. Взрывники долго возились с толом, а когда ахнуло, сказалось, что они неправильно рассчитали заряд: взрыв ушел не в глубину, а на выброс. До глины и песка траншею пришлось углублять вручную.

Прошел час... другой... третий. Дыма у дороги заметно прибавилось. Все больше кашляющих, задыхающихся. То здесь, то там люди бросали лопаты и, мучительно выкашливая дым, стали выползать на дорогу. Андрей взобрался на высоченную сосну — и обмер: прямо на него широким, многокилометровым фронтом катил вал огня. Пока он был далеко. Но что самое страшное — справа и слева огонь двигался быстрее, видимо, там места были посуше. Пожар мог зажать людей в полукольцо. Если отступить, огонь перережет дорогу сразу в двух местах.

С высоты хорошо виден и химкомбинат. Он хоть и за дорогой, но совсем близко от бетонки. А сразу за ним — многоэтажки города. Неожиданно в дымном небе появились два самолета. «Аннушки» кружили над лесом, все больше приближаясь к катящемуся валу огня.

«Авиаразведка, — подумал Андрей. — Это хорошо. Будем знать, где именно, что и как горит».

Только он спустился с дерева, как прямо на бетонку приземлился вертолет. Открылась дверца — и из кабины вывалился желто-зеленый Козлов.

— Ну что, как дела? — спросил он у Тушина.

— Да ничего хорошего. Огонь идет прямо на нас.

— Видел. Положение куда серьезнее, чем мы предполагали. На комбинате — полугодовой запас взрывоопасного и очень ядовитого сырья. Его начали вывозить, но, как всегда, не хватает транспорта. Короче говоря, город в опасности. Поэтому каждый выигранный час — это сотни спасенных жизней. Сражаться надо за каждый рубеж. Скажу больше: на каждом таком рубеже — стоять насмерть! О дороге не говорю, ее надо сохранить любой ценой. Я только что с заседания штаба. Решение такое: черт с ним, с семенным сосняком, будем пускать встречный пал! Другого выхода просто нет. Подпускать огонь близко к дороге, а стало быть и к комбинату, — опасно.

Андрей с жалостью посмотрел на обреченный желтоствольный лес.

— Я говорил о рубежах, — жестко продолжал Козлов. — Один будут делать парашютисты: самолеты уже в небе. Другой — за тобой. Бери людей с пилами и топорами,

пробирайся вот сюда, — черканул он ногтем по карте, — и бей просеку. Чем шире, тем лучше. Я остаюсь у дороги. Теперь штаб будет здесь.

Эта ночь могла оказаться последней для поселка Озерецкий. Когда стемнело, огонь подобрался к огородам, перекинулся на заборы. Занялись сараи. Кто-то, полураздетый, что есть силы колотил в обрезок рельса и кричал:

— Все к нефтебазе! Все к нефтебазе!

Люди выскакивали из постелей, хватали топоры, ведра, лопаты и бежали к нефтебазе.

— Быстрее! Быстрее! — срывающимся голосом кричал человек у рельса. — Если взорвутся цистерны с бензином, от поселка ничего не останется!

У огромных серебристого цвета цистерн метались люди: одни — от страха, ведь под ногами горела земля, другие — от бестолковщины и паники. Когда занялась роща, в которой стояли цистерны, паника усилилась.

— Караул! — визжала простоволосая баба, прижимая к толстому боку туго набитую сумку.

— Детей надо спасать, а не бензин! — зашлась в крике молодка.

— Правильно! — поддержал ее нагловатый парень. — И еще мага́зин! Там же столько бутылок!..

— Конечно, мага́зин! В первую очередь! — послышались голоса.

— Ти-хо! — перекрывая крики, рявкнул Черных. — По законам военного времени и стихийных бедствий мародеров поставим к стенке!

Бузотеры тут же растворились в толпе.

— Если рванет бензин — всем крышка! — продолжал Черных. — Стоять насмерть! Которые с топорами, ко мне! Вали деревья, руби, пили!

Несколько человек по дымящейся земле бросились в рощу. Раздался звон пил, стук топоров, клацанье лопат... С пушечной пальбой падали деревья, их тут же оттаскивали в сторону. Несколько женщин тоже неумело тюкали топорами.

— Топоры отдать мужикам! — распорядился Черных.— Отдай, тебе говорят! — пытался он отобрать топор у раскрасневшейся, энергичной женщины.

Та, не обращая на него внимания, продолжала тюкать по стволу. Тогда Черных перехватил топор и вырвал его из рук.

— Ты что-о?! — пошла она на Мироныча. — Ты кто такой?! Хочешь, чтобы поселок сгорел?! Я здесь родилась и выросла! У меня там, — кивнула она, — дома сыночек сидит. Один. В коляске. Да я тебя!..

— Очумела? Совсем очумела? — отступал Черных. — Дыма наглоталась? Разве ж так рубят?! — отскочил он к дереву. — Рубят вот так! — яростно взялся он за ветвистую березу, на которой уже скручивалась кора.

— А мне что делать? — приходя в себя, виновато спросила женщина.

— Собери всех, кто может держать лопаты. Поняла?

— Ага, — кивнула женщина.

— И копайте ров. Поглубже. До песка или глины.

Женщина снова кивнула и неожиданно певуче закричала:

— Бабоньки-и! Девоньки-и! Все ко мне! Хватай лопаты — и ко мне! Будем рыть могилу нашим обидчикам — мужьям да ухажерам!

Женщины со смехом разобрали лопаты и споро принялись за дело.

С трудом повалив березу, Черных разогнулся и огляделся. Так. Все заняты делом. Паники и неразберихи — как не бывало. Если так пойдет дальше...

— Беда! — подбежал к нему черный от копоти парень.

— Что такое?

— Занялись сосны. Те, которые свалили в одну кучу.

— Близко от цистерн?

— Совсем близко.

Когда подбежали к горе поваленных сосен, которые уже лизал огонь, Черных беспомощно оглянулся и вдруг что было сил закричал:

— Нож-ки-ин! Где ты, Нож-ки-ин?

Неожиданно быстро из дыма вынырнул потерявший свой шикарный вид Ножкин.

— Что такое? Что кричишь? — не выпуская топора, спросил он.

— Видишь, что творится? — кивнул Черных на загорающиеся сосны.

— Вижу. Ну и что?

— Если они разгорятся по-настоящему, огонь в два счета перекинется на цистерны.

— Понял. Что надо делать?

— Надо растащить эту гору. Вручную ничего не выйдет. Нужны трактора. У тебя же есть. Гони сюда все, что найдешь, цепляй деревья и волоки подальше.

— Они... они же без искрогасителей, — выдохнул Ножкин. — Как бы беды не вышло.

— Гони, тебе говорят! Раньше надо было думать об этих чертовых гасителях.

— Я сейчас... Я распоряжусь... — метнулся в сторону Ножкин.

Новое дело! Судя по встревоженному гомону женщин, у них случилась беда. Перешагивая через змеящиеся ручейки огня, Черных двинулся к ним. Сбившись около кое-как вырытого рва, женщины с оторопью смотрели на раскаленную землю за их спинами.

— Как же так? Мы же копали... Как он прошел? — растерянно спросила одна из них.

— Копали... Мелко копали! — ответил Черных. — Я же говорил: надо до песка или глины, то есть до той массы, которая не горит. Здесь же все на торфе. Вот огонь и прошел, в глубине прошел... Ладно, чего уж теперь... Придется отступать и начинать сначала. Только теперь копайте на совесть — дальше отступать некуда.

Тем временем подтянули шланги от пруда. В канавы, отрытые вокруг каждой цистерны, пошла вода. Торф был сухой, вода уходила как в песок, но чем больше ее впитывалось, чем влажнее становился торф, тем больше было шансов, что он не загорится. Подошли тракторы и оттащили тлевшие сосны.

А «верховик» тем временем набирал силу, приближаясь к нефтебазе. Желто-оранжевый вал катился по вершинам деревьев, оставляя целыми стволы, но жадно съедая ветви. Прыгая от дерева к дереву, от делянки к делянке, от квартала к кварталу, огонь становился все ярче, жарче, мощнее. Казалось, у него уже нет препятствий, и все, что окажется на его пути, будет уничтожено.

Когда в небе раздался гул, сопровождаемый воем и треском, люди, как по команде, прекратили работу и подняли головы. Нет, это не сотня реактивных самолетов и не отдаленные раскаты грома, это, если не случится чуда, смерть! Клубящийся раскаленный вал вырвался из леса и... споткнулся о пустоту. Бросился влево, вправо. Попытался прыгнуть по воздуху — не хватило сил. Что-то ахнуло, бухнуло, огонь зашипел и ушел в землю.

— Успели, — устало улыбнулся Черных.

Оставив человек тридцать с наказом не пропускать огонь под землей, Черных ушел на другую сторону поселка, которая граничила с торфяниками. Здесь дело обстояло не лучше.

— Ну что, Ножкин, — укорял он увязавшегося с ним Анания Лукича, — говорили тебе, чтоб вывез караваны. Говорили? А ты все про план бубнил. Фукнул теперь твой план!

— Фукнул, — согласился Ножкин. — Десять караванов — псу под хвост. Представляешь, шестьдесят тысяч тонн сухого торфа! — вдохновенно врал Ножкин. — Эх, если бы не пожар!

— Если бы да кабы! Понимать надо, с чем работаешь,— это же почти порох.

— Ты вот что, — начал наливаться краской приосанившийся Ножкин, — ты свое дело понимай! А я как-нибудь разберусь, где порох, а где... И не командуй! Иди в лес и ори, пока не охрипнешь. А здесь я хозяин! И в советчиках не нуждаюсь. Послушаешь, все только и пекутся о всеобщем благе, а как ответ держать, так в кусты. Кстати, товарищ Черных, это ведь вам придется отвечать за преступно-халатное отношение к природе и гибель торфа, заготовленного трудящимися Озерецкого торфопредприятия. Да-да, вам! Огонь-то пришел из леса. Да и областной центр под угрозу поставили вы!

— Окстись, Ножкин, — остановил его Черных. — Что ты несешь? Угорел, да?

— Попрошу не оскорблять! Все, хана, кончился Черных, — осклабился Ножкин. — Помотал ты мне нервы, ох помотал: что ни собрание, что ни совещание — и то Ножкин делает не так, и это... Суши сухари, понял? Прокурор разберется, обязательно разберется, чего это вдруг ни с того ни с сего загорелся семенной сосняк. Он-то знает, что в огонь концы убирать еще лучше, чем в воду. Надо же, а! Коммунист, фронтовик, прораб перестройки, а в душе — враг народа и агент международного империализма, — продолжал издеваться Ножкин.

— Морду бы тебе набить, да мараться неохота, — презрительно бросил Черных. — А насчет прокурора ты прав, работенка ему здесь найдется, — заметил он мгновенно потерявшему спесь Ножкину. — Но это потом. А сейчас мобилизуй всех своих людей: не окружим поселок глубоким рвом — сгорим.

Над затянутым дымом лесом кружит серебристая «Аннушка»... Вдруг самолет резко пошел вниз — и второй пилот натужно закашлялся.

— Дымно, командир, — заметил летчик-наблюдатель.

— Потерпишь! Для тебя ведь стараюсь. Нашел место для опорной полосы?

— Пока нет.

— Ищи, летнаб, ищи! Кружим-то уже больше часа, а горючего все меньше...

— Стараюсь. Нужна подходящая просека. Если ее расширить, получится опорная полоса — от нее-то и можно пускать встречный пал.

— Не нравится мне эта работа, — сердито бросил командир. — Десять лет возил тихих пассажиров с авоськами, а теперь взрывчатку да поджигателей, — покосился он в салон, где сидели шестеро парней в ярко-синих костюмах и красных «рыцарских» шлемах.

— Не поджигателей, а пожарных, — мягко поправил его летнаб. — А то, что огонь иногда тушат огнем, этого тебе, проштрафившийся извозчик, не понять.

— Откуда знаешь? — встрепенулся пилот.

— Знаю. Выручал одного нашего парня. Он тоже попал под антиалкогольный указ.

Парашютисты, обмениваясь знаками, прильнули к иллюминаторам и пристально смотрели вниз. А там — море огня и дыма.

— Неужели прыгнут? — засомневался второй пилот.— Ведь сгорят! Не долетев до земли, сгорят!

— Вот ты и найди такое место, где нет огня, — попросил летнаб.

— Нет такого места! Разве что за пределами зоны пожара...

— Там им делать нечего. Наши парашютисты не рекорды устанавливают, а тушат пожары. Стоп! — резко наклонился он к стеклу. — Командир, подверни-ка вправо.

Внизу тонкой ниточкой тянулась черная полоска голой земли.

— Щукин! — крикнул летнаб в глубь салона. — Взгляни!

В кабину протиснулся высокий худощавый парень и глянул вниз.

— Сможешь? Приземлишься? — спросил летнаб.

— Я приземляюсь на кружок диаметром десять сантиметров, — как бы между прочим заметил парашютист. — Не в этом дело. Ты уверен, что именно оттуда можно начинать отжиг?

— Назар, — положил ему руку на плечо летнаб, — другого места просто нет. Для встречного пала вариант, конечно, не лучший. Но для боя местного значения — го-

дится. Огонь ведь все равно перекинется через ваши головы и пойдет дальше. Но, во-первых, на какое-то время задержится и, во-вторых, потеряет силу. А главный удар нанесут в другом месте, там готовится настоящий встречный бой.

— Что это ты все — бой, удар? — проворчал первый пилот. — Вроде не на войне.

— Не отвык еще. Два года только этим и занимался: то под Гератом, то под Кундузом, то под Кандагаром...

— Десантник, что ли?

— Ага. Части специального назначения — спецназ. Не слышал?

— Так, краем уха, — уважительно посмотрел на летнаба первый пилот.

— При случае расскажу. Так что, Назар? — обернулся он к парашютисту. — Может, пойти с тобой?

Назар выпрямился и самолюбиво бросил:

— Егор, ты, видно, забыл, кто кого учил прыгать с парашютом. Ты еще был сопливым перворазрядником, а я — призером первенства Союза!

— Это я помню. Извини, старик, глупость ляпнул. Значит, тактика боя такова: небольшими встречными отжигами ослабляешь силу огня. Сделал один — ищи рубеж для второго, третьего и так далее. Увидим подходящее место сверху, подскажем по рации.

— Значит, нокаутировать противника не надо? — улыбнулся Назар.

— Хорошо бы, да не выйдет: он тяжеловес, а ты «мухач». Но измотать его надо. Так измотать, чтобы едва держался на ногах.

— Сделаем, командир! — нанес Назар шутливый удар правой.

— Не сомневаюсь, — ушел нырком Егор. — А кто пойдет пристрельщиком?

— Я.

— Ты это брось! Выпускающим был, выпускающим и останешься.

— Нет, Егор. На этот раз я пойду первым. Ситуация, как видишь, особая. Надо найти подходящую точку приземления, определить силу ветра — тогда и ребятам будет легче.

— Ну, смотри. Высота — семьсот, — обернулся он к пилоту. — После приземления Назара выпустим всю команду. Потом — высота сто пятьдесят: сбросим таборное имущество и взрывчатку.

— Есть, — кивнул первый пилот. — Значит, делаем три круга?

— Пока — три. А там посмотрим. Ну, Назар, ни пуха! — хлопнул он друга по плечу.

— К черту! — ответил Назар и шагнул к поднявшимся парашютистам.

День третий

На рассвете набежали тучи. Трактористы стояли у самой кромки огня и смотрели на небо.

— Эх, дождичек бы! — вздохнул самый пожилой.

— Грозу с хорошим ливнем, вот что надо, — уточнил любитель розыгрышей.

— Треп все это, треп! Никакого ливня не будет. Пропадем! — зашелся в крике Леха.

— Тихо ты, жених! — оборвал его пожилой. — Не пускай пузыри. Значит, так: всем надеть фуфайки и рукавицы. Голову обмотать тряпьем. Все это пропитать водой. Баки обернуть мокрой кошмой. Пойдем в шахматном порядке. Друг друга из поля зрения не терять. Не тормозить ни при каких обстоятельствах. Ничего, братцы, — ободряюще улыбнулся он. — Живы будем — не помрем. Ну, полный вперед!

Трактористы разошлись по машинам. Они понимали, на что идут. Не каждый смог нажать на педаль газа, когда гусеницы коснулись раскаленной лавы. У кого-то рука потянулась к тормозу, кто-то закрыл глаза, кто-то с ужасом подумал, что теперь отступать некуда. Но именно потому, что отступать было некуда, трактористы, сжав зубы, бросили машины сквозь огненно-дымную стену.

Минуты две было так темно, что из кабины не видно капота. Потом дым рассеялся, показалось солнце. Нет, не солнце! Желтоватое сияние шло снизу, от раскаленного торфа. И так — до самого горизонта.

Раскалились рычаги управления. Вздулась кожа рук. Начали тлеть фуфайки. Потрескивали и опадали остатки бровей и ресниц. Но тракторы на предельной скорости шли вперед. И вдруг канава... Один трактор не сумел вовремя отвернуть и завалился набок. Тракторист разбил стекло и выскочил на капот. Хотел прыгнуть на землю — нельзя, тут же вспыхнешь. К счастью, его заметили. Подрулил кто-то из товарищей, и он перепрыгнул на его трактор. Вскоре потеряли вторую машину — она провалилась в глубокий ров. Тракторист выскочил прямо на раскаленную массу,

сделал два прыжка — и с горящими сапогами взлетел на другой трактор.

Горизонт потемнел. Неужели проскочили?! Неужели вырвались в чистое поле?! Все ближе темная полоса... Так и есть, не тронутое огнем поле, даже кусты целые! До отказа выжаты педали газа. Обгоняя друг друга, тракторы неслись вперед. И вдруг перед передним вспучилась земля! Бешено вращались гусеницы. Все выше задирался капот, все круче становился отливающий вишневым светом курган. Трактор покатился назад — надо обогнуть этот страшный пузырь. Поздно! Пузырь лопнул, земля расступилась — и откуда-то из глубины с нарастающим свистом начал подниматься огненный столб. Он поднимался все выше и выше, пока не достиг стометровой высоты. Замер. Качнулся. Мгновенно свился в спираль и закружил по полю яростным смерчем. Передний трактор вместе с двумя водителями он слизнул сразу. Оставшиеся, пылая факелами, мчались вперед.

Когда машины ткнулись в черную землю, из кабин вывалились люди. Падая, спотыкаясь, срывая с себя горящую одежду, они бежали и бежали, стараясь уйти подальше от машин. Не прошло и минуты, как сзади грохнуло — взорвались баки с горючим.

Ровно в восемь Савинов был в управлении. Несмотря на жару, не открывал окон кабинета: пожар подступил так близко к городу, что улицы затянуло дымом. У железнодорожных и авиационных касс — толпы народа. Появились очереди в аптеках и поликлиниках. На химкомбинате начали эвакуацию наиболее ценного оборудования.

Савинов хмуро изучал какие-то документы и время от времени поглаживал вздувшийся шрам. Беззаботная улыбка не сходила с его губ, лишний раз подтверждая выводы Сан Саныча.

— Прошу разрешения, — приоткрыл дверь Крохин.

— Входи, Крохин, входи. Что нового?

— Есть зацепочка. Крохотная, но зацепочка, — деловито доложил лейтенант, доставая из папки бланки с результатами экспертизы.

Савинов схватил справку и углубился в изучение. Чем дольше вчитывался, тем серьезнее и собраннее становился капитан.

— Так. Отлично! — прихлопнул он справку. — На дверце «Волги» — крупинки бетона. Это — след, и хо-

роший след! Что в справке ГАИ? — протянул он руку.— Угнано пять машин: две легковые, самосвал, бензовоз и молоковоз. На десять ноль-ноль вызвать водителей грузовиков! — приказал он.

Крохин ушел в свой кабинет, а Савинов снова углубился в бумаги. Он так увлекся их изучением, что даже вздрогнул от стука в дверь.

— Войдите, — поднял он голову. — А-а, Крохин. Что скажешь?

— Водители грузовиков доставлены.

— Прекрасно. Давай по одному.

Водители охотно, но с некоторым испугом рассказывали, где были, что возили, в каком месте угнали машину, пытались узнать, что им за это будет. Когда все ушли, Савинов вызвал Крохина.

— Ты во внутренний голос веришь? — спросил он лейтенанта.

— А как же! Сижу-сижу, вдруг он заявляет: пора обедать. Встаю и иду в столовую, — отшутился Крохин.

— Веселый, — неодобрительно заметил Савинов. — А картина-то получается — хуже не бывает. Знаешь, какой машиной расплющили инкассаторскую «Волгу»? Бензовозом! Шофер сказал, что накануне побывал на бетонном заводе и заляпал машину.

— Ну и что?

— А то! Внутренний голос подсказывает, что неспроста загорелся лес у дороги.

— Вы думаете?

— Думаю. В огне концы прятать еще лучше, чем в воде. Надо немедленно ехать к месту катастрофы! — поднялся он. — Разгадка преступления там.

Чихая, фырча и дергаясь, милицейский «жигуленок» тащился по бетонке. Шофер тоже непрерывно чихал и вытирал слезящиеся глаза.

— Машина и та понимает: нельзя сюда, — ворчал шофер. — Угорим. Или вообще к черту сгорим.

— Да не канючь ты, — сквозь слезы отмахнулся Савинов. — И так тошно.

Проехали химкомбинат. Тишина. Ни души.

— Эвакуировались, что ли? — спросил Крохин.

— Самое ценное оборудование вывезли, — ответил Савинов. — А про набитые доверху склады не знаю. Там, говорят, такое, что и противогаз не поможет.

— Да вы что?! — подскочил шофер.

— Не дергайся! — положил ему руку на колено Са-

винов. — Мы должны делать свое дело. А со складами разберутся кому положено.

— Разберутся, — продолжал ворчать шофер. — Драпанули, поди, начальнички. Видел я, как такие же вот рвали когти из Чернобыля. Я тогда в Припяти служил. Милиция же уходила последней, а первыми — отцы города и руководители АЭС.

— Ты серьезно?! — обернулся к нему Савинов. — Я и не знал, что ты оттуда. Извини, сержант, честное слово, не знал. А к нам-то как попал?

— Очень просто. Всех, кто нахватался рентген, раскидали по стране. Назад нам нельзя, — вздохнул он.

— А тянет? — усомнился Крохин.

— Еще как тянет. Там же... могилы наших дедов, там наши корни.

Савинов протер глаза и совсем по-другому посмотрел на шофера.

«Вот так история, — подумал он. — Езжу с парнем, езжу, даже имени не знаю, а он, оказывается, вон какой интересный человек. И как здорово сказал: там наши корни...»

— Приехали, — прервал его размышления Крохин.— Седьмой километр.

Когда вышли из машины, дышать стало совсем трудно. На левой стороне дороги видна цепочка людей, методично взмахивающих лопатами.

— Всем на дорогу! — прозвучал усиленный динамиком голос. — Всем выйти на дорогу!

Натыкаясь друг на друга, люди выбирались из рва и, спотыкаясь, брели на шоссе. Одних тошнило. Другие тут же падали на асфальт. Третьи кидались к баку с водой.

Но когда из-за кустов выползла какая-то диковинная машина, все подняли головы. А траншеекопатель вгрызся в землю и шел вдоль дороги. Чуть в стороне размахивали ковшами экскаваторы. По обочине тянули водопроводные трубы.

— Вот это да! Вот это размах! — восхищенно воскликнул Крохин.

— А ты как думал, — усмехнулся Савинов. — На войне как на войне!.. Дураки мы с тобой. Оба! — хлопнул он себя по бедрам. — Не отметить место катастрофы! Ну покажи! Где стояла «Волга»? Покажи! А куда ушел бензовоз? Следов-то уже нет... Э-эх, сыщики, Пинкертоны!— досадовал он.

Крохин топтался на асфальте, кидался то вправо, то влево, но о следах и говорить было нечего.

— Здесь... Где-то здесь, — растерянно мямлил он.

— Где-то, что-то, кто-то, — злился Савинов. — Шляпы! Дурачье!

И тут он увидел стоящий на обочине «рафик». У приоткрытой дверцы на ступеньке сидел полный человек в обгоревшем ватнике, а над ним склонилась рослая блондинка — она бинтовала ему руку.

— Потерпьите. Пожялуйста. Еще немного... Вам надо в больницу, — с заметным прибалтийским акцентом уговаривала она.

— Какая больница?! — кривился от боли пациент.— Зачем больница, если с нами доктор Майга?

— Вы все шутите. А у вас ожог второй степени. Василий Николаевич, а где этот парень? — как бы между прочим спросила она.

— Какой? Их тут вон сколько, — кивнул на обочину Козлов. — А вот еще один — в форме. Привет, капитан,— поднял он забинтованную руку. — А что тут делает угрозыск?

— Как всегда, ищет, — взял под козырек Савинов.

— Так о каком ты парне? — обернулся Козлов к Майге.

— Ну, о том... с которым летели.

— Ах, о Тушине! Так он там, — показал Козлов на дымящийся лес.

— В лесу? В огне? — отшатнулась Майга. — Там же можно сгореть!

— Такой не сгорит! Этот парень, — многозначительно поднял он палец, — это — настоящий парень. Работает наш Тушин, просеку бьет. Если его добровольцы сделают ее вовремя, пустим встречный пал... Я как раз туда собираюсь, надо подбросить подкрепление. А не махнуть ли нам туда вместе? Наверняка на просеке есть пострадавшие.

Майга засияла! Козлов понимающе улыбнулся и пошел к вертолету.

— Василий Николаевич, — подскочил к нему Савинов, — захватите и меня. Пожалуйста.

— Зачем? На просеке ваших клиентов нет, — сухо бросил Козлов. — Там добровольцы.

— Да я не к ним, — пояснил Савинов. — Мне на лес посмотреть надо сверху.

— Служебная необходимость? — уточнил Козлов. — Или так, полюбоваться?

— Необходимость. Большая необходимость!

— Ну, коли так, садись.

Вертолет оттолкнулся от поляны и взял курс на север. Позади — неширокая полоса догорающих сосен. Потом — километра полтора нетронутого леса. А вот и просека — узкая полоска голой земли. Снова участок нетронутого леса. А дальше все затянуто дымом, сквозь который пробиваются яркие языки огня.

Когда высадили людей и полетели назад, Савинов попросил немного снизиться и взять чуть левее. Дыма здесь меньше, зато огня гораздо больше. До самого горизонта— черные колья недогоревших сосен. Взяли еще левее: здесь пожар устойчивый, давний, выгорело все до травинки, и земля совершенно голая. Но и она горела, курясь и выплевывая фонтаны раскаленного торфа.

— Стой! — крикнул вдруг Савинов и вцепился в плечо пилота. — Что это?

— Похоже, какие-то железяки, — заложил вираж пилот. — Вроде остатки большущей бочки... или цистерны.

— Бензовоз! Нашелся!

— Какой бензовоз? Тут этих железяк пруд пруди: то раскуроченная машина, то списанный трактор, то какая-нибудь молотилка.

— Нет-нет, это бензовоз! — возбужденно повторял Савинов. — Я уверен. Садись! — приказал он пилоту.

— Да вы что?! Там же земля горит!

— А если я спущусь по веревочной лестнице?

Пилот молча развернул машину и полетел к дороге.

— Какой хоть квартал? — спросил Савинов.

— Восемнадцатый.

— Лети по прямой и засеки расстояние до бетонки.

— Это можно, — кивнул пилот.

Бензопилы вышли из строя. Топоры затупились. Руки в волдырях. Волосы опалены. От чада раскалывается голова. Но просека двигалась вперед!

— Займусь пострадавшими, — деловито заявила Майга. — Их тут хоть отбавляй.

— А я пойду туда, — показал Козлов в сторону размахивающих топорами людей.

— О-о, кто к нам приехал! — шагнул навстречу чумазый оборванный парень.

— Батюшки-светы, неужели Тушин?! — протянул руку Козлов.

— Что это с вами?! — встревожился Андрей, увидев бинты.

— Да так, ничего особенного: ожог какой-то там степени. Ну как ты тут? Рассказывай.

— Просеку надо бить до речки, — начал объяснять Тушин. — Она хоть и неширокая, но все же речка. Если очистить берега, можно безбоязненно пускать встречный пал. И не какой-нибудь местного значения, а настоящий, большой. Тогда мы сохраним сосняк, который тянется до самой дороги. Да и от химкомбината подальше.

— Хорошая идея, — одобрил Козлов. — А сколько верст до речки?

— Три.

— Три километра — это, брат, немало. Можешь не успеть: «верховик» ведь совсем близко.

— Правильно! — с силой вонзил топор Тушин в сосну. — Силенок у меня уже маловато, люди тоже валятся с ног. Поэтому предлагаю сделать так: этот десант эвакуировать и забросить новый, но самое главное — направить людей к речке, пусть рубятся нам навстречу.

— Ты, случайно, не телепат? — усмехнулся Козлов.— Попал в самую точку: я как раз об этом думал. Добро. Пошлем к речке солдат со всей их техникой. Генерал обещал помочь. Решено. Лечу в город договариваться! — решительно направился он к вертолету.

А Тушин схватился за топор и с остервенением начал рубить сосну. Кругом трещали сучья, с грохотом падали деревья. На близкий гул пожара никто не обращал внимания: у всех было одно желание — скорее добраться до речки. Время от времени кто-нибудь хватался за обожженную руку, чертыхаясь, растирал ушибленное колено, заходился в мучительном кашле. К ним тут же подбегала Майга и оказывала помощь. И вдруг она услышала донельзя искаженный, но все же знакомый голос.

— Вот гады! Не могут сделать нормальное топорище!— ругался перепачканный сажей парень, вертя в руках сломанный топор.

У Майги перехватило дыхание. Она охнула и села на пенек. Парень резко обернулся, и даже сквозь черное от сажи лицо было видно, как он побледнел.

— Майга?! — шагнул к ней Тушин. — Вы? Неужели это вы? Не может быть! Как вы сюда попали?

— С неба. Попросила у девы Марии вертолет и сва-

лилась на вашу голову... — радостно и в то же время как-то вымученно улыбнулась Майга.

— Что вы, что вы! — смутился Андрей. — Я рад. Я очень рад. Но здесь опасно.

— Вот и хорошо. Вы знаете клятву врачей? Врач должен быть там, где больше всего нужен. Может быть, я здесь не нужна? — чуть кокетливо спросила она.

— Нужны. Очень нужны! — заволновался Андрей. — Я рад! Ей-богу, рад! Только вы никуда не уходите с просеки. Обещаете? В дыму можно потеряться. А мне бы очень не хотелось вас терять, — неожиданно брякнул он и побежал к группе работающих добровольцев.

Если бы он видел, как смотрела ему вслед Майга... Но он не обернулся. Майга тяжело вздохнула, ее сияющие глаза потухли, и она снова занялась пострадавшими.

Когда к импровизированному медпункту подошли двое обожженных мужчин, Майга быстро закончила очередную перевязку и поднялась им навстречу. Те покорно сели, и Майга начала обрабатывать их раны. Когда бинтовала голову, один нехорошо выругался.

— Что ж ты, сука, делаешь?! — дернулся он. — Больно же!

Майга промолчала. А его спутник сиплым тенором бросил:

— Слабак. Я же говорил, дуб и слабак. Сиди и не рыпайся! — Он даже повысил голос, заметив, что дружок пытается встать.

Как только Майга отошла, Жорка подобрался к привалившемуся к дереву Сырцову и, поправляя бинты, зашипел:

— Ну что, командир, куда привел? Где твой поселок? Где автобусы? А может, разыщем лукошки да по грибы?— хохотнул он. — Пока не поздно, неплохо бы наведаться в «сейф», а то ведь огонь ничего не пощадит. Вот будет хохма, если пропадут честно заработанные денежки!

— Не рыпайся, — устало бросил Сырцов. — Главное — не рыпайся. Кто знал, что разгуляется такой пожар?! А насчет «сейфа» ты прав. Чуток оклемаемся — и двинем к доту.

— А может, завтра? С утра пораньше. Ведь уже смеркается. Не заблудиться бы в потьмах-то.

— Заметано, — согласился Сырцов и жестко приказал: — Садись рядом! Садись, я сказал! И не вздумай отлучаться: я тебя и на том свете найду. Понял?

— Понял, — злобно сузил глаза Жорка.

День четвертый

У Мироныча остался один ус. Он с трудом держался на ногах, тяжко кашлял, хромал на обе ноги, но продолжал заниматься обороной поселка. Со стороны леса угрозы не было: окопались, вырубили деревья — и огонь отступил. Но взбесились торфяники. То здесь, то там взметались смерчи, вспыхивали караваны, а посвежевший ветер гнал огонь и горы раскаленного торфа прямо на поселок.

Как ни противно было Миронычу, но он все же пошел к Ножкину. Тот сидел в своем знаменитом кресле, заполняя его лишь на две трети: за время пожара он заметно похудел. Да и в лице появилась какая-то опустошенность.

— Ты только не думай, что я лезу в твое хозяйство,— стараясь быть сдержанным, начал Черных. — Но так получилось, что судьба поселка в твоих руках.

— Интересно, — привстал Ножкин.

— Ветер дует с торфяников. Один за другим вспыхивают караваны. Раскаленный торф беспрерывно летит на поселок. Не дай бог, ветер усилится, завалит Озерецкий, как Помпею. Давай попытаемся убить сразу двух зайцев: мобилизуем весь транспорт и вывезем те караваны, которые неподалеку от поселка. Если спасем хотя бы штук двадцать, увидишь, тебе скажут спасибо.

— Значит, первый заяц — безопасность поселка, второй — моя репутация. Так я понимаю? — усмехнулся Ножкин.

Черных кивнул.

— Хоть ты и прораб, и мельтешишь на трибунах, главного так и не понял: еще никому и никогда не удавалось убить сразу двух зайцев! — назидательно поднял Ножкин палец. — Так что гонись лучше за одним. Что конкретно требуется от меня?

— Отдай в мое распоряжение транспорт и рабочих. И нарисуй на схеме, где стоят караваны.

Ножкин взял карандаш, задумался. Потом поднял наглые глаза и спросил:

— Послушай, Черных, ты давеча грозил мне прокурором. Он, часом, не за дверью?

Мироныч побледнел, до белизны в суставах стиснул кулаки, с трудом проглотил застрявший в горле комок и не сразу ответил:

— Ладно, Ножкин, не заводись. Про прокурора начал

не я. Поорали — и ладно. Сейчас не до этого. Сейчас поселок спасать надо.

— Ага! — вскочил Ножкин. — Сейчас не до этого. А потом будет до этого?! Потом пойдешь к прокурору?

— И дался тебе этот прокурор?! При чем, собственно, прокурор?

— А при том, что огонь пришел из леса. Так что отвечать придется тебе!

— И что ты обо мне так печешься? Не волнуйся, я за свое отвечу. А ты... ты дай транспорт и людей. Вывезу караваны, потом спасибо скажешь.

— Мои караваны? А сколько их там осталось? Сам говоришь, ветер тащит торф на поселок. Не с земли же он его срывает, а?

— Конечно, нет.

— Вот именно! Торф летит с караванов. Десять фукнуло сразу. А сколько осталось? Было-то пятьдесят, стопроцентный план. Я уж и в сводку их внес.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что рисовать мне нечего. Где стояли караваны позавчера, я знаю. Нарисую, ты приедешь, а их и след простыл — весь торф разнесло по полю. Что будешь делать?

— Как что? Искать уцелевшие.

— Да? А как я докажу, что те, которые нарисовал, были в самом деле?

— А зачем доказывать?

— Как это зачем?! Ты думаешь, пожар все спишет? У лесников, может, и так, а у нас строго — за выполнение плана изволь отчитаться. Найдешь, скажем, тридцать караванов, — гнул свое Ножкин, — но было-то пятьдесят. Как я спишу недостающие двадцать?

— Не знаю, — развел руками Черных.

— Выход есть, — после паузы бросил Ножкин. — Тем более что поселок под угрозой. Но ты на это не пойдешь...

— Ты говори! Дорога каждая минута. А то ведь действительно завалит, как Помпею.

— Я составляю схему. На ней — пятьдесят караванов, — оживился Ножкин. — Сколько найдешь, все твои. Но под схемой распишись, что видел все пятьдесят.

— Да какая мне разница?! — попал в ловушку Черных. — Хоть пятьдесят, хоть сто пятьдесят! Главное — чтобы ни одного не было в поле: только так можно спасти поселок.

— Отлично! — еще больше повеселел Ножкин и схватил карандаш.

Через минуту схема была готова, причем в двух экземплярах. Черных поставил свою подпись.

— Дату, — напомнил Ножкин. — Обязательно дату.

Черных поставил дату.

— И время? — спросил он с издевкой.

— И время, — кивнул Ножкин. — Теперь прихлопнем печатью — и дело сделано. Отныне, — ткнул он в схему, — за это отвечаешь ты. А я умываю руки.

— Умывай, умывай, — усмехнулся Черных и многообещающе добавил: — Если отмоются.

Ножкин как-то сразу позеленел и обмяк, сидя в кресле. А Черных через две ступеньки уже бежал вниз по лестнице...

Снова закипела работа. На поля вышли грузовики, экскаваторы, трактора с прицепами. Привычно урчали моторы, лязгало железо, покрикивали шоферы, торопя экскаваторщиков. А из глубины полей валил дым, да такой густой, что машины ездили с включенными фарами.

У самой околицы все, кто мог держать лопату, копали заградительный ров. Изнывая от какого-то непонятного чувства и не находя себе места, Ножкин бродил от одной группы к другой, покрикивал, командовал, а то вдруг садился на землю и тупо смотрел в сторону торфяного поля. Наконец взял лопату и начал копать вместе со всеми. Он вяло тыкал лопатой, вытирал слезящиеся глаза, пил теплую воду и снова смотрел в сторону торфяников. Когда несли обожженного или угоревшего человека, Ножкин отворачивался — зрелище было не для него. Но когда из-за стены дыма вынырнули трое спотыкающихся людей и, улыбаясь, пошли прямо на него, у Ножкина подкосились ноги. А эти трое все шли, шли и шли... Сбежались рабочие, подхватили их под руки.

— Кто вы?

— Откуда?

— Как прошли по полю? — наперебой расспрашивали их.

— Трактористы, — ответил один из них, срывая с лица лоскуты сгоревшей кожи. — Из колхоза... На торфе... работали.

— А где же остальные? — боясь ответа, спросил Ножкин. — Вас же было пятеро.

— Было! — ненавидяще глянул на него парень. — Самый старый и самый молодой сгорели.

Трактористы встали, вылили друг на друга по ковшу воды и побрели в сторону поселка.

— Мужики! — догнал их Черных. — Извините Бога ради. Вам не до этого, я понимаю... Но поселок в опасности, вы же видите...

Трактористы остановились.

— За рычаги, что ли? — спросил один из них. — Поможем. Только вот руки забинтуем, — показал один из них обгоревшие ладони.

— Да нет, что вы! — отмахнулся Черных. — Народу у нас хватает. Мы торф вывозим, чтобы не засыпало поселок. Караваны, которые близко, вывезли. Но их всего двадцать, а начальник говорит, что было пятьдесят. Мечемся, мечемся, а найти не можем. Никаких следов. Может, в глубине поля? Вы не видели?

— Ни хрена там нету. Ни одного каравана. Мы бы заметили — это же гора с пятиэтажный дом.

Стоящий неподалеку Ножкин хорошо слышал этот разговор. С каждой фразой из него как бы выходил воздух: семипудовый Ананий Лукич на глазах уменьшался в размерах. И все же инстинкт самосохранения взял верх. Ножкин подошел к Миронычу и вяло попросил:

— Может, отдашь схему-то?

— Зачем? — удивился Черных. — Мы же не все вывезли. Нет, я без этой схемы как без рук, — похлопал он по карману.

— Заплачу, — достал бумажник Ножкин. — Хорошо заплачу.

— Заплатишь, — кивнул Черных. — За все заплатишь! И прежде всего за этих ребят, — показал он на трактористов.

— Уж тут-то я ни при чем.

— Еще как при чем! Вчера мне звонил Вязьмин и рассказал о твоем гешефте. А я ему — об искрогасителях. Дурачок ты, Ножкин, телефонограмму-то и я получал. Так что отвечать придется по большому счету. Здесь, — он еще раз похлопал по карману пиджака, — не только твоя схема. Не ко времени ты вспоминал прокурора, ох не ко времени! Тебе бы...

Вдруг Черных умолк на полуслове и мгновенно побледнел. Он смотрел куда-то через плечо Ножкина, и его лицо искажалось от ужаса. Ножкин тоже резко обернулся. Прямо на них двигался столб раскаленного торфа... Смерч вырвался из-под земли совсем рядом. Он изогнулся гигантской запятой и пошел кружить по полю. Шофе-

ра выскочили из машин и что есть духу припустились к поселку. Смерч зацепил грузовики — и они тут же превратились в груду оплавленного металла. Рухнула стрела экскаватора. Рванули баки с бензином — и огня стало еще больше.

Все бежали кто куда мог, а Черных не мог оторвать глаз от смерча, который все ближе подбирался к красному КамАЗу, предназначенному для перевозки взрывчатки.

— Там же пять тонн тротила! — охнул Ножкин и неожиданно резво пустился наутек. — Если рванет, от поселка ничего не останется...

У Мироныча похолодело в груди. Защемило глаза. Пудовыми стали ноги. Неподъемными руки. Смерч все ближе, а он стоит и стоит. Надо бежать! Мироныч оглянулся на поселок, посмотрел на группки испуганных людей, глянул на уцелевшую рощу и... побежал к красному грузовику. Пот заливал глаза. Совсем мокрой стала спина. Жарко. Очень жарко! Мироныч на ходу сбросил пиджак и вскочил в кабину. Гулко бухало сердце. Не слушались руки. Ноги путались в педалях. А смерч все приближался!

— Вперед, старший сержант! Вперед! — приказал он сам себе и включил зажигание.

Резкий поворот — и машина увернулась от смерча. Она неслась в глубь полей, все дальше и дальше от поселка. А смерч словно охотился за ней, то настигая, то отставая. Он обрушивался сверху, зажимал в кольцо, подкарауливал в канавах.

Все сильнее вишневое сияние, все жарче в кабине. Тлеет обивка, опадают брови и ресницы, вздуваются пальцы.

— Дальше, дальше. Еще дальше! — приказывал себе Черных.

Когда у самых колес вспучилась земля и, словно из кратера вулкана, оттуда выбросилась раскаленная лава, Черных успел подумать, что смерч уже не опасен — машина достаточно далеко от поселка.

Взрывная волна сорвала фуражки и платки у сбившихся в кучу людей. Одни крестились, другие плакали, и только Ножкин радостно потирал руки, не видя, как той же волной принесло пиджак Мироныча и кто-то его поймал...

— Что же делать? Что же делать? — бегал по кабинету Савинов. — Как туда попасть?

— А вы уверены, что это бензовоз? — усомнился Крохин. — Сами же говорили, что брошенных машин там предостаточно.

— Машин, но не цистерн!

— В цистернах возят не только бензин, — пожал плечами Крохин. — Может быть, это молоковоз или бетоновоз?

— Может, может! — раздраженно отмахнулся Савинов. — Увидеть надо. Увидеть и потрогать! Но как туда попасть?

— Проще простого, — бросил Крохин.

— Как это проще простого?

— Вот в таком костюмчике, — протянул Крохин журнал «Техника — молодежи».

Савинов схватил журнал с фоторепортажем о горноспасателях. На фотографиях — люди в серебристых скафандрах, орудующие прямо в огне.

— Ну и что? И где я возьму такой костюм?

— А вы разве не знаете, что Козлов вызвал горноспасателей?

— Горноспасателей? Зачем?

— Затем, что у них есть пеногенераторы. Вот эти, — ткнул он в фотографию. — В шахтах эти установки тушат любой пожар: пена заполняет штрек — и огонь задыхается. Козлов хочет заполнить пеной просеку, от которой пустят встречный пал. Для страховки.

— Правильно! За спиной химкомбинат. Ни одна искорка не должна перелететь через дорогу. Молодец, Крохин! Не зря тебя учили грамоте! — хлопнул он его по плечу. — Вперед, на примерку скафандра!

Когда приехали на седьмой километр, Савинов сразу обратил внимание на крепких, коренастых ребят, собирающих какую-то диковинную машину с широким раструбом.

— Это и есть пеногенератор? — спросил он у командира.

— Он самый.

— А не боитесь, что не хватит пены?

— Хватит. Чтобы заполнить просеку, хватит.

— А костюмы привезли? — с надеждой спросил Савинов.

— Какие костюмы?

— Ну эти... В которых можно не бояться огня.

— Привезли. Но газотеплозащитные костюмы здесь не нужны.

— Нужны. Очень нужны! Тут, понимаете, такая история. Совершено преступление — убийство. Есть предположение, что с помощью бензовоза. А он — там, — показал Савинов в сторону дымящегося леса. — Я знаю точное место, видел с вертолета.

— Все ясно. Савчук! — после минутного колебания окликнул командир чернявого парня. — Пойдешь с капитаном. Помоги надеть костюм и объясни, что к чему, а то, чего доброго, задохнется.

Савчук кивнул и побежал к крытому брезентом грузовику. Савинов — за ним. Из кузова достали огромные серебристые мешки и начали их распаковывать. Через полчаса в горящий лес вошли два человека в костюмах, похожих на космические. Блестящие комбинезоны из алюминизированной ткани, скафандры, баллоны с кислородом — все это так подействовало на добровольцев, что они даже перестали копать канаву. Такого еще никто не видел: люди шли сквозь огонь.

Сначала впереди шагал Савчук. Потом он махнул Савинову: давай, мол, показывай дорогу. Савинов еле волочил ноги. Тяжеленный костюм, баллоны, огромные сапожищи. С непривычки трудно дышать: воздух острый, щиплющий горло. Савчук догнал капитана, заглянул в глаза, похлопал по плечу — все, мол, в порядке, пошли дальше. Идти пришлось по горящему торфу. Ноги почти по колено проваливаются в раскаленную массу, а когда выдираешь сапог, вылетает сноп искр. Наконец добрались до машины. Савинов остановился, придержал Савчука и показал знаками, чтобы тот не подходил близко, не то затопчет следы. Капитан осмотрелся. Всюду — черные остовы сосен. Вокруг машины они повалены веером — значит, был сильный взрыв. Да и цистерну разнесло пополам и отбросило метров на тридцать.

Савинов подошел ближе. Шины сгорели, номерные знаки оплавились. А вот номер шасси виден: точно, это тот самый бензовоз. Капитан снова и снова осматривал остов машины — никаких следов столкновения. Но почему она все-таки загорелась?.. Подошел Савчук и постучал по баллону: кислорода, мол, в обрез, только на обратный путь. Савинов досадливо отмахнулся. Но Савчук решительно потянул его за руку. Капитан неохотно подчинился. И вдруг на черной, выжженной земле что-то сверкну-

ло. Савинов осторожно ковырнул ногой — какая-то железячка. Поднял. На толстой перчатке лежала зажигалка.

Когда вернулись на дорогу, чуть живой от усталости Савинов пожал руку командиру горноспасателей.

— Спасибо. Теперь я знаю, из-за чего возник этот страшный пожар. — И протянул зажигалку.

— Н-не может быть, — округлил глаза подбежавший Крохин.

— Может, Крохин, может! Это — поджог! Ты видишь, колпачок зажигалки открыт. Чтобы замести следы, убийцы подожгли цистерну — и пять тонн бензина выплеснулись на лес. К дороге они вернуться не могли, так?

— Так, — кивнул Крохин, передвигая кобуру на пояс.

— Значит, по тропам и просекам ушли к Озерецкому или каким-то другим поселкам. Если, конечно, их не догнал огонь... Надо опросить всех, кто работает на просеке. И еще. Авиаохрана сбрасывала десант: пусть ребята присмотрятся, может, найдут какие-нибудь следы или... наткнутся на заблудившихся людей. Надо обязательно предупредить, что преступники вооружены!

День пятый

Ранним утром на просеку, где работал Тушин, прилетел Козлов.

— С прибытием в пекло! — шутливо приветствовал его Тушин и тут же осекся, увидев дрожащие губы и черные впадины под глазами.

— Беда, Андрей. Ужасная беда! — всхлипнул Козлов.

— Да что такое? Что случилось? — схватил его за руку Андрей.

— Черных... Мироныч... Нет больше Петрухи, — выдавил Козлов.

— К-как это нет? — прислонился к сосне Андрей, чувствуя, что его не держат ноги.

— Погиб мой механик-водитель. Геройски погиб. В бою. Как фронтовик. Увел от поселка машину с тротилом. Рвануло так, что и хоронить нечего.

— Вы там были? Неужели совсем нечего?

— Ты представляешь, что такое пять тонн тротила? То-то... Каким-то чудом уцелел пиджак...

— Надо же, — вздохнул Андрей. — Жил человек, а остался никому не нужный пиджак.

— Ошибаешься, еще какой нужный! Когда я заглянул

в карман, там оказались такие бумаги... Короче говоря, пришлось их кое-куда передать.

— А-а, — махнул рукой Андрей, — бумаги, тряпки... Мура все это. Такого человека нет! Как же теперь без него-то?

— Как? Плохо без него. Очень плохо! — снова помрачнел Козлов. — Но пожар тушить надо! Доложи обстановку.

— Да что докладывать?! Хреновая обстановка!—взъярился вдруг Андрей. — У нас есть полдня, не больше. Если не успеем пробиться к речке, огонь обойдет справа и выйдет прямо к бетонке. А там прыжок — и вот он, химкомбинат. Что будет с городом, вы знаете лучше меня.

— Ты погоди, парень, не паникуй! Во-первых, перепрыгнуть через бетонку не так-то просто, хотя, конечно, можно. Во-вторых, от речки тебе навстречу рубятся солдаты. В-третьих, небольшие очаги локализуют десантники. Главное, конечно, как можно быстрее соединиться с солдатами и пустить встречный пал.

Андрей помялся, почесал затылок и неожиданно брякнул:

— Тогда мне здесь делать нечего! Посмотрите на нашу работу — коленчатый вал, а не просека. Сколько лишнего труда, сколько пота и мозолей! И все потому, что работаем не по науке. Я понимаю, сейчас не до теодолитов и чертежей. И все же... Словом, я пойду вперед и буду делать затесы, пока не встречусь с солдатами. Тогда просека будет как струна. Вы не волнуйтесь, я это умею.

— Дело говоришь, — по-отцовски любуясь Тушиным, сказал Козлов. — Но ведь... сам понимаешь, на что идешь. Одному там опасно: дыма наглотаешься, ногу подвернешь. Да мало ли что может случиться!

— Что я — мальчик?! — обиделся Тушин. — И жить мне не надоело. Доберусь до солдат, сообщу по их рации. А на крайний случай захвачу ракетницу. Две синих — значит, дело швах, выручайте.

— Ладно. Давай прикинем маршрут по карте.

Когда Андрей вскинул рюкзак и сунул за пояс топор, Козлов вдруг хлопнул себя по лбу.

— Слушай, Тушин, может, заодно сделаешь доброе дело, а? У солдат неприятность. Когда я говорил с их командиром, он просил врача: кто-то сломал ногу.

— Ну и что? — не понял Андрей.

— Как что?! Захвати доктора Майгу.

— Да вы что?! — смутился Андрей и замотал голо-

вой. — Нет-нет, это невозможно. Опасно. Все-таки женщина. А почему не подбросите на вертолете?

— Там нет подходящей площадки. Да и здесь он нужнее — вон сколько обожженных да угоревших, надо их эвакуировать в город.

— А если она не захочет?—потихоньку сдавался Андрей.

— Плохо ты знаешь доктора Майгу, — улыбнулся Козлов. — Увидишь, от прогулки по лесу, да с таким проводником, она не откажется.

Приземлились парашютисты удачно: четверо чуть не на макушку Назара, двое — чуть в сторонке. Зато с грузом пришлось повозиться. Парашюты зависли на деревьях, стропы перепутались, но десантники сноровисто влезли на сосны, перерезали стропы — и тюки рухнули на землю.

— Двое на бензопилы, двое на траншею, двое на взрывчатку! — приказал Назар.

Работали деловито, молча и не спеша. Каждый знал свое дело и делал его профессионально. Визг пилы, несколько секунд — и дерево падало, причем туда, куда надо. Следом бежали парни с похожими на шланги бухтами взрывчатки. Размотали. Уложили. Ушли в укрытие. Взрыв — и траншея готова.

— С отжигами ничего не выйдет, — давясь кашлем, сказал Назар. — Ветер дует на нас. Так что будем делать просеки, и пошире.

И снова визжат пилы, гремят взрывы, падают деревья... Прибегающий из глубины леса огонь то и дело натыкается на пустоту, отступает, топчется на месте, набирает силу и, подчиняясь ветру, бросается вперед, но уже стороной. Десантники разгадывают этот маневр, бегут наперерез — и снова визжат пилы, гремят взрывы, падают деревья.

Время от времени парашютисты устраивают короткие перекуры. Садятся на поваленное дерево, достают фляжки с водой и пьют — экономно, маленькими глотками. Галеты грызут неохотно.

Когда запищала рация, Назар даже вздрогнул — настолько неожиданным среди грохота и треска оказался этот посторонний звук.

— «Орех», «Орех», ты меня слышишь? — донесся слабый голос Егора.

— Слышу, — отозвался Назар. — Где ты? Слышать-то слышу, но не вижу.

— От вас далековато — над восемнадцатым кварталом. Тут такое дело... Ты только не волнуйся.

— Не тяни волынку. Говори, что случилось!

— В лесу бродят бандиты. Вооруженные. Сколько их, никто не знает.

— Что значит бродят? Где здесь бродить?

— Может, и не бродят, может, и не в вашем районе. Но к бетонке пути нет. Так что они будут пробиваться через лес. Короче говоря, прошу это учесть и задерживать всех, кого встретите.

— Как же я их задержу, если они вооружены?

— Не знаю, Назар, не знаю. Дай хотя бы знать, если их увидишь. В общем, приказ такой: работу свернуть и приступить к прочесыванию леса.

— Ты что, Егор?! Огонь так и норовит прорваться!

— Вы свое дело сделали. Южнее вас бьют просеку, именно от нее пустят встречный пал. Тот участок, где вы находитесь, все равно сгорит. Так что выходите строго на юг. Всех, кого встретите, задерживать! Один-то дробовик в таборном имуществе есть, — добавил летнаб.

— Да не взяли мы его! На кой черт ружье в пригородном лесу?!

— Ну, Назар, это же...

— Да ладно, не пыли. Что-нибудь придумаем. Взрывчатка-то есть... Сварганим самодельные гранаты. Так что чем пугнуть, найдется.

— Поаккуратней, Назар! Поаккуратней!

— Все, конец связи. Уходим. А то здесь жарковато.— Он покосился на приближающийся «верховик».

Сначала Андрей смущался, часто оглядывался, пытался занять Майгу разговорами, но часа через два вообще перестал ее замечать. Сорок шагов, десять взмахов топора — затес. Снова сорок шагов, десять взмахов топора — затес. Тушин спешил, очень спешил, и все же ему пришлось остановиться: на ладонях полопались мозоли и волдыри от ожогов — топор выпал из рук.

— Бинта не найдется? — подошел он к Майге.

— Охо-хо, — вздохнула она. — Врач — всегда врач. Садитесь, больной, будем лечиться, — указала она на ближайший холмик.

Майга заботливо смазывала раны, бинтовала. Чтобы

удобнее работать, положила его ладони на свои колени. Она говорила, что раны не опасные, что через неделю не останется и следа, и все же надо быть осторожным. Она говорила, говорила, но Андрей ничего не слышал. Он чувствовал, как каменеют ладони, как сладкий жар охватывает тело. Андрей зарылся лицом в янтарную копну ее волос, шептал что-то несусветное, целовал ее плечи, шею... Сияющие голубизной глаза Майги счастливо щурились, руки сами собой потянулись к Андрею... и вдруг Майга отшатнулась.

— Т-ты что? — выдавил Андрей.

— Мы не одни. На нас смотрят.

Андрей резко обернулся. В трех шагах от них стоял загнанный лосенок со сбитыми копытами и опаленными боками. Он смотрел на людей большими влажными глазами, и такая в них была безысходность, доверчивость и надежда, что Андрей тихонько встал и пошел к лосенку, на ходу доставая кусок хлеба. Лосенок стоял на месте — бежать у него уже не было сил. И все же от руки человека он отшатнулся.

— Где же твоя мамка? — спросил Андрей. — Неужто сгорела? А как же спасся ты? Эх, бедолага, что же с тобой делать?

— Он погибнет, — подошла к лосенку Майга. — Он не знает, куда бежать... А может, как-нибудь пугнуть, чтобы он метнулся к просеке?

— Если не дурак, побежит к людям, — заметил Андрей и так пронзительно свистнул, что лосенка словно ветром сдуло. — Ага, — обрадовался Андрей, — бежит по моим затесам! Ты что? — подошел он к Майге, которая стояла, зажав ладонями уши.

— Испугал. Прямо соловей-разбойник, — нежно посмотрела она на Андрея.

— Все, — возликовал он. — Буду строить шалаш! К черту просеку, к черту пожар, к черту все, кроме тебя!

— Можешь начинать, — вспыхнула Майга. — Но только такой, чтобы в нем был рай.

— Это мы запросто, — заулыбался Андрей.

— Используй заодно и эту дверь.

— Какую дверь? — все еще улыбаясь, переспросил Андрей.

Майга кивнула на соседний холмик, увенчанный большим муравейником. Действительно, прямо перед ними краснела ржавчиной металлическая дверь. Андрей осторожно потянул за ручку. Дверь приоткрылась. Из подземелья потянуло сыростью.

— Достань из моего рюкзака фонарик, — попросил Андрей. — А сама отойди подальше.

Ступеньки вели вниз, в темноту. Очень осторожно Андрей спустился в подземелье. Вскоре он вернулся.

— Это дот, — объяснил он. — Старый железобетонный дот. Хочешь посмотреть?

Майга подала руку. Шаг за шагом начали спускаться вниз. Осклизлые ступеньки. Затянутые плесенью стены. Ржавые коробки.

— И почему его не снесли? — удивился Андрей. — Сколько лет прошло после войны. Может, оставили как памятник? Тогда надо привести его в порядок.

— А что, во время войны курили американские сигареты? — спросила Майга, поднимая окурок.

— «Кент», — прочитал Андрей и тревожно огляделся. Высветил углы — пусто.

— И все-таки любопытно, наш это дот или немецкий?— поинтересовалась Майга.

— Чего проще, — сказал Андрей, подходя к груде коробок из-под патронов. — Наш, конечно, наш! В таких коробках хранятся ленты от станкового пулемета. Я его раз сто разбирал и собирал, когда служил в армии.

— А эти патроны тоже от пулемета? — невинным тоном спросила Майга, вытряхивая из коробки пачки денег.

Андрей остолбенел. А когда присел на корточки, чтобы собрать их в кучу, за спиной раздался сиплый тенор:

— Не двигаться!

Андрей замер. Прямо в лицо бил луч света. Он зажмурился. Кто-то подскочил и вырвал у него фонарик.

— К стенке. Быстро! — приказал тот же голос.

— Эге, да он с бабой! — хохотнул другой голос.

Фонарик высветил Майгу. Она стояла с рюкзаком в руках и щурилась от яркого света.

— Никак докторша?! — изумился тот же голос. — Ну ты, начальник, даешь! Отхватил фартовую деваху — и в кусты. А трудящиеся вкалывают на просеке.

Сырцов присел и перевел дух.

— Успели. А ты мандражил.

— Замандражишь тут, — огрызнулся Жорка. — Того и гляди поджаришься, вроде того лосенка. Ухнул в яму, сверху горящая сосна — и привет.

— Ладно. Все позади. Собирай бабки.

Жорка подвесил к потолку фонарик и начал запихивать деньги в рюкзак. Делал он это так суетливо и жадно, что даже Сырцов смотрел на него с презрением.

— Что с этими-то будем делать? — кивнул Жорка на Андрея и Майгу. — Может, пришьем?

— Или свяжем и предоставим дело огню? — подхватил Сырцов. — Пусть себе...

Не успел он закончить фразу, как страшный удар отбросил его к лестнице.

Это Андрей выждал момент, когда бандиты отвлеклись, и бросился на Сырцова. Пистолет, который держал Сырцов, отлетел в темный угол. Андрей лихорадочно шарил по полу.

Сзади налетел Жорка и замахнулся патронной коробкой. Но Андрей успел увернуться, и удар срезался. Из глаз посыпались искры, теплым ручейком потекла кровь. Андрей замычал, крутанулся и сбил бандита с ног. Жорка грохнулся на бетон, матюгнулся и потянулся к поясу за финкой. Андрей перехватил руку, зажал коленом и дернул на себя: кисть хрустнула и обвисла. Жорка взвыл. Он остервенел от боли, обеими ногами ударил Андрея в живот и схватил пистолет. Правая рука не работала, а одной левой он никак не мог его перезарядить. Андрей отдышался и ребром ладони рубанул Жорку по шее. Тот охнул и осел. Андрей потянулся к пистолету, но Сырцов рванул его за ногу. Андрей рухнул на коробки. Пистолет оказался у Сырцова.

Андрей лежал на спине, готовый броситься на бандита. Но тот был слишком далеко. Андрей ждал, когда бандит сделает хотя бы пару шагов. Сырцов больше не рисковал. Оглушительно щелкнул предохранитель. Андрей понял, что ждать нечего, и швырнул коробку. Тут же грохнул выстрел. Андрей рванулся, схватился за грудь и обмяк.

Сырцов привалился к стене. Провел рукой по лбу — кровь. Коробка попала в левый висок и повредила глаз. Цепляясь за стену, Сырцов выбрался наружу. Следом карабкался Жорка с рюкзаком, набитым деньгами. На пороге отдал рюкзак Сырцову, достал финку и вернулся в дот.

В углу стояла перепуганная Майга и судорожно сжимала рюкзак Андрея. Жорка скривился и шагнул к девушке. В тот же миг Майга выхватила ракетницу и пальнула бандиту в лицо. Вспыхнул синий свет — и Жорка рухнул на пол.

Сырцов остановился. Хотел вернуться. Потряс набитым деньгами рюкзаком, ухмыльнулся, махнул рукой и побрел в лес, прихватив санитарную сумку Майги.

Когда дым рассеялся, Майга подняла фонарик и бросилась к Андрею. Он лежал на боку и тихо стонал. Майга опустилась на колени. Вытерла с лица кровь. Осмотрела рану на груди. Потом осторожно потащила Андрея к вы-

ходу. Когда поднималась по ступенькам, он перестал стонать. Майга встревожилась, пощупала пульс — отлегло от сердца. Жив! Уложила под деревом и побежала за своей сумкой. Обшарила всю поляну, заглянула в дот — сумка исчезла. Тогда Майга решительно сняла кофточку, нижнюю рубашку и стала рвать на бинты. Когда перевязывала рану, Андрей застонал и открыл глаза.

— Все хорошо, милый! Все хорошо! — обрадовалась Майга.

— Пить, — попросил Андрей.

Майга достала фляжку поднесла к его губам. Андрей сделал два глотка, и Майга завинтила крышку.

— Больше нельзя... Заштопаем — тогда и попьешь.

Андрей слабо улыбнулся и коснулся ее волос.

— Они ушли?

— Один остался, — передернулась Майга.—Я его из ракетницы...

— Молодец. Дай две синих. Прилетит Козлов... Все расскажи... Второй ушел к речке... Больше некуда... Везде огонь.

— Я так и знал! — схватился за сердце Козлов, когда увидел две синие ракеты. — Летим! — бросился он к вертолету. — Немедленно!

— Возьмите и меня! — попросил невесть откуда взявшийся Савинов.

— Тебе-то зачем?

— Нужно. Очень нужно! Преступники где-то здесь, уйти им некуда

— Сам же говорил, что они вооружены. Не справиться одному-то. Вызови свою команду, организуй оцепление...

— Некогда! Печенкой чую, они там. Уйдут ведь. Пока будем валандаться, как пить дать, уйдут. Опергруппу я, конечно, вызову. Но потом. Сперва надо оглядеться, что там и как...

Не так-то просто найти в лесу человека. Два раза пролетел вертолет над районом, где засекли ракеты, но обнаружить никого не удалось. А Майга от беспомощности кусала ногти, плакала и ругалась на всех знакомых языках. В ракетнице что-то заело, и она давала осечку за осечкой. Андрей тоже ничем не мог помочь — ему стало хуже, и он не открывал глаз. Наконец Майгу осенило! Она развела костер и бросила четыре патрона. Грянул взрыв, и взметнулся синий фейерверк!

— Вижу! — обрадовался пилот и заложил вираж.

Поляна оказалась такой крохотной, что сесть было просто невозможно. Пришлось спускаться по веревочной лестнице. Когда Козлов подошел к истекающему кровью Андрею, ему стало плохо, и он опустился на траву. Подбежал Савинов. Майга торопливо рассказала, что произошло, и потребовала, чтобы Андрея немедленно доставили в больницу. Козлов и двое пожарных, которые были с ним, взялись за топоры, чтобы расчистить площадку для вертолета. А Савинов отправился к доту. Осмотрел убитого бандита. Опознать просто невозможно — лицо разворочено и сожжено ракетой. Вернулся к Козлову.

— Когда сядет вертолет? — спросил Савинов.

— Думаю, минут через двадцать... Помог бы... с топориком, — пыхтел Козлов.

— Рад бы. Не могу. Некогда. Как только сядет вертолет, сообщите в управление что я иду по следу. Опергруппу пусть высылают к речке.

Козлов кивнул и снова замахал топором. Савинов пошел кратчайшим путем: не обходил оврагов, не искал брода в ручьях. Никаких следов бандита не было, но капитан знал — тот где-то впереди. Дыма стало больше. Ощутимее гул пожара. Послышался стук топоров, визг пил, урчание тракторов. Вскоре Савинов вышел на просеку. Огляделся. Да, солдаты рубят просеку с размахом. И техники у них немало. Широкая полоса голой земли, глубокий ров, трубопровод, тянущийся от речки... Савинов подошел к командиру, предъявил удостоверение.

— Слушаю, — взял под козырек майор.

— На вашем участке из леса кто-нибудь выходил?

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно точно. Я бы задержал. У меня приказ.

— А гражданских среди вас нет?

— Нет.

— Жаль. Если появятся немедленно задерживайте. Здесь бродит опасный преступник. Он вооружен. Сколько до речки?

— Полтора километра.

Уже два раза Сырцов менял повязку, а кровь все сочилась.

«Крепко он меня шваркнул, — с трудом переставляя ноги, думал Сырцов. — Видно, кость пробил, иначе бы башка

так не трещала. Ничего, время есть. Выйду к речке, а там — рукой подать до Кочино».

Послышался стук топоров, визг пил, урчание тракторов.

«Бьют встречную просеку», — догадался Сырцов и круто взял вправо.

Долго брел наугад. Потом в ноздри ударил влажный речной воздух.

— Все, вышел! — обрадованно вздохнул он и спустился к воде.

Сырцов забрел на отмель и, наклонясь, долго и жадно пил прямо из реки. С каждым новым глотком возвращались силы и — Сырцов это чувствовал — в нем медленно воскресала уверенность, хватка, чувство опасности. Это чувство и заставило его бросить взгляд налево. На тропе стоял капитан милиции.

— Савинов, — зло прошептал Сырцов. — Старый знакомый. Жаль, не пришел за мной на квартиру к марухе. Жрали бы тебя сейчас черви, как тех лейтенантиков. Ну ничего, твое от тебя не уйдет!

Сырцов потихоньку повернулся спиной к берегу и, делая вид, что продолжает пить, достал из-за пазухи пистолет. Глянул под руку — капитан уже совсем близко. Так же из-под руки прицелился, выстрелил и быстро побежал вниз по течению.

Савинов грохнулся на землю. Пуля чиркнула у самой щеки. Сырцов на бегу оглянулся — капитан лежит. Оглянулся еще раз — капитана уже не было.

— Промазал, шкура поганая! Совсем разнюнился! — ругал он себя.

А Савинов перебегал от дерева к дереву.

— Сдавайся, Сырцов! — кричал он.— Все равно не уйдешь!

Сырцов молча отстреливался.

Впереди плоская отмель. Ни деревца, ни кустика. Савинов сделал сильный рывок и оказался там первым. Из-за поворота выскочил Сырцов. Он никак не ожидал увидеть капитана прямо перед собой. Остановился. Перевел дух. Их разделяло всего метров пятьдесят. Из пистолета достать трудно.

«Все равно вышка,— подумал Сырцов и шагнул вперед. — А так — вполне есть шанс пристрелить мента. И уйти».

Савинов стоял на месте.

— Одумайся, Сырцов! — крикнул он. — Деваться тебе некуда. Хоть помрешь человеком.

— Это ты помрешь! — ощерился Сырцов. — Мне терять нечего!

И снова Сырцов смело шагнул вперед. Савинов резко повернулся правым боком — все-таки как-никак, а мишень поменьше. Пистолет на боевом взводе. Палец нервно подрагивает на спуске.

— Уйди, капитан! — безумно рычал Сырцов. — Уйди от греха!

Когда осталось метров тридцать, Савинов отметил, что на месте Сырцова уже начал бы стрелять. «Достать тебя проще простого — подумал он, — но ты нужен живой!»

Сырцов затоптался. Стал медленно и уверенно поднимать пистолет.

— Сырцов, брось оружие! — крикнул капитан. — Зачтется!

Но его голос не дошел до бандита. Савинов понимал, что Сырцов ничего не слышит, понимал, что остались десятые доли секунды, и все же ждал. Вдруг что-то толкнуло в сердце — пора! Савинов выстрелил, не поднимая руки, с бедра. И тут же метнулся в сторону.

Через секунду оружие бандита было в руках капитана. Из правого плеча Сырцова фонтаном била кровь. Савинов разорвал рукав его рубахи и туго перевязал рану. Потом снял рюкзак.

— Все здесь? — спросил он.

— Пересчитай — прошипел Сырцов.

— Пересчитаю, Краб. Обязательно пересчитаю! — И вдруг Савинов взорвался: — Шлепнуть бы тебя на месте! Но уж больно легкая смерть. Нет, ты помучайся, подожди суда, приговора... Расстрел тебе обеспечен и за старые дела. Но лес-то зачем поджег?! Ему же цены нет! Это лес! Понимаешь, ле-ес?! А город? Ведь огонь может перекинуться на химкомбинат, и тогда...

— Кто ж его знал... Думал, выгорит квартала два, а с ними и следы.

Из-за леса выскочил милицейский вертолет и сел на песок. Подбежали парни из оперативной группы. Видя, что дело сделано, они не приставали с расспросами. Когда вертолет поднялся, Савинов спросил:

— Как там встречный пал? Успели?

— Сейчас увидишь.

Летели вдоль просеки, рассекающей питомник. С севера мощным валом наступал огонь, заглатывая квартал за кварталом. Но вот от просеки пополз слабый огонек. Побежал по подлеску, набрался сил и набросился на вершины

сосен. Все шире, все плотнее стена огня. Потом она сдвинулась с места и помчалась навстречу валу, оставляя за собой выжженную землю.

Как ни сильно трещал вертолет, но гул, грохот, свист и рев, которые ринулись от земли, когда лоб в лоб столкнулись две стены огня, донеслись до кабины! Пламя оторвалось от деревьев, яростным смерчем взметнулось вверх и исчезло, растаяв в дымном небе.

В сантиметре от смерти

Очень хотелось пить. В пересохшем рту тяжело ворочался шершавый язык. До ближнего родника — часа два ходьбы. Да и то неизвестно, сохранился ли он. Можно, правда, вернуться к Таш-Кудуку, но это значит потерять весь день. Нет, только вперед! Туда, где начинаются заросли шиповника и тамариска! Чабаны врать не будут. А они говорили, что гюрзы там живут чуть ли не под каждым кустом.

Андрей шел по стиснутому скалами саю[1]. Даже в тени — градусов сорок пять. При каждом вдохе раскаленный воздух ошпаривал гортань, а мелкий колючий песок сыпался прямо в легкие.

«Глоток, всего один глоток!» — билась мысль. Но аварийный запас воды трогать нельзя. Ведь если родник пересох, тогда у Андрея останется только эта фляжка жидкости, теплой и красноватой от марганцовки.

И вдруг за поворотом — пятнышко свежей зелени. Крошечный родничок! Тоненькая струйка просочилась сквозь трещину и спрыгнула вниз, выбив в скале небольшую ямку.

Чуть ниже к гранитной стене прилип большой куст шиповника. Куст как куст: зубчатые листья, чуть тронутые желтизной яркие красные ягоды и колючие ветки.

«Пошарю потом, — решил Андрей. — Сперва пить».

Он лег на грудь, прильнув губами к воде, и... Только познавший настоящую жажду может понять, какое наслаждение испытывал Андрей.

Но его не покидало странное чувство: казалось, кто-то за ним подсматривает. Не отрываясь от воды, Андрей скосил глаза и тут же увидел гюрзу. Она лежала в глубине куста.

---

[1] Сай — ущелье *(узб.)*.

Тупая жабья башка. Мерцающие холодной злобой глаза. Вздутое узлом брюхо выставлено на солнце...

«Все ясно. Кого-то сожрала, — подумал Андрей. — Что ж, сытую брать легче... Хороша зверина! Метра на полтора. Эх, жаль, хваталки нет! Ну да ладно, я тебя, милая, крючком... Вот так!»

— Э-э-э, да куда же ты? — закричал Андрей. — Стой, тебе говорят!

Крючок прижал удиравшую змею к камню. Она резко изогнулась и схватила железо.

— Умница. Только держи подольше!

Андрей просунул руку между ветками и крепко взял змею у основания головы.

— Так. Теперь будем вынимать... Осторожно, толстушка, не уколись! Тут кругом колючки!

Но гюрза не сдавалась. Длинное тугое тело напряглось и рванулось в сторону. Вверх! Вниз! Потные пальцы скользнули по шее, и змея мгновенно вцепилась в рукав. По ткани расплылось мокрое желтоватое пятно.

— Ну и дуреха же ты! Только яд зря теряешь... Все равно я хитрее.

Андрей чуть ослабил натяжение и тут же рванул змею вниз... Острая боль пронзила кисть!

«Не заметил вторую, — мелкнула страшная мысль. — Потревожил — и она ударила».

Машинально Андрей разжал пальцы и выпустил змею. Не родился еще человек, который смог бы безнаказанно отдернуть руку от рассвирепевшей гюрзы. Она бьет зубами со скоростью пули и только потом удирает.

Так случилось и сейчас Два здоровенных саблевидных зуба вонзились в запястье. Пасть сомкнулась мертвой хваткой. Андрей вскрикнул и отскочил в сторону... На руке висела большущая гюрза.

Даже укушенный, Андрей не мог допустить, чтобы она ушла. Он быстро поймал змею и посадил ее в мешок.

— Так... Теперь займемся рукой... Надо спустить отравленную кровь...

Острый нож глубоко рассек тело чуть выше места укуса. Хлынула и тут же свернулась черная, как деготь, кровь...

— Скверно... Значит, яд уже впитался.

Андрей отбросил нож и зубами вгрызся в руку. Боль была адская. Но он заставлял себя стискивать зубы сильнее и сильнее. Андрей рвал неподатливое живое тело до тех пор, пока не почувствовал, как ровной широкой струей потекла кровь.

— Отлично... Теперь — укол.

Андрей достал аптечку. На самом дне коробочки лежала жизнь, запаянная в стеклянную ампулу.

Он обломал кончик ампулы и втянул противозмеиную сыворотку в шприц. Потом закатал рукав. Примерился. Резкий взмах и... Хр-р-р-умк! Стеклянный шприц ударился о рукоятку ножа и с хрустом развалился на части.

Андрей бережно собрал осколки. Пересчитал. Сбился. Начал снова. В каком-то жутком оцепенении он снова и снова пересчитывал осколки. Ни одной мысли. Ни капли страха. Вдруг он дернулся. Внутри что-то оборвалось, и его вырвало.

«Готово... Яд уже действует... Надо идти в лагерь... Ребята помогут. Останусь здесь — умру».

Больше часа Андрей шел вниз к Таш-Кудуку... В палатке пусто. Олег и Виктор еще не вернулись. Андрей сел у палатки. Больная рука горела. Голова кружилась. Какие-то красные круги плыли перед зрачками. Они дробились, удалялись, потом снова соединялись, пытаясь втиснуться в глазницы. Андрей хотел приподнять руку. Она не повиновалась. Сильная судорога сотрясла тело, и Андрея вырвало кровью.

«Вот и все, — словно во сне подумал Андрей. — Как просто и глупо!»

Кровь снова хлынула изо рта, и Андрей потерял сознание.

В жизни Андрея все происходило «вдруг». Еще два года назад он был самым обычным аспирантом и заканчивал работу над диссертацией. И вдруг Андрей прочитал, что один американский ученый, который, как и он, работал над проблемой стимулирования обмена веществ, успешно применяет препараты змеиного яда.

Это было настолько интересно и неожиданно, что Андрей решил как следует изучить свойства яда.

Но где его взять? О том, чтобы купить, не могло быть и речи — так баснословно дорого он стоил.

Выручил один знакомый зоолог.

— На днях еду ловить гадюк, — сказал Алексей. — Фармацевты налаживают производство какого-то нового лекарства, поэтому нужно очень много змеиного яда. А я знаю один приличный очаг. В общем, договор в кармане, рюкзак упакован. Если хочешь, поедем вместе. И яду себе добудешь, и змей научишься ловить.

Андрей согласился. А через месяц в институтской газете появился рассказ Андрея о его первой охотничьей экспедиции.

«Как вы думаете, что легче — поймать змею или удрать от нее?.. Наверняка большинство ответит: если отпустит, то удрать. Я тоже так думал, пока не стал змееловом.

Представьте такую картину. По утыканному моховыми кочками болоту бредет человек. Ни один пень, корень дерева или разросшийся куст не ускользает от его внимания. Ноги отмеривают уже тридцатый километр. Присесть бы! Вылить воду из сапог. Достать термос с чаем... А вот и отличный пень. Решено: привал.

И вдруг человек замечает змею! Она черной лентой распласталась на солнцепеке и, кажется, ни на что не обращает внимания. Змея таких внушительных размеров, что лучше с ней не связываться. Но в кармане у него договор, где сказано, что он обязался поймать ни много ни мало пятьсот гадюк. А в мешке пусто. Куда уж тут бежать.

И вот я крадусь к змее. Она забеспокоилась, подняла голову. Потом злобно зашипела и стремительно бросилась к норе.

Тут уж приходится переходить к насилию. Прыжок! Гадюка прижата крючком. Она мгновенно изворачивается и кусает крючок, сапог, все, что может достать, оставляя капельки смертоносного яда!

Щелк! Я зажал пасть пинцетом и взял змею в руки. Она яростно бьет хвостом, обвивает кисть! А страшные ядовитые зубы всего в сантиметре от пальцев.

Наконец змея в мешке! Первая змея, пойманная самостоятельно! Я вытер со лба холодный пот. Убедился, что в луже, куда забрел, уже не идет от ног мелкая рябь. Гордо поднял голову, расправил плечи и эдаким орлиным взором окинул болото.

«Ух, проклятые! Испугались! Попрятались! Ничего, я еще до вас доберусь!»

В общем, чувствовал себя так, будто первым влез на вершину Эвереста или забил решающий гол.

Но человек привыкает ко всему. Через пару дней я брал гадюк, «чувств никаких не изведав», и швырял их в мешок. Правда, мысленно все время себе напоминал, что практически ни один летчик не разбился во время первого полета... Роковая встреча с землей происходит гораздо позже, когда пилот уже не столь внимателен и собран.

Настал такой день и для меня. Это было первое по-настоящему серьезное испытание. Я уже поймал около сотни

змей и стал, мягко говоря, несколько самоуверен. Охота в тот день была особенно удачной. Но когда я опускал в мешок двадцатую гадюку, она вдруг резко изогнулась и выскочила наружу. Кратчайший путь на землю — моя левая рука, которая держит мешок. Змея пошла по руке.

Нормальный человек должен отдернуть руку. Это естественно. Меня бы это погубило. Я вовремя вспомнил, что на коротком расстоянии змея ориентируется с помощью терморегулятора и кусает любой предмет, излучающий теплоту. Но неподвижный источник тепла она не атакует. Так что при малейшем движении я получил бы укус.

Мне оставалось только ждать. Ждать, когда она соскользнет с руки. И если эта полуметровая тварь вздумает ползти под рубашку или на шею, я не шелохнусь! Где-то билась мысль, что в мешке еще девятнадцать змей, что они тоже могут полезть на волю и путь у них все тот же — рука.

А гадюка ползла и ползла... Когда ее голова была около локтя, я наконец сообразил, что надо делать. Другой рукой достал пинцет, осторожно поднес его к голове змеи, и... через мгновение она билась в мешке.

К концу второй недели охоты в наших мешочках уже сидело несколько сот гадюк. Надо было рассадить их в транспортные ящики.

Итак, ящик на столе, а змеи в мешках. Открываю крышку, пинцетом беру один угол мешка. Алексей—другой. Потом он снимает зажим, и сорок змей с сухим и жутковатым шелестом вываливаются в ящик. Верхние еще сыплются, а нижние уже норовят выскочить. Десяток голов сразу же высунулось наружу.

Я просто оторопел.

— Осторожно! — предупреждает Алексей.

— Смотри! Справа!

— Ах, тварь! Стой, тебе говорят!

— Да справа же! Атакует!

— Уф-ф, мимо! Внимание! Две под рукой!

Кое-как загнали змей в ящик. Передохнули. Взялись за пинцеты.

— Поехали, — сказал Алексей.

Открываю крышку. Сразу же дюжина змей полезла из ящика. Но я должен выпустить одну, только одну. Щелк! Алексей схватил змею пинцетом и выбросил на стол. Пока он берет ее в руки, загоняю остальных в ящик, закрываю крышку.

Алексей берет змею за шею и хвост. Осматривает. При-

кладывает к ленте портновского сантиметра и односложно бросает:

— Самка. Черная. Шестьдесят три.

Я быстро записываю. Бросаю карандаш. Хватаю пинцет и отодвигаю крышку. Опять лезет несколько змей. Алексей выхватывает одну. Измеряет. Я записываю. Бросаю карандаш. Отодвигаю крышку. Цикл — семь секунд. Опоздаешь— поставишь под угрозу товарища.

И так три часа! Три часа мы были в сантиметре от смерти. Любая из трехсот пар ядовитых зубов могла оставить роковую метку. Но только три раза мы действительно едва не оплошали Одна змея вырвалась из рук Алексея — и только потому, что была изрядно помята подругами, не цапнула его за палец.

Претендентки на мою руку были активнее, но утешаться им пришлось только рукавом. А одна «блондинка» — так мы называли серых гадюк — так рассвирепела, что мертвой хваткой вцепилась в рубашку. Тогда я взял ее за шею и рванул в сторону. Надо было видеть ее побелевшие от боли и злости глаза!

Когда я взглянул на рукав, то поначалу оторопел: в манжете торчали два ядовитых зуба.

— Н-да... Дантист из меня неважный. Кажется, я ее изувечил.

— Пустяки — хмыкнул Алексей. — Вырастут новые... Эй! Атакует справа!

Когда стало мельтешить в глазах от змеиных тел, когда руки стали вялыми и преступно-неосторожными, я начал ныть.

— Если б можно было заворожить этих подлых тварей! — вздыхал я. — Лежали бы они смирненько на донышке, а я бы только приказывал! «Эй, брюнеточка! Пожалте на стол!»

Наконец я швырнул пинцет и заявил:

— Хочу стать факиром! На два часа! Я так ошалел от этих «хычников», что...

— Так бы и сказал. Научу. Прежде всего произнеси это слово по слогам. Повторяй за мной. Шар-ла-та-ны! Понял?.. Сейчас докажу. Обычно факиры работают с кобрами. Так?.. Это хорошо смотрится. Встанет она на хвост, раздуется и легонько покачивается. Вот-вот ударит. Заклинатель, конечно, сидит и с таинственным видом наигрывает на флейте. А кобре наплевать на эти заунывные мелодии. Если даже побагровеет от натуги полковой оркестр, она ничего не услышит. Ты же знаешь, змеи органа слуха не имеют... Между про-

чим, первый шаг на пути к тому, чтобы стать факиром, ты уже сделал. Помнишь «блондинку», которой вырвал зубы?.. Все заклинатели змей начинают с этого. Дают кобре укусить какую-нибудь тряпку. Она берет мертвой хваткой. Как раз это и нужно, чтобы вырвать зубы. Но это еще не все. Часа через два у нее откинется запасная пара ядовитых зубов. Операцию с их удалением повторяют. Теперь, когда эта беззубая карга безопасна, бери флейту, тромбон, кочергу— что больше нравится — и жди... Кобра может часами стоять в позе угрозы. Раздразни ее. А как только на тебя кинется, трахни ее по носу тромбоном: ведь нос — самое болезненное место у большинства животных. Кобра снова бросится. Опять ударь! И так раз двадцать. После этого можешь садиться около змеи и дуть в тромбон... Кобра будет шипеть, угрожать, раскачиваться, но не бросится до тех пор, пока перед глазами будет то, чем колотил ее по носу.

— Отлично! Я возьму флейту-пикколо и буду сидеть в десяти сантиметрах от кобры Раз она беззубая — риску никакого.

— Не советую. Через месяц зубы отрастут — и кобра снова смертельно опасна... Ладно, поехали дальше... Самка. Серая. Шестьдесят... Да не брыкайся ты! Вот так... Умница. Шестьдесят шесть...»

Ловля ядовитых змей затягивает похлестче рыбалки или охоты. Видимо, поэтому после защиты диссертации Андрей снова поехал в экспедицию. Вскоре он научился ловить эф, а потом кобр и гюрз. Через его руки прошло несколько тысяч этих смертельно опасных змей, но ни одной из них не удалось преодолеть тот сантиметр, который отделяет ядовитые зубы от пальцев змеелова. И все же Андрей прекрасно понимал, что рано или поздно придет день, когда этот сантиметр исчезнет.

Олег еще издали заметил лежащего Андрея.

«Вот дьявол, — подумал он, — дрыхнет! Нет чтобы обед приготовить!»

— Друг называется, — ворчал Олег, переодеваясь в палатке. — Если моя очередь, ему и в голову не придет сварить какой-нибудь супешник... Ну, чего молчишь?.. Хоть бы костер развел... Да, ты знаешь, Витька-то опять к мазару [1] пошел! Не верю я, что там есть гюрзы.

---

[1] **Мазар** — могила святого *(узб.)*.

Олег не спеша начал разводить костер. Огонь прыгал по веткам, скручивал листья, но костер не разгорался.

— Чертовщина какая-то! Дай спички! — крикнул Олег. — Спишь?.. Ладно, сам возьму... Гм, в куртке нет. Посмотрим...

И вдруг он увидел багровую, покрытую чернильными пятнами руку Андрея. Олег медленно опустился на колени... Перевернул Андрея на спину... Нащупал пульс...

— Та-а-ак... Нарвался.

Олег внимательно осмотрел место укуса. Разрез... Рваную рану...

— Все ясно Выгрызал... Но где же след укола?.. Сыворотка у него была. Значит, укол сделал. Наверняка сделал.

Но когда Олег увидел в здоровой руке Андрея судорожно зажатый обломок шприца, все понял.

«Что же делать?.. Куда бежать? — лихорадочно думал Олег. — Моя аптечка у Витьки. Он — в Рамазан-сае. Туда и обратно — часа три, не меньше... Андрей может не дождаться. Может быть, встречу Витьку по дороге?»

Олег втащил Андрея в палатку. Потом достал фляжку и буквально влил в него стакан водки.

— Ну, Андрюха, я побежал... Ты только меня дождись! Обязательно дождись!

Виктор, проклиная свое упрямство, все бродил и бродил у большой кучи камней. Куча как куча, с той лишь разницей, что из ее середины торчат шесты. На самом длинном болтаются конские хвосты. К коротким привязаны разноцветные тряпки.

Так выглядит мазар — могила святого. Ее считают чудотворной. Свидетельство тому — приношения паломников: цветные ленточки, привязанные к ветвям могучих карагачей, которые растут недалеко от мазара.

Небольшой ручей, огибая мазар, бежит мимо карагачей и впадает в тщательно ухоженный пруд. Где вода, там и змеи. Поэтому Виктор нисколько не сомневался, что у ручья найдет не одну гюрзу. Но пока их не было...

«А может быть, Олег прав, — думал Виктор, в сотый раз обходя вокруг мазара. — Третий день ищу — и не одной змеи».

Вдруг он увидел здоровенную гюрзу. Она скользнула между камнями и скрылась в глубокой щели. Виктор нащупал змею крючком, но вытащить не мог.

— А-а-а, черт! Возись тут с тобой! Все равно достану!

И он начал разбрасывать камни.

— Стой, нечестивец! Стой! — раздался вдруг дребезжащий тенорок. — Остановись, сын греха и блуда! Остановись! Да будут прокляты твои предки и потомки до седьмого колена!

По тропинке трусил старик и, размахивая суковатой палкой, сыпал проклятия. Подбежав к мазару, он бросился на Виктора, норовя огреть его палкой. Тот едва успел увернуться.

— Там змея, отец! — кричал Виктор. — Большая ядовитая змея! Надо ее поймать!

— Убирайся прочь, неверный! — визжал старик. — На святой могиле не может быть ничего нечистого! Убирайся прочь, да сожрет тебя и твое племя Иблис[1]!

— Но ведь здесь бывают паломники! Кого-нибудь гюрза наверняка цапнет!

— Э-э-э, неверный, — презрительно сказал старик. — На всех праздниках бывает ишан Абду-Саттар. Его молитва исцеляет любую болезнь!

— Нет, от змеиного укуса молитва не поможет. Нельзя пускать сюда людей!

— Я не буду с тобой спорить, неверный, — отвернулся старик. — Не тебе указывать, где собираться правоверным на моление! Сегодня у нас большой праздник. Вечером сюда придут сотни паломников и хутьбу[2] прочтет сам Абду-Саттар!

— Ладно, дед. Ругаться я с тобой не буду. Скажи лучше, где живет ишан.

— В Ура-Тюбе. Это за перевалом.

— Ничего. Часа за три дойду.

Как Виктор ни торопился, до кишлака он добрался лишь к полудню. Ишан Абду-Саттар принял охотника в тенистом саду у большого прохладного хауза[3]. Он сидел в окружении своих причетников на укрытом коврами айване[4] и задумчиво перебирал четки.

Виктора подвели к айвану и указали на краешек ковра. Ишан сонно взглянул на охотника и, вздохнув, снова опустил веки.

— Говорите, — шепнул мулла. — Ишан-бабахан слушает вас.

---

[1] Иблис — дьявол *(узб.)*.
[2] Хутьба — проповедь *(узб.)*.
[3] Хауз — пруд *(узб.)*.
[4] Айван — возвышение вроде открытой веранды *(узб.)*.

— Я пришел сказать, ишан-бабахан, что проводить праздник у мазара в Рамазан-сае нельзя! Там есть змеи!

Ишан погладил бороду и важно сказал:

— Уважаемый морибоз[1]! Даже до нашего глухого кишлака, стоящего в стороне от шумных путей мирской жизни, долетела ваша слава. Мы уважаем вас и ваши славные дела. Да наградит вас Аллах! Однако сейчас ваша тревога напрасна. Сорок лет отмечают правоверные великий праздник курбан-байрама у святого мазара! И ни один правоверный не пострадал за эти годы. Аллах, это он, великий и всемогущий, охраняет молящихся от зловредных гадин! Без его святой воли ни один волос не упадет с головы правоверного! Иди с миром, морибоз. Быть празднику у мазара! О-о-омин! — Ишан молитвенно погладил бороду и закончил: — Час полуденного намаза близок. Нам молиться нужно.

— Подожди еще минутку, ишан,— настаивал Виктор.— В прошлые годы курбан-байрам праздновали в другие месяцы. Тогда змеи сидели в норах. А сейчас, после зимней голодовки, они усиленно охотятся... Проводите праздник в другом месте. Иначе не миновать беды! Кто-нибудь обязательно нарвется на гюрзу, а сыворотки у вас, конечно, нет.

«Ах, морибоз, морибоз! — думал ишан. — До чего же ты глуп! Неужели ты не понимаешь, что курбан-байрам — это лишняя возможность собрать верующих и словом божиим удержать их подле себя?! Нет, морибоз, даже если бы все змеи Памира сползлись к мазару, я не отменю праздника!»

— Сыворотка твоя нам не нужна,— сказал ишан.— Это лекарство сделано из крови свиньи! А свинья — самое презренное и проклятое Аллахом животное! Ни один истинный мусульманин не позволит влить себе кровь свиньи! Даже под страхом смерти! Я свое слово сказал. Нам молиться нужно и собираться в путь. Паломники уже ждут. О-о-омин!

На площадке перед мазаром сидели люди. В торжественной тишине они ждали проповеди.

Ишан вышел к народу в белоснежном халате и зеленой чалме. С двух сторон его почтительно поддерживали мюриды[2]. Они почтительно ввели ишана на минбар[3] и отступили. Ишан провел руками по лицу и бороде, важно откашлялся и начал хутьбу. Долго говорил ишан, пока не про-

---

[1] Морибоз — заклинатель, ловец змей *(узб.)*.

[2] Мюриды — ученики ишана *(узб.)*.

[3] Минбар — возвышение для произнесения проповеди *(узб.)*.

звучало общее «О-о-омин». Потом он сел на коврик и погрузился в благочестивое молчание.

Тем временем к мазару выводили приготовленных для заклания животных. Им связывали ноги и укладывали рядами, головой в сторону Мекки. Хозяева телят, коз и баранов точили ножи и ждали, когда ишан совершит омовение и скажет: «Бисмилля!»

Наконец ишан медленно подошел к роднику. Сбросил калоши. Закатал рукава халата... Глянул на вскинувшиеся ножи. Протянул руки к струе... И взвизгнул от ужаса!!! Из щели вылетела змеиная голова, и два острых зуба вонзились в запястье... Ишан рухнул наземь.

Мюриды дико закричали. Вопль подхватила толпа. Никто ничего не понимал, но все с перекошенными от ужаса лицами носились по площадке. Перепуганным людям всюду мерещились змеи... Блеяли и мычали животные... Кричали люди... Еще мгновение — все бросятся к тропе и, сталкивая друг друга в пропасть, побегут вниз.

Вдруг на минбар вскочил мулла.

— Правоверные! — закричал он. — Аллаху было угодно испытать твердость нашей веры! Сейчас ишан-бабахан прочтет молитву — и снова будет здоров!

А ишан лежал в тени карагачей и лихорадочно соображал, что же предпринять.

«Слишком великое испытание послал мне Аллах, — думал он. — Если бы молитва действительно могла исцелить! О-о-о! Я благословил бы эту змею. Но молитва не поможет. Я умру... Где-то поблизости бродит морибоз... Сделает укол — и буду жить... Но тогда люди поймут, что молитва бессильна... Нет, лучше смерть. Будут пышные похороны... Откроют еще один мазар.. Рука синеет... Скоро я потеряю сознание... Тогда умру наверняка... О Аллах, прости меня! Сегодня ты потеряешь много рабов своих! Все эти люди станут свидетелями моего позора и больше не пойдут в мечеть. Но я не хочу умирать! Слышишь, Аллах, не хочу!!! Исцели меня! Или я позову морибоза, и он вольет в меня кровь свиньи!»

Разыскали Виктора быстро. Когда он осмотрел руку ишана, то сразу понял, что одним уколом здесь не обойтись.

«Ну, ишан, повезло тебе! — подумал он.— Не порвись у Олега карман, его аптечка ко мне бы не попала. Был бы тебе тогда полный каюк».

— Сынок, — тихо сказал ишан. — Бог нас рассудит... Сделай мне укол.

— Не слышу, ишан. Говори громче! Да и люди хотят слышать твое слово... Ты хочешь, чтобы я влил тебе кровь свиньи?

Ишан взглянул на притихшую толпу. На руку... И твердо сказал:

— Лей!

Первый укол Виктор сделал быстро. А когда обламывал кончик второй ампулы, рука дрогнула.

«Сами-то мы теперь без сыворотки, — мелькнула страшная мысль. — Не дай бог кто-нибудь нарвется... Ладно, обойдется. Тем более одна ампула есть у Андрея».

— Все! Теперь в больницу. Быстрее! — сказал Виктор. — И не вздумайте заезжать в мечеть! Скачите прямо в райцентр!

Виктор спешил. До лагеря еще час ходу, а фиолетовая темень уже выползала из ущелий и плотно обволакивала горы.

«Ничего, доберусь и впотьмах, — успокаивал себя Виктор. — Не впервой».

И вдруг он услышал шум камней и хриплое дыхание. Виктор схватился за нож и прижался к скале... Из-за поворота показался человек. Но самое странное — он не шел, а бежал. Бегущий человек в горах такая редкость, что Виктор еще больше насторожился.

Когда Виктор узнал Олега, у него перехватило дыхание и противно засосало под ложечкой.

— Олег! — закричал он — Что случилось?!

— Андрея... гюрза... в руку... — задыхаясь, выдавил Олег.

— Укол сделал?

— Он... разбил... шприц... Лежит... без сознания... Я — за тобой... Надо вводить... обе ампулы. Побежали!

Виктор тяжело опустился на камень. Снял рюкзак. Достал аптечку.

— Нет у меня сыворотки,—тихо сказал он. — Видишь— пустая коробка... И твоя пустая... На мазаре гюрза ишана цапнула... Пришлось обе ампулы.

— Та-а-ак... Сразу обе! Щедрый очень! Ладно, морду набью потом... Что с Андрюхой делать?.. Часа два он продержится. Потом — конец.

— Да-а-а... История... Подожди, — встрепенулся Виктор. — Я вчера Лешку видел. У него сыворотка наверняка

есть! Вот что Ты возвращайся назад, а я побегу. Лешка у Кизил-Булака. Жди часа через полтора!

— Куда ты? — закричал вслед Олег. — Темнеет. Не найдешь ты ночью Кизил-Булака!

— Найду! — уже со скалы ответил Виктор. — Нужно найти! Иначе Андрею конец!

Алексей заканчивал ужин, когда к костру шагнул старик с окладистой бородой.

— Хлеб-соль! — сказал он, улыбаясь.

Узнать деда Захара можно было с закрытыми глазами: никто не говорил в горах таким окающим, волжским говорком, как этот знаменитый горьковский пасечник. Уже два года он жил в соседнем совхозе и строил какие-то особые ульи. Знали деда и как отличного стрелка и заядлого охотника.

— Ем, да свой! — в тон ему ответил Алексей. — Садись, батя. Чаю выпьешь?..

— А что ж не откажусь. Полезный, скажу тебе, напиток. Недаром в старину говорили: чай не пьешь — откуда ж сила?

— Это верно... Ты пей, батя, не стесняйся. Сахар-то бери... Подстрелил что-нибудь?

— А как же! Пять куропаток за вечер! А у тебя что в мешках-то?

— Змеи.

— Ловишь аль убиваешь?

— Ловлю.

— То-то! А откуда яд у змей, знаешь? Где они его берут? Молчишь... Ну так я тебе скажу — из растений да цветов ядовитых! Есть цветы полезные: лекарственные там или медовые. А есть ядовитые, вредные. Так вот, змеи ползают утренними зорями по лугам и сосут яд из вредных цветов. Высосут яд — глянь, и цветок стал полезным... Недаром в старое время говорили, что хоть и опасный змея зверь, а без нее не обойтись.

— Может быть, в старину так оно и было, — улыбнулся Алексей. — Но вообще-то змеиный яд — это обыкновенный пищеварительный сок. Если у змеи удалить ядовитые железы, то мышонка или лягушку ее желудок не переварит. Змеиный яд опасен только тогда, когда попадает в кровь.

— Вот я тебя и поймал. На прошлой неделе моего боровка какая-то гадина цапнула. И ничего, даже не болел!

— Подумаешь, не болел! Я сегодня такое видел, что до

сих пор в себя не приду... Забрел, знаешь ли, утром в один кишлак. Первым делом — в сад: там иногда змеи бывают. Лазил, лазил — ничего не нашел. Уходить уже собрался. И вдруг вижу — стоит на улице аккуратная украинская хатка. Дай, думаю, зайду... Напоил меня хозяин квасом, а я, вместо того чтобы поблагодарить, спрашиваю, нет ли у него в огороде гюрз. «Ни, не сию. Кавуны, баклажаны, огирки... Садок есть. А того, шо вы просытэ, нэма». «Да нет же, — говорю, — гюрзы — это змеи. Опасные, ядовитые змеи». — «А-а-а! Змеи! Цёго добра в мэнэ богато. Биля крынычки мий боров пасэться. Вин так жрет тех змей, що аж за ушами хрумкает». Не поверил я, но к ручью пошел. И что ты думаешь, собственными глазами видел, как свинья схватила за хвост здоровенную гюрзу и давай жевать! Только кости хрустят. Змея кусает свинью в шею, а той хоть бы хны! Так и съела она гюрзу, от одного укуса которой человек мог бы погибнуть... А секрет простой: у свиньи толстый слой сала. В нем кровеносных сосудов почти нет. Так что яд гюрзы сквозь сало не проходит и, значит, никакого вреда свинье не причиняет. Поэтому и боровок не болел.

— Ишь ты! Ну ладно, спасибо за науку, за чаек. Пойду я... У меня за той горкой шалашик стоит. Дома-то спится лучше.

Едва старик скрылся, как Алексей поставил полог, расправил спальный мешок и лежа на спине, блаженно потянулся всем телом. Целый день он был на ногах. Целый день карабкался по скалам и спускался в глубокие ущелья. Километров сорок пришлось отмахать, не меньше. Ведь самое сложное — не поймать змею, а найти ее. Ноги к вечеру деревенеют, а тело, кажется, скрипит от усталости.

Алексей вдохнул всей грудью и закрыл глаза... Мягкая, теплая дрема взяла его в уютные ладони и начала раскачивать из стороны в сторону. Чей-то слабый голос звал:

— Эге-гей! Леш-ка-а! Отзови-и-ись!..

Алексей стряхнул дрему и прислушался. Кто-то спускался по тропе и кричал:

— Лешка-а-а!.. Лешка-а-а!..

Алексей вылез из полога и замигал фонариком в сторону голоса. В ответ тоже сверкнул огонек, и скоро перед Алексеем вырос запыхавшийся Виктор.

— Чего бродишь? — недовольно буркнул Алексей. — Заблудился?..

— Сыворотка есть? — вместо ответа выдохнул Виктор.

— Две ампулы. А что?

— Андрюшку зацепила... Лежит без сознания.

— Где?
— У Таш-Кудука. С ним Олег.
— Сколько ввели сыворотки?
— Нет у нас сыворотки. За ней и пришел.
Алексей нырнул в полог, взял рюкзак и побежал к тропе.
— Старайся не отставать! — крикнул он на ходу. — Здесь иногда барсы бродят!
Часа через полтора Алексей и Виктор вышли к обрывам Таш-Кудука. Одного взгляда на Андрея было достаточно, чтобы понять его состояние. Алексей ввел ему обе сыворотки.
— Надо бы еще, — словно извиняясь, сказал он, — но у меня больше нет.
— Худо дело, ребята. Что же делать? — тихо спросил Олег.
— Вот что, — решительно встал Алексей, — понесем его в совхоз. Там есть больница. По тропе дойдем часа за четыре.
Поднялся и Виктор.
— Надо сделать носилки. Пойдем, Олег, срубим несколько веток с тала. Захвати фонарик, посветишь. В темноте можно на гюрзу нарваться.

Руки онемели. Пальцы сами собой разжимаются, и носилки все время выскальзывают. Ноги спотыкаются о каждый крошечный камешек.

Идущий впереди освещает дорогу неровным, прыгающим лучом фонарика. А кругом такая кромешная тьма, какая бывает только в горах. В пути уже второй час. Устали неимоверно. Но об отдыхе никто не думает.
Наконец Алексей не выдержал и хрипло бросил:
— Передохнем... А то сами свалимся.
Вышли на широкий взлобок и остановились. Далеко внизу — россыпь огней.
— Это совхоз, — сказал Алексей. — Еще часа полтора...
— Смотри левее, — перебил Олег. — Там тоже огни. И они ближе.
— Лешка, это же геологи! — вскочил Виктор. — До них километра два, не больше. Я видел у них вертолет!
— Это в Сангизар-сае, — раздумчиво ответил Алексей. — Туда нужно идти прямиком. Тропы я не знаю.
— Зато гораздо ближе совхоза. И вертолет... Часа через

два Андрей будет в Самарканде! — настаивал Виктор. — Сворачиваем! Пройдем как-нибудь!

— Свернуть-то можно, — согласился Алексей. — Только идти придется напролом. Прямо через Кучкарчи-сай. А крутизна там, братцы! Да и заросли...

Кучкарчи-сай... Никогда не забыть спуск по этому узкому каменистому желобу, заросшему колючим кустарником. Он спадает к подножию хребта гигантскими ступенями. Здесь и днем не каждый рискнет пройти. Через заросли приходится буквально продираться, а местами даже проползать под колючими ветками. А если учесть, что гюрз в Кучкарчи-сае немало и сидят они ночью в основном на кустах, нарваться на змею проще простого. Поэтому Алексей сказал:

— Олег, срежь-ка хорошую ветку и похлещи по кустам.

Едва Олег ударил по ближайшему кусту, как раздалось несколько звучных шлепков.

— Попрыгали... Можно идти.

Олег ринулся вперед. Он лез напролом, расчищая путь для носилок. Рубил толстые колючие ветки ножом, ломал их руками, топтал, раздвигал грудью... Вскоре лицо, шея и руки покрылись кровью. Но Олег упорно прокладывал тоннель для товарищей.

Им было не легче. Где-то впереди метался пятачок света от фонарика, а под ногами фиолетовая темень. Того и гляди оступишься, и тогда не удержат никакие кусты.

Даже сквозь треск иногда слышались мягкие шлепки: потревоженные гюрзы кидались с веток. А днем — поди поищи их! Все трое старались не думать, что какая-нибудь затаилась у камня. Наступишь на нее нечаянно... А сыворотки-то больше нет.

Через час показались огни геологического лагеря. Олег вдруг резко остановился, отшатнулся назад.

— Все. Дальше не пройти, — прохрипел он. — Овраг. С отвесными стенами.

Поставили носилки. Осмотрелись.

— Придется идти за помощью, — сказал Виктор. — Олег, ты вроде посвежее...

До лагеря Олег дошел, но у крайней палатки свалился. Он еще видел сгрудившихся под навесом людей, слышал доносившийся из динамика рев стадиона и слабый голос комментатора: «Ничего не поделаешь, гол есть гол. Португальские футболисты забили второй мяч. Нашим ребятам приходится начинать с центра. Счет...»

Громкий лай заглушил голос.

— Проклятье! Уймите эту окаянную собаку! — раздалось несколько голосов.

Из палатки выскочили двое и побежали на лай. Собака яростно рычала и бросалась на какой-то темный предмет. Сбегали за фонарем. Позвали товарищей...

На земле сидел окровавленный человек и пытался что-то сказать.

— Дайте воды! — сказал начальник партии.

— Там... — оторвавшись от кружки, выдавил незнакомец. — У Кучкарчи-сая... Несут Андрея... Помогите.

Четверо тут же кинулись в темноту.

Начальник партии сразу же узнал Алексея.

— Лешка! Что случилось?..

— Гюрза, — сказал Алексей. — Сыворотка нужна. Срочно.

— Нет у нас сыворотки — запнулся начальник. — Что другое — пожалуйста.

— Посылай в совхоз... Быстрее... Или... или дай вертолет. В Самарканд отправим Андрюшку.

— Где Горин! — крикнул начальник.

— Здесь я.

— Заводи своего мотыля!

— Что вы, Александр Петрович! Я же никогда не летал... То есть ночью не летал... Разобьемся. И потом, в горах запрещено...

— Умрет он, — перебил Виктор. — Понимаешь, умрет.

— Я что... Я пожалуйста, — смутился летчик. — Только ведь разобьемся. Все разобьемся.

И тут Алексей почувствовал такую нечеловеческую усталость, так ему стало все безразлично, что он махнул рукой, сел у костра и начал дремать.

«Вот и все. Приехали, — медленно плыло в голове. — Не видать тебе больше, парень, ни гор, ни неба. Не будешь вышагивать по сорок километров в день в поисках змей... Отдыхай себе. Спи. Уснут и те, кто ждет лекарств из яда... Тысячам людей несет гюрза жизнь, и только одному змеелову — смерть... Эхе-хе! Не летит, проклятая жестянка. Хотя летчик прав. Гробанемся. В горах это просто».

А человек умирал. Умирал на глазах у десятка здоровых парней, бессильных чем-нибудь помочь. Геологи хлопотали около Андрея: один предлагал спирт, другой тащил чай, третий... Все это делалось в тревожной и какой-то вяжущей тишине.

— Радио, — забормотал Олег. — Телефон... Братцы, неотложку вызовите!

— Бредит, — сокрушенно сказал начальник.

— Ничего он не бредит! — закричал Алексей. — Молодец, Олег! Где у тебя рация, начальник?

Через минуту в эфир неслось:

— Всем, кто слышит! Всем, кто слышит! В ущелье Сангизар, в лагере геологической партии, лежит человек, укушенный гюрзой. Он умирает. Нужна сыворотка! Нужна сыворотка! Нужна сыворотка!

Александр Петрович и не подозревал, что вышел в эфир в то время, когда радиостанции всего мира молчат. Это были те самые минуты абсолютной тишины, когда передавать можно только сигналы бедствия.

Первым отозвался радиолюбитель из Ленинграда. Он спросил, как называется сыворотка, и помчался в медицинский институт. Потом отозвались Москва, Челябинск, Свердловск, Караганда... Наконец ответил Самарканд.

— Сообщите состояние больного! — требовали оттуда.

— Общее отравление. Пострадавший без сознания.

— Есть ли поблизости посадочная площадка?

— В совхозе. Пять километров от лагеря.

— Ждите самолет, — сказал Самарканд. — Он сбросит контейнер с сывороткой. Для ориентировки разложите костры треугольником. Получение сыворотки подтвердите. Как поняли?.. Прием.

— Вас понял. Жду самолет.

Треугольник из костров врезался в темноту. Все молчали и слушали... слушали... слушали... Вернулись посланные в совхоз. Сыворотки в больнице не оказалось. Теперь единственная надежда на самолет.

— Летит! Летит! — закричали вдруг от костров.

Огни самолета вынырнули из-за темной громады хребта. Самолет низко пронесся над лагерем и сбросил контейнер прямо в центр треугольника.

— Александр Петрович, Самарканд зовет! — крикнул радист.

— Геолог! Геолог! У микрофона врач-токсиколог! — говорил Самарканд. — Какая помощь оказана пострадавшему?..

Все облегченно вздохнули. Врач есть врач. Теперь Андрея лечили по всем правилам медицины.

Потом Самарканд потребовал, чтобы Андрея доставили к посадочной площадке.

На рассвете, когда Андрея принесли на импровизированный аэродром, самолет уже кружил над совхозом.

На земле еще держалась предрассветная мгла, но само-

лет был хорошо виден. Он кружил и кружил, ожидая, когда можно будет сесть.

Андрей открыл глаза, когда его перекладывали на подвесные носилки.

— Ну как, Андрюха? — спросил Алексей.

— Ни-че-го... — протянул Андрей. — А ты... откуда взялся?..

— Случайно. Мимо проходил. Тебя по пути захватил.

— Куда меня?

— В Самарканд... А ты молодчина. Держись так и дальше! Гюрза-то тебя поцеловала приличная. Таких и я не ловил.

— Две, — прошептал Андрей. — Одну я взял. А вторая ушла.

— Как — две? — встревожился Алексей.

Андрей рассказал, как тащил гюрзу из куста и вспугнул соседку.

А Алексей лихорадочно соображал:

«Значит, в месте второго укуса есть яд... Если его не удалить, Андрей погибнет наверняка!»

— Дай-ка осмотрю руку! — сказал он.

Хоть Андрей и выгрыз место укуса, следы змеиных зубов были заметны. Но сколько Алексей ни искал, второй раны не было видно.

— Ниже... На кисти, — прошептал Андрей.

И вдруг Алексей увидел... колючку. Обыкновенную колючку, которыми утыкан шиповник. Колючка торчала из раны. Алексей потрогал ее кончик. Андрей застонал:

— Здесь.

Алексей облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Потерпи немного... Вот так... На, держи на память! Хорош зубок, а?.. Ты же просто наткнулся на колючку.

Летчик крикнул: «От винта!» И самолет взмыл в небо.

СОДЕРЖАНИЕ

Сопельняк Б. Н.

С64 В сантиметре от смерти: Роман, повести. — М.: Воениздат, 1994.— 428 с.

ISBN 5—203—00987—2.

Чтобы выявилась истинная сущность человека, он должен оказаться в экстремальной, или, как иногда говорят, пороговой, ситуации, когда нужно выбирать между жизнью и смертью, предательством и верностью долгу. Герои книги Б. Сопельняка поставлены именно в такую ситуацию. Это разведчики времен Великой Отечественной, змееловы, работники угрозыска, афганские «хадовцы», ведущие подрывную работу среди моджахедов.

Сборник рассчитан на массового читателя.

С $\frac{4702010201—003}{068(02)—94}$ 121—92

ББК 84Р7

Борис Николаевич Сопельняк

В САНТИМЕТРЕ ОТ СМЕРТИ

Редактор *Т. И. Канищева*
Художник *В. С. Комаров*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *С. А. Врублевская*

ИБ № 4033

Сдано в набор 18.02.92. Подписано в печать 27.06.92. Формат 84×108/32.
Бумага типографская. Печать высокая. Гарн. обыкн. новая.
Печ. л. 13½. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 22,68. Уч.-изд. л. 25,96.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/5497. Зак. 361. Цена договорная.

Военидат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЯВЛЯЕТ ПОДПИСКУ НА СЕРИЮ «РЕДКАЯ КНИГА»

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ПОДПИСКИ:

Издательство поставляет по гарантийным письмам подписные талоны.

Стоимость подписного талона 200 рублей. Стоимость талона не входит в стоимость книги.

Издательство гарантирует по количеству оплаченных абонементов отпуск книг по взаимосогласованной цене. Книги вывозит покупатель своим транспортом.

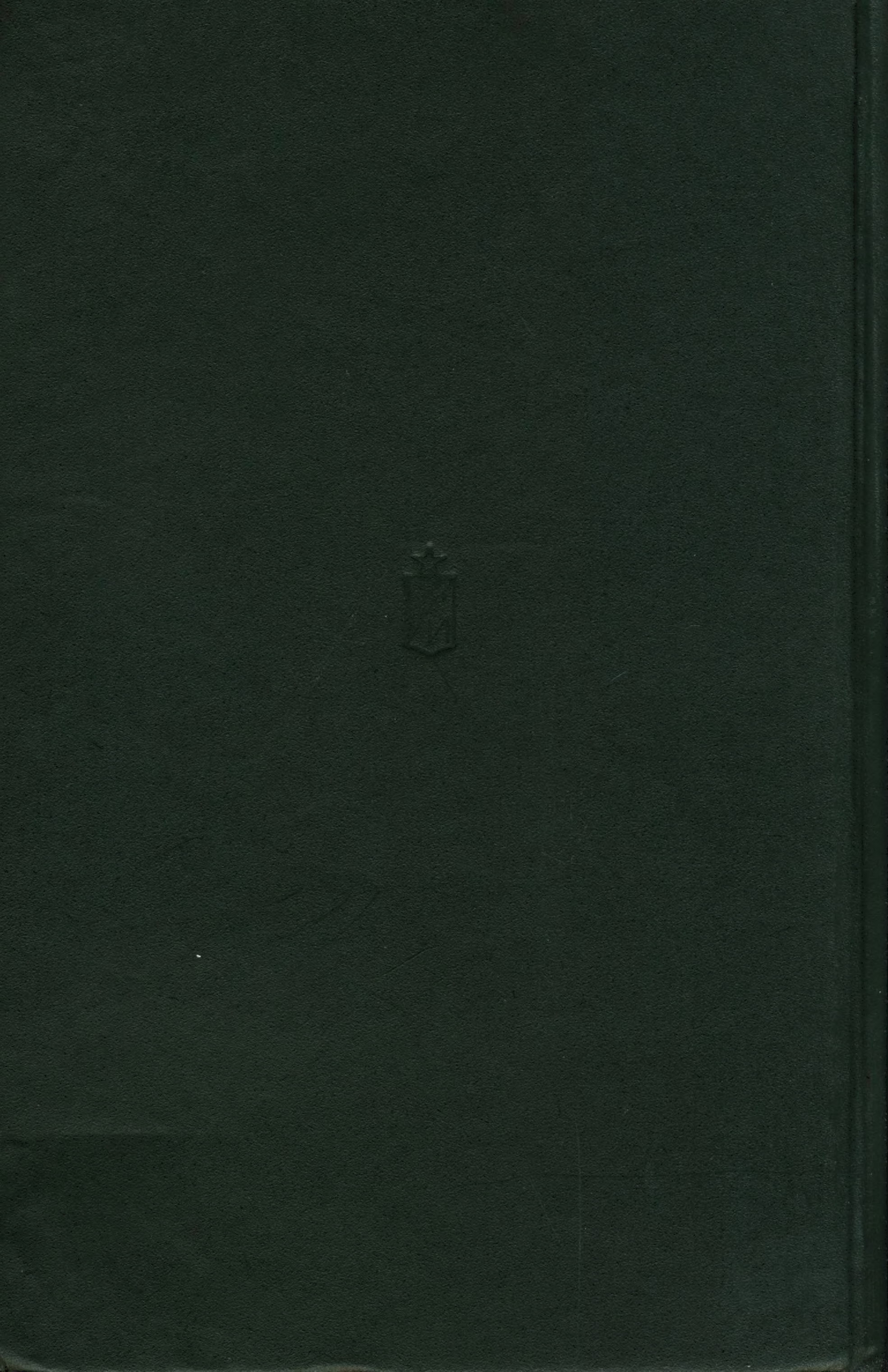
Абонемент действителен при наличии печати магазина (предприятия), реализующего подписку.

Наш адрес и реквизиты:

103160, Москва, ул. Зорге, д. 1. Расчетный счет 340602 в Коммерческом народном банке МФО 191016 п/инд. 117049.

Контактные телефоны:

195-02-14, 195-43-84.

Борис Сопельняк

В сантиметре от смерти